

Департамент культуры Брянской области

Брянская областная научная универсальная библиотека
им. Ф. И. Тютчева

IV ТИХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы краеведческой
научно-практической конференции**

22 ноября 2011 г.

Брянск

2015

ББК 63.3(2Рос-4Бря)

Т46

ISBN 978-5-903513-55-0

Редакционная коллегия:

Г.И. Кукатова – ответственный за выпуск

В.П. Алексеев

О.П. Ковалева

В.Е. Щедрова – компьютерная верстка

Тихановские чтения (4; 2011; Брянск).

Т46

IV-е Тихановские чтения : Материалы науч.-практ. конф., 22 ноября 2011 г. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. – Брянск, 2015. – 393 с.: ил.

ББК 63.3(2Рос-4Бря)

Доклады воспроизводятся с полным сохранением содержания, предоставленного авторами текста.

ISBN 978-5-903513-55-0

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева,

2015

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А.М. Дубровский,
*доктор исторических наук, профессор,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Отечественная война 1812 года: в поисках точного знания

Отечественная война 1812 г. в истории России является одним из тех событий, замолчать которые невозможно. Она была важной гранью в жизни россиян, живших в первой половине XIX в. Эта война способствовала формированию национального самосознания, российского патриотизма. Победа в войне и в зарубежных походах вознесла Россию на небывалую до той поры высоту в международных делах. Не случайно события 1812 года отозвались долгим эхом в великой русской литературе, а позже и в кинематографе. Спустя много лет, в годы другой Отечественной войны, память россиян снова и снова обращалась к истории войны 1812 года и черпала в её истории надежду на победу. То место, которое занимает война 1812 года в общественном сознании, налагает обязательство на историка, с одной стороны, напоминать современникам о подвигах участников этой войны, с другой, – объективно и добросовестно восстанавливать картину событий и формулировать точные оценки людей и их дел.

К сожалению, были и есть обстоятельства, которые мешали и мешают выполнению такой задачи. Никогда не рождалось столько мифов об Отечественной войне 1812 года, как в советский период нашей истории. Сперва (с 1920-х до второй половины 1930-х гг.) эта война освещалась как столкновение прогрессивной революционной Франции с отсталой крепостнической Россией. В основе здесь лежала исключительно револю-

ционно-классовая точка зрения. Потом под влиянием событий Великой Отечественной войны родилось псевдопатриотическое стремление возвеличивать и приукрашивать всё «наше», русское, а всё «чужое» разоблачать и принижать (начиная с российских военных деятелей, обладателей фамилий иностранного происхождения) [1]. Особенно ярко такая тенденция сказалась в солидных с виду трудах, таких, как работы Н.Ф. Гарнича «1812 год» (М., 1952), П.А. Жилина «Контрнаступление русской армии 1812 г.» (М., 1953), Л.Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года» (М., 1962). В настоящее время это стремление почти изжито, но всё же так или иначе оно даёт о себе знать, особенно в популярной и краеведческой литературе. Перечисленные выше работы до сих пор хранятся в наших библиотеках и могут дезориентировать неискущённого читателя.

В перечисленной выше, а также в позднейшей литературе немало несправедливых слов было сказано о военном министре российского правительства М.Б. Барклае де Толли. Трагедия этого несомненно талантливого полководца заключалась в том, что его объективная оценка возможностей русской армии в столкновении с армией Наполеона не совпадала с боевыми настроениями и солдат, и многих генералов, особенно П.И. Багратиона. Ещё за несколько лет до начала войны Барклай провёл важные реформы, которые были призваны осовременить армию России, укрепить её. Он разработал программу подготовки к войне, которая была утверждена императором Александром Первым ещё 2 марта 1810 г. Достаточно сказать, что Барклай создал новую организацию русской армии (была введена постоянная корпусная система, созданы новые дивизии, введено деление на армии), сформировал штабы армий, корпусов и дивизий, которых не было ранее. Это было использование опыта боевых действий в Европе в начале XIX в. При Барклае впервые была организована военная разведка, которая смогла накануне войны добыть секретнейшие сведения о французской армии. Разведка получила доступ к документам, которые составлялись в одном экземпляре специально для Наполеона каждые 15 дней.

Это были подробные расписания численности французских войск. Таким образом, русское командование знало о французской армии всё, и нападение Наполеона не было неожиданностью [2]. Уже в октябре 1811 г. Барклай давал распоряжения, как действовать, если «может случиться разрыв между нами и французами» [3].

В роли военного министра Барклай де Толли стал противодействовать той прусской системе, которая царила в армии, начиная со времён Павла I. В 1810 г. он издал циркуляр, в котором указал на высокую смертность солдат из-за того, что воинская наука вбивалась палками [4]. В 1811 г. был принят новый устав ротного учения, по которому отменялись многие бесполезные ружейные приёмы и вообще облегчалась муштра солдат. В течение всего 1811 г. русская армия росла численно. Это были важные и нужные меры, которые сыграли свою роль в достижении победы над врагом.

Критически (с «классовой точки зрения») оценивался и император Александр. Между тем он принимал деятельное участие в реформах в армии накануне войны, поддерживая Барклая. В частности, Александр заботился о боевой подготовке солдат через систему рекрутских депо (школы для новобранцев, созданные в 1808 г.) и давал конкретные указания относительно этих учреждений, что было важным делом для роста боеспособности армии [5].

До 1812 г. у Барклая сложилась идея отступательной войны. Он развил её в записке, поданной императору Александру. Особое значение в ней придавалось бескрайним просторам России, суровому климату, бездорожью, которые должны были губительно подействовать на вражескую армию. Царь одобрил идею военного министра. В соответствии с ней составлялись планы ведения будущей войны [6]. Таким образом, отступление русской армии летом 1812 г. было делом предусмотренным и заранее запланированным. Арьергардные бои наносили удары по французам. Их силы растягивались на значительные расстояния. Часть французской армии оставалась на захваченных тер-

риториях, уменьшая главные боевые силы Наполеона. Другое дело, что никто не мог предвидеть, что отступление русских будет таким длительным, а враг довольно быстро вторгнется в глубь России на многие вёрсты.

Важной стороной в трагедии Баркляя была его фамилия иностранного происхождения. Выросши в России и заслужив все свои звания вполне честно, без интриг и заискиваний, он не мог получить у солдат той популярности, которой обладали Суворов, Кутузов, Багратион. И в армии, и среди простого населения озлобление против французов переносилось на всех иностранцев, живших в России. Отступление армии в начале войны воспринималось и армией, и населением в её тылу со всё большим раздражением. Казалось позорным отступление после побед, которые знала Россия от эпохи Петра до времён Суворова. Вину за отступление возлагали на Баркляя. После оставления Смоленска в народе стали распространяться слухи об измене. Закономерным стало выдвижение в качестве главнокомандующего М.И.Кутузова.

Как точно отметил историк Н.А.Троицкий, удостоенная Сталинской премии книга П.А. Жилина «Контрнаступление русской армии 1812 г.» положила начало затянувшейся в нашей историографии на 40 лет идеализации Кутузова. Именно в этой книге был выдвинут фантастический тезис о конфликте между Кутузовым и царским правительством [7]. Всё, что делал Кутузов, объявлялось единственно правильным. «Кутузов достаточно велик и без жилинских ходуль», – метко выразился Троицкий [8]. Высокий интеллект, европейское образование, знание шести языков, джентльменские манеры, живописная речь, обострённое чувство патриотизма характеризовали этого выдающегося человека. Многоопытный и всеведущий, мудрый и проницательный, светски воспитанный, Кутузов мог быть равно обаятельным в общении и с монархами, и с «нижними чинами» [9]. Он уступал Суворову в популярности среди солдат, но в 1812 г. не было другого генерала, которому армия могла бы так доверять, как Кутузову. Вступив в должность, Кутузов как бы

подтвердил справедливость тактики, разработанной Барклаем, и продолжил отступление. Он был вынужден дать сражение при Бородино, но не стал доводить его до конца, так как в противном случае мог бы потерять армию. «Осторожный Кутузов», – так характеризовал этого полководца его противник Наполеон.

Только такой человек, как Кутузов, мог принять решение об оставлении Москвы. Этого не простили бы ни Барклаю, ни императору Александру. На первых порах и солдаты не поняли такого решения. Популярность Кутузова на некоторое время резко упала, о чём он хорошо знал. В армии выросло мародёрство и дезертирство, с чем главнокомандующий вёл суровую борьбу. Только оказавшись в Тарутино, получив отдых и в то же время угрожая возможным продвижениям наполеоновской армии, солдаты и офицеры смогли оценить замысел Кутузова. Настроение армии переломилось в пользу главнокомандующего.

Здесь следует отметить и позицию Александра Первого в трагические дни осени 1812 г. Находясь в Москве, Наполеон ожидал от него просьбы о мире. Александр, несмотря на давление со стороны окружавших его людей, не пошёл на заключение договора с Наполеоном. Об этом его изо всех сил просил Кутузов. Он понимал, что время оборачивается против французов. Промедление в Москве оказалось прологом к гибели французской армии.

20 октября Наполеон вывел свои войска из Москвы. Куда он думал идти? Этот вопрос не так давно стал на некоторое время спорным, о чём следует знать брянским краеведам. В 1983 г. в «Истории Украинской ССР» Б.С. Абалихин выдвинул мысль о том, что Наполеон двигался из Москвы в Украину [10]. Автор процитировал высказывание Наполеона о том, что он собирается отступить к Киеву [11]. Кроме того, Наполеон приказал усилить те австрийские и саксонские войска, которые с начала войны действовали на Украине, а австрийского императора просил двинуть в Россию все наличные военные силы [12]. В 1987 г. Б.С. Абалихин опубликовал книгу «Отечественная война 1812 года на юго-западе России». В этой работе автор развивал тот

же взгляд. При этом он опирался на предположение Кутузова (Абалихин назвал его выводом) о том, что враг будет стремиться «с изнурённым своим войском... прорваться через Калугу... в губернии... Тульскую, Орловскую, Полтавскую и Черниговскую» [13]. Ту же мысль высказал и участник войны Ф. Глинка: «Вся армия... заслонила собою врата Малороссии» [14]. В своей книге Абалихин соединил в одну систему попытку прорыва на юг французов, вышедших из Москвы, и военные действия в Могилёвской и Смоленской губерниях, которые, по мнению историка, имели целью также пробиться в Украину. В этой реконструкции получилась картина двух более или менее одновременных ударов, которые сдержали русская армия и ополченцы Украины, среди которых было 2 700 человек – выходцев из Мглинского и Суражского поветов Черниговской губернии [15]. Возникла картина внушительного наступления французов на юг России.

Однако ряд сведений заставляет не только усомниться в этой версии, но и отвергнуть её. Троицкий указал на свидетельство участника войны, впоследствии выдающегося военного теоретика А. Жомини. Тот вспоминал, что командование французской армии обсуждало вариант движения к Киеву, но отвергло его из-за недоверия к Австрии (недоверия справедливого, добавим от себя). Особенно сильным аргументом Троицкого была ссылка на приказы Наполеона маршалам Виктору, Жюно и Эверсу, из которых следовало то, что французский император решил вернуться через Калугу в Смоленск [16]. Кутузов неоднократно писал царю о том, что Наполеон попытается пройти в Украину. Так писать Кутузов стал после 9 ноября, когда Наполеон был в Смоленске. До этого времени Кутузов ещё не знал, куда пойдут французы, и мог высказывать разные предположения. «Заслуга Кутузова не в том, что он якобы заранее разгадал все планы Наполеона, а в том, что он предусматривал возможности практически любого варианта и любому же старался воспрепятствовать» [17]. Обращения же Наполеона к австрийцам

нужно понимать как отвлекающий манёвр, который должен был заставить русских расплыть свои силы.

Через четыре дня после выхода из Москвы Наполеон был вынужден принять бой у Малоярославца. Упрощая и приукрашивая историческую действительность, ряд историков (упоминавшиеся Жилин, Гарнич, Бескровный, а также исследователи другого поколения – В.Г.Сироткин, О.В. Орлик) без оговорок писал об этом сражении как победоносном для русских. Между тем войска Кутузова оставили врагу не только город, но и свою первоначальную позицию за городом, отступив к югу. «Добившись, как при Бородине, тактического успеха, Наполеон вновь ничего не выиграл стратегически, более того, проиграл политически, хотя выяснилось это не сразу после сражения, а в последующие дни», – писал Троицкий [18]. Кутузов не был разбит, а отступил в готовности к новому сражению. В отличие от ситуации, которая сложилась после Бородинской битвы, сил у него было больше, чем у Наполеона. Поэтому французы были вынуждены отказаться от первоначальной цели – захвата Калуги – и пойти к Можайску, а от него по той старой смоленской дороге, по которой армия Наполеона уже прошла летом и осенью 1812 г., опустошая всё, что можно, на своём пути и лишив таким образом себя провианта при отступлении в ноябре того же рокового для неё года. Именно после малоярославецкого сражения началось истинное отступление французской армии, подготовленное Кутузовым. Отсюда начался заключительный период войны.

В историю Отечественной войны вплеталась и история Брянского края – той части Орловской губернии, которая непосредственно граничила и со Смоленской, и с Калужской губерниями – районами боевых действий. Небольшая часть территории нынешней Брянской области входила в состав Рославльского уезда и, таким образом, сама была театром войны. Естественно, что в краеведческой литературе более или менее подробно освещены события этой войны. В некоторых работах наблюдается непомерное раздувание значения Брянска и его роли в со-

бытиях. «Во время войны 1812 года Брянск был причислен к передовой линии обороны», – писал В.П. Волохов [19]. Какая же может быть у Брянска «передовая линия обороны», если на запад от нашего города лежали смоленские земли, а ещё западнее – белорусские и польские земли, доставшиеся России в XVIII в. в результате трёх разделов Польши? Автор не представлял себе карты России в начале XIX в. Кроме того, давно известно, что Брянск входил во вторую (!) линию артиллерийских парков с запасами на случай войны. В эту линию входили Псков с запасами на 4 дивизии, Порохов (на 4 дивизии), Шостка (на 5 дивизий), Брянск (на 4 дивизии), Смоленск (на 2 дивизии) [20]. А вот Трубчевск с его продовольственным складом относился к числу «главных продовольственных депо» [21].

Примером этого же рода является заметка А.Г. Гаврикова «Оборона Брянска» [22]. Из неё читатель с удивлением узнаёт, что ещё только «планируя войну...», Наполеон одной из важных своих задач считал захват стратегических баз России: Смоленска, Калуги, Брянска, Тулы» [23]. Откуда Гавриков это узнал? Каков источник информации о важных задачах французской армии и о том, что одной из важных задач является захват Брянска? Е.В. Тарле в своей знаменитой книге о нашествии Наполеона на Россию говорил о противоречивости в высказываниях императора о целях войны, о разных вариантах военных действий, которые слышались в его речах в одни и те же дни [24]. Вопрос о планах Наполеона не так прост, как его разгадал, в отличие от академика Тарле, краевед А.Г. Гавриков.

Ополчение, собранное на юге страны, Гавриков упорно называет брянско-черниговским, высоко ставя роль жителей Брянска в его организации и действиях. Он писал даже о «брянско-черниговских казаках». Около трети объёма его работы посвящено описанию этого ополчения. На самом деле, как это известно, брянско-черниговского ополчения не было, как не было ни одного казака в Брянске. Было собрано черниговское ополчение, в частности, и на территории будущей Брянской области в поветах Стародубском, Суражском, Мглинском, Новозыбков-

ском, которые в ту пору входили в состав Черниговской губернии и к Брянску отношения не имели [25]. Гавриков утверждал, что «брянско-черниговское казачье ополчение» «состояло из восьми полков по три батальона в каждом и одного сводного батальона. Вскоре оно ещё увеличилось» [26]. Между тем точно известно, что на Левобережной Украине вместо 8 запланированных полков население выставило 15 (9 полтавских и 6 черниговских). Каждый полк насчитывал 1200 казаков [27]. В литературе гораздо более точно ополчение именуется полтавско-черниговским [28].

Не обращая внимания на военные действия в других районах страны (как будто они не имели значения для хода Отечественной войны), авторы заслоняют для читателя весь исторический горизонт брянскими событиями. «После взятия Смоленска Наполеон посылал несколько отрядов для захвата нашего города... Наполеон бросает через Смоленщину на Брянск новые отряды для захвата города... Наполеон неоднократно посылал свои отряды для захвата Брянска» [29]; «После взятия Смоленска Наполеон направил усиленный военный отряд на Брянск, чтобы, захватив город, лишить русскую армию важной базы» [30]. Читая это, получаешь впечатление, что не французская военная администрация, действовавшая в Смоленске, а сам император лично давал распоряжения о захвате ключевого города в «передовой линии» русской обороны.

Ещё одна опасность в освещении темы заключается в модернизации Отечественной войны 1812 г., в отождествлении её с войной 1941-1945 гг. «С первых же дней наполеоновского нашествия стали формироваться воинские части и соединения ополченцев. Сотни брянцев, способных носить оружие, ушли в ополчение и отважно в нём сражались», – писал В.П. Волохов в книге «Брянск» [31]. «С началом вторжения Наполеона война разворачивалась как всенародная борьба против вероломного агрессора», – писал А.Г. Гавриков [32] «Вторжение наполеоновской армии в 1812 году в Россию вызвало гнев и возмущение

русского народа. На защиту Отечества поднялась вся страна», – утверждал Я.Д. Соколов [33].

В XX в., когда действовали радио и телеграф, страна довольно быстро узнала о нападении Германии на СССР. А в начале XIX столетия могло ли быть так же? Отдалённые от западной границы сотнями вёрст жители Брянска какое-то время и не знали о том, что война началась. Это-то и является вопросом для краеведов, когда именно брянцы узнали о войне.

13 июня, когда войска Наполеона пошли по территории России, в правлении брянского городничего занимались обычными мирными делами. Был составлен рапорт со сведениями о недоимках (задолженности по налогам) населения города; городничий сообщал губернскому правлению о том, что наказанный за преступление и «лишённый доброго имени» орловский посадский человек Фёдор Батин отослан в город Мценск; в Орёл были отправлены ведомости о ценах на брянском рынке на провиант и фураж, а также о том, сколько в брянском магазине (военном складе) муки, круп и прочего [34]... Шла обычная рутинная канцелярская работа. Трудно точно определить, когда в Брянске узнали о войне, ощутили её приближение. В Брянске, кроме вероятных слухов о нападении Наполеона, важным признаком войны было появление в городе людей, бежавших из белорусских земель. «Прежде всего показались в Брянске чиновники и некоторые жители белорусские, потом смоляне», – вспоминал современник событий, житель Брянска учитель И. Гайворонский [35]. Когда 16 июля Ф.Глинка прибыл в Смоленск, он увидел, что у местных жителей «умы и души в страшном волнении. Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее. Никто не хочет достаться в руки неприятелю» [36]. Отправлялись в глубь России, видимо, нередко – в Брянск. 10 июля в Петербурге был отпечатан манифест Александра I о начале войны. «При всей твёрдой надежде на храброе НАШЕ воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в

защиту домов, жён и детей каждого и всех», – говорилось, в частности, в этом государственном документе [37]. 18 июля Брянская дума получила копию царского манифеста. Приказано было прочитать его во всех храмах города. 20-го июля царский манифест был читан купцам и мещанам, специально созванным для этого брянской городской думою. Главное внимание привлек призыв царя «о зборе внутри государства новых сил». 22-го снова собрались купцы и мещане и постановили послать в Орёл человека, чтобы узнать, как именно ответили в губернском центре на призыв царя, чтобы поступить «применяясь тому орловскому порядку» [38]. Таким образом, никакой немедленной организации ополчения «с первых же дней наполеоновского нашествия» в Брянске не было. Только в конце июля (через месяц после начала войны!) в Орле был получен указ от 18 июля с разъяснением условий организации временного ополчения [39]. В Брянск указ пришёл ещё позже. Обращение к источникам даёт совершенно другую картину, чем та, которая рисовалась не в результате исследовательской работы, а как продукт игры воображения ряда авторов.

Ополчения в начале XIX в. – это не ополчения времён Великой Отечественной с записью добровольцев. На самом деле помещик отдавал в ополчение (не обязательно добровольно, а, наверное, чаще – недобровольно) определённое количество своих крестьян. Если мог, сам вступал в ополчение в роли офицера (в соответствии с имевшимся званием). Это подтверждается протоколом заседания Комитета министров от 20 августа 1812 г. В нём говорится: «Брянское дворянство предположило составить из людей своих временное ополчение для охранения от внезапного нападения, полагая на первый случай со ста душ по два ратника с возможным вооружением» [40]. Судя по тому, что решение брянского дворянства было вынесено «по случаю... военных действий в сопредельном уезде Смоленской губернии», ополчение в Брянском уезде начало формироваться далеко не в первые дни войны.

Другой вопрос – вопрос о настроениях народа, о «всенародной борьбе». Он тоже непрост. Современники отмечали, что в самом начале войны народ как будто и не замечал её. «При начале войны казалось, что народ почти не интересуется общественными событиями, ... сии невежественные люди не хотели верить в возможность поражения», – писала Н. Нарышкина, дочь генерал-губернатора Москвы [41]. «Собственно военные действия крестьянина начались с того момента, когда неприятель посягнул на его собственность и жизнь. До этого момента можно было наблюдать равнодушное отношение народа к неприятелю и даже в отдельных случаях мирное сожительство, проявление симпатий. Потом, особенно при отступлении «Большой армии», отношение народа к неприятелю резко изменилось. И причиной этой перемены были именно грабежи и насилия наполеоновских войск. Смоленская губерния первая подверглась разгрому со стороны неприятеля, и она же стала первым и главным поприщем партизанских действий – Сычёвский, Гжатский, Пореченский, Бельский уезды в особенности приобрели знаменитость в истории народной войны» [42].

Главное внимание краеведческая литература, посвящённая истории Брянского края, уделяет участию земляков в боевых действиях. Это оправдано, так как в войне главное – это действия военных подразделений. Основным исследователем этого аспекта истории войны был Ю.Б. Колосов. Он написал статью «Брянщина в Отечественной войне 1812 г.», основанную на опубликованных и частично на неопубликованных материалах, почерпнутых в черниговском архиве [43]. Позже он описал события войны в учебном пособии «История Брянского края» [44]. При освещении событий войны 1812 г. в центре внимания Колосова оказались три полка – Брянский, Севский, Стародубский (Стародубовский). Без оговорок автор писал о том, как «мужественно сражались с врагом наши земляки в составе ранее сформированных Севского и Брянского пехотных, Стародубского драгунского... полков» [45].

Начнём с названий полков. Известно, что до петровских реформ и какое-то время при Петре полки назывались по имени своих командиров. Командира сменяли, полк получал уже другое наименование, что не могло не порождать путаницы в условиях затянувшейся на два десятилетия Северной войны. Поэтому были введены названия полков по месту их квартирования в момент проведения реформы. Тогда-то Стародубский полк начал называться Стародубским [46]. Однако место квартирования полка не было постоянным. Так, при Екатерине II полк был разделён на две части, одна из которых была переведена в Киев, а другая – в Елисаветград. Когда полк был воссоздан, он оказался в Крыму. С 1788 г. полк участвовал в военных действиях с Турцией и располагался на территориях, которые играли роль театра военных действий. После войны полк квартировал в Молдавии (1790 г.). Потом был переведён в Брест-Литовск (1791 г.). В 1792 г. был расквартирован в Малороссии у села Грушёвки близ Днепра. Зимой 1799 г. полк снова был направлен в Брест-Литовск, оттуда в Швейцарский поход. В 1800 г. вернулся в Валки. В 1801 г. полк был отправлен в Глухов. Затем в 1806 г. полк был направлен на русско-турецкую войну, которая завершилась в 1812 г. После этой войны полк был направлен в армию Торماسова и в её составе вёл военные действия во время Отечественной войны. Все сведения, собранные Ю.И. Слюнченко, специально посвятившего работу истории Стародубского полка, совершенно ясно свидетельствуют о том, что на протяжении не одного десятилетия перед Отечественной войной Стародубский полк ни дня не был в Стародубе. Поэтому «наши земляки» никак не могли «мужественно сражаться» в составе этого полка, разве что по немыслимой случайности какой-нибудь стародубец попал в этот полк.

Нашими краеведами найдено немало имён тех людей, которые участвовали в военных действиях. Одним из них являлся Александр Александрович Безобразов. В учебной книге «Выгоничская земля от истоков к будущему: книга очерков» (Брянск, 2007) говорится, что в воспоминаниях Н. Дурново

(друга А. Безобразова) автор сообщил, что Безобразов пропал без вести во время Бородинского сражения. Ссылки на источник нет, и анализа этого источника авторы, видимо, не проводили. Само же утверждение о гибели Безобразова в Бородинском бою встречается в самых разных краеведческих работах советского времени. Но вот что наводит на сомнения. В процитированном авторами тексте таблички из семейного склепа Безобразовых говорится об упокоении праха А. Безобразова, «погибшего в войне России против Франции», но никаких указаний на гибель Безобразова именно в Бородинском сражении нет (с.71). Между тем в 1912 г. в «Орловских епархиальных ведомостях» была опубликована заметка человека, подписавшего её сокращённо, – С.А.Н. Название заметки – «Священный памятник Отечественной войны в Орловской епархии». В ней рассказывается о храме в селе Творишичи, основанном В.Н. Безобразовой в 1818 г. Сын Варвары Николаевны Александр Александрович состоял в двенадцатом году в чине подпоручика гвардии и находился в отряде под командованием Беннигсена, – рассказывает автор заметки. 6 сентября этот отряд напал на французов у села Тарутино. В этом бою погиб А.Безобразов. После описания храма автор упомянул о надписи в нём, посвящённой памяти А. Безобразова и упоминающей именно Тарутинское сражение, в котором погиб Безобразов [47]. Заметка написана человеком, хорошо изучившим храм. Надпись о гибели Безобразова в Тарутинском бою он видел своими глазами. И храм, и надпись создавались по заказу и под наблюдением Варвары Николаевны. Вряд ли она ошибалась в определении места гибели сына.

И последнее, о чём хотелось бы сказать, – о роли Брянского арсенала в войне. Ю.Б. Колосов назвал его «важнейшим после тульского». По утверждению этого автора, к концу августа 1812 г. на Брянском арсенале были изготовлены 146 орудий или 23 процента всех пушек, бывших тогда на вооружении у русской армии, до 25 процентов ружей и ещё больше снарядов [48]. У читателя создаётся впечатление, что Тульский арсенал был главнейшим в стране и менее значительным был Брянский.

Между тем в стране были арсеналы в Москве, Киеве, Петербурге, которые считались главными хранилищами запасов вооружения русской армии. Существовали арсеналы Тираспольский, Галицкий, которые были рассчитаны на тактические запасы ружей [49]. Действовали казённые ружейные заводы: олонечские, петербургские, луганский... Александровский пушечный завод в Петрозаводске в 1811 г. сдал в казну 324 орудия, в 1812 г. – 412 орудий. В начале Бородинского сражения в русской армии было 624 артиллерийских орудия [50]. Уже эти сведения заставляют скромнее определять роль Брянского арсенала в снабжении русской армии оружием.

Далее. 12 марта генерал-лейтенант Меллер-Закомельский докладывал военному министру об артиллерийских запасах. О Брянском арсенале не сказал ничего [51]. Главными артиллерийскими депо считались Псков, Смоленск, Кременчуг, Москва. Только накануне войны, в начале февраля 1811 г., Александр I распорядился организовать в Брянске артиллерийское депо [52]. До этого и после такого распоряжения важной задачей Брянского арсенала было снабдить вооружением Киевский арсенал. Осенью 1811 г. было установлено, что Брянский арсенал снабжает 2 полка – 48-й егерский полк, расположенный в Риге, и 49-й – в Пинске. Петербургский снабжал 6 полков, Киевский – 5 [53]. Эти сведения настораживают и заставляют сомневаться в тех количественных показателях, которые привёл Ю.Б. Колосов.

Таким образом, в разработке истории войны 1812 г. есть немало «подводных камней» для краеведов. А путь к точному историческому знанию оказывается непрост. И главная проблема на этом пути, как показал обзор краеведческой литературы, заключается в анализе источников, во внимательном, не потребительском отношении к ним. Вторая проблема – это влияние на авторов неверно понятого патриотизма. Нужно помнить, что патриотизм должен быть просвещённым, и именно с этой позиции смотреть на историю Отечественной войны и понимать её.

1. См.: Троицкий, Н.А. Отечественная война 1812 года : История темы / Н.А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 112 с.
2. См.: Отечественная война 1812 года. Отд. 1 : Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т.6. Подготовка к войне в 1811 г. (Ноябрь месяц). – СПб. : Военно-ученый ком. Гл. штаба, 1905. - 351 с. - (Материалы Военно-ученого архива Главного штаба).
3. Отечественная война 1812 года. Отд. 1 : Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т.5. Подготовка к войне в 1811 г. (Сентябрь-октябрь месяцы). - 1904. - С. 302, 303, 313, 314.
4. 25-летний срок службы в русской армии могли вынести менее 10% от всех призванных в армию. Число больных и дезертировавших колебалось от 80 до 110 тысяч человек ежегодно (Шведов, С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году / С.В. Шведов // История СССР. - 1987. - № 4. – С.124.).
5. Отечественная война 1812 года. Отд. 1 : Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т.5. Подготовка к войне в 1811 г. (Сентябрь-октябрь месяцы). - 1904. - С.144 – 152.
6. См.: Тартаковский, А.Г. Неразгаданный Барклай : Легенды и быль 1812 г. / А.Г. Тартаковский. - М. : Археогр. центр, 1996. – С.70 – 75.
7. Троицкий, Н.А. Отечественная война 1812 года: История темы / Н.А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – С.50.
8. Троицкий, Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты / Н.А. Троицкий. - М. : Центрполиграф, 2002. – С.7.
9. Троицкий, Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты / Н.А. Троицкий. - М. : Центрполиграф, 2002. – С.5.
10. История Украинской ССР: в 10 т. Т.4: Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отме-

- на крепостного права и развитие капитализма (XIX в.) / ред. Н.Н. Лещенко. – Киев : Наукова думка, 1983. – С.57 – 58.
11. История Украинской ССР: в 10 т. Т.4: Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.) / ред. Н.Н. Лещенко. – Киев : Наукова думка, 1983. – С.57.
12. История Украинской ССР: в 10 т. Т.4: Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.) / ред. Н.Н. Лещенко. – Киев : Наукова думка, 1983. – С.57.
13. Абалихин, Б.С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России : учеб. пособие по спецкурсу / Б.С. Абалихин; Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. – Волгоград : ВГПИ, 1987. – С.70.
14. Абалихин, Б.С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России : учеб. пособие по спецкурсу / Б.С. Абалихин; Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. – Волгоград : ВГПИ, 1987. – С.70.
15. Абалихин, Б.С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России : учеб. пособие по спецкурсу / Б.С. Абалихин; Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. – Волгоград : ВГПИ, 1987. – С.46.
16. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России: [новый взгляд на Отечественную войну 1812 года] / Н.А. Троицкий. – М. : Омега, 2007. – С.395.
17. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России: [новый взгляд на Отечественную войну 1812 года] / Н.А. Троицкий. – М. : Омега, 2007. – С.396.
18. Троицкий, Н.А. 1812. Великий год России: [новый взгляд на Отечественную войну 1812 года] / Н.А. Троицкий. – М. : Омега, 2007. – С.402.
19. Волохов, В.П. Брянск : Очерк прошлого и настоящего одного из старейших русских городов / В.П. Волохов. – Тула : Приок. кн. изд., 1968. – С.58.

20. Отечественная война и русское общество 1812-1912. Том III / ред. А.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. – М. : Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С.135.
21. Отечественная война и русское общество 1812-1912. Том III / ред. А.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. – М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С.135.
22. Гавриков, А.Г. Оборона Брянска / А.Г. Гавриков // Пересвет. – 1992. – № 11. – С.57 – 59.
23. Гавриков, А.Г. Оборона Брянска / А.Г. Гавриков // Пересвет. – 1992. – № 11. – С.57.
24. Тарле, Е.В. 1812 год: избр. произведения / Е.В. Тарле. - М. : Пресса, 1994. – С.47.
25. См.: Абалихин, Б.С. Отечественная война 1812 года на Юго-Западе России : учеб. пособие по спецкурсу / Б.С. Абалихин; Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. – Волгоград : ВГПИ, 1987. – С.38 – 46. Колосов, Ю.Б. Брянцы в народном ополчении 1812 года / Ю.Б. Колосов // Пересвет. – 1992. - № 9-10. – С.94 – 97.
26. Гавриков, А.Г. Оборона Брянска / А.Г. Гавриков // Пересвет. – 1992. – № 11. – С.58.
27. История Украинской ССР: в 10 т. Т.4 : Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.) / ред. Н.Н. Лещенко. – Киев : Наукова думка, 1983. – С.53.
28. История Украинской ССР : в 10 т. Т.4 : Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.) / ред. Н.Н. Лещенко. - Киев : Наукова думка, 1983. – С.58.
29. Гавриков, А.Г. Оборона Брянска / А.Г. Гавриков // Пересвет. – 1992. – № 11. – С.58, 59.
30. Соколов, Я.Д. Брянск – город древний : [историко-краеведческие очерки] / Я.Д. Соколов. – Брянск, 2006. – С.54.
31. Волохов, В.П. Брянск : Очерк прошлого и настоящего одного из старейших русских городов / В.П. Волохов. – Тула : Приок. кн. изд., 1968. – С.58.

32. Гавриков, А.Г. Оборона Брянска / А.Г. Гавриков // Пересвет. – 1992. - № 11. – С.58.
33. Соколов, Я.Д. Брянск - город древний : [историко-краеведческие очерки] / Я.Д. Соколов. – Брянск, 2006. – С.53.
34. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.314 (Брянское городническое правление. Реестр исходящих бумаг). Оп.1. Д.142. Л.144 об. и след.
35. Гайворонский, И. Крестный ход в городе Брянске со времени 1812 года / И. Гайворонский // Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света на 1829 год. Ч.1. Кн.1. (Месяц январь). – М.: Университетская типография, 1829. - С.140 - 141.
36. Глинка, Ф.Н. Письма русского офицера / Ф.Н. Глинка. - М.: Воениздат, 1987. – С.6.
37. ГАБО. Ф.197. Оп.1. Д.147. Л.25.
38. ГАБО. Ф.197. Оп.1. Д.345. Л.147 об.
39. Государственный архив Орловской области. Ф.4. Оп.1. Д.145. Л.140. Журналы заседаний Орловского губернского правления.
40. Российский Государственный исторический архив. Ф.1263. Оп.1. Д.29.Л.160 об.
41. Нарышкина, Н. 1812 год / Н. Нарышкина // Звезда.– 2011. – № 9. – С. 95.
42. Отечественная война и русское общество 1812-1912. Том IV / ред. А.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. – М. : Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – С.229 - 230.
43. Колосов, Ю.Б. Брянщина в Отечественной войне 1812 года / Ю.Б. Колосов // За родную землю : сб. статей. - Брянск, 1968. - С.46 - 60.
44. История Брянского края : [в 2 ч.]. Ч.1 : С древнейших времен до конца XIX века / О.В. Горбачев и др.; отв. ред. В.В. Крашенинников. – Брянск : Изд-во БГПУ, 2001. – С.163 – 169.
45. История Брянского края: [в 2 ч.]. Ч.1 : С древнейших времен до конца XIX века / О.В. Горбачев и др.; отв. ред. В.В. Крашенинников. – Брянск : Изд-во БГПУ, 2001. – С.163.

46. Слюнченко, Ю.П. Стародубовский полк: марш в два века / Ю.П. Слюнченко // Пересвет. – 1992. – Вып.11. – С. 8.
47. С.А.Н. Священный памятник Отечественной войны в Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. – 1912. – 29 июля (№ 31). – С.850.
48. Колосов, Ю.Б. Брянщина в Отечественной войне 1812 года / Ю.Б. Колосов // За родную землю : сб. статей. – Брянск, 1968. – С.53.
49. Сперанский, В.Н. Из истории военно-экономической подготовки войны 1812 г. / В.Н. Сперанский // Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия историко-филологическая. – Горький, 1966. – Вып. 78, Т. 2. – С.567.
50. Ларионов, А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении / А.П. Ларионов // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны : сб. ст. – М., 1962. – С. 123.
51. Отечественная война 1812 г. Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т.1. Ч.2. Подготовка к войне в 1810 г. / Воен.-учен. ком. Гл. штаба; под ред. А.З. Мышлаевского. – СПб. : Тип. «Бережливость», 1900. – С.39.
52. Отечественная война 1812 г. Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. 2. Подготовка к войне в 1811 г. (январь - май месяцы) / Воен.-учен. ком. Гл. штаба; под ред. А.З. Мышлаевского; сост.: Перевощиков, Иванов. - СПб. : Тип. «Бережливость», 1901. – С.54.
53. Отечественная война 1812 года. Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т.5. Подготовка к войне в 1811 г. (Сентябрь-октябрь месяцы). – 1904. – С.150.

А. С. Ракитин,
*научный сотрудник,
Российский государственный
архив древних актов (г. Москва)*

**Из истории формирования сообщества
беломестных казаков юга Московского
государства в первой половине XVII в.**

Настоящий документ открывает любопытную страницу в истории военно-служилых сообществ юга Московского государства XVII века, а также дополняет сведениями один из важнейших и до сих пор малоизученных эпизодов отечественной истории первой половины XVII века – *Северский театр Смоленской войны 1632-34 гг.*

Расскажем вкратце о событиях, в канве которых произошел эпизод, представленный в источнике, – *Смоленской войне на ее Северском театре.*

К 1632 г. истек срок 14,5-летнего перемирия, подписанного после похода королевича Владислава на Москву («королевичев приход») в декабре 1618 г. близ Троице-Сергиева монастыря в Деулино. Одним из основных условий данного мирного соглашения были территориальные уступки Московской Речи Посполитой *«искони»* спорных земель, к которым, помимо Смоленска и псковских пригородов (Невеля и Себежа), относились также города Северской земли. К последним причислялись Новгород-Северский, Стародуб-Северский, Трубчевск, Морювск, Почеп и Чернигов, пустовавший после сожжения его в 1611 г. польским отрядом региментаря (*regimentarz*) Самуила Горносталя [1].

Осенью 1632 г. московским правительством было принято решение о подготовке т.н. *«Северского похода»* [2] за возвращение в состав Русского государства прежних *«московских»* городов и уездов, дабы «Северские города Новгородок [Новгород-Северский], Стародуб, Трубчевск, Чернигов, Монастырев-

ской [Монастырский] учинити под государевою высокою рукою к Московскому государству». Сперва русским отрядам Северской земли, организованным в виде двух группировок – брянской (северной) и севской (южной), была поставлена задача «очистить» от литовских людей Новгород-Северский, Трубчевск, Стародуб и Почеп. Параллельно с этим планировалось воеводе Богдану Нагому из Серпейска выслать на Северскую Украину голов с дворянами и детьми боярскими вместе со приборными служилыми людьми (стрельцы и казаки): *«велено с нами, с Иваном [Еропкиным] и с Баимом [Болтиным], ссылаясь, над Литовскими людьми промышлять вместе»* [3].

В ноябре 1632 года брянский воевода, стольник, князь Василий Ромодановский, отправил своего товарища Никиту Оладьина со служилыми людьми из Брянска к Почепу. 17 ноября [4] под Почепом уже завязался первый бой, в котором был ранен сам городской урядник Ян Лапинский, впоследствии бежавший из города по Стародубской дороге. Оставшись без урядника, литовцы сдали город. Рано утром 18 ноября польско-литовский отряд, подошедший к Почепу, был разгромлен на вылазке московскими служилыми людьми, *«был бой с утра до вечера»*. Литовские люди, успевшие засесть в избах на посаде, были сожжены. Литовцы потеряли в этом бою 93 человека. Русским достались знамена, литавры и 63 человека «языка». Последние рассказали, что этот отряд возглавлял стародубский урядник Ян Дроздовский, с которым под Почеп приходило 300 человек ратников [5].

Чуть позже, синхронно действиям отряда Баима Болтина и Ивана Еропкина, из Брянска под Трубчевск выступила рать головы Андрея Зиновьева, к 5 декабря двухнедельной осадой вынудившая город сдаться. Через 15 дней, 20 декабря 1632 г., Новгород-Северский был взят в осаду, городские укрепления (в частности, Иерусалимская башня) подожжены путивльскими охочими людьми селитрянника – черниговского сына боярского Дмитрия Горбунова. Осажденный гарнизон из шляхты, гайдуков и черкас вынужден был сдаться москвитам. 8 января 1633 г.

отряд брянского воеводы Никиты Оладьи́на осадой взял Стародуб.

Несмотря на видимые успехи, города этой части Северной земли все же пришлось вернуть Речи Посполитой. Терпя бедственное положение в Смоленске по случаю острой нехватки продовольствия и фуража, 19 февраля 1634 года московское войско капитулировало. Русские служилые люди с погашенными фиталями, тихо, без барабанного боя и музыки вышли из Смоленска, сложив все знамена перед польским королем. В Москве воевода Михаил Шеин был казнён как изменник, князей Семёна Прозоровского и Михаила Белосельского сослали в Сибирь.

Переговоры о мире начались 20 апреля 1634 года в деревне Поляновка, находившейся между Дорогобужем и Вязьмой. Московию на переговорах представляли боярин Ф. И. Шереметев, окольный князь А. М. Львов, дворянин С. М. Простев и дьяки Г. Нечаев и В. Прокофьев. Речь Посполитую представляли коронный канцлер епископ Я. Задзик, литовский гетман Христофор Радзивилл. Россия отказалась от всех занятых в ходе войны русских земель, как то: Новгород-Северского, Трубчевска, Почепа, Чернигова, Стародуба, Рославля и прочих. Исключение составил только Серпейск с уездом.

Такова в общих чертах цепь событий, произошедших в Северной земле в период Смоленской войны. Перейдем к документу.

Итак, суть его в следующем. Девятого декабря 1632 года крестьянин Стародубского уезда Игнашка Демидов (в другом документе назван «севрюком» [6]) привел к воеводе Стародуба Никите Оладьи́ну двух пленников – сына боярского Степана Колюпанова и его отпрыска Митьку, названных «изменниками». Источник не сообщает дополнительных подробностей, в чем же, собственно, заключалась измена Колюпановых и при каких обстоятельствах они были схвачены крестьянином. Очевидно и не вызывает вопросов то, что отец и сын хотели бежать в Литву. Далее, по тексту отписки июня 1634 года в Разряд, воевода Ни-

кита Оладьин сообщил, что крестьянин Игнашка участвовал во взятии Стародуба – был «*на приступех и на выласках*», а также в посылках, где и был взят в полон литовскими людьми. Где и каким образом это произошло, документ также не сообщает. Однако к концу Смоленской войны (к 1634 году) Игнашка был освобожден из литовского плена, так как далее отмечается, что на тот момент он уже жил за братом «изменника» Степана Колюпанова – Афанасием. Известно даже место, где жил Игнашка Демидов «во крестьянех», – село Россохи того же Стародубского уезда (вероятно, имеется в виду село Рассуха современного Погарского района Брянской области). Пытаясь отомстить Игнашке за то, что тот сдал брата с племянником московским властям, Афанасий Колюпанов вымещал злобу на его жене и собственных крестьянах: «и жену ево [Игнашкову], и братью бьет и мучит». Разряд посчитал нужным рассмотреть дело Игнашки, изъять из крестьянства и за ратные заслуги поверстать в беломестные казаки Рыльского.

Одним словом, мы имеем возможность наблюдать любопытный момент инкорпорации представителей тяглого населения в служилое сообщество даже не приборных ратных людей, а, по сути, крайне близкое «служилому городу» – беломестные казаки. Что же представлял из себя этот слой городского казачества?

Данная категория украинного казачества служила с земельных наделов, свободных («обеленных») от государственных податей. Основное средоточие поселений беломестных казаков находилось в Елецком, Ряжском, Путивльском, Рыльском, Воронежском, Сапожковском, Данковском, Оболенском и некоторых других уездах. Селения беломестных казаков находились даже в весьма отдаленных от границ уездах, например, в Нижегородском (с. Павлово) [7], однако в данном случае заведомо известно их происхождение от казаков воровских, поселенных здесь для охраны вотчины князя Якова Куденетовича Черкасского.

Во главе корпораций беломестных казаков стояли атаманы [8]. Наиболее крупные села и деревни беломестных атаманов наблюдались в Воронежском уезде [9], где в число их крестьян попали также их «родимцы» (родственники), ранее выступавшие в поход вместе с атаманами [10].

Как отдельная категория служилого населения в Европейской части Московии беломестные казаки прекратили свое существование к середине XVII века, в Западной Сибири же они наблюдаются ещё в первой четверти XVIII века, причем здесь основным контингентом их пополнения были крестьяне [11].

Беломестные казаки по сути являлись наиболее приближенной служилой категорией к детям боярским, равным счетом как и казаки поместные. В ряде южнорусских крепостей при крайнем недоборе в штате местного гарнизона и «служилого города» администрация смотрела сквозь пальцы на инкорпорацию в дети боярские крестьян. Примером может служить случай поверстания в дети боярские города Кромы монастырских крестьян Рыльского уезда (по данным переписной книги 1646 года) [12].

Значительные испомещения беломестных казаков относятся ко времени окончания Смуты, когда в эту корпорацию попало множество бывших воровских казаков [13].

* * *

Публикуемый документ представляет собой черновой вариант разрядной грамоты (найти чистовик не представляется возможности), о чём наглядно сообщают обилие зачеркнутых предложений и вставки поверх строки, однако общий смысл при этом не теряется. Публикация документа осуществляется по соответствующим учреждённым правилам.

Грамота о пожаловании крестьянина в беломестные казаки Рыльска (1634 г.)

[л. 57] От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Рылеск стольнику нашему и воеводе князю Василию Григорьевичю Ромодановскому.

В прошлом во 141 год июня 25 день писал к нам из Брянска Микита Оладьин, что декабря 9 день пришел к нему в Почеп до стародубские здачи Стародубского уезду крестьянин Игнашко Демидов и крест нам целовал, что ему нам служити да он же, Игнашко, привел в Почеп из-за рубежа изменника стародубца сына боярского Степанка Колюпанова да сына его Митьку. А как наши ратные люди стояли под Стародубом и он, Игнашка, будучи на нашей службе с Микитою Оладьиным под Стародубом [14], на приступех и на выласках нам служил, с литовскими людьми бился. И в посылках тот Игнашко взят был [л. 58] в полон. И будучи в полону всякую нужу терпел. И ныне бил нам челом Игнашко Демидов, что он з женою и з братьями живет за стародубцом сыном боярским за Офонькою Колюпановым – в Стародубском уезде в селе Розсохах во крестьянх [15]. И тот де сын боярской Офонька Колюпанов [...] [16] на него [17], что он, Игнашко, в 141 году привел в Почеп из-за рубежа изменника Офонькина [18] брата ево [19] Степанка Колюбанова – и жену ево и братью бьет и мучит. И нам бы ево пожаловать велеть [20] для ево службы и полонского терпенья от сына боярского Офоньки Колю [л. 59] панова из крестьянства свободить и велеть ему наша служба служить в Рыльску з беломесными казаки [21]. И мы – Игнашка Демидова за службу [22] пожаловал велел ево от тово Офоньки Колюпанова ис крестьянства свободить и велеть ему нашу службу служить з беломесными казаки [23].

И как к тебе ся наша грамота придет – и ты б Игнашку Демидова велел бы нашу службу служить в Рыльску з беломестными казаки и нашим жалованьем [24] и помесным и де-

нежным окладом велел [25] ево поверстать против рыльских беломесных казаков.

А по [26] жену ево Демидкову велел бы еси в Стародубской уезд послал из Рыльска ково пригоже и велеть ее у стародубца сына боярского у Офоньки Колюпанова взять и привести в Рылеск да о том к нам отписал [27].

Писал на Москве лета 7142 июня в 6 день.

РГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, д. 100.

-
1. Очерк истории города Чернигова 907-1907 / изд. юбилейное Черниговской Городской Управы. - Чернигов: Тип. губернского земства, 1908. – С.17.
 2. Следует заметить, что данная военная кампания по праву может именоваться «*Вторым Северским походом*», т.к. подобное наименование уже встречалось в официальных актах 1613-18 гг. – в пору военных экспедиций после Смуты и до «*королевичева прихода*» путивльских, рыльских, новгород-северских и стародубских ратных людей против отрядов Александра Лисовского.
 3. Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. Т.2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1659 / под ред. Н.А. Попова. - СПб., 1894. – С.429.
 4. Все даты в статье даны по старому стилю.
 5. Там же, С. 445, 466.
 6. РГАДА, ф.210, Столбцы Севского стола, д. 118, л. 213.
 7. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 297, лл. 142-143 об. Наводка на эти списки любезно предоставлена сотрудником РГАДА Сироткиным С.В.
 8. См. например: Казачий словарь-справочник. Т.1 / сост. Г.В. Губарев; ред. - издатель А.И. Скрылов. - Кливлэнд (Огайо, США); Сан Ансельмо (Калифорния, США), 1966. - 286 с.
 9. РГАДА, ф.210, Дела десятен, д. 142, лл. 54-58.

10. В основном в той его части, что впоследствии стала Уманским уездом.
11. Пузанов, В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI - XVII вв.) / В.Д. Пузанов. - СПб., 2010. – С.310 – 324.
12. РГАДА, Ф. 1209, Оп.1, д. 10556, лл. 427-431.
13. Станиславский, А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории / А.Л. Станиславский. - М.: Мысль, 1990. – С.205.
14. Зачеркнуто.
15. Зачеркнуто.
16. Слово читается неразборчиво, предположительно здесь может быть «обозлился», «осерчал» – как аналог.
17. Зачеркнуто.
18. Написано поверх строки.
19. Зачеркнуто.
20. Зачеркнуто.
21. Зачеркнуто.
22. Написано поверх строки.
23. Зачеркнуто.
24. Зачеркнуто.
25. Написано поверх строки.
26. Зачеркнуто.
27. Зачеркнуто.

А.И. Кондратенко,
*главный редактор газеты «Город Орел»,
кандидат политических наук,
доцент кафедры журналистики,
Орловский государственный университет*

**Боевая красноармейская
(газета Брянского фронта «На разгром врага»)**

Брянский фронт – одно из 15 высших оперативных объединений, действовавших в годы Великой Отечественной войны. Это один из пяти фронтов, в честь которых 5 августа 1943 года в Москве впервые прозвучал победный салют. За 750-дневный период своей истории воины Брянского фронта вписали замечательные страницы в летопись великих побед под Москвой, на Орловско-Курской дуге. А начало этой славной летописи положила фронтовая газета «На разгром врага». Брянский фронт был образован Ставкой Верховного Главнокомандования 16 августа 1941 года. Всего двое суток потребовалось для того, чтобы вышел из печати первый номер газеты...

По своему статусу фронтовая газета соответствовала масштабам окружной, областной (в мирное время) газеты, печаталась ежедневно. Как свидетельствуют первые сотрудники редакции, «одну треть составили военные журналисты, остальные – призванные из московских газет и журналов офицеры запаса и люди, впервые надевшие военное обмундирование» [1]. Основой коллектива новой редакции стали журналисты газеты Московского военного округа «Красный воин» [2] – Александр Воловец (ответственный редактор), Сергей Сретенский (начальник отдела), Александр Байбиков (заместитель ответственного секретаря), Анатолий Морозов (фотокорреспондент), Виктор Портнов. Из газеты «Гудок» прибыли Борис Новицкий и Пётр Зорев. Как вспоминал К. Лапин, «влились брянские журналисты и печатники А. Лапин, В. Шуровский, Г. Верютин, Т. Козлов, С. Чесновицкий и другие» [3]. Бывший заведующий отделом газе-

ты «Молодая гвардия» (Курск) и ответственный секретарь газеты «Комсомолец» (Орёл) Михаил Шибалис был прикомандирован к редакции уже после того, как несколько недель сражался в боевых порядках пехоты рядовым политбойцом.

Исходная точка – Брянск – была хорошо знакома новому редактору. Здесь А.М. Воловец когда-то начинал военную службу рядовым полка связи [4]. Александр Михайлович был непререкаемым авторитетом в редакции: «Это был человек высокой дисциплины, требовательный к себе и к сотрудникам и в то же время человек сердечный, заботливый. В его глазах всегда светилась доброта. Говорил он мягко, не прибегал к глаголам повелительного наклонения. Но любое его слово, пожелание, совет, просьба воспринимались нами безоговорочно. Все любили Воловца» [5]. Свои статьи и заметки редактор подписывал «Капитан В. Андреев» [6].

Заместителем редактора был назначен Иван Акимович Березин (бывший редактор газеты «Лесная промышленность»), ответственным секретарём – Арон Яковлевич Митлин (бывший редактор газеты «Кино»). Характерен отзыв о Митлине: его «трудолюбие, умение с пользой работать сколько надо в любых условиях, неприхотливость, энциклопедическая эрудиция, совершенное знание дела вызывали добрую зависть» [7].

Первый номер газеты вышел в свет 18 августа 1941 года (однако на первой странице был указан вовсе не первый номер – для дезинформации врага насчёт времени создания фронта). Над заголовком газеты были крупно набраны слова: «Великий Ленин учил: «Презрение к смерти должно распространяться в массах и обеспечить победу». Начальник политуправления Брянского фронта Афанасий Петрович Пигурнов уделял большое внимание газете, подсказывал темы, отмечал лучшие публикации.

Тираж печатали поначалу в типографии городской газеты «Брянский рабочий». Ответственному секретарю А. Митлину приходилось всё время ездить в город. В одной из поездок он попал под бомбёжку, ему оторвало ногу. Во время операции он скончался.

В это время фронт готовился к наступлению. Соответственно редакция планировала выпустить специальный номер с публикациями на тему наступления (опять же в целях маскировки на первой странице не указывалась дата выхода). Однако в ночь на 31 августа 1941 года фашистская авиация совершила массированный налёт на Брянск, центр города был превращён в руины, прямым попаданием фугасной бомбы разрушена и сожжена городская типография. Как вспоминал один из сотрудников: «старший на дежурстве Байбиков успел увести всех работающих на выпуске газеты в укрытие, но в огне погиб набор специального и очередного номеров. Удалось спасти лишь заголовок. Специальный номер решено было делать в Орле, куда самолётом и автомашинами перебросили оперативную группу. За несколько часов по рукописям и черновикам восстановили утраченные материалы. Наборщики, корректоры, печатники работали, невзирая на ежечасные тревоги» [8].

Специальный номер газеты в итоге вышел в срок. А уже в начале сентября редакция получила полиграфическую технику, смонтированную на автомашинах. Однако использовать её в наступлении довелось не скоро. Началось грандиозное сражение за Москву. Редакция вынуждена была несколько раз менять дислокацию. Отступая, в лесу под Брянском закопали часть типографских шрифтов. В сложной обстановке журналисты с каждым днём набирались боевого опыта, работа газеты входила в чёткий боевой график.

Штат редакции составлял около 30 творческих сотрудников, в том числе «полагалось» три писателя. Первоначально эти должности занимали Иосиф Уткин, Леонид Ленч и Исай Рахтанов.

Леонид Сергеевич Ленч вёл сатирический раздел «Осиновый кол», Исай Аркадьевич Рахтанов писал статьи и очерки. С первых дней издания газеты «На разгром врага» её сотрудником был известный советский поэт Иосиф Павлович Уткин (1903-1944). В сентябре 1941 года Уткин во время атаки был ранен осколком мины – ему оторвало четыре пальца правой руки.

Вместо Уткина прибыл на службу Яков Хелемский, а вместо убитого Митлина на должность ответственного секретаря – Владимир Хмелевский (оба из «Комсомольской правды»).

Ранение ни на день не вывело поэта Уткина из боевых рядов. Стихи свои он диктовал, даже находясь в полевом госпитале. Не прекращал литературной работы и в Ташкенте, куда был отправлен на излечение. Мenee чем за полугодовое пребывание Уткина в Ташкенте им были созданы две книжки фронтовой лирики – «Фронтовые стихи» и «Стихи о героях», а также альбом песен, написанных совместно с московскими композиторами. И всё это время Уткин рвался «на линию огня», беспокоя высшие военные органы настойчивыми просьбами послать его на фронт. Летом 1942 года Уткин вновь оказался на Брянском фронте – в качестве спецкора Совинформбюро, газет «Правда» и «Известия».

Замечательной личностью был и начальник отдела редакции Сергей Сретенский. Его сослуживец ещё по окружной газете «Красный воин» Виктор Портнов писал: «Сергей с детства увлекался фотографией. Обучаясь в кавалерийском училище, часто посылал в редакцию снимки об учёбе и быте курсантов. Став командиром взвода, он начал писать небольшие зарисовки об отличниках, сопровождая их фотографиями. Позже, уже будучи начальником штаба батальона, а впоследствии слушателем Военной академии имени М.В. Фрунзе, Сергей выкраивал время на корреспонденции о стрелковой, тактической подготовке, рассказывал о положительном опыте, критиковал недостатки в обучении» [9].

По окончании академии Сретенского назначили в окружную газету «Красный воин» сначала инструктором, а затем начальником отдела боевой подготовки. Участвовал в походе на Западную Украину (1939). Порой его называли «академиком». Сретенский владел немецким языком, коллеги вспоминали, как он помогал начальнику полковой разведки вести допрос пленного.

Опытный военный журналист Сергей Сретенский, прочитав рукопись очередного материала коллеги о прошедшем бое, говорил:

– Толково. Только прошу запомнить: командир не управляет боем. Он управляет подразделением (частью) в бою [10].

По воспоминаниям Якова Файншмидта, Сретенский «умел писать, как мы их называли, «методички», отвечавшие на вопрос «как?»: «Как применять бутылки с горючей смесью в борьбе с танками», «Как устранять задержки при стрельбе из ручного пулемёта в ходе боя». Строил Сретенский эти статьи на конкретных примерах, а затем делал важные обобщения с практическими выводами и рекомендациями. Его инициативе принадлежали рубрики «Памятка бойцу», «В помощь командиру отделения», «Боевой опыт», под которыми отдел фронтовой жизни постоянно печатал актуальные статьи и заметки солдат и офицеров. В них находили место критические материалы с детальным разбором и с ответом на вопрос «почему?»: «Почему не удалась атака», «Почему не взяли «языка»» и др.» [11].

«Не так страшен чёрт, как его малюют», – так назвал Сретенский одну из своих корреспонденций. В ней детально рассказывалось о действиях расчёта противотанкового ружья, метким огнём подбившего два танка. В газете появилась и памятка бойцу о наиболее уязвимых местах вражеской техники. А «гвоздём» одного из следующих номеров газеты стал рассказ Сретенского о бойце, который вывел из строя три вражеских танка. В конце 1941 года майора Сретенского наградили орденом Красной Звезды. Он подал рапорт о переводе на строевую должность. Его назначили командиром полка 74-й стрелковой дивизии.

Под статью Сретенскому был и другой журналист газеты «На разгром врага» – Пётр Маркович Зорев (псевдонимы П. Марков, П. Старов). Прежде он работал в газете «Гудок», его уважали за основательность, прекрасное знание истории (в том числе военной) и литературы. Журналист Борис Новицкий вспоминал: «Пётр Зорев первый сообщил о взятии Ельца частя-

ми полковника Ф. Черокманова. Свою заметку он озаглавил: «Мы вошли в город...». В самом её названии, в каждой строке чувствовалось, что этот немногословный и очень сдержанный человек ликует. После двух месяцев отступления он окунулся в животворный родник наступления и старался передать победоносное настроение, охватившее воинов» [12].

Зорев занимал должность собственного корреспондента в 13-й армии (корпункт располагался в Ливнах). Как отмечал Новицкий, Зорев «один из первых высказался на страницах газеты по такому острому вопросу: «Причины неудач одного боя». Вместе с Виктором Портновым он разобрал действия подразделения, которым командовал старший лейтенант Иванов, и показал, что его медлительность и неосмотрительность привели роту к поражению, хотя бойцы и командиры отделений и взводов проявили в бою чудеса храбрости» [13].

Пётр Зорев погиб во время бомбёжки 25 июля 1942 года.

Художником газеты с сентября 1941 года работал Николай Дмитриев. Он родился в 1920 году в Орле. В 1940 году закончил Орловское художественное училище. С ноября 1940-го по август 1941 года работал художником в орловской областной газете «Комсомолец». В ноябре 1941 года Дмитриев по состоянию здоровья уволился из редакции фронтовой газеты. С 1944 года работал в «Орловской правде» [14].

Особое внимание газета «На разгром врага» уделяла боевой подготовке, постоянно печатала знаменитые изречения Суворова, вынося их в заголовки и шапки. Постоянно присутствовали на страницах очерки и зарисовки о героях Брянского фронта: «Родина не забудет» (1941, 19 дек.), «Бессмертный подвиг» (1942, 9 марта), «Пример отваги» (1942, 14 мая), «Смелый таран» (1942, 21 мая), «Железная стойкость» (1942, 29 июня), «Яростные контрудары» (1942, 2 авг.), «Подвиг летчика» (1942, 30 авг.) и многие другие.

Регулярно публиковались так называемые «методические статьи», мастером подготовки которых был Сергей Сретенский. Ещё в «Красном воине» он сумел оживить этот жанр. Виктор

Портнов вспоминал: «Раньше мы эти методички не без основания называли «дерущими горло сухарями». Теперь они строились на живом, конкретном материале и вызывали большой интерес у читателей» [15].

По инициативе Сретенского в газете «На разгром врага» появилась «Фронтная библиотечка красноармейца». Начальник отдела так объяснял причину поиска несколько иного формата публикаций: «Газета прочитана, а потом идёт на сигарки. Она сделала своё дело. Но ведь её страницы впитали фронтной опыт, запечатлели подвиги героев, учили искусству воевать, презирая смерть во имя победы. На смену павшим и раненым приходит пополнение. Как передать новобранцам накопленный опыт? Может быть, следует издать наиболее ценные статьи...» [16].

Это были брошюры малого формата. Например, «Одиночный боец в наступлении» – подборка газетных статей на эту тему, ссылки на Боевой устав пехоты, несложные схемы, таблицы. Первую серию библиотечки набрали и отпечатали в типографии областной газеты «Тамбовская правда». Удачно освещалась боевая работа разведчиков. Разведчик лейтенант А.Степанов в четырех статьях поделился на страницах газеты опытом организации ночных поисков, в результате которых его разведгруппе в течение недели удалось привести в расположение своей части трех «языков». Статьи А.Степанова получили одобрение Военного совета и разведывательного отдела штаба фронта, политуправление решило издать их отдельной брошюрой тиражом 10 тыс. экз. [17].

Газета выходила не только на русском языке. В целях политического воспитания бойцов и командиров нерусской национальности ЦК ВКП(б) в 1942 году принял решение об издании газет фронтов на языках народов СССР. В частности, газета «На разгром врага» издавалась на азербайджанском, грузинском, казахском, узбекском языках [18].

В канун очередной годовщины Красной Армии – 21 февраля 1942 года отдел печати Главного Политуправления РККА

писал редактору газеты А.М. Воловцу: «Просмотрели полученные номера вашей газеты за первую половину января. Почему вы не печатаете заметок красноармейцев и младших командиров?.. Давайте место в газете красноармейцам и командирам. Пусть они сами рассказывают о боевом опыте. Работники редакции должны главным образом являться организаторами материалов от бойцов и младших командиров» [19].

Газета стала энергично налаживать связи с частями и подразделениями. Сотрудники редакции при выезде на фронт беседовали с героями боёв, с командирами и политработниками, с парторганами и комсоргами, знакомили их с редакционным планом на ближайшее время, просили их писать в газету, а нередко и помогали им писать статьи и корреспонденции. Начальники отделов и многие корреспонденты вели переписку с военкорами. В письмах предлагались темы для очередного выступления и давались подробные советы, как успешнее их разработать [20].

Сотрудники газеты в 1942 году провели читательские конференции в ряде соединений. Перед собравшимися с докладом о работе и очередных задачах редакционного коллектива выступили редактор газеты и его заместитель [21].

Яков Файншмидт вспоминал: «Как-то с Михаилом Шумиловым мы приехали на передовую. Там было относительное затишье. Писать вроде не о чем. И тогда родилась мысль раздать бойцам и сержантам бумагу и попросить написать на любую тему: о товарище по оружию, о Родине, о том, что пишут из дома, о бедствиях, которые видели собственными глазами. Когда прочитали все заметки, которых набралось не менее 20-ти, то диву дались, как славно они написаны. В них всё шло от чистого сердца. Им верилось беспредельно. И не было там избитых слов и выражений» [22].

Красноармеец С. Городошников написал песню «Герой» – о пехотинце, который «много гадюк уложил, хотя был четырёхжды ранен». Фронтовая газета опубликовала текст песни, её пели в частях на хорошо известный мотив «Раскинулось море широко». Вот что писал Пётр Зорев в заметке «Военкоры»: «В

одну часть прибыл номер нашей газеты, в котором было напечатано стихотворение красноармейца Городошникова «Герой». Бойцы прочитали номер, а потом вырезали понравившееся им стихотворение, переписывали и размножали. День спустя красноармейцы пели эти стихи на мотив «Раскинулось море широко» («На разгром врага», 1942, 5 мая).

Публикации фронтовой газеты широко использовались публицистами центральной прессы: о газете «На разгром врага» упоминает, в частности, в очерке «Два немца» журналист «Комсомольской правды» Юрий Жуков (1942, июль). Специально для газеты «На разгром врага» писал статьи Илья Эренбург.

После освобождения Воронежа и Курска в начале 1943 года войска Брянского фронта значительно продвинулись на запад. Уже весной стало очевидно, что предстоит новое наступление. Во время относительного затишья фронтовая газета писала не только о боевых буднях, но и о жизни в тылу. В одной из телеграмм А.М. Воловцу начальник отдела печати Главного Политуправления РККА писал: «Нужно понять, что победа куется не только на фронте, но и в тылу, что от успешной работы фабрик, заводов, шахт и колхозов во многом зависит боеспособность Красной Армии. Поэтому нужно постоянно информировать читателей о внутреннем положении страны» [23].

Чтобы ярче показать помощь колхозного крестьянства фронту, редакция летом 1943 года решила послать своего корреспондента Александра Лапина в Саратовскую область. Журналист должен был побывать в ряде сёл, встретиться с тружениками полей и затем на страницах газеты дать подробный отчет о своей поездке, о самоотверженном труде колхозников Поволжья. Капитану А. Лапину перед отправкой в путь вручили несколько писем от воинов Брянского фронта – уроженцев Саратовской области. Результатом командировки стал специальный номер газеты, который вышел 8 июня 1943 года. На первой странице номера редакция поместила фотоснимок полугодовалого мальчонки Вовки – сына красноармейца Пав-

ла Еремеева. Фотообъектив запечатлел его возле дома, где жила семья Еремеева, в саратовской деревне Сухая Лука. Отец-солдат не имел счастья посмотреть на новорождённого, так как ушёл в действующую армию, когда Вовка еще не успел появиться на свет.

Напечатав снимок, газета обратилась с призывом к Вовкиному отцу:

«Какой сын-то у тебя вырос, товарищ Еремеев! За такого сына пойдешь в огонь и воду. Защищай крепко счастье Вовки – Родину нашу, товарищ Еремеев!».

Призыв газеты вызвал широкий отклик среди бойцов фронта. И в редакцию из частей переднего края пошел поток писем. Бойцы и командиры клялись, что отстают Отчизну, свободу и жизнь своих родных, своих детей от гитлеровских оккупантов.

7 июля 1943 года в газете была напечатана передовая статья, которая учила воина рассуждать и действовать так: «Задача каждого из нас – быть стойким на доверенном рубеже. На этом маленьком кусочке советской земли, в этом окопе, к брустверу которого склонились васильки и ромашки, я, боец великой Красной Армии, решаю судьбу Отечества, судьбу своей собственной семьи. Будет трудно – устою. Будет ещё труднее – всё равно устою и честно выполню перед Родиной свой красноармейский долг».

Вторая полоса этого номера была озаглавлена: «Пять немецких танков победил в одном бою наводчик орудия сержант Баркашов. Бери героя в пример! Не робей перед танком – добудешь победу и славу!» Сам А. Баркашов в статье «Прямой наводкой» рассказал, как ему удалось одержать победу. Свой рассказ он закончил словами: «Пока орудие цело, пока жив хоть один человек из расчёта, пока есть снаряды, танк не пройдет, не может пройти. Стойкость и хладнокровие должны быть в крови у каждого артиллериста».

8 июля газета снова даёт полосу под броским названием «Русский молодец – немецкому танку конец». Здесь выступили

пехотинцы, артиллеристы, гранатомётчики: они поделились с читателями своими успехами в борьбе с фашистскими «тиграми» и «фердинандами». Подобные материалы фронтовая газета печатала ежедневно.

Наступление Брянского фронта началось 12 июля 1943 года. С этого дня со страниц газеты не сходили статьи, корреспонденции, информация наступательной тематики. Все они сопровождались заголовками и шапками, обращёнными к патриотическим чувствам защитников Родины: «Бей фашиста со всем упорством и решимостью», «Не топчись под огнем – пропадешь», «Отвоеванный рубеж не отдавай. С него – только вперёд!». В передовой статье «Бить немцев по-сталинградски» подчеркивалось: «Что значит бить по-сталинградски? Это значит не давать немцам покоя ни днём, ни ночью, стремительнее и смелее идти на обходы, на охваты опорных пунктов врага. Бить немца по-сталинградски – это значит не упускать на запад ни одного немца, с которым вступил в бой: или убей, или захвати его в плен» («На разгром врага», 1943, 22 июля).

11 августа газета напечатала статью комбата И. Литвиненко «Бесстрашны в бою» – о сражении за Орел: «Уже в первые часы мы поняли, что противник всеми силами будет цепляться за каждый дом. На восточной окраине засело до батальона немецкой пехоты с пятью батареями легких минометов. Тяжелые минометы били по нам из-за реки. На улицах маневрировали 12 немецких танков. Но, прорвав семь оборонительных рубежей, бойцы не остановились перед последним препятствием. По пятам немцев мы ворвались на окраину города и заняли вокзал. Огонь вражеских «фердинандов» был подавлен нашими артиллеристами, до 90 немцев остались лежать среди взорванных станционных построек. Враг не выдержал удара советских войск, и в 5 часов 40 минут 5 августа г. Орёл был освобождён».

Славя освободителей Орла, газета звала на новые героические подвиги: «Дали фашисту жару под Орлом, дадим пуще под Брянском!», «Будь неутомим в истреблении врага», «Фашист бежит – нечего смотреть ему в пятки. Догоняй и бей!» В

конце сентября 1943 года газета напечатала разворот под заголовком «Брянский фронт рапортует Родине: Орловщина освобождена!»

«5 августа, – говорилось в статье, открывавшей разворот, – мы возвратили Родине город Орёл... А сегодня уже позади вся Орловщина. Прославленные Орловские, Карачевские, Брянские, Бежицкие, Унечские дивизии, полки и батальоны ведут победоносное наступление на земле Украины и Белоруссии».

Рядовой И. Якушев в статье «Кровь за Родину» писал: «Я был ранен осколком мины в голову. Сейчас лежу в госпитале. Врач говорит, что поправлюсь. И я знаю, что, несмотря ни на что, поправлюсь и снова пойду в бой. Кто пролил за Родину кровь, того не удержишь». Эти патриотические убеждения составляли главное содержание каждого материала номера, который подводил читателя к неизбежному выводу: «За руины городов и сёл Орловщины, за кровь и слезы ее людей мы должны взять с немцев сторицей, мстить им без всякой пощады и гнать немецко-фашистских разбойников с советской земли до полного ее освобождения» («На разгром врага», 1943, 29 сент.).

Фронтные дороги привели журналистов в те места, где начиналась история Брянского фронта и его газеты. Константин Лапин рассказывал: «Помню, как в мае 1943 года, перед началом великой Орловской битвы, полковник Воловец вслух мечтал о близящемся наступлении, о том, как он сам разыщет место в лесу, где зарыты шрифты, чтобы газетные страницы украсил рубленый и дубовый заголовочные шрифты» [24].

Шрифты действительно нашли – 3 октября 1943 года выкопали, но на обратном пути машина попала на мину: погибли Александр Михайлович Воловец и сотрудница редакции Зоя Фёдоровна Хмелевская, были ранены и контужены несколько сотрудников. В опубликованном в газете некрологе говорилось: «В своих успешных боевых действиях войска Брянского фронта во многом обязаны нашей газете «На разгром врага», редактором которой был полковник А.М. Воловец».

Погибших похоронили на главной площади Брянска (спустя несколько лет их прах перенесли на кладбище). Без А.М. Воловца были выпущены ещё четыре номера. А с середины октября газета именовалась уже «Суворовец». Редакция переехала во вновь образованный 2-й Прибалтийский фронт. Редактором «Суворовца» стал Николай Антонович Бубнов.

Красные следопыты из 56-й брянской школы обнаружили в начале 1970-х годов могилы Воловца и Хмелевской, начали ухаживать за местом их захоронения, стали искать оставшихся в живых сотрудников фронтовой редакции. В газете «Брянский рабочий» в то время работал Александр Карлович Лапин – бывший военный журналист. Он и помог ребятам. Постепенно в школе собралось много реликвий времён войны. В мае 1975 года здесь был открыт музей военной журналистики. Рядом с Поляной партизанской славы в лесу под Брянском появилась Поляна журналистов.

По-разному сложились судьбы журналистов фронтовой газеты. Яков Хелемский стал профессиональным поэтом, он был широко известен как переводчик поэзии народов СССР. В послевоенные годы написал книгу «На тёмной ели звонкая свирель», где рассказал о своей работе в редакции, о спасении культурных ценностей в годы войны. В предисловии к книге, выдержавшей три издания, Хелемский объяснил читателю, как возник этот замысел: «В годы войны я, тогдашний корреспондент фронтовой газеты, стал свидетелем освобождения многих заповедных мест, очевидцем спасения величайших ценностей нашей культуры. Я шёл вместе с армией, и нам всё время сопутствовали дорогие имена, знакомые с детства. Они звучали среди руин, у разбомбленных переправ, на дорогах наступления» [25].

Михаил Шибалис после войны жил и работал в Минске, был редактором отдела, ответственным секретарём республиканской «Сельской газеты». Воспоминания о его военных буднях – в книге «Такие нам выпали годы» (Минск, 1979).

Константин Лапин работал в «Литературной газете», был принят в Союз писателей СССР. Фронтовые впечатления нашли

отражение в целом ряде его книг о войне: «Военный корреспондент» (1954), «Очерки и рассказы» (1956), «Его невеста» (1956), «Сердце сержанта» (1962), «Девушка с винтовкой» (1964, 1975), «Подснежник на бруствере» (1966), «Друзья недавних лет» (1968), «По дорогам войны» (1968), «Когда говорят пушки...» (1969).

Александр Лапин опубликовал ряд очерков о газете «На разгром врага» в брянской прессе [26]. Его воспоминания стали основой для документальной повести «Брянский фронт», где повествование велось от имени военного корреспондента лейтенанта Якова Щуровского. Повесть с продолжением печаталась в газете «Орловский комсомолец» в дни 20-летия освобождения Орловщины от фашистских захватчиков (1963).

Тихон Журавлёв с середины 1950-х годов руководил русской секцией Союза писателей Татарии, работал заместителем главного редактора Татарского книжного издательства. В его книгах «Военные повести» (1958), «Была война» (1961), «Встречи» (1970), «В дороге и дома» (1983) немало страниц, рассказывающих о буднях военного корреспондента фронтовой газеты.

Фотокорреспондент Анатолий Морозов сохранил свой богатейший фронтовой архив – его снимками проиллюстрировано множество книг о войне, которые вышли в Орле и Брянске, в столичных издательствах.

Выдержки из публикаций газеты «На разгром врага» стали неотъемлемой частью сборника «Брянский фронт» [27], сведения о работе редакции вошли в фундаментальный труд «Советская военная печать» [28], мемуары журналистов опубликованы в сборниках «Строки, опалённые войной», «В редакцию не вернулся».

Однако в последние два десятилетия в библиографии практически не появляются новые статьи и очерки, посвящённые истории фронтовой газеты. Приходится с большим сожалением констатировать тот факт, что современные исследователи журналистики не проявляют интереса к такому предмету, как армейская печать времён Великой Отечественной войны. Арсе-

нал нашей памяти заметно уменьшился: «искусственное молчание» порождает всевозможные нелепости и небылицы. В пример приведём сообщение ежедневной Интернет-газеты «Брянск.RU» от 17 сентября 2005 года. Сотрудница редакции Ольга Л., сообщая о восстановлении памятного знака на Поляне журналистов, написала: «В августе 41-го на этой поляне разместились редакция фронтовой газеты «На разгром врага» – после того, как в городское здание попала бомба... На поляне издание выходило полгода – позже с войсками редакция отправилась в Брянск» [29] и т.д. Конечно же, ничего подобного (полгода на оккупированной территории?) быть не могло, но современные СМИ в силу незнания истинной истории безоглядно тиражируют нелепицы.

Этот очерк – не только дань памяти журналистам фронтовой газеты, но и попытка обобщить опыт их работы, сделать его достоянием современных профессионалов. Великая Победа была завоёвана очень дорогой ценой, в легендарном подвиге Красной Армии есть и частица ратного труда газетчиков.

-
1. Портнов, В. Солдат – всегда солдат / В. Портнов // В редакцию не вернулся. Кн. 3. – М.: Политиздат, 1970. – С. 183.
 2. Уже 22 июня оперативная группа «Красного воина» выехала на Южный фронт – она стала костяком редакции фронтовой газеты «Во славу Родины». Вторая группа отправилась на Брянский фронт. См.: Возраст – солидный, результат завидный (к 85-летию газеты «Красный воин») // Красная звезда. – 2006. - 26 июля.
 3. Лапин, К. Капитан Андреев и другие / К. Лапин // В редакцию не вернулся. Кн. 2. – М.: Политиздат, 1967. – С. 271.
 4. Там же.
 5. Файншмидт, Я. «... Чтобы влиться в этот поиск сохранившихся следов» / Я. Файншмидт // Строки, опалённые войной. – М.: Политиздат, 1987. – С. 150.

6. Лапин К. Указ. соч. С. 272.
7. Файншмидт Я. Указ. соч. С. 150.
8. Портнов В. Указ. соч. С. 187.
9. Портнов В. Указ. соч. С. 182.
10. Файншмидт Я. Указ. соч. С. 150.
11. Там же. С. 151.
12. Новицкий, Б. Стрелки замерли в час / Б. Новицкий // В редакцию не вернулся. Кн. 2. – М.: Политиздат, 1967. – С. 146.
13. Там же. С. 148.
14. Личное дело Н. Дмитриева // Текущий архив редакции газеты «Орловская правда».
15. Портнов В. Указ. соч. С. 182.
16. Портнов В. Указ. соч. С. 190.
17. Попов, Н. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / Н. Попов, Н. Горохов. – М., 1981. – С. 182.
18. Попов Н., Горохов Н. Указ. соч. С. 31, 413.
19. Цит. по: Попов Н., Горохов Н. Указ. соч. С. 294.
20. Попов Н., Горохов Н. Указ. соч. С. 294.
21. Там же. С. 295.
22. Файншмидт Я. Указ. соч. С. 151.
23. Попов Н., Горохов Н. Указ. соч. С. 193.
24. Лапин К. Указ. соч. С. 272.
25. Хелемский, Я. На тёмной ели звонкая свирель / Я. Хелемский. – М.: Детская литература, 1973. – 286 с.
26. Боевая красноармейская // Брянский рабочий. – 1965. - 5 мая; Жили мыслью одной // Брянский рабочий. – 1982. - 18 апр.; Галерея наразгромовцев // Брянский комсомолец. – 1983. - 17 июля; Леонид Ленч // Брянский комсомолец. – 1983. - 31 авг.; Яков Хелемский // Брянский комсомолец. – 1983. - 14 сент.
27. Брянский фронт / сост. В.А. Зеболов. – Тула: Приокск. кн. изд-во, 1973.
28. Попов Н., Горохов Н. Указ. соч.

29. Лашко, О. На «Поляне журналистов» установили стеллу в виде пера [Электронный ресурс] / О. Лашко. – Режим доступа : <http://briansk.ru/society/2005917/596.html>.

С. Я Гехтляр,
*доктор филологических наук,
профессор, Брянский государствен-
ный университет им. академика
И.Г. Петровского*

О.В. Пугачева,
*аспирант, Брянский
государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Краеведческая печать о благотворительности и благотворителях

Хотя в последнее время интерес к заслуженным нашим землякам растет и развивается, неверно было бы утверждать, что ранее никто не проявлял научного и исторического интереса к ним. Например, о Павле Никитиче Тиханове написано и сказано много. В публикации Р.Е. Терebeneиной, появившейся еще в 1974 году, она называлась «Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина». Интерес на личности исследователя заостряется с нетипичной стороны: как на коллекционере. Как известно, в составе его коллекции было обширное собрание памятников древней письменности, материалы по истории и литературе XVIII-XIX веков, по истории театра, науки, а также много другой редкой документалистики.

Несмотря на известность личности Тиханова, автор участвует в просвещении читателя, справедливо считает необходимым лишний раз напомнить об интересных фактах биографии:

«Павел Никитич Тиханов (1839-1905) родился в Брянске в семье чиновника. Свою жизнь ... посвятил собиранию и исследованию памятников древней письменности, увлекался также историей, церковной археологией, фольклором, народным театром, изучал живой разговорный язык (среди его работ есть любопытный «Криптогlossарий» – словарь языка пьяниц, нищих, воров, прасолов и др.). Средства к существованию добывал, сотрудничая в различных газетах. Оказавшись без работы, он уезжает в 1894 г. в Брянск, где издает «своим иждивением» газету «Брянский вестник», выпускает историко-краеведческий сборник «Старина» и т.д.» [Теребенина, стр. 6].

Отличительной чертой материала являются вкрапления эпистолярного жанра. Широту выразительных возможностей, которые предоставляет вкрапление в публицистический текст элементов эпистолярного жанра, давно отметили исследователи, показав, что письмо обладает именно такими характерными признаками, которые в первую очередь отражаются в его композиционной структуре и обогащают журналистский текст. «Прежде всего, это обращение автора к адресату, который обозначен конкретно» [А.В. Антюхов и др., стр.23], обнаружение в тексте оценочного компонента.

В переписке Я.К. Грота с Тихановым, приведенной в анализируемой статье, этот признак отчетливо виден: «Поздравляю Вас, многоуважаемый Павел Никитич, с успешным окончанием нашего общего дела» [Теребенина, стр. 12].

Важным признаком письма является «стремление автора побудить адресата к неотложным действиям относительно предмета, обсуждаемого в письме». Оно также явственно прослеживается в переписке, включенной в публикацию: «Премного благодарен Вам и за скорый ответ, и за любезную готовность сообщить мне кое-что из бумаг Гнедича. Для просмотра их позвольте мне на днях побывать у Вас».

С удовлетворением следует отметить, что в брянской публицистике последних лет все более важное место занимает краеведческая, историческая и биографическая тематика, прежде

всего это касается восстановления полузабытых и ранее не акцентированных сведений о меценатах и благотворителях.

Отражение достойного поступка часто не менее значимо, чем его совершение. Об этом пишут газеты, издаются книги. Из последних публикаций – то, что вышло в свет в районах области: они рассказывают непосредственно о реалиях и людях этого самого района. Порой выпускаются и на предприятиях, по инициативе организаций; в областной периодической печати, а также газетах и журналах за пределами региона. Герои таких публикаций – известные исторические личности, меценаты; рассказывается об их делах на благо края.

Тематика публикаций об исторических событиях и земляках, прославивших район, город или область, неразрывно связана с отражением фактов минувшей действительности, поэтому в публицистических материалах неизменно присутствуют историзм и биографичность.

Преобладающим жанром выступает очерк. К этому жанру, например, можно отнести публикацию в брянском журнале «Точка!» за июнь 2011 года «О роли Марии Тенишевой в брянской истории». Центральный ее персонаж – княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, супруга одного из богатейших людей того времени, акционера Брянского завода (ныне БМЗ) Вячеслава Тенишева. Благодаря тонкому руководству и подсказке жены промышленник стал исторической для Брянщины личностью, вместе они вошли в историю края как просветители и благотворители. Именно Тенишевы на личные деньги создали первое в Бежице ремесленное училище, за обучение в котором не приходилось платить. Они организовали народную столовую для рабочих, заводское потребобщество, установили традицию устраивать вечера танцев. У них гостили художники М.А. Врубель, И.Е. Репин.

Особую стилистическую окраску очерку придаёт частичная стилизация под старину, использование языковых конструкций и слов, характерных для той эпохи: «*сошлись лёд и пламень*», «*удивительная выдумщица*», «*а по тем временам – и во-*

все совершенно необыкновенно». Однако при этом текст имеет и характерную для художественной публицистики особенность – вкрапления просторечных слов и выражений, призванных сделать очерк более близким читателю: «*не засиделся* на мелких должностях», «*кое-кто скажет, мол, когда у тебя есть деньги...*», «*личностей маловато*».

В последнее время интерес к историческим личностям Брянщины особенно возрос. Приятно, что его проявляют не только наши земляки, но и журналисты других городов и областей. Так, в своей публикации корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Дмитрий Ратников восхищенно рассказывает не только о Дятьковском хрустальном заводе, но и об его основателях, промышленниках Мальцовых. В публикации «Есть на Брянщине хрустальный храм» (от 23 мая 2008 года) автор касается и истории, и современности.

В стилистическом плане материал представляет симбиоз очерка и эссе, обладая языковыми характеристиками того и другого. Задача очеркиста – вызвать уважение к положительному герою, а здесь не обойтись без выразительных средств языка, таких, как лингвистически-публицистическое понятие «экспрессия». «Экспрессия – усиление средствами языка впечатления от жизненного факта. Экспрессивное отражение действительности возвышается над стилистически бесцветным ее фиксированием» [Горбунов А.П., стр. 31]. Публикация буквально «пропитана» экспрессивными средствами. «*Этот старинный русский городок, спрятавшийся под Брянском*, издавна славится своей фабрикой...», – так теплым отзывом с первых строк журналист, привлекает внимание читателя. Понятно, что на самом деле городок вовсе не *спрятался* под боком, а просто *находится* рядом с областным центром, но такое одушевление позволяет добавить образности и выразительности. Словосочетание «*«титан» русской промышленности*», примененное по отношению к Сергею Мальцову, без малейшего ущерба для смысла можно было бы заменить на «крупный промышленник», а метафору «в небо устремляются трубы» в описании завода и вовсе опустить. Так-

же ясно, что выражение «стены цехов предприятия подступают к пруду» означает всего лишь, что предприятие находится вблизи водоема, но автор умышленно употребляет именно более яркие, броские варианты для создания необходимого впечатления.

Еще одной языковой особенностью публикации, подтверждающей ее художественно-публицистический характер, является обращение к легендам, преданиям и прочим отличиям народного фольклора. «Название гостям объясняют то ли в шутку, то ли всерьез так: ехал купец по дороге, увидел ребенка и спрашивает – как называется селение? Малыш не расслышал и переспросил: «Дядь, кого?». Так, мол, и получилось название»; «Бытует легенда, что в старые времена под прудом был подземный ход, который вел к заводу» и т.д.

К сожалению, не всегда публицистика, повествующая об исторических личностях и их делах, представлена столь же ярко. Публикация брянских краеведов И.М. Полозова и Ф.С. Исайчикова «Брянские меценаты братья Могилевцевы», появившаяся в журнале «Образование и общество» (№4 за 2004 год), больше похожа на отчет. Она даже разбита на подзаголовки, которые говорят сами за себя: «Меценатство на Брянщине», «Братья Могилевцевы», «Поддержка образования», «Братья Могилевцевы и их вклад в благоустройство города», «Возрождение памяти». Авторы сразу дают справку: «Брянские купцы – братья Могилевцевы на свои средства построили и подарили городу в конце XIX – начале XX века 7 образовательных учреждений, 2 больницы и родильный приют, Спасо-Гробовскую церковь. Кроме этого, провели в городе первый водопровод и электроосвещение», а дальше – в том же стиле делового рапорта – об основных вехах в жизни и свершениях брянских благотворителей. Именно это и занимает основную часть публикации. И все же данный материал представляется нужным и полезным, он своего рода программа – что предстоит разузнать и о чем подробнее рассказать краеведам.

Во всех журналистских публикациях, рассказывающих про конкретного человека, важно предвидеть, какая реакция читате-

лей последует на рассказ о нём. Специалисты отмечают: «Творческая удача во многом зависит от способности журналиста угадать, судьба какого героя вызовет наибольший интерес читателей, взволнует их, окажется поучительной» [Варустин Л. Э., стр. 92]. В этом плане создатели публикации не ошиблись: персоны братьев Могилевцевых – одни из ключевых в историческом процессе развития области.

То же самое можно сказать и о героях упомянутых выше журналистских произведений. Так, автор портретного очерка «О роли Марии Тенишевой в брянской истории» завершает свою работу строками: «Всего четыре года она потрудилась на Брянщине, а сделала столько, что другому и за всю жизнь не успеть – вот аргумент в спорах о роли личности в истории. Эта роль всегда велика, тем более, что личностей вокруг обычно маловато. Кое-кто скажет, мол, когда у тебя есть деньги, любой может сделать широкий жест. Вероятно, кто-то и может, да кто делает?»

Упоминания о благотворителях и центральных личностях брянской истории (что часто является одним и тем же) встречаются не только на страницах «широких» общественно-политических изданий, но и в специальных, «узких» изданиях. В номере 83 профессионального врачебного издания «Медицинская газета» от 28 октября 2011 года размещена журналистская работа собственного корреспондента Василия Шпачкова «Меценаты и граждане». В ней ведётся речь о свершениях братьев Могилевцевых в области благотворительности на медицинские нужды. В языковом плане очерк отличают прежде всего элементы, стремление поточнее воспроизвести манеру речи героев публикации, для которой были свойственны, в частности, восторженные интонации, например: «Пиломатериалы отправляли по железной дороге в Орёл и Нижний Новгород, а по Десне (подумать только!) сплавливали в Киев», «Всего же братья истратили на медицинские нужды около 100 тыс. руб. (четвертую часть суммы, в которую было оценено их имущество!)».

Представляется, что не только разыскания в сфере истории и результатов меценатства в нашем регионе, но широковещательные публикации об этих разысканиях имеют в наши дни не только научно-историческое, но важное социальное, воспитательное значение.

Литература

1. От мемуарно-автобиографической прозы к эссеистике: (к становлению жанра в русской литературе): учебное пособие к спецкурсу лекций / [А.В. Антюхов, С.Ю. Антюхова, С.Я. Гехтляр]; Федеральное агентство по образованию РФ, Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, Каф. журналистики. - Брянск: РИО БГУ, 2007. -189 с.
2. Горбунов, А.П. Образные средства языка газеты. (По материалам "Правды" и "Известий") / А.П. Горбунов. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - 64 с.
3. Шпачков, В. Меценаты и граждане / В. Шпачков // Медицинская газета. - 2011. - 28 окт.
4. Ратников, Д. Есть на Брянщине хрустальный храм / Д. Ратников // Санкт-Петербургские ведомости. - 2008. - 23 мая.
5. Варустин, Л.Э. Вровень с героем: Проблемы творчества и мастерства публициста / Л.Э. Варустин. - М., 1987. - 271 с.
6. Кеня, И.А. Брянские меценаты братья Могилевцевы / И.А. Кеня // Образование и общество. - 2004. - № 4. - С. 109-113.
7. Терехина, Р.Е. Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина / Р.Е. Терехина // Временник Пушкинской комиссии: 1974: сб. науч. тр. / ред. М.П. Алексеев. - Л.: Наука, 1977. - С. 5 - 19.
8. Васильев, Ю. О роли Марии Тенишевой в Брянской истории / Ю. Васильев // Точка.- 2011. - N 6. - С.52.

А.В. Ронжин,
*начальник отдела,
Государственный архив Брянской
области, член Союза писателей России,
заслуженный работник
культуры Российской Федерации*

О некоторых документах фондов личного Происхождения Государственного архива Брянской области

Государственный архив Брянской области (ГАБО) комплектуется не только фондами организаций, учреждений, предприятий области, но также и документами личного происхождения. В этом случае фондообразователями выступают известные ученые, художники, писатели, журналисты, краеведы. В принципе, документы в архив может сдать любой человек, если эти документы представляют историко-культурную или научную ценность для нашего края.

Всего в ГАБО уже более 50-ти фондов личного происхождения известных ученых, политических деятелей, писателей, краеведов, преподавателей, художников.

В составе этих фондов находятся не только творческие материалы самих фондообразователей, ради которых, собственно, и берутся такие фонды на хранение, но и письма в их адрес, документы, связанные с их общественной и профессиональной деятельностью, отложившиеся в фонде материалы членов семьи, близких и дальних родственников. Это правило комплектования фондов всегда предусматривалось методическими рекомендациями по работе с документами личного происхождения, как ныне действующими, так и всеми предыдущими.

Посмотрим на примере трех фондов личного происхождения, что такие документы (автором которых сам фондообра-

зователь не является) действительно могут заинтересовать исследователей.

1.

В начале 1980-х годов на хранение в ГАБО поступил личный фонд Разумова Владимира Петровича – кандидата сельскохозяйственных наук, профессора Брянского технологического института. В составе фонда оказались письма Александра и Николая Боголюбских – братьев жены ученого – из Маньчжурии, где Брянский полк принимал участие в боях против японских войск в 1905 году. Их историческая ценность несомненна.

На рубеже XX и XXI веков письмами заинтересовался брянский краевед Юрий Иванович Слюнченко, выдержки из них опубликовал в своей книге «Брянский полк. 200 лет на страже Отечества» [1].

Письма заметно «оживляют» сухие цифры официальных документов, дают почувствовать настроение и особенности быта участников исторических событий.

Вот, например, выдержка из письма Николая Боголюбского от 30 января 1905 г. по дороге в Маньчжурию: «...Уже пролетела половина Сибири... полчаса назад проехали г. Красноярск. Холодно, но не голодно, с каждым днем обеды все дешевле. Ехать весело...» [2].

Из его же письма от 17 февраля 1905 г., где отчетливо видна зависть необстрелянного новобранца к офицерам, уже побывавшим в боях: «...Хотя я здесь живу только два дня, но с удовольствием бы сейчас уехал на позицию. Встретил товарищей-героев, один из них имеет четыре награды и ни разу не ранен, все это очень заманчиво, и потому не хочется кинуть зря в Харбине. Воейков тоже уже имеет награду, он даже не ранен, а когда ехал с приказанием, то под ним была убита лошадь; конечно, ему пришлось грохнуться на землю и выбить руку; теперь же он уже совсем здоров и на днях опять с удовольствием уезжает на позицию» [3].

Мечта братьев побывать в серьезном сражении так и не сбылась в ту войну, но, может, для них это было и неплохо, учи-

тывая громадные потери нашей стороны. Причины поражения понимали все, это видно даже из письма Александра Боголюбского от 27 марта 1905 г.: «Солдаты хороши, даже отличные, с такими молодцами можно бы полсвета взять. Офицеров тоже нельзя ругать, потому что свято исполняют свой долг, а вот генералы наши никуда не годны» [4].

Любопытно, что в армии было неплохое отношение к отстраненному от командования генералу А.Н. Куропаткину. Об этом А. Боголюбский пишет в том же письме: «...о Куропаткине жалеют. Да и как не жалеть? Солдаты говорят, что он нас выводил из боев и мы не все гибли, а Линевиц – не знаем, как будет воевать» [5] (генерал Н.П. Линевиц сменил А.Н. Куропаткина на посту командующего русской армией после того, как последний проиграл несколько крупных сражений – под Ляояном, Мукденном и др.).

За все время войны Брянский полк потерял убитыми 14 офицеров и 228 нижних чинов, ранены были 39 офицеров и 1584 нижних чина, в плен попали 4 офицера и 223 солдата [6].

Как архивист надеюсь, что интерес краеведов к письмам братьев Боголюбских из Маньчжурии сохранится и в дальнейшем.

2.

Известный русский советский писатель Владимир Чивилихин (кстати, короткое время работавший в газете «Брянский рабочий») в своем романе-эссе «Память» упоминает о найденных Константином-Кириллом Философом корсунских книгах, написанных «русьскими письмены». Вот как эмоционально он говорит об этом: «Этот факт будоражит воображение, заставляет ученых разных стран и любителей истории вновь и вновь обращаться к нему, задаваться вопросом, который может показаться неожиданным: действительно ли с о з д а л [разрядка автора. – А.Р.] Константин (Кирилл) старославянскую письменность? Подумаем, дорогой читатель, вместе: *в 860 или 861 году, то есть еще до призвания в Новгород Рюрика и почти за сто тридцать лет до киевского крещения Руси*, на южных ее рубежах, и не в

княжеском дворце, а в обиходе какого-то, быть может, купца-русича, обыденно существуют *две книги* – Евангелие и Псалтырь, канонические христианские тексты коих, столь сложные по богословскому своему содержанию и архаичному стилю, написаны некими *русскими* письменами! Более того – Константин «и человека обрет», говорившего «тою беседою», то есть русским языком, а «въскоре» он сам «начят чисти» (читать – А.Р.) и «съказати» (говорить – А.Р.) на этом языке, «мънози ся ему дивлеаху, Бога хваляще!» [7].

Вывод из всего сказанного В. Чивилихин берет из работы «К истории создания нашей азбуки (кириллицы)» (Сумы, 1979 год) доктора филологических наук, профессора Павла Павловича Охрименко: *«Корсунские книги, восточнославянская форма греко-славянского письма явились основой классической, удобной и простой кириллицы, «устроенной» Константином-философом»* [8].

Данную работу П.П. Охрименко, работая над книгой «Русин из Корсуни», я пытался найти в библиотеках страны, но поиски не дали результатов. Однако другая работа этого автора по тому же вопросу – вопросу возникновения кириллицы – оказалась в личном фонде Григория Исаевича Стафеева, кандидата филологических наук, доцента Брянского технологического института, исследователя творчества А.К. Толстого. Григорий Исаевич дружил с украинским ученым, состоял с ним в переписке.

В фонде отложилось дело за номером 34, которое носит длинное название, но в интересах брянских краеведов приведу его заголовок полностью: «Статьи доктора филологических наук, профессора П.П. Охрименко «А.К. Толстой и Украина», «Проблемы хронологии, авторства и реставрации текста «Слова о полку Игореве», «Про похождения нашей азбуки», «Кто автор «Слова о полку Игореве», «Когда написано «Слово о полку Игореве», «Сведения про оригинал «Слова о полку Игореве», «Еще раз про автора «Слова».

По желанию сдатчика документов – вдовы ученого, Антонины Никандровны Стафеевой, – фонд Г.И. Стафеева открыт для исследователей.

3.

В ГАБО хранится личный фонд Ефима Яковлевича Белодубровского, заслуженного учителя РСФСР. Фонд поступил в конце прошлого века от сына Ефима Яковлевича – Марка Ефимовича Белодубровского, известного на Брянщине артиста и композитора.

В фонде имеются четыре каталога областных выставок самодеятельного изобразительного и декоративно-прикладного искусства за 1976, 1977, 1978 и 1985-й годы. Ефим Яковлевич – участник всех четырех выставок, представлял на них свои графические работы (в основном натюрморты). Каталоги иллюстрированы черно-белыми фоторепродукциями, есть статьи искусствоведов с краткими характеристиками наиболее интересных картин, скульптур, изделий декоративно-прикладного искусства.

Отмечу, что в Брянской областной научной универсальной библиотеке имени Ф.И. Тютчева их нет (в библиотеке такие каталоги присутствуют лишь за 1988-й и 1989-й годы).

На мой взгляд, для исследователей развития народного творчества на Брянщине ценность этих каталогов бесспорна. Ведь любой профессионал-художник всегда проходит через такой этап в своей жизни, когда он еще неизвестен широкой публике, не получил всеобщего признания. Бывает и так: любитель не стремится стать профессионалом, творит, так сказать, для души. И когда хорошие работы таких мастеров появляются на наших местных выставках да еще остаются их следы в истории (хотя бы в виде таких каталогов), это своего рода чудо.

...Разве неинтересно, что среди участников областных выставок самодеятельного изобразительного искусства 1970-х – 1980-х годов были брянские писатели Леонид Мирошин, Владимир Пипченко? А вот другая фамилия – Халютин Станислав Григорьевич, преподаватель из г. Сельцо. Один из искусствове-

дов писал про его картины в 1985 году: «Их отличает сочная живописность, удачная компоновка деталей. Думается, они могли бы занять не последнее место и на выставке профессиональных художников» [9]. Пройдет лишь несколько лет, и эти пророческие слова сбудутся: С.Г. Халютин станет членом Союза художников России.

1. Слюнченко, Ю.И. Брянский полк. 200 лет на страже Отечества / Ю.И. Слюнченко. - М., 2000. - С.87-91.
2. Там же. С.87.
3. Там же. С.88.
4. Там же. С.91.
5. Там же. С.91
6. Там же. С.92.
7. Чивилихин, В. Память. Роман-эссе. Кн. вторая / В. Чивилихин // Собрание сочинений : в 4 т. Т.4. - М., 1985. - С.614.
8. Там же. С.615.
9. ГАБО.Ф.Р-2992.Оп.1.Д.17.Л.51.

Г.П. Поляков,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Брасовские страницы воспоминаний орловского губернатора А.Н. Трубникова

Четыре года тому назад орловский историк А.С. Минаков отыскал в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1112. Оп. 1., д.5, лл. т-38 об., 43-63 об.) и опубликовал мемуары бывшего орловского губернатора (1894-1901) Александра Николаевича Трубникова (1853-1922) [1]. Автор – вы-

пускник Пажеского корпуса, прошел путь от офицера лейб-гвардии Уланского полка до члена Государственного совета.

Имя Трубникова известно в основном лишь в кругах орловских краеведов, но его воспоминания представляют несомненный интерес и для историков брянского региона. В них наряду с другими брянскими сюжетами присутствует и брасовский. Наша цель – познакомить с ним брянских коллег.

Итак, слово Александру Николаевичу Трубникову:

«Не могу не вспомнить посещение Орловской губернии Его императорским высочеством великим князем Михаилом Александровичем, бывшим в январе 1901 г. наследником-цесаревичем. В конце декабря 1900 г. я получил депешу от министра внутренних дел о том, что в начале января собирается приехать в свое имение великий князь наследник-цесаревич Михаил Александрович и чтобы я сделал все нужное для приезда Его высочества, но ни о каких-либо мерах охраны или других распоряжений нигде не говорилось, а потому я решил, что буду делать все как по моему мнению следует, и беру на свою ответственность. А потому, получив затем еще депешу от состоящего при великом князе полковника Д.Я. Дашкова о том, что Его высочество изволит приехать в Брасово, так называется имение великого князя, находящееся в Севском уезде Орловской губернии, 5-го января, и что Его высочество сопровождает генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, он и молодые люди, С.Д. Шереметьев и граф Олсуфьев, и что Его высочество просит ему никаких встреч не делать. Поэтому я за несколько дней сообщил о приезде великого князя севскому предводителю дворянства В.О. Подлиневу и севскому исправнику, чтобы они приняли соответствующие меры и вместе с тем уведомил губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича о приезде великого князя в Севский уезд. М.А. Стахович очень горячо отозвался на мое к нему обращение и устроил так, чтобы его высочество был бы встречен на станции Брасово.

Кроме севского предводителя дворянства и еще депутации от орловского дворянства, в которую вошел он как губернский

предводитель и два ассистента, каковыми оказались выбраны: Н.П. Римский-Корсаков и Н.П. Галахов, и таким образом, мы 4-го января вечером все вместе выехали на станцию Брасово, куда и прибыли 5-го рано утром и были встречены управляющим именьями наследника-цесаревича гофмейстером Лавриновским, который отвез нас в усадьбу и показал отведенные нам помещения. В моем распоряжении был маленький домик у самого дворца, в который был обращен помещичий дом В.В. Апраксина, у которого это имение было куплено Александром III для своего сына великого князя Георгия Александровича, после кончины которого имение это перешло во владение великого князя Михаила Александровича. Осмотрев помещение, отведенное великому князю, и выслушав рапорт севского исправника о сделанных им распоряжениях по принятию мер к охране, и оставшись довольным распоряжениями, я начал готовиться к встрече великого князя, поезд которого по расписанию должен был прибыть на станцию Брасово в 3 ч. пополудни. Поезд был экстренный, который шел из Москвы на Брянск не заезжая в Орел, вот почему я и не встретил раньше великого князя. В сопровождении Н.П. Лавриновского выехал на встречу поезда на вокзал, на котором было много народу в ожидании прибытия великого князя, которого встречал и курский губернатор генерал-майор граф Милютин, исправляющий должность севского предводителя дворянства и депутация орловского дворянства, от которого были поднесены Его высочеству хлеб-соль, а от севского дворянства икона.

Наконец раздался свисток, и поезд остановился. Я вошел в вагон, где представился великому князю и поздоровался с графом И.И. Воронцовым-Дашковым и Д.Я. Дашковым, С.Д. Шереметьевым и графом Олсуфьевым – всех их я знал раньше. Затем я проводил великого князя на вокзал, где с появлением его раздались громкие крики «ура» собравшегося вокруг вокзала народа. На вокзале я представил великому князю депутацию от орловского дворянства, причем М.А. Стахович сказал краткую, но хорошую приветственную речь, за которую Его вы-

сочество его благодарил, затем Его высочеству представился курский губернатор, так как Его высочество владеет и в Курской, соседней с нашей губернией, имением Дерюгино, около 20 000 десятин земли, а в Орловской у него до 120 000 десятин. Обойдя всех собравшихся и поговорив немного, Его высочество вышел из вокзала и пригласил меня сесть с ним в сани, направился к себе в свое имение Брасово, сопровождаемый криками «ура». Однако, порядок был полный и все сошло хорошо и благополучно, да и к тому же погода стояла очень хорошая, был 1 градус мороза. По приезде в имение Его высочество встретил с хлебом-солью Н.П. Лавриновский, приветствовавший Его высочество от всех служащих в имении и усадьбе. Его высочество был, видимо, доволен быть у себя и нашел все в порядке, так как дом очень хороший, хотя небольшой, но был в то время оборудован электрическим освещением, что в 1901 г. было большой редкостью в деревне, но нужно сказать, что и все освещение в усадьбе было электрическое, для чего была устроена электрическая станция. Часов в 6 нас пригласили к обеду, причем Его высочество сел посередине стола, предоставив место по свою правую руку мне, а по левую руку сел граф Милютин. Против Его высочества сел граф Воронцов-Дашков, имея по правую сторону Стаховича, а по левую – Лавриновского, к обеду были приглашены депутаты от дворянства [Федоров «примеч. авт.»], исправляющий должность севского предводителя дворянства и другие, прибывшие с Его высочеством гости. Во время обеда я предложил тост за Его высочество и благодарил его за приезд в уезд, управляемой мною губернии. Его высочество благодарил меня и предложил выпить за мое здоровье, как начальника Орловской губернии. Затем следовали другие тосты, после которых мы встали и перешли в гостиную, где Его высочество говорил со всеми присутствовавшими, очаровывая гостей простотою и любезностью своего обращения, после чего распростился с депутатами дворянства, а также и с графом Милютиным, обещав ему приехать на днях в Дерюгино. Вечером все приехавшие выеха-

ли: кто в Орел, а кто в Курск, Севск и другие города Орловской губернии.

На другой день 6-го января в праздник Крещения Его высочество захотел поехать в церковь к обедне, с тем чтобы остаться и на водоосвящении, которое бывает в этот день. Я выехал раньше и, прибыв в церковь к началу обедни, осмотрев место, где Его высочество должен был стоять, а также прошел и к месту на реке, где должно было состояться водоосвящение. Церковь села Брасово находится на расстоянии двух верст от усадьбы, и нужно было видеть эту красивую картину! Вся дорога была наполнена группами, идущих в храм богомольцев, причем все одеты были в свои местные [слово «местные» впечатано над строкой] костюмы, которые, нужно сказать, очень красивые в Орловской губернии. Затем на дворе был один градус тепла, и был совершенно безветренный день. Все это зрелище было необыкновенно, и красиво, и знаменательно, чтобы 6 января праздновалось наследником престола в обыкновенном деревенском храме среди местных крестьян; Его высочество прибыл к обедне и отстоял ее до конца, а по окончании ее вышел с батюшкой и пошел с ним на молебствие на реку для освящения воды при пении местным хором святы молитв, и нужно сказать, что хор пел довольно удачно, а народ окружил и шел вместе, сопровождая своего дорогого гостя, причем я сделал распоряжение, чтобы не очень много народу шло на лед, так как он мог провалиться, но все обошлось благополучно, и Его высочество по окончании водоосвящения вернулся в церковь, где батюшка поднес Его высочеству просфору и сказал несколько прочувственных слов. Затем Его высочество посетил школу, в которой было 125 человек, причем одна из учениц произнесла сочиненное ею стихотворение по случаю прибытия его высочества в школу, а затем дети пропели «Спаси Господи люди твоя» и окончили оглушительными «ура», а перед тем, что [слово «что» впечатано над строкой] Его высочество зашел в школу, ему была поднесена хлеб-соль, которую Его высочество изволил принять, и из школы Его высочество прошел в богадельню, содер-

жимую на собственный счет Его высочества. В богадельне им была принята хлеб-соль, а затем великий князь беседовал с каждым из призреваемых. Это посещение богадельни надолго останется в памяти призреваемых в ней старичков и старушек. Все эти осмотры великий князь делал в сопровождении Н.П. Лавриновского. После этого великий князь вернулся в усадьбу при громких криках «ура» сопровождавшего его народа. После завтрака, в тот же день, Его высочество выехал в Богородицкую Плащанскую пустынь, где находится всеми почитаемая и славимая чудотворная икона Плащанской Богоматери. Дорога очень красивая от Брасово до пустыни идет по вековому сосновому [слово «сосновому» впечатано над строкой] лесу, охраняемому от всяких порубок и, когда я подъезжал к монастырю, оттуда раздались звуки колокола, которыми обитель встречала своего дорогого гостя. У ворот государя наследника встретил настоятель обители архимандрит Серафим, и в предшествии отца настоятеля и братии Его высочество вошел в монастырский храм, где было совершено краткое молебствие и поднесена Его высочеству настоятелем икона Плащанской Божьей матери. После молебствия Его высочество приложился к чудотворной иконе, осмотрел храм, а так же и старинную ризницу и прошел в келью к отцу архимандриту, у которого изволил пить чай, а затем, простившись с настоятелем, отбыл в Брасово. У самых монастырских ворот Его высочество принял хлеб-соль от местных крестьян, поблагодарив которых отбыл домой.

7-го числа Его высочество с утра осматривал брасовский парк и устроенные в нем пруды для разведения более редкой рыбы, как, например, форели, сигов и другой. При Его высочестве закинули в прорубь невод и вытащили массу рыбы, затем Его высочество осматривал электрическую станцию, водокачку, артезианский колодец, местный музей и другие хозяйственные постройки этого замечательного по своему благоустройству имения. Около часу пополудни прибыл преосвященный епископ Орловский и Севский Никанор. Он прибыл с братией из Орла, чтобы приветствовать Его высочество. Великий князь, выйдя к

владыке, приняв его благословение, познакомился с ним, а затем братия пропела «Во Иордане крещающегося Тебя Господи» и так далее, и после приветственного слова, сказанного владыкой великому князю, владыка благословил великого князя иконой, после чего он был приглашен великим князем к завтраку, после которого владыка, распростившись с великим князем, отбыл в Плащанскую пустынь.

8-го числа Его высочество выехал осматривать другие хутора и проехал в село [далее зачеркнуто слово «Крапивницу»], расположенное в Трубчевском уезде, где Его высочество был встречен трубчевским предводителем дворянства С.М. Поршняковым и председателем земской управы В.И. Лопухиным, встреченный народом, и, приняв от него хлеб-соль, затем он отбыл в деревню Олтухово, откуда Его высочество вместе с графом Воронцовым-Дашковым и графом Олсуфьевым поехали в простых санках на охоту на медведя и часа через три вернулись. Охота была удачная, так как оказались убитыми два медведя. Одного убил великий князь, а другого граф Олсуфьев. После охоты, осмотрев подробно лесопильный завод, мы отправились в деревню Олтухово, где в доме, занимаемом местным лесничим, был устроен завтрак, к которому были приглашены и представители Трубчевского уезда. На следующий день, 9-го числа, великий князь в сопровождении графа Воронцова-Дашкова и графа Олсуфьева отправились опять на медвежью охоту и вернулись около 5 ч. вечера. Охота была удачная, так как великий князь убил медведицу, а двое медвежат были привезены в Брасово.

На другой день, 10-го, Его высочество с сопровождавшими его лицами, а так же со мною и гофмейстером Лавриновским выехал с экстренным поездом в Курскую губернию, чтобы осмотреть расположенное в ней имение Дерюгино. Утренний чай был подан в столовой вагона царского поезда, и вскоре мы подъехали к дерюгинской станции, на которой Его высочество встретил курский губернатор, граф Милютин, исполняющий должность губернского предводителя дворянства Шатохин и

депутаты, граф Головин и Стремоухов. Громовое «ура» встретило царственного гостя, и исполняющий должность губернского предводителя дворянства поднес Его высочеству икону, особенно чтимой местной святыни Коренной Божьей матери, а председатель губернской земской управы Энгельгардт удостоился поднести Его высочеству хлеб-соль. Поблагодарив за встречу курских представителей, Его высочество вместе с графом Милютиным проследовал в Дерюгинскую усадьбу, где Его высочество посетил школу, сахарный и писчебумажный заводы; Его высочество отбыл в церковь села Дерюгина и после краткого молебствия великий князь при криках встречавшего его народа изволил отбыть на завтрак, устроенный в помещении управляющего дерюгинским именем. Во время завтрака обменялись тостами. Великий князь начал прощаться с губернатором Милютиным и курскими дворянами, которые очень любезно проводили его до вагона, и затем, сев в вагон мы поехали домой, куда и вернулись благополучно.

В ночь была получена депеша о том, что скончалась английская королева Виктория и что Его величество назначен быть на ее погребении заместителем Его величества государя императора, а потому Его высочество решил в тот же день выехать в Петроград [С.-Петербург, Петроградом стал называться с 1914 года], и все начали собираться. После завтрака Его высочество простился со мною, причем дал мне свою фотографию с подписью и сам снял меня на своем фотографическом аппарате, и очень благодарил за все, что было сделано мной во время его пребывания в Брасово, где к отъезду поезда собрались все управляющие имениями и хуторами великого князя, который каждого из них благодарил, затем вошел в вагон, пригласив меня в свое отделение, и поезд при криках «ура» двинулся. Я проводил великого князя до станции Брянск, с которой великий князь поехал на Москву, а я возвратился к себе в Орел. В Брянске я вышел из вагона великого князя, который распростился со мною очень сердечно» [2].

Подведем итоги брасовскому фрагменту воспоминаний губернатора Трубникова. Его следует охарактеризовать, на наш взгляд, как уникальный источник, из которого мы можем извлечь разнообразную историческую информацию. Так, из контекста мемуаров мы узнаем фамилии местных предводителей дворянства: М.А. Стаховича, В.О. Подлинева, С.М. Поршнякова, управляющего брасовским имением Н.П. Лавриновского, председателя севской земской управы В.Н. Лопухина. Довольно подробно мемуаристом описано имение великого князя Михаила Александровича «Брасово», его постройки, сооружения, парк, пруды, местная природа, упомянуты электростанция, школа, лесопильный завод в Алтухово и т.д. Совершенно уникальны его сведения о существовании местного музея в Брасове – первого на территории современной Брянской области. Заслуживают внимания все еще патриархальные отношения великого князя Михаила Александровича с местными крестьянами в начале XX века, его личное обаяние, непереносимое участие в церковных службах и обрядах, увлечение охотой и фотографированием.

Таково вкратце значение брасовского этюда из воспоминаний незаурядного российского чиновника А.Н. Трубникова, существенно расширившее источниковую базу отечественного исторического краеведения.

-
1. Трубников, А.Н. Воспоминания / А.Н. Трубников; вступ. ст., сост., коммент. указ. А.С. Минакова. – Орел, 2004. – С. 168.
 2. Там же. С. 108-114

СЕКЦИЯ 1. ВЕХИ ИСТОРИИ БРЯНСКОГО КРАЯ

В.Г. Деханов,
*член Союза писателей
и Союза журналистов России*

Утраченная и исчезающая старина Брянска

*Памяти брянского журналиста и
краеведа Ф. С. Исайчикова посвящаю*

В середине 1990-х годов Василий Николаевич Городков, сотрудничавший с газетой «Брянская газета» (я вёл там страницу «Исторический клуб»), подарил мне список старых строений Брянска. Я прошёл по этим адресам и запечатлел их на плёнке. Некоторые фотографии использовал при публикации своих статей.

Мечтал издать написанное книгой (многие, знавшие об этом, просили об издании её). Но сделать это мне не удалось. Мою мечту воплотил в жизнь брянский краевед, журналист Фёдор Степанович Исайчиков. В 1996 году тиражом 1000 экземпляров вышла в Брянске его книга «По старому Брянску с почтовой открыткой». По-моему, она была профинансирована городской администрацией. В продажу она не поступила, а разошлась по библиотекам, и часть оставлена властям города.

Обложка книги примечательна, а вот бумага совсем никудышная для иллюстраций, зато интересны тексты о старом Брянске. Исайчиков очень много времени проводил в архиве в поисках сведений, которые и легли в основу описания.

В книге даны описания мест Брянска начала XX века по сохранившимся почтовым открыткам того времени. Какие-то здания уже не сохранились, какие-то были перестроены, часть дошла до наших дней. Конечно, более живучими являются ка-

менные строения, деревянным же определён свой срок жизни – намного меньше, чем у каменных.

Но и каменные здания начали разрушаться (хотя бы здание бывшей женской гимназии, что напротив областной библиотеки). Деревянные же больше гибнут даже не от старости, а от пожаров.

Особенно на центральных улицах Брянска.

Моё сообщение и посвящено в основном Брянску уездному, провинциальному и мещанско-купеческому. В 1881 году, то есть 130 лет назад, в Брянске проводилась подворная опись жителей-домохозяев. Мне этот список был любопытен тем, что он, по сути, отвечал на неизвестный многим горожанам нынешним вопрос, кто же населял наш Брянск в то далёкое от нас время. Конечно, теперь уже изменились и названия тех улиц, номера домов.

Понимаю, что старое должно давать дорогу новому. Тем более, что это старое уже давно стало трухой, пришло в негодность. Но как-то его жалко, особенно то старое, которое было связано с какими-то известными именами (в своё время), событиями.

Нет уже почтовой станции (снесена в начале XXI века) по улице Красноармейской (бывшей Трубчевской), которой было более двух веков: кто там только ни останавливался и ни менял лошадок в экипажах. И А. К. Толстой, и Ф. И. Тютчев, да мало ли ещё каких известных людей ехало этим трактом.

Нужен, нужен для памяти знак на этом месте, чтобы знали горожане, потомки, что находилась здесь Первая почтовая станция Брянска.

Ясное дело, что нельзя поставить знаки на каждом исчезнувшем доме. Но вот на остатках дома ныне по улице Октябрьской, где жил писатель Леонид Добычин, описавший в своё время нравы уездного Брянска, знак обязательно нужен. Или на новом здании, где когда-то стоял 2-х-этажный дом, в котором жил поэт Александр Диесперов. Это угол проспекта им. Ленина и улицы Горького (напротив здания Центробанка).

Приграничный Брянск конца девятнадцатого – начала двадцатого века был постоянно наводнён прибывшими на постой военными. Для них строили казармы. Наиболее добротные сохранились. Так, на Центральном рынке – три казармы Дорогобужского полка, в которых теперь расположились торговые ряды. Доски памятные на них тоже говорили бы людям, что здесь было в начале 20-го века.

Сгорело и снесено несколько домов (в том числе двухэтажная каменная казарма) на старинной улице города – Успенской (ныне ул. Урицкого).

Пришли к своему финишу, к сносу, дома по улицам И. Фокина и бульвару имени Ю. Гагарина. Уже даже есть новый план застройки на площадке у торгового центра «Дубрава», который предлагают московские «купцы». То же самое и с началом улицы им. Горького (бывшей Авиловской, Васильевской).

Наши чтения называются Тихановскими в честь нашего замечательного краеведа-земляка Павла Никитича Тиханова. А есть ли в Брянске где-либо доска о том, что вот здесь жил или вот здесь работал наш знаменитый учёный-краевед? А ведь известно, что он был издателем газеты «Брянский вестник», что умер он в больнице Брянского рельсопрокатного завода. Если мы не знаем, где была редакция «Брянского вестника», то больницу (или здание, где она стояла) отыскать, наверное, можно. Известно, что похоронен Павел Никитич Тиханов на территории Петропавловского монастыря. И хотя могила его неизвестна, памятной доске здесь можно найти место.

Кто-то спросил, в чём состояла цель такого сообщения. Цель проста: сохранить в памяти потомства всё, чем жил Брянск во все эпохи, нравятся они нам или нет. Что же надо сделать, чтобы сохранить наш уходящий Брянск? Хотел бы попросить горожан – любить свой город, как свой родной дом. Наверное, будет правильным «сохранить» старый Брянск в панорамном изображении в одном из залов областного краеведческого музея. Своим выступлением хотел привлечь внимание властей города и областной дирекции по охране памятников истории и культуры,

предпринимателей-меценатов, чтобы принять меры и найти финансовые ресурсы по сбережению старины нашего древнего города при приемлемых практических вариантах.

P.S. Уже после конференции снесены в мае 2012 года три каменные казармы Дорогобужского полка на Центральном рынке г. Брянска. В газете «Брянский рабочий» прошла информация и о готовящемся сносе двухэтажного дома Игната Фокина на улице, названной его именем.

В.П. Алексеев,
*заместитель директора,
ГБУК «Брянский
государственный объединенный
краеведческий музей»*

Начало истории села Селечни

Село Селечня – одно из самых больших и древних селений Суземского района. Первое описание села сохранилось в «Писцовой книге Брянского уезда 1626-1629 гг.», составленной князем Петром Звенигородским. Благодаря этому источнику мы узнаем уникальные сведения о Селечне. Казалось бы, какое отношение Селечня имеет к Брянскому уезду? В 18 – начале 20 веков Селечня входила в состав Севского уезда, да и в 17 веке вокруг нее лежали земли в основном Севского и немного Трубчевского уездов. Однако в переписях Севского уезда 17 в. Селечня ни разу не упоминается. Зато списки жителей Селечни имеются в описаниях Прикладенской волости Брянского уезда 1626, 1645 и 1677 годов. Это может вызвать недоумение, так как Прикладенская волость была расположена на территории современного Клетнянского района и была почти до конца 17 в. малозаселенной территорией. Основная же часть ее населения сосредотачивалась в вотчине Свенского монастыря, центрами которой были села Невдольск и Селечня. Таким образом, Селечня

находилась в составе небольшого анклава Брянского уезда, окруженного со всех сторон землями других уездов. Возможно, это вызвано тем, что вокруг нее была Комарицкая волость, принадлежавшая дворцовому ведомству и управлявшаяся его приказчиками, а не воеводами. Комарицкая волость до 1620-х годов входила в состав Брянского уезда; после образования Севского уезда эта территория, принадлежавшая Свенскому монастырю, была оставлена в Брянском уезде.

Первая строка описания преподносит нам еще одно открытие. «Село Селечня, что был починок Доманово переселили с старого селища на речке на Селечне». Это переселение произошло незадолго перед переписью 1626 г. В нескольких километрах от Селечни имеется урочище Доманово. В документе 1603 г. в этих местах упоминается село Доманово, которое после событий Смутного времени исчезает. В 1603 г. крестьяне «государевы царевы и великого князя Бориса Федоровича всея Руси Комарицкие волости села Добруни» написали любовную запись с игуменом Свенского монастыря Исаей и соборными старцами, «и с слугами товож Свенского монастыря и со крестьяны их монастырские вотчины села Неудолска и деревень монастырских Павлович и Екимчи и села Доманова». Суть дела состояла в том, что с течением времени исчезли межевые знаки на границе владений монастырских и государевых крестьян. Межевыми знаками были ямы, которые засыпались землей, грани – косые кресты, вырубленные на деревьях. Это приводило к конфликтам между крестьянами из-за бортных деревьев и других угодий. Рубеж этих владений шел по реке Торе, речке Рудач, ржавцу (заболоченному ручью) Вышнему Оставку, Нижнему Оставку, до реки Сев, а дальше – рекою Сев до устья речки Хохловки и по течению этой речки до ржавца Отракино, на 5 верст по дуброве деревни Павловичи, дальше по Екимскому лугу, по реке Уле до Долгого болота и до рубежа деревни Алешковичи. Добрунские крестьяне обязались не переходить этих рубежей.

В Селечне в 1626 г. была деревянная церковь Покрова Богородицы с приделом Ильи Пророка. Церковь была клеткой, т.е. построена в виде избы с двускатной кровлей и главкой над ней. Иконы, ризы, свечи, книги и колокола в церкви принадлежали монастырю. На церковном дворе жил поп Федор. Рядом был двор пономаря Ивашки. В третьем дворе жил монастырский детеныш Микифорка Яковлев. Детеныши в отличие от крестьян не имели своей земли. В 32 дворах жили крестьяне, а в 17 дворах – бобыли. Бобыли не имели своей тяглой силы. Записывались только взрослые мужчины. Крестьян было 38 человек, а бобылей – 17. Если считать, что, кроме мужчин, было столько же женщин и хотя бы по два ребенка на семью, то население Селечни в 1626 г. составляло не менее 350 человек. Для Брянского уезда того времени это было просто огромное село, так как обычно даже село в 10 дворов считалось большим, а в основном в деревнях было от 2 до 5 дворов.

Как и все русские крестьяне того времени, жители Селечни записывались полуименем – не Иван, а Ивашка, не Семен, а Сенька. Фамилий у крестьян вообще не было. Их записывали по имени отца. Среди селеченских крестьян названы Гришка Федоров с сыном Ивашкой, Офонька Федоров, Сенька Давыдов, Афонька Васильев, Андрюшка да Степанка Игнатовы, Матюшка Лохтионов. Изредка записывались прозвища. Так, в списке бобылей назван Трофимка Иванов сын Кузнец. Вероятнее всего, что он на самом деле был кузнецом.

Земельные угодья села состояли из 210 четей пашни доброй земли в трех полях, т.е. озимом, яровом и паровом. Общая площадь составляла 630 четей, а в переводе на нашу современную меру земли – около 320 га. 20 четей в трех полях – 30 га принадлежали церкви. При описании земельных владений не отмечено ни пашни, заросшей лесом, ни большого количества перелога. Это свидетельство того, что Селечня была построена на этом месте совсем недавно, после событий Смутного времени. Не было ни одного брянского селения, в котором не осталось бы следов разорения в виде пашни, заросшей лесом, так как

пахари были убиты или разбежались. Селеченцы пользовались также сенокосами, с которых накашивалось 1000 копен сена. К селу относился лес – дуброва – в длину на 8 верст, а в ширину на 5. Верста в то время составляла 2 км. Дуброва граничила с лесными угодьями дворцовых крестьян сел Лугани и Добруни.

Рядом с селом на речке Селеченке была мельница-колтовка. Крестьяне мололи на ней зерно, но оброка не платили. В писцовой книге 1626 г. дается описание границ селеченских владений. Они шли по берегу реки Сев вниз по течению до речки Хохловки, дальше по Усожи до впадения ее в Нерусу. Земли по левому берегу Нерусы были монастырскими, а справа – дворцовыми. Затем граница шла вдоль трубчевского рубежа, до впадения в Нерусу речки Тары, захватывая пустошь, «что было селище Павловичи», до новгородского рубежа. Деревня Павловичи запустела «от разорения литовских людей». Самым ценным угодьем были бортные ухожья. Мед добывали селеченцы и другие монастырские крестьяне и платили медвяный оброк в монастырь по полтора пуда. Селеченцы владели двумя ухожьями. На своих деревьях они ставили «знамена», т.е. знаки: соху – в виде галочки с маленькой чертой – тном в ней и внизу две больших черты – переворы. Древний бортный знак может стать основой селеченского герба.

Вместе с жителями села Невдольска в этой монастырской вотчине было 140 мужчин, проживавших в 125 дворах, а всего – около 600 человек.

По переписи 1653 года при церкви Покрова Пресвятой Богородицы было написано 2 двора поповых, а в приходе числилось 136 дворов. В 1669 году игумен Свенского монастыря Никодим послал челобитную в патриарший казенный приказ о том, что селеченская церковь должна платить денежный церковный сбор не в Севск, а в Брянск. Оттуда была послана грамота к старосте севских попов Ипатию, подтверждавшая подчинение церкви Покрова Пресвятой Богородицы брянским церковным властям. В переписных книгах 1703 г. число приходских дворов осталось почти таким же – 137, но дворов попов стало 4.

В связи с отдаленностью Селечни от Свенского монастыря его повинности состояли из денежных и натуральных выплат. В 1763 г. в связи с секуляризацией церковных земельных имуществ, проведенной Екатериной II, Селечня подчиняется коллегии экономии, а с 1830-х годов жители Селечни становятся государственными крестьянами.

1. Материалы для истории церквей Брянского края. - Брянск, 2010.
2. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.10231. Писцовая книга Брянского уезда 1627-1629.
3. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.10235. Переписная книга Брянского уезда 1677-1678.
4. Памятники южновеликорусского наречия. - М.,1982.

Ю.П. Соловьев,
*кандидат филологических наук,
БФ Московского психолого-социального
университета*

Брянское братское военное гарнизонное кладбище

В Брянске постоянно с XVIII века находились те или иные воинские части, Арсенал и лазарет. К началу XX века в городе стояли два полка Императорской Русской Армии – 143-й пехотный Дорогобужский и 144-й пехотный Каширский. Они составляли 2-ю бригаду 36-й пехотной дивизии. Штаб дивизии находился в Орле. Командир бригады имел чин генерал-майора и, кроме строевой должности, был начальником Брянского гарнизона. Дорогобужский полк размещался в Брянске с 1882 г., Каширский пришел из Орла еще позже, в 1890-х. Чины (особенно нижние) воинских частей и учреждений, умиравшие на

службе, хоронились с определенного времени отдельно от горожан.

Обстоятельства, при которых появилось в Брянске военное кладбище, можно назвать драматическими. Здесь, как и еще в 27 русских городах, 10 октября 1808 г. было учреждено так называемое Запасное рекрутское депо в составе шести пехотных рот. Такие депо были сборными местами, где вновь набранные в армию призывники-рекруты проводили первые 8-9 месяцев службы, чтобы привыкнуть к военной жизни [1].

Однако случилась беда – в Брянском рекрутском депо началась эпидемия. Что за хвороба косила здешних рекрутов, сказать трудно. Повальные болезни были бичом армий и в XX веке. Например, бывший начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии, Герой Социалистического Труда, генерал-полковник медицинской службы Ефим Иванович Смирнов так вспоминал об эпидемиологической обстановке в 1941 г.: «В течение первого года войны заболеваемость сыпным тифом имела место на Западном, Северо-Западном, Калининском и Брянском фронтах. На остальных фронтах поражение им было мизерным... Боевая и медико-санитарная обстановка на перечисленных фронтах сложилась так, что для защиты Москвы и Ленинграда в эти фронты прибывало много пополнения. Среди новобранцев, поступавших зимой 1941/42 года, встречалась вшивость и были случаи заболеваний сыпным тифом». В 1941-1944 гг. угроза эпидемии сыпного тифа «нависла над населением районов... Смоленской, Брянской, Курской и Рязанской областей» [2]. И действительно, весной 1944 г. в частях Брянского гарнизона РККА свирепствовал смертоносный «сыпняк» [3].

Ну, а за 137 лет до этого, весной 1807 г., в местечке Дружкополь на берегу Буга от того же тифа, называемого еще и «гнилой горячкой», «умирало множество солдат Брянского полка». В 1808 г. в Русской Армии вновь эпидемия тифа, или «нервной повальной горячки», «началась в апреле, сильнее всего свирепствовала в мае и прекратилась в июне, редкий солдат

не пострадал от нее» [4]. Наконец, весной 1809 г. эпидемия докатилась и до Брянска. О ее масштабах можно судить по тому, что на территории брянской Нижней Посопной слободы (это пространство от Нижнего Судка до Карачижа и от современного автовокзала – до реки Десны) было разбито несколько лазаретов для «рекрутского депо военно служащих» [5]. Под лазареты также использовались вновь построенное каменное здание городского магистрата (на месте теперешней гостиницы «Чернигов») – и старый деревянный магистрат на Покровской горе [6].

Умерших рекрутов хоронили на кладбище при бывшем монастырском храме во имя святого Иоанна Предтечи в Заречной слободе (на месте храма и кладбища после 2-й мировой войны были выстроены новые корпуса завода «Дормаш»), для чего приходилось нести покойников едва ли не через весь город. Тревогу забил тогдашний брянский городничий Иосиф Иосифович Вейтбрехт (1752-1829), вюртембергский дворянин. 1 июня 1809 г. он обратился в Брянскую городскую думу и сообщил, «что большая города часть жителей по нынешнему теплomu времени претерпела еще большие неприятности от заражения воздуха естественным зловонием, происходящим от большого числа ежедневно проносимых мертвецов из лазаретов по нижней слободе находящихся чрез большую часть для похранения их на погосте церкви... в непрерывном почти расстоянии от жилых пределов города состоящей...» Чтобы предотвратить «зловреднейшие последствия» для брянцев от такого опасного соседства, городничий предложил «на дороге, ближайшей от лазаретов, для выноса мертвых из города из выгонной земли отделить хотя с пол десятины [и] пристойным оградить погост» [7]...

Вопрос о новом военном кладбище был решен быстро, и уже 10 июня 1809 г. замещавший Вейтбрехта на посту городничего подпоручик Блинов сообщал, что «для похоронения умерших тел место в городе Брянске на Нижней Посопной слободе на большой Трубчевской дороге в кварталах 13-м и 14-м в длину и ширину по равным частям по 60 сажен да внутри оно под

построения церкви или часовни в длину и ширину по 10 сажен брянским уездным землемером отведено». Для того, чтобы новое кладбище «немедленно... огородить пристойною оградой или вырыть приличной окоп», был Брянской городской думой назначен «главный в сем думы» Андреян Авилов, «с тем чтобы он нанял рабочих людей и привел бы в скорости ко окончанию» [8]...

Таким образом, можно считать, что Военное братское кладбище, на котором стали хоронить умерших военнoслужаших отдельно от горожан, существовало в Брянске с июня 1809 года вблизи Трубчевской заставы города и Хлебной площади. Позже здесь построили еще так называемую «Красную» почтовую и ямскую станцию. Теперь это район брянского автовокзала.

К 19 апреля 1901 г. по сведениям, собранным брянским полицеймейстером, Брянское «военно-братское» кладбище занимало площадь в 1088 квадратных сажен, находилось на городской земле, погребались на кладбище «только военные, средним числом в год 25 человек, свободных мест имеется приблизительно на 500 могил» [9].

На плане Брянска 1906 г. видно, что военное (православное) кладбище соседствовало с кладбищами католическим (или польским) и еврейским, существовавшими уже к 1876 г.

В приказах по Брянскому гарнизону начала XX века кладбище именуется Брянским братским военным гарнизонным (6 февраля 1912 г.), Брянским братским военным (14 января 1912 г.), Братским гарнизонным (27 января 1912 г.). В документах Брянской городской думы кладбище, как уже говорилось, называли «Военно-братским» (19 апреля 1901 г.). Автор «Орловских епархиальных ведомостей» отметил в 1912 г., что такие кладбища «весьма удачно» называются братскими, «так как здесь находят последнее упокоение призванные к оружию и уроженцы севера, и малоросс, и местный орловский житель, и уроженец литовскопольских губерний» [10]...

Из приказов по гарнизону видно, что кладбище имело свой устав, согласно которому время от времени из числа обер-офицеров Дорогобужского полка начальник гарнизона назначал заведующего кладбищем (например, 6 февраля 1912 г. им стал штабс-капитан Илья Федорович Острокопытов [11], брянский гражданин и домовладелец, командир нестроевой роты Дорогобужцев). Регулярно на содержание кладбища отпускались военным ведомством определенные суммы, для проверки расходования которых по истечении года создавались из числа офицеров комиссии (14-27 января 1912 г. такую комиссию возглавлял подполковник Дорогобужского полка Лавров [12]). Для благоустройства кладбища стоявшие в городе части (кроме указанных полков это еще 5-й тяжелый артиллерийский дивизион и 4-й батальон 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка) должны были регулярно присылать рабочие команды по 30 человек, инструмент и от 3-х до 5-ти подвод с лошадьми для перевозки песка, которым посыпали дорожки кладбища. Работы начинались в 7 часов утра, вторая смена приходила к часу дня [13]. В Императорской Русской Армии солдат бесплатно не работал, даже по наряду. За день хозяйственных работ он получал 12 копеек, притом, что месячное основное довольствие рядового составляло 50 копеек [14] (хлеб в 1914 г. в Санкт-Петербурге, самом дорогом городе Империи, стоил 5-7 коп. за килограмм, селедка – 3-5 коп. за штуку, литр водки – 15-17 коп.)...

После многих лет служения панихид на Военном кладбище под открытым небом приказом по Брянскому гарнизону от 3 марта 1912 г. была создана комиссия по постройке православной кладбищенской часовни-церкви (официальное название). В комиссию вошли штаб-офицер, два ротных командира и полковой священник Дорогобужского полка. Комиссия должна была собраться 7 марта в 11 часов утра в управлении брянского уездного воинского начальника. Однако приказом по гарнизону от 6 марта «комиссия по постройке часовни на братском гарнизонном кладбище» была отменена «до особого распоряжения» [15].

Непонятно, что вызвало отмену комиссии. Возможно, строительство отложили до той поры, пока не возвели подобный же храм в Орле, где находились командование и 1-я бригада (141-й Можайский и 142-й Звенигородский пехотные полки) той самой 36-й пехотной дивизии, 2-я бригада которой (143-й Дорогобужский и 144-й Каширский полки) стояла в Брянске. Надо сказать, что брянская часовня-церковь в конце концов была построена – и в документе, датированном 22 октября 1918 г., значится как давно существующая [16].

Вероятно, строительство таких храмов проводилось весной 1912 г. централизованно по всем гарнизонам Императорской Русской Армии. Об этом можно судить по статье, опубликованной в «Орловских епархиальных ведомостях» 13 мая 1912 г. и посвященной закладке храма-часовни на Орловском братском военном кладбище. Итак, епархиальные ведомости сообщают, что «в последнее время военное ведомство» решило выстроить на Орловском военном братском кладбище небольшой храм «в виде часовни». Проект часовни был «выработан техниками военного ведомства и утвержден протопресвитером военного и морского духовенства» [17]. То есть проект был типовой и прислали его из столицы. Вряд ли стоит сомневаться в том, что часовни на братских кладбищах в Орле и Брянске были одинаковыми.

Насколько торжественно проходила закладка подобного храма-часовни, можно судить опять-таки, по корреспонденции епархиальных ведомостей о закладке часовни на Орловском братском военном кладбище: «Торжество основания церкви началось 29 апреля крестным ходом из церкви Звенигородского полка, куда предварительно принесены были хоругви и иконы из других полковых церквей, и где пред тем настоятелем церкви Звенигородского полка совершена была литургия. Впереди всех участников крестного хода один из так называемых церковников нес фонарь с зажженной в нем свечою; затем другой церковник нес запрестольный крест, а за ним следовали попарно несомые хоругви и иконы. Вслед за иконами шел церковнопевческий хор

Звенигородского полка (в Брянский подобный хор, судя по сохранившейся в частной коллекции фотографии, был, по крайней мере, в Каширском полку, и даже имел подобающее облачение, вроде кафтанов. – Ю.С.), певший под управлением одного из г.г. офицеров пасхальный канон. За хором следовали попарно священники с крестами в руках, а один – с Евангелием. За священниками шла группа офицеров во главе с генерал-майором Зеландом (Алексеем Оскаровичем, в 1904-13 командиром 1-й бригады 36-й пехотной дивизии [18]. – Ю.С.), а за ним богомольцы – люди всех сословий. За городом на протяжении всей дороги до самого места закладки нового храма шпалерами стояли войска под знаменами, – каждая часть с своим военным оркестром, отдавая честь шествующему крестному ходу. Как только крестный ход подходил к отдельной военной части, оркестр ее начинал и исполнял священный гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». На месте закладки церкви был раскинут шатер. Началось богослужение. Кругом стояли военные чины, солдаты и богомольцы «из общества»... Перед отпуском участвовавший в торжестве «основания церкви» Благодичный протоиерей... обратился к богомольцам с проповедью... После отпуста возглашено было многолетие Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу, Святейшему Синоду, Преосвященному Григорию (тогдашнему епископу Орловскому и Севскому. – Ю.С.), христоробивому воинству и проч. Затем крестный ход направился в прежнем порядке в Звенигородскую церковь, чем и закончилось торжество закладки храма на Орловском военном Братском кладбище» [19].

В августе 1914 года Дорогобужский и Каширский полки, входившие в состав 13-го корпуса 2-й русской армии генерала А.В.Самсонова, попали в окружение в Восточной Пруссии и геройски погибли «за други своя», прикрывая отход своего корпуса. Немногие вышли из окружения, немногие попали в плен, еще

меньше людей вернулось из плена. Раньше всех, 7 июля 1916 г., приехал в Россию из Германии священник Дорогобужского полка отец Григорий Иванович Шахов. За время его отсутствия в полковых церквах и кладбищенской часовне-церкви служили священники различных воинских частей. Брянск в 1-ю мировую войну стал тыловым центром Западного фронта, в городе среди прочего открылось много госпиталей. Умерших от ран воинов наверняка хоронили и на гарнизонном кладбище. Между тем, по словам о. Г.И. Шахова, с осени 1916 г. ни в полковой церкви Дорогобужского полка, ни в кладбищенской часовне служб не совершали – в тылу Русской Армии начиналась революционная смута. В 1918 г. священник Г.И. Шахов какое-то время не служил в церкви и работал в отделе здравоохранения Брянского уездного исполкома. Ключи от полкового храма и кладбищенской часовни-церкви отец Григорий передал в отдел юстиции Брянского исполкома [20].

О судьбе Брянского военного кладбища гадать не приходится. В 1930-х годах в СССР прошла кампания по сносу старых кладбищ – в Брянске, например, было уничтожено центральное городское (Преображенское) кладбище, превращенное в парк, носящий теперь имя поэта А.К. Толстого. В это же время в Москве на Соколе снесли и закатали под асфальт крупнейшее в стране Всехсвятское братское кладбище, где хоронили воинов, умерших в многочисленных московских госпиталях в Русско-японскую и 1-ю мировую войны.

На плане Брянска, вычерченном 26 октября 1942 г. немецкими оккупационными властями [21], видно, что к началу войны на кладбищенском мысу у трубчевской дороги сохранялось только еврейское кладбище. Ни военного, ни католического кладбищ уже не было, на территории военного кладбища автор плана обозначил две постройки. Возможно, одно из этих зданий – видоизмененная кладбищенская часовня.

Уже в 1946 г. коммунистические власти Брянска имели определенные виды на территорию трех старых кладбищ, где предполагали соорудить Красноармейский районный парк [22].

Остатки кладбищ были снесены в 1968-м, на их месте разбили сквер им. 50-летия ВЛКСМ.

В 1990-х годах на территории, некогда занимаемой Московским Всехсвятским братским кладбищем, были установлены знаки, посвященные русским героям, пролившим кровь за Веру, Царя и Отечество. Первоначально это была инициатива частных лиц, позже поддержанная властями. Вспомнит ли русских героев Брянск и будет ли память о Брянском военном кладбище как-то увековечена на городской земле – вопрос...

См. вклейку рис. 1-3.

Приложение

Список известным на сегодняшний день чинам брянского гарнизона и членам их семей, погребенным на брянском военном братском кладбище

1. Подполковник 144-го пехотного Каширского полка Михаил Федорович Карлов, 42 лет. Умер 2 мая 1900 г. от туберкулеза легких. Погребен 4 мая 1900 г.
2. Унтер-офицер 144-го пехотного Каширского полка Шиляев. Умер от холеры 1 сентября 1893 г.
3. Рядовой 16-й роты 143-го пехотного Дорогобужского полка Матвей Никитин Замараев, 22 лет, Пермской губернии, Ирбитского уезда. Умер скоропостижно от паралича сердца 4 апреля 1895 г., погребен 8 апреля 1895 г.
4. Рядовой 1-й роты 143-го пехотного Дорогобужского полка Александр Сниток, 22 лет. Умер от воспаления легких, погребен 24 июля 1895 г.
5. Рядовой 144-го пехотного Каширского полка Степан Максимович Пакалюк, 21 года. Умер 6 сентября 1895 г.

6. Рядовой 13-й роты 144-го пехотного Каширского полка Егор Васильев Перевалов, 24 лет, Пермской губернии, Верхотурского уезда, Топорковской волости, деревни Мыси. Умер от брюшного тифа. Погребен 12 июня 1896 г.

7. Рядовой 143-го пехотного Дорогобужского полка Флориан Маскевич, римско-католического вероисповедания. Умер 2 июня 1898 г., погребен 4 июня 1898 г.

8. Рядовой 4-го батальона 1-го пехотного Невского полка Иван Егорович Семенков, 23 лет, старообрядец, крестьянин Виленской губернии, Троицкого уезда. Умер 12 февраля 1899 г. от раны живота, погребен 17 февраля 1899 г.

9. Молодой солдат 1-го пехотного Невского полка Иван Бабрович, 22 лет, римско-католического вероисповедания. Умер 17 февраля 1900 г. от чахотки, погребен 20 февраля 1900 г. Погребение совершал православный священник 144-го пехотного Каширского полка отец Арсений Молотков.

10. Молодой солдат 144-го пехотного Каширского полка Захарий Шилов, 22 лет, из крестьян Пермской губернии, Оханского уезда. Умер 5 апреля 1900 г. от крупозной пневмонии, погребен 6 апреля 1900 г.

11. Ефрейтор 144-го пехотного Каширского полка Августин Урчукевич, 23 лет. Утонул 10 августа 1900 г., погребен 12 августа 1900 г.

12. Молодой солдат 144-го пехотного Каширского полка Иосиф Людвигович Шумицкий, 21 года, римско-католического вероисповедания, из мешан г. Серадзы, Калишской губернии. Умер 19 февраля 1904 г. от хронического воспаления легких, погребен 21 февраля 1904 г. Погребение совершал православный священник церкви 144-го пехотного Каширского полка Симеон Доронович.

13. Молодой солдат 144-го пехотного Каширского полка Адольф Иосифов Гонсовский, 21 года, римско-католического вероисповедания, из крестьян Виленской губернии, Лидского уезда, Александровской волости. Умер 17 марта 1904 г. от крупозного воспаления легких, погребен 20 марта 1904 г. Погребение совершал православный священник церкви 144-го пехотного Каширского полка Симеон Доронович.

14. Молодой солдат 144-го пехотного Каширского полка Николай Антонов Крицкий, 22 лет, из крестьян Виленской губернии, Лидского уезда, Лебедской волости. Умер 22 марта 1904 г. от воспаления почек, погребен 24 марта 1904 г. Погребение совершал православный священник церкви 144-го пехотного Каширского полка Симеон Доронович.

15. Рядовой 144-го пехотного Каширского полка Даниил Антонов Созонин, 23 лет, из крестьян Гродненской губернии, Кобринского уезда, Осовецкой волости, Белинского общества. Умер 20 июля 1904 г., погребен 21 июля 1904 г.

16. Младенец Николай, 6 месяцев, сын фельдфебеля 144-го пехотного Каширского полка Сергея Григорьевича Гапановича. Умер 8 ноября 1904 г. от крупозного воспаления легких, погребен 9 ноября 1904 г.

17. Молодой солдат 144-го пехотного Каширского полка Иосиф Иванов Кирьянович, 22 лет, римско-католического вероисповедания, из крестьян Виленской губернии, Лидского уезда, Докубовской волости. Умер от воспаления легких 7 декабря 1904 г., погребен 9 декабря 1904 г. Погребение совершал православный священник церкви 144-го пехотного Каширского полка Симеон Доронович.

18. Рядовой 144-го пехотного Каширского полка Алексей Никифоров Половинкин, 23 лет, из крестьян Пермской губернии, Осинского уезда, Устиновской волости, д. Летляки. Умер 23 декабря 1904 г. от хронического воспаления легких, погребен 27 декабря 1904 г.

19. Молодой солдат 144-го пехотного Каширского полка Захария Гавриилов Лукутин, он же Зубарев, 22 лет, из крестьян Орловской губернии, Карачевского уезда, Хотимльской волости, деревни Мертвой. Умер 14 февраля 1912 г. от сыпного тифа, погребен 18 февраля 1912 г.

20. Рядовой 144-го пехотного Каширского полка Владимир Лаврентьев Савченко, 24 лет, из крестьян Харьковской губернии, Старобельского уезда, Новобеленской волости и слободы. Умер 24 марта 1912 г. от туберкулеза легких, погребен 26 марта 1912 г.

21. Рядовой 144-го пехотного Каширского полка Бронислав Иоаннов Гадай, 22 лет, римско-католического вероисповедания, из крестьян Седлицкой губернии, Венгровского уезда, гмины Чарноглав. Умер 18 июня 1912 г. от туберкулеза легких, погребен 19 июня 1912 г.

(Источники: ГАБО. ОДФ. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.102, 188, 219об., 237, 350, 409, 423; Д.2. Л.13об.-17; Ф.543. Оп.1. Д.105. Л.16об.-17; Д.106. Л.15об.-17; Ф.544. Оп.1. Д.105. Л.15об.-16.)

1. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч.10. - СПб., 1900. -С.22; Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам / М.И. Богданович. - СПб., 1859. - Т.1. - С.60-61.

2. Смирнов, Е.И. Фронтовое милосердие / Е.И. Смирнов. - М., 1991. - С.172.
3. Смотрите данные из ОБД «Мемориал» на умерших в Брянске в апреле-мае 1944 г. и похороненных теперь в братской могиле на центральном брянском кладбище красноармейцев Миколачевского Антона Иосифовича, Захарчука Михаила Иосифовича, Розинскую Нину Ефимовну, Шнило Евстафа Степановича, а также прилагаемую к указанной справке фотокопию ведомости об убыли личного состава (ЦАМО. Ф.58. Оп.18002. Д.505).
4. [Дурова, Н.А.] Кавалерист-девица. Происшествие в России. Часть I / [Н.А. Дурова]. - СПб., 1836. - С.66; Васильев, К.Г. История эпидемий в России / К.Г. Васильев, А.Е. Сегал. - М., 1960. - С.315.
5. ГАБО. ОДФ. Ф.2. Оп.1. Д.162. Л.8.
6. Соловьев, Ю.П. Красная площадь в Брянске / Ю.П. Соловьев // Преображение. (Бежица.) - 2010. - №6-7 (29). - С.9.
7. ГАБО. ОДФ. Ф.2. Оп.1. Д.162. Л.1.
8. Там же. Л.6, 8.
9. Там же. Л.86.
10. К-ский. Закладка храма-часовни на Орловском братском военном кладбище / К-ский // Орловские епархиальные ведомости. - 1912. - 13 мая (№20). - С.571-572.
11. ГАБО. Ф.ОДФ. 334. Оп.1. Д.191. Л.15.
12. Там же. Л.3, 11.
13. Там же. Л.50, 160, а также: ГАБО. Ф.334, оп.1, д.204. Л.136.
14. Марков, О.Д. Русская Армия 1914-1917 / О.Д. Марков. - СПб., 2001. - С.50-61; Приложение №11.
15. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.191 (Приказы и объявления начальника гарнизона г.Брянска 1912 г.). Л.34, 36.
16. ГАБО. Ф.Р-2515. Оп.1. Д.7. Л.13-13об.
17. К-ский. Ук.соч. С.572.
18. Волков, С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том I (А-К) / С.В. Волков. - М., 2009. - С.549.
19. К-ский. Ук.соч. С.572-573.

20. ГАБО. Ф.Р-2515. Оп.1. Д.7. Л.13-13об.

21. За возможность познакомиться с этим планом автор сердечно благодарит первооткрывателя документа немецкого историка С.Штоппера и брянского краеведа-любителя А.В. Кукатова.

22. Соколов, В. Брянск / В. Соколов, Б. Шавырин. - Брянск, 1946. - С.34.

Э.В. Снытко,
*лаборант кафедры истории,
политологии и социологии,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Воспоминания В.С. Талюко как исторический источник

В изучении истории Брянщины XX века важную роль играют воспоминания очевидцев происходивших событий. Оценка современниками сложных процессов развития российского общества в советский период может вызывать сегодня дискуссии и в науке, и в публицистике, поскольку важную роль в такой оценке играл идеологический фактор. Особенно это относится к воспоминаниям, написанным в 20 – 50-е годы, но знать различные точки зрения необходимо для понимания сущности самой российской цивилизации. Примером воспоминаний, дающих субъективную оценку экономическим и социально-политическим процессам на Брянщине, может служить рукописная работа Василия Степановича Талюко «История села Перетина» (Гордеевский район Брянской области) – подарок краеведа Перетинской школе. Один экземпляр таких воспоминаний хранится в краеведческом музее средней школы №1 поселка Красная Гора. Текст воспоминаний объемом 200 страниц отпечатан на пишущей машинке; имеются также фотодокументы, в

частности, фотографии участников событий 20-х годов прошлого века.

Автор воспоминаний В.С. Талюко родился в Перетине, там же окончил земскую школу, в августе 1938 г. – рабфак при Бежицком машиностроительном институте, в дальнейшем жил в Смоленске, занимался пропагандистской работой на предприятиях города.

Воспоминания посвящены 60-летию советской власти и 60-летию первого выпуска Перетинской земской школы, к которому принадлежал и сам автор. В.С. Талюко пользовался многочисленными архивными материалами, воспоминаниями своих земляков, таких, как Ф.Т. Кошман, П.М. Подрубный, В.С. Соломенный и других. В работе есть некоторые неточности, ошибки (например, в исследовании истории административно-территориального деления края), доминирует субъективный взгляд на события, господствует идеологический фактор, но в целом она представляет несомненный интерес для краеведов.

Автор не ограничивается историей Перетина, в воспоминаниях можно найти сведения по многим волостям Суражского уезда Черниговской губернии, узнать о событиях, происходивших в других населенных пунктах уезда. В частности, это Ляличи, Петрова Буда, Смяльч, Ущерпье, Малое Удебное, Кибирщина и Заборье. Дается краткий очерк истории заселения территории современных Красногорского, Гордеевского, Новозыбковского и Клинцовского районов с XIV по XVIII век. С середины XVIII века, ссылаясь на Румянцевскую генеральную опись 1765 – 1768 гг. и данные А.М. Лазаревского, автор указывает, что в Перетине было 19 дворов и 25 хат, что населенный пункт принадлежал помещику Якову Тарновскому. В 1777 г. деревня была отобрана у Тарновского графом П.В. Завадовским. Внимание читателя могут привлечь приводимые автором многочисленные жалобы Тарновского на обидчика в Петербург, негативная оценка российского бюрократизма. Вместе с тем приводится биография Завадовского, рассказывается о строительстве его дворца в Ляличах [1].

Указывая на важнейшие события в истории Суражского уезда Черниговской губернии, автор обращает основное внимание на рост населения Петровобудской волости с 1768 по 1911 г. Позитивную динамику автор объясняет закрепощением крестьян Левобережной Украины. На примере Перетина и некоторых других населенных пунктов мы видим типичную картину жизни народа. В нечерноземной зоне европейской части России можем судить об уровне экономического, социального и духовного развития российского крестьянства в XIX – XX столетиях, об основных направлениях острой политической борьбы в деревне. Рост населения Петровобудской волости показан в таблице:

Годы	1768	1781	1859	1882	1901	1911
Дворов	45	139	176	247	310	382
Жителей	275	917	1187	1648	2083	2412

В Перетине по переписи 1882 г. из 1648 человек насчитывалось 837 мужчин и 811 женщин, из них грамотных 13 мужчин и 3 женщины. По распределению рабочей силы: без рабочих мужчин насчитывалось 15 дворов, с одним рабочим мужчиной – 134 двора, с двумя – 75, с тремя – 18 дворов и с четырьмя – 6 дворов. По землепользованию: без земли – 13 дворов, владевших от 3 до 5 десятин – 25 дворов, от 5 до 10 – 95 дворов, от 10 до 15 – 62, от 15 до 25 – 44, от 25 до 100 – 5 и три двора по 354 десятины в среднем. Поденным трудом занимались три двора, ремеслом – четыре двора [2].

Дальним отхожим промыслом занимались 23 двора. Это сгон плотов по рекам Ипуть, Беседь, Сож и Днепр (9 дворов), земледельческие работы в южных губерниях (14 дворов). В августе и сентябре имели место отходы жителей на сахарные заводы Украины; на такие работы могли отправляться и подростки. Автор приводит данные о выдаче паспортов разного срока действия по Петровобудской, Заборской, Лотаковской, Поповогорской, Гордеевской, Уношевской и другим волостям Суражского уезда Черниговской губернии во второй половине XIX века. Подрядчики от сахарозаводчиков, лесоторговцев и владель-

цев судов еще зимой появлялись в селах уезда и хорошо знали, в каких населенных пунктах крестьяне особенно нуждаются в заработке. Подробно описана и работа на сахарных заводах, на лесосплаве: от условий труда до размеров заработка и особенностей трудовых отношений в артелях (круговая порука). Приводятся даже фамилии старост в трудовых артелях (например, по селу Заборье).

Показан уровень жизни крестьян. Урожай ржи не превышал 20 пудов с десятины, картофеля – 160 пудов. Приводятся материалы Черниговского земства о распространении посадок картофеля в Суражском уезде из помещичьих хозяйств в крестьянские: сначала это были небольшие грядки в огородах, а потом картофель появился и на полях.

Делается вывод о тяжелом положении крестьян уезда, причинами чего были малоземелье, плохое плодородие почвы, частые неурожаи, социальное неравенство. Автор утверждает, что реформа 1861 г. не улучшила положения крестьян в крае. Отхожие промыслы проблемы бедности также не решали, отсюда переселение некоторых жителей Перетина на Северный Кавказ, на Дальний Восток и даже в Америку и в Австралию.

Отдельная глава воспоминаний посвящена событиям революции 1905 – 1907 гг. в Перетине и в Суражском уезде. События в Перетине осенью 1905 г. описываются наиболее подробно; автор ссылается на воспоминания Ф.Т. Кошмана в клинцовской газете «Труд» в 1925 г. Рассказывается, как жители села Корней Хорт («Куропаткин») и Яков Теленок («Стессель») призывали крестьян «не только разгромить усадьбы помещиков, но и их самих с семьями и постройками смести с лица земли» [3]. В Суражском уезде насчитывалось 25 случаев разгрома помещичьих усадеб, в том числе в Петровобудской волости – 9. Для празднования победы в классовой борьбе использовалась добыча: мясо отобранного у помещика быка и спирт, похищенный из ближайшего винокуренного завода. И Кошман, и Талюко осуждают подобный радикализм, но события революции, естественно, описаны в духе времени (70-е годы XX века). Делается

вывод, что у крестьян не было иного выхода, поскольку царская власть не решала земельный вопрос. Подробно описываются карательная экспедиция адмирала, генерал-адъютанта Дубасова в Петровобудскую волость, а также экспедиция губернского чиновника генерала Рудова. Приводятся воспоминания Татищева, отрывки из донесения Дубасова императору Николаю II. Показаны также события 1905 г. в деревне Кибирщина Суражского уезда, где борьба достигла наибольшей остроты.

Автор подвергает критике позицию черниговских губернских чиновников, подозревающих земских учителей в распространении революционных взглядов. Действительно, Дубасов, губернатор Хвостов и директор народных училищ Войцеховский считали «третий элемент» неблагонадежным и выступали против земских школ из-за оппозиционности учителей. Приводятся примеры революционных листовок от политических партий (социалистов-революционеров, Крестьянского союза, социал-демократов), а также донесения помещика Листовского суражскому уездному исправнику об обнаруженных революционных прокламациях. В донесении указываются имена крестьян, «готовых проявить активное участие при возникновении беспорядков» [4]. Имеются в виду крестьяне-агитаторы Григорий Головки, Шкода, Пастухов, Сарафанов, Усов, Неберо и Белый. Показаны взаимоотношения местных властей и крестьян при попытках ареста агитаторов. Причинами революции автор называет помещичье землевладение и как следствие – малоземелье крестьян. Столыпинская реформа оценивается негативно на основании тех ее результатов, что за 9 лет (с 1906 по 1915 гг.) из перетинской общины выделилось только 10 дворов (например, семьи крестьян Лобанова Евдокима, Лобанова Никифора, Селезнева Фомы, Морозова Андрея, Лобанова Ивана), а также появилось кулачество.

Показано отношение крестьян Перетина к событиям февраля 1917 г., митинг в Петровой Буде. Автор противопоставляет большевиков анархистам и бандитам, которые мешали разрыванию революционного движения, «отталкивали от револю-

ции многих крестьян, особенно середняков» [5]. Интерес читателя может вызвать рассказ о поездке представителя Петровобудской волости Евмена Ольхового в Петроград к Керенскому по вопросу о переделе земли. События летом и осенью 1917 г. описаны особенно подробно: рассказывается о выборах волостного правления, об обострении классово-партийной борьбы, о создании в Перетине большевистской ячейки. Показательно, что в селе были представители разных партий: большевиков, меньшевиков, левых и правых эсеров. Один из правых эсеров был избран в волостное правление. Приводится подробная биография большевика Филиппа Тимофеевича Кошмана, который родился в Перетине в 1884 г., работал поденно в сельском хозяйстве, затем на строительстве железных дорог, военных крепостей на Дальнем Востоке, а в 1914 г. выехал на работу в Австралию. Вернулся в Россию в августе 1917 г. В октябре – ноябре 1917 г. в Перетине была создана большевистская ячейка, куда входили Ф.Т. Кошман, П.М. Подрубный и В.С. Соломенный (ставший впоследствии кандидатом исторических наук).

Переход власти от волостной земской управы к коммунистической ячейке, а затем к волостному съезду советов произошел мирным путем. Председателем волисполкома был избран Л.В. Старовойтов, товарищем председателя (заместителем) – А.П. Толстоноженко, Е.А. Веселый – секретарем, Ф.Т. Кошман – зав. земельным отделом.

В апреле 1918 г. Перетин был оккупирован немецкими войсками. 17 августа группа жителей Перетина и Петровой Буды, вооруженная винтовками, напала на отряд украинских гайдамаков, заготавливавших продукты в Петровой Буде (нейтральной зоне). При этом трое гайдамаков были убиты. На следующий день немецкие войска сожгли в Перетине более 200 домов. В декабре 1918 г. в Перетине была восстановлена советская власть, председателем волисполкома был избран Ефим Андреевич Веселый, членами исполкома – А.П. Толстоноженко, А.Т. Галюко, Шкляр, Рябцев.

Важной темой воспоминаний является процесс ликвидации неграмотности в крае. В Гордеевке были организованы курсы для подготовки будущих учителей (заведующий И. Медведев). Из Перетина на курсах находились Шелеп Василий и автор анализируемых воспоминаний. Учащимся выдавалось свидетельство, что с 18 сентября по 13 октября 1920 г. ими были прослушаны методика преподавания русского языка, арифметики и политическая грамота, беседы по «технике ликвидации неграмотности». В дальнейшем «ликвидаторы» неграмотности зачислялись в штаты волостных отделов народного образования. Занятия с крестьянами проходили пять раз в неделю рано утром; за 1920 и 1921 гг. было обучено три набора по 25-30 человек в каждом. Обучению подлежали неграмотные в возрасте от 16 до 50 лет.

Автор пишет о решениях первой волостной крестьянской конференции, состоявшейся 8 марта 1922 г. Здесь рассматривались вопросы о международном и внутреннем положении, о проведении сельскохозяйственных работ, о сельхозкооперации, выборы делегатов на уездную и губернскую конференции. Дается в целом позитивная оценка многим мероприятиям, проводимым в стране в рамках нэпа. Отмечается, что из села на поселки (Красная Нива, Красный Осов, Владимировка, Зеленая Роща, Красная Криница, Красный Пахарь, Юный Пахарь, Рассвет, Отрадное) выселилось около трети жителей Перетина. Анализируется и процесс организации поселков. Названия им в духе времени давали сами крестьяне, что свидетельствует, по мысли автора, о широкой поддержке нэпа в уезде. Но есть и выдержки из клинцовской уездной газеты «Труд» о сложностях при разделе земли, а здесь встречаются и примеры острых противоречий (дело лесничего Хмельницкого, применявшего наемный труд). Интерес у читателя может вызвать протокол заседаний сельсовета (председатель Степан Цацуро) в Перетине 11 марта 1923 г. (о присоединении к Ущерпской волости). Показан процесс организации сельпо, выборы его правления, а также организация комсомольских ячеек, которые ставили своими задачами борьбу

с бандитизмом, взяточничеством, пьянством. В духе времени приводятся подробные биографии членов большевистской ячейки в Перетине. Важно отметить следующее. Если нэп оценивался в советской исторической науке как вынужденная политика, то в настоящих воспоминаниях дается в основном его позитивная оценка, поскольку эта политика обеспечила подъем сельскохозяйственного производства на Брянщине и могла бы в дальнейшем полностью себя оправдать. Кризис нэпа и трудности с хлебозаготовками автор объясняет лишь позицией кулаков.

Примером классовой борьбы в Перетине может служить судьба Акима Петровича Морозова, селькора клинцовской газеты «Труд», убитого в Перетине выстрелом в окно 16 ноября 1928 г. Убийство, как писала газета, произошло на почве кулацкой мести. Селькор был сторонником коллективизации, полагал, что нэповские поселки не дают возможности развивать многопольный севооборот, а на хуторе вообще «одичать можно». Отсюда следовал вывод: надо стремиться к коллективным формам ведения хозяйства. Но среди крестьян, как пишет автор, было немало сторонников индивидуальных форм, в том числе и хуторов. Отсюда – обострение классовой борьбы, призывы в средствах массовой информации дать «жестокий отпор» кулаку. Убийца (Сова Петр) и подстрекатель (Василий Кожухов) были приговорены к смертной казни. В 1928-1929 гг. печаталась повесть Морозова «Черные вороны».

В.С. Талюко справедливо полагает, что товарность присуща крупным хозяйствам и на основании идеологического подхода делает вывод, что коллективизация сельского хозяйства была необходима в стране. Но в то же время ярко показаны перегибы в осуществлении коллективизации, а также деятельность группы антиколхозного движения в Перетине и Владимировке. Члены этой группы даже планировали начать поход на Гордеевку, затем на Клинцы и Новозыбков, на Брянск и Смоленск, рассчитывая на поддержку частей Красной Армии в Новозыбкове. Даются примеры неправильного отношения к середняку (судьба Ефима Андреевича Веселого, которого арестовывали, не прини-

мали в колхоз, а затем заочно приговорили к пяти годам тюрьмы; Гончарова Ивана Васильевича). В итоге три созданных колхоза («Свободный труд» – председатель Колесников И.К., «Новый Перетин» – Колесников А.Д., «Белая Криница» – Шелеп А.М.) объединились в один – имени Молотова.

В качестве приложения к воспоминаниям приводятся фрагменты из записок А.А. Татищева «Объезд сатрапа» о поездке Дубасова в Черниговскую губернию, опубликованные Западным издательством в Смоленске в 1936 г. [6]. Приводятся также отрывки из отчета Дубасова Николаю II о событиях 1905 г. в Суражском уезде [7]. В примечании автор указывает на некоторые неточности в записках Татищева и выдвигает свою версию событий 1905 г. в селе Медведове Стародубского уезда (ныне село Клинцовского района).

Обилие в воспоминаниях имен и фамилий жителей Перетина и других населенных пунктов Суражского уезда Черниговской губернии может вызвать особый интерес у читателей: ведь речь идет о родственниках наших современников, о биографиях, которые не рассматривались в официальной исторической науке 20-70-х годов прошлого века. Яркие картины народной жизни, многочисленные примеры деятельности органов государственной власти, эпизоды классовой борьбы, наконец, попытки формирования гражданского общества – все это дает возможность лучше понять особенности развития российской цивилизации. Очевидно, немало подобных воспоминаний можно найти и в других населенных пунктах Брянщины, что позволит более детально изучить историю родного края, пополнить фонды районных и школьных краеведческих музеев.

1. Талюко В.С. Рукопись «История села Перетина». Краеведческий музей СОШ № 1 пгт. Красная Гора. Ф. 1263. С. 11 – 14.

2. Там же. С. 21 – 23.

3. Кошман, Ф.Т. Воспоминания / Ф.Т. Кошман // Труд (Клинцы). - 1925. - № 291.

4. Талюко В.С. Рукопись «История села Перетина». Краеведческий музей СОШ № 1 пгт. Красная Гора. Ф. 1263. С. 57.

5. Там же. С. 71.

6. Татищев, А.А. Объезд сатрапа / А.А. Татищев. - Смоленск : Западное изд-во, 1936.

7. Талюко В.С. Рукопись «История села Перетина». Краеведческий музей СОШ № 1 пгт. Красная Гора. Ф. 1263. С. 181 – 196.

Ю.П. Соловьев,

*кандидат филологических наук,
БФ Московского психолого-социального
университета*

Военное духовенство в Брянске

Православные священники связаны с военно-дружинной средой едва ли не с первых шагов христианства на Руси. Свой пресвитер был еще у святой равноапостольной княгини Ольги в 957 году. К XI-XII вв., как пишет современный археолог и богослов А.Е. Мусин, «мы... знакомы с фактами участия духовенства в военных походах князя Бориса Святого, Яна Вышатича, Владимира Мономаха, новгородского воеводы Ядрея». И хотя обстоятельства древнерусской жизни заставляли батюшек иной раз напрямую братья за оружие, главным образом священники служили духовниками княжеских и боярских дружин [1].

Об участии брянских священнослужителей в военных походах, если не считать подвига на Куликовом поле схимонаха из брянских бояр, преподобномученика Александра Пересвета, источники говорят со второй половины XVII века. Тогда, в 1679

году, Россия готовилась воевать с Турцией. Нападения турок ждали под Киевом, куда по реке Десне от Брянска и посуху от Севска перебрасывали войска под общим командованием талантливой воеводы, боярина, князя Михаила Алегуковича Черкасского. И вот 11 мая 1679 г. царь Федор Алексеевич предписал отправить группу священнослужителей в полк «боярина и воевод князя Михаила Алегуковича Черкасского с товарищи». Во главе этой по-своему представительной делегации (двое священников, один из которых – ключарь главного храма Московской Руси, кремлевского Успенского собора, дьякон и четверо певчих) был поставлен архимандрит Брянского Свенского (или, как его тогда называли, Свинского) монастыря Маркелл. Если судить по брянским монастырским синодикам, архимандрит Маркелл стал первым настоятелем Свенской обители, пребывающим в таком высоком сане [2].

В обязанности посланных к войскам священнослужителей входило следующее: «И как турецкие и иных земель воинские люди придут от Киева в ближние места, и боярину и воеводе князю Михаилу Алегуковичю в то время послать к бояром и воеводам к товарищам своим, чтоб они были к шатру к Спасову образу, и велеть архимандриту Маркелу со всем собором у чудотворного Спасова образа и у животворящего креста петь молебное прошение о победе на враги креста Христова и хулящих имя Спасителя нашего Бога и Спаса Христа и пречистую его Матерь. А во время молебного пения полков своих ратным людем велеть к молебному пению быть и молебного пения слушать со всяким смирением и умилением и чистою совестью...» Кроме того, святыню, посланную, вероятно, вместе со священнослужителями к войскам - Святой Животворящий Крест Господень – надлежало пронести с началом боевых действий по отдельным русским частям: «...велеть архимандриту с соборяны в то время, как полков их бояр и воевод у Государевых ратных людей с неприятелскими бусурманскими войски будут бои, молебствовать; а после молебного пения животворящий крест Гос-

подень перед ними бояры и воеводы носить, или возить по полком в надежду, и в защищение...» [3].

Молитвы Свенского архимандрита и быстрая переброска к Киеву большого количества русских войск остудили турок. Не прошло и года, как Свенский архимандрит Маркелл был 21 марта 1680 г. хиротонисан во епископа Суздальского и Юрьевского с возведением в сан архиепископа. Вероятно, заслуги священнослужителя в успокоении международного конфликта стоили столь высоких наград.

Надо сказать, что Маркелл Свенский был выдающейся личностью даже для богатого на великих церковных деятелей русского XVII века. До пострижения в монашество Маркелл служил писцом в Посольском приказе, владел греческим, латинским, французским, итальянским, немецким, польским и татарским языками. Возможно, и дипломатические таланты архимандрита Маркелла пригодились в противостоянии 1679 года.

С 6 сентября 1681 г. Маркелл уже митрополит Псковский, Изборский и Нарвский. В 1686 г. он восстановил в Ревеле (Таллине) православную Николаевскую церковь, а позже достроил начатый знаменитым патриархом Никоном Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь.

Летом 1690 г. мы встречаем преосвященнейшего Маркелла среди кандидатов на патриарший престол, причем поддерживал Псковского митрополита молодой царь Петр Алексеевич. Но мать Петра, царица Наталья Кирилловна, вкуче со значительной частью духовенства, испуганная образованностью преосвященнейшего Маркелла и доверившись доносу на владыку сошедшего позже с ума Новоспасского архимандрита Игнатия, добилась избрания в патриархи всея Руси митрополита Казанского Адриана. 24 августа 1690 г. Адриан стал патриархом, а уже 8 сентября митрополит Маркелл был переведен в Казань, на оставленную Адрианом кафедру. Скончался владыка Маркелл 21 августа 1698 г. в Казани. Погребен в тамошнем кафедральном соборе [4].

Такая без преувеличения блестящая судьба была у первого известного нам брянского военного священнослужителя.

В 1716 г. «Устав воинский» Петра Великого предписал воинским чинам, где бы они ни находились, в день «суть трижды молиться», причем раз в сутки «в 9-м часу пред полуднем должен священник литургию отправлять при каждом полку» [5]. В продолжение этого предписания определяло основные обязанности военных священников и русское законодательство редакции 1869 г., положения которого в этой части действовали и до года 1917-го: «Священники обязаны неупустительно, в назначенные от полка или команды часы, но в пределах церковно-богослужебного времени, совершать в полковых церквях богослужение, по установленному чину, во все воскресные, праздничные и высокоторжественные дни» [6].

Военные священники Императорской России представляли собой особенную группу среди отечественного духовенства. До конца XVIII в. они подчинялись епархиальному начальству по месту расположения частей войск и лишь во время боевых действий переподчинялись обер-полевому священнику. Император Павел Первый 4 апреля 1800 г. подчинил военное духовенство обер-священнику и в мирное время. Вскоре обер-священник, носивший высший доступный женатому священнику сан протопресвитера, стал управлять всем духовенством Армии и Флота. С 1858 г. обер-священника переименовали в главного священника и он получил права, равные правам епархиальных архиереев, мог назначать и увольнять военных священников, возбуждать против них преследование и т. д. При протопресвитере Армии и Флота существовало особое духовное правление, состоявшее из присутствия и канцелярии. На местах органами управления военного духовенства являлись благочинные священники [7]. Так, расположенная со второй половины XIX века в Орловской губернии 36-я пехотная дивизия Император-

ской Русской Армии представляла собой благочинный округ, а ее четыре полковых церкви – отдельные приходы.

В Брянске находились две полковые церкви 143-го пехотного Дорогобужского и 144-го пехотного Каширского полков, составлявших 2-ю бригаду этой самой 36-й пехотной дивизии. Соответственно, и военных священников было двое. Однако о них разговор пойдет позже.

Хотя Брянский пехотный (с 1833 по 1856 гг. Брянский егерский) полк, сформированный в 1811 г., квартировал собственно в Брянске совсем недолго, несколько месяцев 1823 года, горожане считали полк «своим» [8]. Краеведы также достаточно часто обращаются к истории Брянского полка. Таким образом, упомянуть здесь о заслугах перед Православной Верой, Царем и Отечеством военных священников Брянского полка будет нелишним.

Еще во время заграничного похода 1812-1813 гг. против Наполеона священник действовавшего на Балтийском побережье Брянского полка Онисим Чичкевич был отмечен за личное мужество, которым «воодушевлял и увлекал за собою» чинов полка.

Спустя десятилетия священник Брянского егерского полка отец Василий Виноградов был пожалован орденом св. Анны 3-й степени с мечами «за неустрашимость при штурме Силистрии» 9 июня 1854 г., «когда он под сильным огнем неприятеля посещал траншеи, где живым примером и красноречивым словом возвышал дух христианского мужества в солдатах и погребал убитых на самом поле битвы» [9]. 26 апреля 1855 г. Брянский егерский полк вошел в состав гарнизона осажденного англо-франко-турецкими войсками Севастополя. Отец Василий и здесь проявил исключительное мужество во время осады Севастополя. Однажды, когда отец Василий совершал богослужение в севастопольской Михаило-Архангельской церкви, над головой полкового священника Брянцев разорвалась граната.

Тяжести осады в Севастополе претерпел еще один священник Брянского полка, протоиерей Василий Самуилович Смирнов, который скончался в Севастополе от контузии и болезни в декабре 1855 г. Не так давно, в 2005 г., во время земляных работ в Бельбекской долине нашли могилу протоиерея Смирнова. Священник Брянского полка был похоронен с Евангелием, кадиллом и наперсным (нагрудным, от славянского «перси» – грудь) крестом. 27 сентября 2005 г. останки отца Василия нашли упокоение на Севастопольском братском кладбище. Над могилой при участии брянских светских и духовных властей был установлен памятник [10].

Замечательным эпизодом обороны Севастополя стал приезд в осажденный город на праздник по случаю наименования Брянского полка «егерским генерал-адъютанта князя Горчакова 2-го полком» выдающегося русского архиерея высокопреосвященного Иннокентия (Борисова, 1800-1857), архиепископа Херсонского и Таврического. 26 июня 1855 г. в одном из севастопольских храмов владыка, питомец старейшего в Брянском крае учебного заведения – Севской духовной семинарии, обращая к чинам Брянского полка, сказал: «Не поучение говорить вам мы прибыли сюда, нет, мы явились учиться у вас, славные защитники града, учиться, как исполнять заповедь Христа Спасителя: оставь отца, мать свою и дом свой, возьми крест и приди ко Мне!» [11]

И в последующих войнах, которые вела Россия, отличались священники Брянского полка. Так, за участие в Русско-турецкой войне 1877-1879 гг. полковой священник Брянцев отец Николай Флоровский был награжден орденом св. Анны 3-й степени. А за Русско-японскую войну 1904-1905 гг., в которой Брянский полк самоотверженно сражался под Ляояном и Мукденом, полковой священник Евгений Викторович Шереметев был пожалован наперсным крестом от Святейшего Синода [12].

Наиболее заслуженным из полковых священников 2-й (брянской) бригады 36-й пехотной дивизии был, несомненно, Павел Федорович Извеков. Он родился 24 июня 1840 года в се-

мье дьякона Калужской губернии, в 1862 г. окончил Калужскую духовную семинарию. Рукоположен в священнический сан отец Павел был 15 декабря 1863 г. Но уже к 5 декабря 1863 г. распоряжением главного священника Армии и Флота П.Ф. Извекова определили на священническую вакансию в формирующийся 142-й пехотный Звенигородский полк (в будущем второй полк 36-й «орловской» пехотной дивизии).

29 августа 1866 г. отца Павла прикомандировали к 143-му пехотному Дорогобужскому полку. Уже через год за отличную службу молодого священника наградили набедренником. 10 августа 1871 г. отец Павел на постоянной основе зачислен в списки 143-го пехотного Дорогобужского полка. 8 апреля 1873 г. «за отлично-усердную службу» полковой священник П.Ф. Извеков высочайше награжден фиолетовой скуфьей.

Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. отец Павел вместе с полком находился в военном походе. В 1879 г. переведен в 141-й Можайский, а в 1880 г. снова в 142-ой Звенигородский полк. 4 июля 1880 г. отец Павел стал благочинным над священнослужителями полков 36-ой пехотной дивизии. Через год определением Святейшего Синода награжден камилавкой. Таким образом, отец Павел стал обладателем целого набора церковных наград, представлявших собой детали его священнического облачения. Из светских наград к началу XX века отец Павел имел ордена св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4 степени с бантом, бронзовую медаль в память Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и серебряную медаль в память царствования императора Александра III. Наконец, 15 мая 1894 г. П.Ф. Извеков был награжден саном протоиерея.

Что касается службы, то в 1888 г. отец Павел переведен в 144-й пехотный Каширский полк, а в 1892-м снова в Можайский. Брянск отец благочинный вниманием не оставлял и 1-4 января 1892 г., а также 2-5 января 1896 г. проводил здесь ревизию полковых церквей.

Вскоре в карьере отца Павла произошел какой-то сбой, в результате чего 28 октября 1896 в Ахтырской церкви г. Орла

при участии командира 141-го пехотного Можайского полка разбиралось дело протоиерея этого полка П.Ф. Извекова. На разбирательство в качестве свидетеля приглашен из Брянска священник 144-го пехотного Каширского полка Василий Турбин [13]. Вскоре отца Павла Извекова перевели в Ревель (Таллин), в 90-й пехотный Онежский полк. В 1898 г. отец Павел перемещен в 17-й пехотный Архангелогородский великого князя Владимира Алексеевича полк и назначен благочинным 5-й пехотной дивизии.

65 лет от роду протоиерей Павел Извеков отправляется со своим полком на театр военных действий Русско-японской войны. В боевых действиях тогда ему не пришлось участвовать, так как вскоре после прибытия полка в Манчжурию было заключено перемирие. К наградам отца Павла прибавились темно-бронзовая медаль в память Русско-японской войны 1904-1905 гг. и наперсный крестом. В 1913-м за 50-летнюю службу протоиерей П.Ф. Извеков был награжден еще одной почетной деталью священнического облачения – палицей.

В 1914 г. 74-летний полковой священник снова ушел на войну. И здесь только в течение 1915 г. батюшка заслужил «генеральский» орден св. Владимира 3-й степени, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, орден св. Анны 2-й степени с мечами. Последние две награды по официальной формулировке – «за отличия во время военных действий» [14].

Чем, собственно, занимались в Брянске рубежа XIX-XX веков полковые священники помимо отправления обычных богослужений? Как и где жили их семьи? Об этом дают некоторое представление частично сохранившиеся в Государственном архиве Брянской области документы церкви 144-го пехотного Каширского полка, приказы по Брянскому гарнизону и воспоминания В.П. Разумова, сына священника Каширского полка отца Петра Разумова.

Итак, помимо богослужений и устройства полковой церкви, военные священники занимались прежде всего воспитательной работой среди личного состава своих частей. Устав внут-

ренной службы Императорской Русской Армии в редакции 23 марта 1910 г. предписывал: «Для нижних чинов православного исповедания, распоряжением командира части, должны быть устраиваемы, не менее как по одной в месяц, религиозные беседы, посещение которых обязательно. Для этих бесед священники должны посещать все роты, хотя бы они и не квартировали в одном пункте» [15].

Высшие военные власти регулярно выказывали заботу о наилучшем обеспечении подобной работы. Например, в 1899 г. вскоре после открытия Брянского продовольственного интендантского заведения (Военно-сухарного завода в Привокзальной слободе) штаб Московского военного округа и окружное интендантское управление вели с этим брянским военным заведением переписку об «усилении религиозной пропаганды». А в 1903 г. на Военно-сухарный завод прислали программу собеседования со служащими «о вере и жизни христианской», а также инструкцию для комиссии, рассматривающей вопросы религиозно-нравственного воспитания [16]. Надо полагать, такая комиссия в Брянском гарнизоне существовала, и военные священники, безусловно, входили в ее состав.

Среди прочих обязанностей брянских полковых батюшек была и такая: 15 октября 1913 г. в разгар, как говорят теперь, «призывной кампании» штабом Московского военного округа начальнику Брянского гарнизона было предписано «для поддержания порядка среди новобранцев, при перевозке их по дорогам... на пункты более или менее продолжительной остановки» вызывать военных или епархиальных священников «для собеседований с новобранцами на соответствующие темы и служения молебнов» [17].

Продолжением подобной просветительской деятельности можно считать и преподавание Закона Божия. Так, священник 143-го пехотного Дорогобужского полка с 1907 по 1914 г. Григорий Иванович Шахов был законоучителем 3-го Брянского мужского городского приходского училища. Училище находилось на Успенской улице, в доме Пестрикова (теперь улица но-

сит имя Урицкого, а в здании училища – кафе «Василич»). Жил отец Григорий здесь же неподалеку: сначала на Успенской, потом на Московской (ныне Калинина) улицах [18]. Судя по памятным книжкам Орловской губернии, место законоучителя сохранялось за батюшкой и в 1915, и в 1916 гг., когда он находился в германском плену. А еще ведь и супруга отца Григория, Мария Николаевна Шахова, была руководительницей работ 2-го отдела Брянского женского ремесленного училища им. Л.А. Могилевцевой [19] ...

Кроме того, военные священники вели миссионерскую работу в своих полках. Большая часть солдат призывалась в мирное время в Каширский полк из Пермской и Гродненской губерний. В первой было много старообрядцев-раскольников, во второй – католики. В случае со старообрядцами существовал ордер протопресвитера военного и морского духовенства от 5 марта 1896 г., предписывавший не допускать «нижних чинов из раскольников до Св. Причастия без довершения Св. Крещения таинством миропомзания» [20], то есть другими словами – без перехода в Господствующую Православную Церковь. Сохранились документальные свидетельства о переходе в Синодальную Церковь заметного числа нижних чинов-старообрядцев Каширского полка. Так, в течение 1898 года изъявили желание перейти «из раскола в православие» рядовые 1-й роты Карп Ермолин, 4-й роты Степан Лебедев, 6-й роты Моисей Печенкин, нестроевой роты Иван Павлов Сарапулов, ефрейтор 7-й роты Аким Повольский. В апреле 1899 г. к ним присоединился молодой солдат 16-й роты Афанасий Федоров Скавронский [21].

Помимо старообрядчества специальный ордер протопресвитера военного и морского духовенства от 4 октября 1894 г. обязывал полковых священников бороться с распространением в войсках «лжеучения баптизма или штунды» [22]. Справедливости ради надо сказать, что требования репрессивных мер к инакомыслящим не были инициативой военных властей: решение о старообрядцах принималось по ходатайству Московского епархиального начальства, а бороться с баптизмом предписывали

обер-прокурор Святейшего Синода и Комитет министров. Впрочем, после объявления на Пасху 17 апреля 1905 г. императорского указа о веротерпимости, издание подобных ордеров стало невозможным. Более того, Устав внутренней службы, введенный 23 марта 1910 г., предписывал: «В дни больших христианских праздников все наряды в части должны, по возможности, возлагаться на чинов нехристианских исповеданий. В свою очередь, чины нехристианских исповеданий (магометане, ламаисты, караимы, евреи и пр.), в дни совершаемого по их вере и обрядам особого богослужения, могут быть освобождаемы от служебных занятий и, по возможности, от нарядов» [23].

Приказы по Брянскому гарнизону как раз и демонстрируют предусмотренную уставом веротерпимость армейского начальства. Скажем, приказание от 15 октября 1913 г. предписывает: «Воинских чинов магометан в дни магометанских праздников освободить от служебных занятий 26, 27, 28 и 29 сего октября» [24]. А 16 сентября того же года начальник Брянского гарнизона приказывает «нижних чинов частей гарнизона иудейского вероисповедания, освободить от всех служебных нарядов и занятий 19, 20 и 28 сего сентября по случаю их праздников Рошгашуну (Новый год) и Йомкипер (День всепрощения) и желающих уволить в город для слушания богослужений, совершаемых по обрядам их веры» [25].

Отношение к католическому духовенству было не менее уважительным, чем к православным батюшкам, что видно хотя бы из приказа №98 по Брянскому гарнизону от 27 августа 1908 г. Поводом для издания приказа послужили следующие обстоятельства: 25 августа 1908 г. военный капеллан Московского военного округа подал по начальству рапорт о том, что во время летних лагерных сборов не все воинские чины римокатолического вероисповедания, служащие в Дорогобужском и Каширском полках, были у исповеди и причастия. Брянским воинам-католикам сообщалось, что «для исполнения духовных треб означенный капеллан прибудет в г. Брянск 30... августа». Три дня на исполнение треб отводилось Дорогобужцам, столько

же Каширцам – «и прочим командам Брянского гарнизона». Команды, составленные из нижних чинов-католиков, начальник гарнизона распорядился «отправлять в католическую каплицу (часовню. – Ю.С.), находящуюся на Петровской горе» [26].

Наконец, «для привоза капеллана» было приказано от Дорогобужского полка выслать экипаж и одну подводку к 11 часам утра на станцию Брянск Риго-Орловской железной дороги, а 2 сентября к 4 часам вечера к католической каплице выслать экипаж и подводку от Каширского полка «для обратного отвоза церковных вещей и капеллана на вокзал» [27]. Ниже мы увидим, что подобным образом доставляли к месту служения полковых православных священников – только подвода им была ни к чему.

Если же военнотружущий-католик умирал, то в последний путь его провожал православный полковой священник. Так было, например, с умершим от чахотки 17 февраля 1900 г. двадцатидвухлетним молодым солдатом 1-го пехотного Невского полка католиком Иваном Бабровичем, которого отпевал и хоронил на Брянском братском гарнизонном кладбище 20 февраля священник Каширского полка Арсений Молотков, или с умершими от воспаления легких в 1904 г. и погребенными на том же кладбище католиками: молодыми солдатами Каширского полка Иосифом Людвиговичем Шумицким, Адольфом Иосифовым Гонсовским и Иосифом Ивановым Кирьяновичем [28]. На гарнизонном кладбище Брянска (сейчас на территории этого кладбища вблизи автовокзала находятся здание 9-й средней школы и сквер) были разбиты три участка по вероисповеданиям: православный, католический и еврейский. В 1912 г. здесь была построена на полковые средства православная кладбищенская часовня [29]. И солдатские работные команды одинаково ухаживали за могилами всех своих товарищей.

Свидетелем солдатских похорон на Брянском гарнизонном кладбище стал в детские свои годы сын священника Каширского полка, в будущем профессор Брянского технологического института Владимир Петрович Разумов (1899-1985):

«Один раз отец взял меня на похороны солдата, умершего в госпитале, который был в том же самом здании, где он находится и теперь: это здание не было разрушено в период войны. Запомнилась медленная весьма скромная похоронная процессия, которая медленно двигалась по Трубчевской (ныне Красноармейской – Ю.С.) улице до канатной фабрики (здание канатной фабрики И.И. Мартынова сохранилось – Ю.С.), а затем, повернув налево, закончилась на военном кладбище. Не помню, везли ли покойника на дрогах или несли его солдаты, но процессия каждый раз останавливалась и выполнялась краткая треба, как это было положено, когда кто-либо из жителей подавал одну-две копейки на помин души» [30].

Согласно документам Государственного архива Брянской области, священник Каширского полка отец Петр Разумов погребал в 1912 г. на Брянском братском военном кладбище трех человек: 18 февраля – молодого солдата Каширского полка Захария Гавриилова Ликутина, он же Зубарев, 22 лет, происходившего из крестьян Карачевского уезда (ныне Брянской области), Хотимльской волости, деревни Мертвой, умершего от сыпного тифа; 26 марта – рядового того же полка Владимира Лаврентьева Савченко, из крестьян Харьковской губернии, умершего 24 лет от туберкулеза; наконец, 19 июня – рядового Каширца, католика Бронислава Иоаннова Гадея, из крестьян Седлецкой губернии, умершего 22 лет от туберкулеза [31]. Возможно, сын священника видел похороны кого-то из этих трех солдат.

Между тем после миссионерских трудов полковых батюшек и благочестивых командиров в православие переходили не только староверы. Например, 22 марта 1894 г. католик, рядовой 11-й роты Каширского полка Степан Ольховик изъявил желание перейти в православие. В том же 1894 г. крестился сверхсрочный старший унтер-офицер 2-й роты Каширского полка Абрам Исааков Цимбрик, иудейского исповедания; а в 1895 – его брат, рядовой 1-го пехотного Невского полка Мойсей Таллер. В 1898 г. крестился мусульманин Шакрифула Ваисов, рядо-

вой 9-й роты Каширского полка. Наконец, самый удивительный случай такого рода произошел в декабре 1895 г., когда отцу Василию Турбину пришлось крестить язычника – рядового нестроевой роты Каширского полка Федора Кастеева, 1872 г.р., крестьянина Пермской губернии, об имени и отчестве отца которого сведений в полку не имелось [32]. Язычник в те годы, когда «Велесову книгу» еще не написали, был большой редкостью на Руси.

Сообщенная выше информация может навести на ошибочную мысль, что наиболее востребованными церковными требами в Русской Армии начала XX века были отпевание и погребение. Это, конечно, не так. В том же 1912 г., когда священник Каширского полка Петр Разумов похоронил трех своих солдат – и еще двух умерших от болезней маленьких детей из полковых семей – он же крестил десять новорожденных мальчиков и одиннадцать девочек. Среди этих новорожденных были крещенные 25 февраля Владимир, сын штабс-капитана Каширского полка Алексея Ивановича Голохвастова, 1 марта – близнецы Всеволод и Алла, дети капитана-Каширца Евгения Ивановича Сипягина, 18 марта – Георгий, сын штабс-капитана того же полка Тихона Трофимовича Межевого, 6 мая – Сергей, сын штабс-капитана Митрофана Васильевича Колпенского, 16 июня – Антонина, дочь зауряд-прапорщика Каширского полка Георгия Евфимиевича Корчемкина, 22 сентября – Дмитрий, сын подпоручика того же полка Бориса Дмитриевича Зепалова, 7 октября – Евгений, сын подпрапорщика-Каширца Андрея Григорьевича Бея, 11 ноября – Серафима, дочь поручика Михаила Стефановича Булгакова, и, наконец, крещенный 21 ноября Николай, сын поручика Каширского полка Ивана Николаевича Полковникова. Демографическая, что называется, динамика налицо.

Но, вдобавок, в тот год отец Петр обвенчал в полковой церкви две супружеские пары [33].

И еще одно важное дополнение: требы военным духовенством исполнялись бесплатно. Русское военное законодательство по этому поводу гласило: «Военные священники обязаны

совершать таинства и молитвословия для воинских чинов в церкви и их домах, не требуя за то вознаграждения» [34].

Военный священник был в Императорской Русской Армии почтенным и уважаемым участником полковой семьи, даже в том случае, когда речь идет о полке гвардейском, элитарном. Официально титуловали полкового батюшку «Ваше Высокоблагословение» [35]. Ему от полка полагался приходящий денщик, живший в казарме. По воспоминаниям В.П. Разумова, денщик «выполнял более тяжелые работы и разовые поручения», например, колол дрова и топил печи. Многодетному священнику Каширского полка отцу Петру Разумову «денщик приносил из части солдатский хлеб, отличавшийся исключительной плотностью» [36].

Впрочем, отец Петр Разумов и сам в редкие часы, свободные от полковых хлопот, любил заниматься хозяйством. «Крупы и сахар покупались отцом обычно на целый месяц сразу и привозились в рогожном кульке на извозчике», – вспоминал об этом сын батюшки [37].

О доходах полкового священника В.П.Разумов рассказывает так: «Доход нашей семьи состоял из жалованья отца, получавшего 20-го числа каждого месяца 125 рублей, из которых 25 рублей уплачивалось за квартиру, до 10 рублей за услуги прислуги, остальное уходило на питание и покупку одежды, которой на семь душ требовалось немало, хотя кое-что переходило от старших к младшим, перешивалось и чинилось. <...> Остаток шел на... уплату за воду, дрова, освещение, а затем позже и за учение, в которое последовательно включались члены семьи один за другим» [38].

Оба брянских полковых священника последнего перед Первой мировой войной поколения были уроженцами северо-запада России. Священник 143-го пехотного Дорогобужского полка Григорий Иванович Шахов родился в 1875 г. в Новгородской губернии, в крестьянской семье, а священник 144-го пехотного Каширского полка Петр Владимирович Разумов – в Пудожской Олонецкой губернии (Карелия) в семье священника. Отец

Григорий Шахов закончил Новгородскую семинарию. В 1912 г. семинарский учитель отца Григория – преосвященный Митрофан (Землянский), епископ Елецкий, навестил Дорогобужский полк в лагерях под Орлом летом 1912 г. [39]...

Отец Петр Разумов был женат на дочери петербургского священника А.М. Лебединского Зинаиде Александровне. Брат отца Петра, Арсений Владимирович Разумов, также служил священником Тюсьбюской военно-местной церкви Нюландской губернии в Финляндии [40]. Такого рода семейственность даже для Каширского полка не была в диковинку: у одного из предшественников отца Петра в должности полкового священника Каширцев, Михаила Епенетовича Ключарева (служил в Брянске до января 1894 г.), брат Александр Епенетович к 1905 г. был священником 199-го пехотного резервного Свирского полка в с. Медведь Новгородской губернии [41].

У отца Петра Разумова и матушки Зинаиды было пять человек детей: трое мальчиков и две девочки. В Брянск в 144-й пехотный Каширский полк священник П.В. Разумов был переведен в 1910 г. До этого он служил во Владимире священником 9-го гренадерского Сибирского полка. Потом, уже с двумя детьми, был направлен в Армению, оттуда – в Тамбов, священником 217-го пехотного Кромского полка 55-й пехотной дивизии. С Кромским полком отец Петр проделал поход в Манчжурию в 1905 г. [42].

Дом, который снял в Брянске для своей семьи отец Петр Разумов, находился на месте современного «Дома книги» на ул. Фокина. В 1910 г. улица называлась Комарёвской, и дом, снятый отцом Петром, принадлежал благочестивым старикам Комарёвым [43]. В.П. Разумов вспоминал, по-своему именуя улицу и квартирных хозяев: «...мы доехали до Комаровской горы, по которой поднялись вверх до дома под номером 35, тоже Комарова. <...> Наш дом, назовем его флигелем, состоял из четырех комнат, из которых одна была довольно большой, и достаточно просторной, но темной прихожей. К дому был пристроен по боковой северной стороне длинный коридор с парадным выходом

на улицу. С другой стороны был выход на двор и пристроенную с западной стороны небольшую кухню. <...> В пристроенной к дому кухне жила кухарка с девочкой-подростком, которая выполняла роль горничной. <...> Швырковые дрова завозились летом и хранились в дровнике большого отведенного для нас сарая... Воду раза два в неделю завозил водовоз... Он таскал воду ведрами и сливал в бочку, которая стояла в коридоре. За бочку воды платили по 20-ти копеек. Холодный туалет также находился в коридоре. В нем же (коридоре – Ю.С.) находилась и кладовая, где хранились банки с вареньем и соленьем, которые заготавливались в свою пору на весь год» [44].

Таким образом семья священника Каширского полка жила до 1918 года. Отношения в семье были самые замечательные: даже спустя десятилетия сын батюшки называл отца, мать, братьев и сестер не иначе, как в ласкательной форме. Это не случайно, поскольку и военное законодательство предусматривало, чтобы полковые священники вели «свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным» [45].

Семья отца Петра Разумова была поистине трудовой. Мать семейства, Зинаида Александровна, пока позволяло здоровье, служила после октябрьского переворота 1917 г. воспитательницей в колонии, организованной большевиками в Свенском монастыре «для нуждающихся в содержании за счет государства детей». Владимир Петрович Разумов уже в старших классах гимназии подрабатывал репетиторством, его старшая сестра Евгения, едва закончив гимназию, к лету 1918 г. уже имела двухлетний стаж преподавательской работы во 2-м Брянском мужском приходском училище при Спасо-Гробовской церкви [46].

Словом, дети полкового батюшки оказались способными людьми, обладали неподдельной тягой к знаниям, а позже и преподавательскими способностями, которые в итоге смогли

реализовать на пользу Отечеству. Хотя в годы коммунистического режима редкий мерзавец не преминул бы поставить в упрек детям священника «чуждое социальное происхождение». В.П. Разумов, например, вспоминал: «...давление социального происхождения сказывалось очень долго, может быть даже всю жизнь, делая ее более трудной и мешая полностью раскрыть себя. В отношении, например, заслуженного деятеля науки профессора Б.В. Гроздова, с которым долго шла жизнь бок о бок, кто-то позволил себе на большом собрании сказать, что он пишет свои труды «под звон колоколов». Для меня по застенчивости и чувствительности давление социального происхождения было особенно тяжким» [47].

Вероятно, отец Петр Разумов хотел, чтобы сын продолжил его священническое служение. Как пишет В.П. Разумов: «В первые годы жизни в Брянске отец частенько брал меня как старшего сына, уже подростка, в церковь, Покровский собор (напомним, что это был храм Каширского полка – Ю.С.). Ему подавали из полка таратайку, на которой совершался путь от дома, – сначала спускались по Комаровской горе, затем ехали по Московской улице до арсенала, наконец поднимались по крутой Покровской горе, если лошадь была послушной и спокойной, в противном случае более длинным путём по Петровской горе, не столь крутой как первая. Таким же путём после службы отправлялись домой» [48]. Отчасти по сложившимся историческим обстоятельствам, отчасти по призванию – и по вполне светскому складу характера – Владимир Петрович Разумов стал не священником, а ученым-лесоводом. Однако укрепил свою принадлежность к полковой семье Каширцев, женившись на сестре двух кадровых офицеров Каширского полка Ларисе Владимировне Боголюбской. Их потомки и теперь живут в Брянске.

Приказом №35 по Брянскому гарнизону от 9 апреля 1914 г., подписанным начальником гарнизона генерал-майором Андреем Андреевичем Калюжным, священник Каширского полка Петр Разумов был назначен первым в истории гарнизонным священником Брянска [49]. Летом 1914 г. Дорогобужский и Ка-

ширский полки были в лагерях у Крамской платформы, что под Орлом. Отец Петр Разумов со всей своей многочисленной семьей отправился на родину, в Олонецкую губернию. Здесь его настигло известие об объявлении войны, вошедшей в историю под именем Первой мировой. «По приезде в Брянск отец срочно явился по начальству и тотчас же начал собираться в поход. Достав из ризницы, которая находилась в нижнем этаже Покровского собора, всё необходимое для отправления службы, паковал всё в заранее подготовленный для этого зеленый ящик. Дома он отслужил молебен, благословил всех домочадцев, попрощался и уехал воевать. Больше мы его не видели», – вспоминал сын священника [50].

Что из богослужебных предметов должен был иметь при себе в первую очередь выступающий в поход полковой священник, видно из предписания благочинного 36-й пехотной дивизии священнику Каширского полка Василию Турбину от 16 июня 1894 г. В то время полк готовился идти под Смоленск, чтобы участвовать в маневрах в Высочайшем присутствии. И вот отцу Василию было дано знать к исполнению, «чтобы к предстоящему походу с полком... были взяты следующие церковные вещи: форменное облачение (полное) праздничное и траурное, Евангелие и крест, кадило, водосвятная чаша с кропилом, аналогийный образ (полковой), следованная псалтирь, требник, книга молебных пений, дароносица с запасными дарами (иметь на себе) при епитрахили и поручах, ладан и свечи, венчики с разрешительными грамотами, два малых подсвечника на столик, пелены на аналогий и столик». Кроме того, полковой батюшка имел право «взять и еще что-либо из церковных вещей, указываемых необходимостью» [51]. Надо полагать, с отцом Петром Разумовым летом 1914 года был примерно такой же набор.

36-я пехотная дивизия, а вместе с ней и стоявшие до того в Брянске Дорогобужский и Каширский полки, усиленные призванными из брянских окрестностей запасными, вошли в состав 13-го корпуса 2-й армии генерала от кавалерии А.В.Самсонова. Вместе с 1-й армией генерала от кавалерии П.К. фон Реннен-

кампфа армии Самсонова было предписано вторгнуться в Восточную Пруссию, нанести германской армии весь возможный ущерб и оттянуть с Западного фронта максимальное количество частей противника, который уже намеревался захватить Париж, столицу основного союзника России. Для 2-й русской армии исход Восточно-Прусской операции был трагичен. 13-й корпус, занявший было город Алленштейн, был вынужден отступить под давлением превосходящих сил противника. Отход корпуса прикрывали Дорогобужцы и Каширцы. Последний бой Каширский полк принял утром 16 (29) августа 1914 г. у Меркена, прикрывая узкий перешеек между двумя озерами, по которому уходили части корпуса. В расположении полка, кроме его командира, георгиевского кавалера полковника Бориса Всеволодовича Коховского, находился и прежний начальник Брянского гарнизона, командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии генерал-майор Андрей Андреевич Калюжный, погибший с полком. Пропустив все части корпуса, Каширцы не успели сами перейти перешеек, были окружены – и вступили в жестокий бой с двумя немецкими дивизиями. Только со стороны Грислимена по Каширцам били шесть немецких батарей! Служивший в штабе 2-й русской армии полковник П.Н. Богданович вспоминал: «К полудню положение Каширцев, гонимых артиллерией с трех сторон, стало очень тяжелым; кадровый состав в громадном количестве выбыл из строя, недостаток в патронах стал сказываться все сильнее и сильнее, из рот потянулись группы в тыл... Зловещий перелом начал определяться. Коховский приказал играть и бить «атаку», развернул знамя и с ним в руках первый бросился вперед. Каширцы с громовым «ура» пошли в атаку за своим командиром. В короткой, но жестокой схватке Коховский был убит в первой линии; фланги Каширцев были охвачены ружейным и пулеметным огнем, в их тыл выходили густые цепи. Каширский полк кончил свое существование...» [52]. В том бою, неподалеку от знамени и командира полка, наверняка находился полковой священник отец Петр Разумов.

7 декабря 1914 г. «Орловские епархиальные ведомости» опубликовали «Список выбывшим священнослужителям воинских частей действующей армии». Среди пропавших без вести военных священников значились полковые батюшки входивших в 13-й корпус 2-й армии 1-й и 36-й пехотных дивизий: протоиерей Иоанн Федорович Лофицкий – священник 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка (4-й батальон этого полка квартировал на станции Брянск-1, в Привокзальной слободе); отец Андрей Иоаннович Троицкий, священник 2-го пехотного Софийского Императора Александра III полка; отец Петр Дмитриевич Войнов, священник 142-го пехотного Звенигородского полка и отец Григорий Иванович Шахов, священник 143-го пехотного Дорогобужского полка. Священник 144-го пехотного Каширского полка отец Петр Владимирович Разумов числился в этом списке плененным [53]...

Итак, отец Петр уцелел в бою – и оказался в германском плену. Строго говоря, согласно принятым в то время всеми цивилизованными странами положениям декларации Брюссельской конференции, а также Гаагской конвенции 1899 г., в плен не могли быть взяты личный состав госпиталей, походных лазаретов – и священнослужители [54]. Значит, отец Петр Разумов, равно как и священник Дорогобужского полка Григорий Шахов, добровольно разделили со своей паствой лишения плена. Вместе с тем последний протопресвитер Русской Армии и Флота отец Георгий Шавельский, когда вспоминал об участии русского православного военного духовенства в Первой мировой войне, отметил: «Более ста военных священников попали в плен. Пленение священника свидетельствует, что он находился на своем посту, а не пробавлялся в тылу, где не угрожает опасность» [55].

Судя по штампам на присланных из плена фотографиях, сохранившихся в семье Разумовых, находился отец Петр в офицерском лагере в замке города Целле, провинция Ганновер. В том же лагере, согласно документам Государственного архива Брянской области, содержались офицеры Каширского полка – например, взводный командир 5-й роты Тарас Емельянович Ко-

новалов, прибывший в Брянск из плена около 27 декабря 1918 г. [56]. В лагере отец Петр и его паства устроили православный храм, просуществовавший как минимум до лета 1922 г., когда его посетил архиепископ Евлогий (Георгиевский) [57]. Личное участие полкового батюшки в устройстве подобной походной церкви было предусмотрено военным законодательством: «При постановке церковных палаток или намётов, священники сами устанавливают иконостас с царскими вратами и завесой, также жертвенник и престол, облачают последние...» [58].

Не нужно думать, что семья пребывающего в неприятельском плену военного священника, равно как и семьи плененных военнослужащих, оставались без попечения государства. Согласно статье 194-й XIX-й книги Свода военных постановлений Российской Империи, семейства военнопленных получали «половину того содержания, какое их главы получали на службе в день взятия в плен, впредь до возвращения из плена или назначения пенсии в случае смерти пленного». Выданное семьям содержание удерживалось с пленного при получении им жалованья по возвращении из плена. Обязательства по выплате этого жалования – правда, в ограниченной сумме – брало на себя осенью 1918 г. даже большевистское правительство. Кроме того, семьи военнопленных получали в царское время пособие на наем прислуги, если это пособие им полагалось до взятия в плен главы семьи [59].

Надо полагать, и противник относился к отцу Петру уважительно. Но для священника Каширского полка плен закончился трагедией. Сын отца Петра пишет: «Сначала мы получали от него письма, затем их получение прекратилось и до нас дошли вести о том, что отец Петр Владимирович Разумов скончался от легочного заболевания, по всей вероятности воспаления легких» [60]. Судя по сохранившимся в семье фотографиям, хоронили немецкие власти отца Петра со всеми положенными полковому священнику почестями. Это также предусматривалось международными правилами, согласно которым умерших

военнопленных надлежало хоронить «с воинскими почестями, сообразно с их чином или званием» [61].

Таким образом, свой пастырский долг отец Петр Разумов исполнил полностью, по слову Спасителя: «Болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Евангелие от Иоанна. Глава 15; стих 13.).

Но это был не единственный подвиг жертвенного служения своей пастве, который явили священники Брянского края в годы Первой мировой войны. По телеграмме, объявившей 18 июля 1914 г. всеобщую мобилизацию, в Орловской губернии из кадра 36-й пехотной дивизии и запасных стали формировать 73-ю пехотную дивизию «второй очереди» в составе: 289-го Коротоякского, 290-го Валуйского, 291-го Трубчевского и 292-го Малоархангельского пехотных полков. Два последних, между прочим, формировались в Брянске. Священником же 289-го Коротоякского полка и одновременно благочинным 73-й пехотной дивизии стал иеромонах расположенной ныне на территории Брянской области Площанской пустыни Евтихий (Тулупов). 30 августа, закончив формирование, дивизия выступила в крепость Ковно (ныне Каунас) [62].

9 июля 1915 г. Коротоякский полк попал в германское окружение – и пробивал себе путь к русским позициям. Впереди полка в епитрахили и с крестом в руках шел, поднимая солдат в атаку, отец Евтихий. Корреспондент газеты «Новое время» писал о том бое: «Маленький, с большой седой бородой, с лицом детской доброты и веры, отец Евтихий вышел с ротами из опушки леса, держа крест над головой, прошел под ожесточенным огнем неприятельской цепи и пошел далее. А за ним вперед побежали другие. Пуля противника ранила батюшку в плечо. Его тут же перевязали, и он опять пошел вперед, пока не упал навзничь...» [63]

За свой подвиг отец Евтихий был награжден посмертно 13 сентября 1916 г. орденом св. Георгия 4-й степени. Это был исключительный случай, когда человек награждался не Высо-

чайшим приказом, а приказом протопресвитера военного и морского духовенства [64].

Чтобы понять всю исключительность подвига отца Евтихия – и его награды – вновь обратимся к воспоминаниям протопресвитера Армии и Флота Георгия Шавельского. Отец Георгий подсчитал, что за все время существования ордена Св. Георгия, «от Императрицы Екатерины II до Великой войны, этой награды было удостоено всего 4 священника», а в Великую (Первую мировую) – четырнадцать. А кроме того, если за всю Русско-японскую войну в сухопутных русских войсках был убит один священник, то в Первую мировую «убитых и умерших от ран священников было более 30» [65]...

Военные священники в мирное время принимали посильное участие и в жизни Брянского благочиния Орловско-Севской епархии. Мы уже вспоминали о том, как священник Дорогобужского полка отец Григорий Шахов преподавал в одном из брянских приходских училищ. А, скажем, священника Каширского полка Василия Турбина брянский благочинный пригласил сослужить 18 апреля 1893 г. на торжественной встрече возвращаемой в брянскую Успенскую церковь когда-то похищенной из нее святыни – иконы Успения Богоматери с вложенными мощами святых [66].

В свою очередь, тот же благочинный 1-го участка Брянского уезда отец Владимир Попов обязался 14 августа 1896 г. «исполнять церковные службы и требы в 144 пехотном Каширском полку, во время отпуска священника того полка Василия Турбина, с 17-го по 29-е текущего августа» [67].

И уж, конечно, не обошел стороной приходское духовенство Брянского края патриотический подъем времен Первой мировой войны. Прежде всего он коснулся сыновей священнослужителей. Так, в офицерских списках, составленных в 1919 г., встречаем представителя старинной брянской духовной фамилии, прапорщика Владимира Федоровича Диесперова [68] и по-

ручика Исаакя Исаакиева Покровского, сына священника брянской Христо-Рождественской церкви [69].

Часто сыновья священников после окончания духовной семинарии шли на ускоренные курсы военных училищ и отправлялись офицерами на фронт, где часто самоотверженно и героически сражались с неприятелем. С некоторых пор рубрика «Пали на поле брани бывшие воспитанники Орловской духовной семинарии» стала постоянной в «Орловских епархиальных ведомостях». Так, лишь в одном номере «Ведомостей» от 9 октября 1916 г. напечатаны некрологи двух выходцев из священнической среды Брянского края. В частности, сообщается, что 9 июля 1916 г. пал на поле брани у латвийского города Вендена прапорщик 51-го Сибирского стрелкового полка Михаил Владимирович Богданов, сын священника села Зеленина Карачевского уезда. А 17 июля того же года разорвало снарядом у Огинского канала представленного к чину штабс-капитана Виталия Георгиевича Феодотова (Федотова), сына священника севской Николаевской церкви. Об этом погибшем офицере «Ведомости» писали, что он окончил 4 класса Орловской духовной семинарии, после чего поступил по конкурсу экзаменов в Варшавский политехнический институт. Отсюда после начала войны добровольцем ушел в Алексеевское Московское военное училище: «Блестяще его кончил и потом уже на позициях заявил себя дельным офицером. Тринадцать раз был в рукопашном штыковом бою и, по его словам, «ничуть не боялся... оных». Брат В.Г. Феодотова также был призван в действующую армию [70] ... Карачевский уезд и город Севск, из которых происходят герои-офицеры, входят ныне в состав Брянской области.

Отличилось духовенство Брянского края и своим служением раненым в боях воинам. Очень интересен в этой связи один малоизвестный эпизод. В числе самых замечательных памятников архитектуры Брянской области значится расположенный в Суражском районе – и почти до основания разрушенный в советское время – дворец графа П.В. Завадовского в селе Ляличи. Накануне Первой мировой этот дворец, по словам известно-

го русского архитектора начала XX века Ф.Ф. Горностаева, принадлежал «гомельским купцам-евреям Голодцям», которые намеревались превратить памятник архитектуры в фабрику. И вот в 1916 г. журнал «Столица и усадьба» сообщил, что ляличский дворец «теперь приобретен духовенством Черниговской епархии и в нем устроен на средства духовенства лазарет» [71]. Следует пояснить, что юго-западные районы современной Брянской области, в том числе Суражский, входили до 1918 г. в состав Черниговской губернии – и были, соответственно, в юрисдикции Черниговской епархии. В Ляличах действительно был создан офицерский госпиталь, весной 1918 г. разграбленный мглинскими красногвардейцами [72].

7 июля 1916 г. священник 143-го пехотного Дорогобужского полка Григорий Иванович Шахов вернулся в Брянск из германского плена. Здесь до большевицкого переворота он служил священником военного госпиталя, благочинным 23-й пехотной запасной бригады. Не оставил и педагогических занятий: в августе 1918 г. священник Григорий Шахов значится в опубликованном местной газетой списке кандидатов на учительские должности Брянской казенной женской гимназии [73]. К 22 октября 1918 г. отец Григорий служил в отделе здравоохранения Брянского уездного исполкома. В одном официальном документе того времени он пишет о себе: «Я служу в Отделе Здравоохранения. Религиозных обязанностей, как бывший священнослужитель, я не исполняю. Служащий в Отделе Здравоохранения Брянского уездного Исполкома Шахов, (бывший священник 143 пех. Дорогобужского полка)» [74].

В годы Гражданской войны отец Григорий Шахов работал учителем 1-й брянской советской школы и заведующим детской колонией. Интересно, что в детской колонии, расположившейся в 1918-1920 гг. в Свенском монастыре под Брянском, работала воспитательницей вдова другого полкового священника, отца

Петра Разумова, и, так сказать, «кормился» один из его сыновей – Костя...

1 мая 1920 г. прихожане брянской Успенской церкви, где когда-то священник Г.И. Шахов преподавал в церковно-приходской школе, избрали отца Григория своим приходским священником. К 1927 г. отец Г.И. Шахов был уже в сане протоиерея [75]. Жил он в местах, хорошо знакомых, – на Урицкой (бывшей Успенской) улице, в доме №5. Здесь к 1926 г. сложилась своеобразная колония духовных лиц: в том же доме жил безработный протоиерей Николай Васильевич Жимонов, в соседнем доме №3 – священник Иван Николаевич Чаплин, в доме напротив – №4 – председатель общества верующих Иван Яковлевич Кудрявцев [76]...

В начале 1927 г. храм, в котором служил отец Григорий Шахов – сторонник канонической Русской Православной Церкви, управляемой святейшим патриархом Тихоном и его преемниками, был отобран у верующих «под предлогом нескольких краж, отсутствия охраны и задолженности». Успенский храм коммунисты передали своим союзникам на «церковном фронте» – «обновленцам».

19 мая 1927 г. в брянской Христо-Рождественской церкви сторонники канонического церковного управления собрались на съезд, постановивший создать каноническое Брянское епархиальное управление – в противовес обновленческому. В состав управления вошли 8 человек, в том числе отец Григорий Шахов и его сослуживец по Дорогобужскому полку, военный врач Георгий Иннокентьевич Поварнин. Показательна в связи с нашим сюжетом биография еще одного товарища отца Григория по Епархиальному совету, воина и священника Виктора Павловича Александрийского из села Толмачева Бежицких волости и уезда Брянской губернии. Сын священника, Виктор Павлович с 1914 по 1916 г. учился в университете, потом «с 1916 по 1922 г. был в старой и красной армии на командных выборных должностях», а с марта 1923 стал толмачевским священником...

Несмотря на неоднократные обращения к советским властям, красные отказались зарегистрировать каноническое Брянское епархиальное управление [77].

В конце 1920-х отец Григорий Шахов оставил Брянск и поселился в селе Остров Высокинского (ныне Обнинского) района Калужской области, где его арестовали чекисты. Особым совещанием коллегии ОГПУ от 23 февраля 1930 г. отец Григорий был обвинен по статье 58 пункт 10 УК РСФСР («контрреволюционная пропаганда и агитация») и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край [78]. Крестный путь старого полкового священника, видимо, только начинался...

Пользуясь случаем, автор сердечно благодарит внучку и правнучку священника 144-го пехотного Каширского полка Петра Владимировича Разумова – Ларису Владимировну Разумову и Екатерину Владимировну Высоцкую за консультации и возможность работать в их семейном архиве. Кроме того, я благодарен историку-архивисту Зинаиде Петровне Коваленко за информацию о послевоенной судьбе отца Григория Ивановича Шахова.

См. вклейку рис. 4-16.

Приложение

Список военным священникам 2-й бригады 36-й пехотной дивизии Императорской Русской Армии

Священники 143-го пехотного Дорогобужского полка:

1. Павел Федорович Извеков (в полку с 29 августа 1866 г. по 8 июня 1879 г.).
2. Петр Поваринский (Севск, 1880 г.).
3. Ник. Гавр. Вышелесский (Брянск, 1885, 1897 гг.). В 1905 г. - священник Витебской военной Николаевской церкви.
4. Павел Иоаннович Образцов. (Брянск, 1905 г.).

5. Григорий Иванович Шахов (Брянск, 1907 – 1914 гг.).

Священники 144-го пехотного Каширского полка:

1. Протоиерей Николай Ал. Знойко (Орел, 1880 г.).
2. Петр Варфоломеевич Поваринский, протоиерей единоверческой церкви, проживал в Орле, на правом берегу Оки, дом Функендорфа – 1885 г.; январь 1888 г. К 1905 - священник 8-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в урочище Барабаш Приморской области.
3. Павел Федорович Извеков (Брянск, 3 августа 1888 г. -10 августа 1892 г.).
4. Михаил Епенетович Ключарев (Брянск, 1893, до января 1894 г.). В 1905 – священник 11-го гренадерского Фанагорийского полка в г. Ярославле.
5. Василий Иванович Турбин (В Брянске, вероятно, с января 1894 г.). В 1905 – священник 14-го пехотного Олонецкого полка в г. Ломже Варшавской губ.
6. Арсений Феодорович Молотков (В Брянске до января 1904 г.). В 1905 – нештатный священник Успенского военного кладбища близ Санкт-Петербурга.
7. Симеон Филимонович Доронович (Брянск, 1905-1910 гг.).
8. Петр Владимирович Разумов (Брянск, 1910-1914 гг.).

Источники: Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии на 1880, 1885, 1897, 1898, 1905, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 гг.; Военное и морское духовенство на 1905 год // <http://www.petergen.com/bovkalosp/voen1905.html>; ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.2, 21, 67, 68 и др.; ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.2. Л.1об.-2.

1. Мусин, А.Е. *Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета* / А.Е. Мусин. - СПб., 2005. - С.52, 54-57, 60-61.

2. Евсеев, И.Е. Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах / И.Е. Евсеев. - Орел, 1906. – Вып. 2. - С.225, 247.
3. Книги разрядные по официальным оных спискам... Том 2. - СПб., 1855. - Стб. 1105, 1183-1184.
4. Маркелл, митрополит Казанский // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – М.: ИДДК, 2006. - 4 электрон. опт. диска (CD-ROM).
5. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Т.V. 1713-1719. - СПб., 1830. - № 3006. - С.306.
6. Христоролюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 2006. - С.245.
7. Духовенство военное // Большая энциклопедия. Военная энциклопедия [Электронный ресурс] : в 18 т. / изд. И.Д. Сытиным. - СПб., 1911-1915. - М.: ИДДК, 2007. - электрон. опт. диск (DVD-ROM).
8. Васильковский, В.А. Памятка о столетней службе 35-го пехотного Брянского генерал-адъютанта князя Горчакова полка / В.А. Васильковский, В.Т. Григорович. - Кременчуг, 1909. - С.17; Путешествие Его Величества Государя Императора через Орловскую губернию в 1823 году // Труды Орловской ученой архивной комиссии. - Орел, 1892. – Вып. 2. - С.19; Слюнченко, Ю.И. Брянский полк. 200 лет на страже Отечества / Ю.И. Слюнченко. - М., 2000. - С.69-70.
9. Желобовский, А.А. (Протопресвитер). Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. Исторический очерк / Протопресвитер А.А. Желобовский // Столетие военного министерства 1802-1902. - СПб., 1902. - Т.ХІІІ : 1802-1902. - С.102.
10. Брянский полк // Брянский православный календарь. 2010 год от Рождества Христова. - Брянск, 2009. - С.250, 252.
11. Дубровин, Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя / Н.Ф. Дубровин. - СПб., 2005. - С.224-225; Анипко, В. (Протоиерей). Святила Херсонской кафедры / Протоиерей В. Анипко. - Херсон, 2002. - С.8-9, 11, 30, 32-33.

12. Желобовский, А.А. (Протопресвитер). Ук. соч. С.102; Брянский полк // Брянский православный календарь. 2010 год... С.252.
13. ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1.Л.309.
14. Биографические материалы из жизни священника П.Ф. Извекова, найденные житомирским краеведом И.А. Кучуруком, приведены по Интернет-публикации: Извеков, И.Н. К вопросу происхождения священнослужителей Извековых в России [Электронный ресурс] / И.Н. Извеков, А.И. Извеков, С.Ю. Баранов. – Режим доступа : <http://genealogy.ok.nov.ru/izvek.htm>.
15. Цитируется по: Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии... С.322.
16. См.: ГАБО. Ф.334. Оп.1. Дд. 6 и 26.
17. ГАБО. Ф.334. Оп.1. Д.204. Л.121.
18. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1913 год. - Орел, 1912. С.139; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 г. - Орел, 1913. С.154, 164.
19. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 г. - С.153.
20. ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.268.
21. Там же. Л.375, 378, 388, 411, 436, 437а.
22. Там же. Л.172-172об.
23. Цитируется по: Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии... С.322.
24. ГАБО. Ф.334. Оп.1. Д.204. Л.121.
25. Там же. Л.106.
26. Здание католической часовни, превращенное в жилой барак, находится на современной Арсенальной (или Февральской, в прошлом – Никольской) улице, напротив особняка В.М.Авраамова, переданного в 1990-х Брянской епархии. В 1929 г. это место указывали так: «На углу Петровской горы и улицы Фокина есть польский костел» (Чарковский. Костел не нужен трудящимся полякам / Чарковский // Брянский рабочий. - 1929. – 23 июля (№169). - С.4.). Теперь место костела пусто.

27. ГАБО. Ф.334. Оп.1. Д. 119. Л.389.
28. ГАБО. Ф.543. Оп.1. Д.105. Л.16об.-17; ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.2. Л.13об.-14, 15об. – 16 .
29. ГАБО. Ф.334. Оп.1. Д.191. Л.34; Ф.2515. Оп.1. Д.7. Л.13-13об; Соловьев, Ю.П. Димитриевская родительская суббота в Брянске начала XX века / Ю.П. Соловьев // Преображение (Бежица.) - 2009. - №10-11 (26). - С.11-13; То же // Брянский православный календарь. 2010 год от Рождества Христова. - Брянск, 2009. - С.255-257.
30. Разумов, В.П. Древо моей жизни. 2. Гимназические годы / В.П. Разумов. - Брянск, 1982; Архив семьи Разумовых-Высоцких. Л.2.49.
31. ГАБО. Ф.543. Оп.1. Д.106. Л.15об.-16, 16об.-17.
32. ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.137, 140, 197, 198об.-199, 373, 243.
33. ГАБО. Ф.543. Оп.1. Д.106. Л.1об.-8, 9об.-11.
34. Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии... С.245.
35. ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.63.
36. Разумов В.П. Древо моей жизни. 2. Гимназические годы. Л.2.23.
37. Там же.
38. Там же. Л.2.24; Разумов, В.П. Древо моей жизни. 1. Детские годы / В.П. Разумов. - Брянск, 1982; Архив семьи Разумовых-Высоцких. Л.1.9-1.10.
39. Шахов Григорий Иванович // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / сост. «Международный Мемориал». – 4-е изд., перераб. и доп.– М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); ГАБО. Ф.Р-80. Оп.1. Д.1137. Л.113об; Орловские епархиальные ведомости. - 1912. - № 45. - С.891-892.
40. Желобовский, А.А. (Протопресвитер). Военное и морское духовенство на 1905 год [Электронный ресурс] / Протопресвитер А.А. Желобовский. – Режим доступа : <http://www.petergen.com/bovkalosp/voen1905.html>.
41. Там же.

42. Разумов В.П. Ук. соч. 1. Детские годы. Л.1.1, 1.4, 1.6; 2. Гимназические годы. Л.2.1; [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.petergen.com/bovkalosp/voen1905.html>.
43. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1911 г. - Орел, 1911. С.136; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 г. - Орел, 1913. - С.166.
44. Разумов В.П. Ук. соч. Л. 2.17, 2.1, 2.16, 2.23.
45. Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии... С.246.
46. Разумов В.П. Ук. соч. Л. 3.7, 3.3, 2.51, 2.41-2.42; Список кандидатов на учительские должности в начальные школы Брянского уезда, выставивших свою кандидатуру с указанием определенных школ, по которым они желают баллотироваться // Известия Брянского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. - 1918. - 26 августа (№ 45). - С.4.
47. Разумов, В.П. Древо моей жизни. 1. Детские годы / В.П. Разумов. - Брянск, 1982; Архив семьи Разумовых-Высоцких. Л.1.2.
48. Там же. Л.2.49.
49. ГАБО. Ф.334, оп.1, д.225. Л.49.
50. Разумов В.П. Ук. соч. Л. Л.3.5, 2.50.
51. ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.159-159об.
52. Вацетис, И.И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Часть 1-я. Восточно-Прусская операция / И.И. Вацетис. - М.-Л., 1929. - С.189; Богданович, П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года / П.Н. Богданович. - Буэнос Айрес, 1964. - С.215-216.
53. Орловские епархиальные ведомости. - 1914. - № 49. - С.1285; Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 год. - Смоленск, 1913. - С.323, 129; Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 год. - Орел, 1913. - С.65, 164, 166.
54. Военнопленные // Военная энциклопедия [Электронный ресурс] : в 18 т. / изд. И.Д. Сытиным. - СПб., 1911-1915. – М.: ИДДК; ООО «Бизнессофт», 2007. - 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

55. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота Г. Шавельский. - Нью-Йорк, 1954. - Том II. - С.106.
56. ГАБО. Ф.483. Оп.1. Д.74. Л.44.
57. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни / митр. Евлогий (Георгиевский). - М., 1994. - С.114.
58. Христолюбивое воинство. Православная традиция Русской Армии... С.247.
59. Военнопленные // Военная энциклопедия [Электронный ресурс] : в 18 т. / изд. И.Д.Сытиным...
60. Разумов В.П. Ук. соч. Л.2.50.
61. Военнопленные // Военная энциклопедия [Электронный ресурс] : в 18 т. / изд. И.Д.Сытиным...
62. РГВИА. Ф.2900. Оп.І-ІІІ. Л. ІІ.
63. Соколова, А.С. Благодатная пустынь. Казанская Богородицкая Площанская мужская пустынь / А.С. Соколова. - М., 2005. - С.38; Монах-воин // Новое время. (Ил. прил.). - 1915. - 31 октября (13 ноября; №14240). - С.8.
64. Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920 : Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов; Федеральное архивное агентство; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). - М., 2004. - С.507.
65. О. Шавельский Г. Ук. соч. С.103, 106.
66. ГАБО. Ф.48. Оп.1. Д.1. Л.63.
67. Там же. Л.289.
68. 4 декабря 1893 г. «Государь Император, по всеподданнейшему докладу синодального обер-прокурора, согласно определению Святейшего Синода, Всемилостивейше соизволил... на сопричисление за 50-тилетнюю беспорочную и отлично усердную службу» священника церкви «Троицкой города Брянска Стефана Диесперова... к ордену св. Владимира 4-й степени» (Брянский вестник. - 1894. - 6 февраля (№ 3). - С. 17.).
69. ГАБО. Ф.Р-483. Оп.1. Д.46. Л.708; ГАБО. Ф.509. Оп.1. Д.44 Т.1. Л.2, 144, 148, 149; ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.69. Л.334.

70. Пали на поле брани бывшие воспитанники Орловской духовной семинарии // Орловские епархиальные ведомости. - 1916. 9 октября (№40-41). - С. 801-803.
71. Горностаев, Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга / Ф.Ф. Горностаев. - СПб., 1914. - С.62; «Ляличский дворец» // Столица и усадьба. - 1916. - № 49. - С.23.
72. Протченко, З.Е. Земля Мглинская – родной край (историческая повесть) / З.Е. Протченко. - Брянск, 2003. - С.109.
73. Известия Брянского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. - 1918. - 16 августа (№ 39 (100). - С.4.
74. ГАБО. Ф.Р-2515. Оп.1. д.7. Л.13-13об. Еще один документ от 9 декабря 1918 г. отец Григорий подписал: «Гр. Шахов (бывший полковой священник.)» (ГАБО. Ф.Р-2515. Оп.1. д.7. Л. 97об.).
75. ГАБО. Ф.Р-80. Оп.1. Д.1137. Л.113об; Разумов В.П. Древо моей жизни. 2. Гимназические годы. Л.2.19.
76. ГАБО. Ф.Р-80. Оп.1. Д.1137. Л.9.
77. Коваленко, З.П. Из истории церковной жизни в г. Брянске в 1920-е гг. / З.П. Коваленко // Страницы истории города Брянска : Материалы историко-краеведческой конференции. - Брянск, 1997. - С.131; ГАБО. Ф.Р-80. Оп.1. Д.1137. Л.112, 113-113об.
78. Шахов Григорий Иванович // Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / сост. «Международный Мемориал». - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Звенья, 2007. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

М.В. Брянцев,
*доктор исторических наук, профессор,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

Протестное движение рабочих в 1921 году
**(на материалах Государственного архива
Брянской области)**

На территории современной Брянской области в начале XX века существовали два крупных промышленных района – вокруг посада Клинцы Суражского уезда Черниговской губернии и Мальцовский промышленный округ, ставший ядром Брянского промышленного района. На всем протяжении существования промышленных предприятий здесь формировались традиции защиты рабочих интересов, которые большевики активно использовали для достижения своих целей. Однако после их прихода к власти классового взаимопонимания так и не наступило: рабочие продолжали отстаивать свои права. Это происходило и до, и после 1921 г. В данной статье я попытался исследовать рабочий протест в 1921 г., используя материалы Государственного архива Брянской области (далее – ГАБО). В основу работы легли протоколы заседаний партийных органов, которые позволяют не только воссоздать картину протестного движения, но и понять реакцию власти на эти явления, «услышать» их оценку, «увидеть» реакции на забастовочное движение. Информативными в этом отношении являются и информационные материалы местных ЧК в виде различного рода «сводок».

* * *

Весной 1921 г. сложная обстановка складывалась в крупнейшем промышленном центре Суражского уезда – Клинцах. Основными возмутителями спокойствия здесь стали рабочие

многочисленных текстильных фабрик, которые пока не выступали открыто, но явно проявляли беспокойство, не доверяя властям. По сообщениям, поступавшим в партийные органы, фабричные собирались и о чем-то шушукались, а при приближении коммунистов расходились. Среди обывателей тоже наблюдалось непонятное, а посему и беспокоящее местную власть брожение.

Тревога усугублялась тем, что солдаты местного гарнизона оказались неблагонадежны. В такой ситуации было принято решение вооружить всех коммунистов и «установить коммунистическую охрану», мобилизовав все силы. В выступлениях на заседании Клинцовского комитета РКП (б) звучало требование принять решительные меры, не позволяя населению думать о слабости коммунистов. Один из выступавших на заседании комитета партии, Фещенко, призвал обратить особое внимание на воинские части, проведя их обследование, и «если части крепки, то можно ничего не бояться». Кроме того, следовало «издать [приказ – М.Б.] о прекращении слухов, принять репрессивные меры к распространяющим слухи», – призывал оратор [1]. Его мнение было поддержано большинством участников заседания. А итог дискуссии подвела гроза местной буржуазии, чекист Ростова, заявившая: «Мне приходилось в своей практике сталкиваться со случаями, когда были брожения, и почти всегда в таких случаях выдерживал метод «нажать», но не «отпустить», усилить проверку документов и все виды контроля, провести борьбу со злоупотреблениями» [2].

Однако попытки выяснить контрреволюционные элементы провалились. Население не шло на контакт с коммунистами, и никаких сведений не удалось получить. 6 марта 1921 г. Клинцовскому комитету партии Каданер доложил: «В общем все это дело нужно прекратить. В настоящее время установлено только вооруженное наблюдение, ночные патрули и дежурства» [3]. Он предложил ряд мер по созданию Политбюро и реорганизации управления. Таким образом, в отношениях власти с рабочими обнаружилось явное непонимание классовых задач. В своей деятельности местные власти все больше склонялись к привычному

по периоду гражданской войны методу – чрезвычайным мерам и созданию чрезвычайных органов. Однако все они оказывались малодейственными. Уже 15 апреля 1921 г. на заседании Клинцовского комитета партии с тревогой говорили о положении на Глуховской фабрике, где были прекращены работы. Причем причиной остановки работ стало не только недовольство продовольственным пайком, но и стремление рабочих, тесно связанных с деревней, отправиться в деревню для проведения полевых работ. Главтекстиль пошел на уступки таким рабочим и 10 марта постановил остановить фабрики на месяц в связи с отпуском текстильщиков на полевые работы. Но местные власти, зная ситуацию изнутри, опасались того, что рабочие могут вовсе не явиться на фабрики. По их мнению, следовало бы, не приостанавливая работу предприятий, перевести всех рабочих на односменную работу, что позволило бы им обрабатывать землю, а властям сохранить работоспособность фабрик. Однако слышались и возражения такому мнению [4].

Спустя некоторое время (11 мая 1921 г.) о положении на Клинцовских фабриках говорили на заседании Суражского Укомпарта. Общим тоном выступлений по этому вопросу стало мнение о том, что текстильщики злоупотребляют своим привилегированным положением в деле снабжения и постоянно используют это как инструмент давления на власть. Необходимо, как заявил Селеванов, «избегать всяких подачек, уравнив текстильщиков в отношении снабжения с другими равноценными ударными профсоюзами» [5]. Другой выступающий, Камаев, поддержав Селеванова, предложил применять к текстильщикам «твердую линию. В случае предъявления ими чрезмерных требований и объявления забастовки, – лишить их пайка и передать в распоряжение Укомтруда» [6].

Однако «твердую линию» было затруднительно выдержать, ситуация не улучшалась, положение только усугублялось, и в мае бастовали крупнейшие фабрики Клинцов, за исключением Евлановской. Причем забастовки стали приобретать политическую окраску, о чём говорили местные коммунисты на засе-

дании Укома Суражской организации РКП (б) 27 мая 1921 года. Изменение характера забастовок заставило местные власти энергично действовать в отношении разрушения сплоченности рабочих, применяя уже привычные методы репрессий, за которые высказались все члены Укома партии. Наиболее четко эту позицию обозначил Гуревич, заявивший, что нужно к решению вопроса подходить по-коммунистически, иногда идя против рабочих. Он построил целую логическую цепочку в оправдание репрессивных мер, сказав: «Теперь они требуют пайка, далее потребуют скана, далее потребуют и своего руководства в политической области. Надо изъять контрреволюционное гнездо, которое безусловно имеется на фабрике» [7]. Следует отметить, что, зарвавшись, Гуревич проговорился: он явно дал понять, что рабочие не имеют права претендовать на власть. В данном случае не так уж важно, что таких рабочих, исходя из большевистской риторики, можно было обвинить в мелкобуржуазности и необоснованных претензиях.

На заседании Суражского Уисполкома 2 июня 1921 г. эти предложения нашли конкретное практическое воплощение. По докладу Александрова «о забастовках на местных фабриках в связи с неудовлетворением пайком и о принимавших мерах к удовлетворению пайком» было принято постановление: «1) Предложить неработающим немедленно приступить к работе. 2) Дать распоряжение Продорганам выдать в счет майского пайка рабочим небросившим работу по 25 ф. ржаной муки полученной от Губпродкома. 3) Последним днем регистрации объявить 4 июня с 6-го начало работ. В случае к работе не будет приступлено принять меры вытекающие из положения о милитаризации. 4) Утвердить комиссию в составе тт. Лагутенко, Комарова и Бурштейна для расследования причин хищения сельдей» [8]. Таким образом, ставка на силовое решение вопроса была увязана с удовлетворением некоторых требований текстильщиков. Эти мероприятия дали свой результат. Уже 6 июня Комиссия по ликвидации забастовки доложила Суражскому Укому, что некоторые фабрики приступили к работе: одни полностью, другие –

частично. В этой связи Комиссия постановила: «не желающих работать заставлять силой, т.е. арестовать и препровождать на фабрики» [9], применив на практике положение о милитаризации труда.

Однако в условиях дефицита продуктов питания и углублявшихся противоречий окончательно ликвидировать забастовочное движение было невозможно, кредит доверия «рабочему» правительству со стороны рабочих был исчерпан. Большевикам все чаще приходилось сталкиваться с протестом пролетариев, заявлявших о своём недовольстве не только нехваткой продуктов. В октябре 1921 г. вновь забастовала Глуховская фабрика, а на Зубовской – наблюдалось брожение [10]. 31 октября на заседании Клинцовского Бюро Укома было отмечено, что в последнее время забастовки среди текстильщиков начинают приобретать «хронический характер» и «политическую подоплеку». Выступивший Камаев отметил, что текстильщики хорошо обеспечены хлебом и даже продают его на базаре, их требования выдавать зарплату сукном ни в коем случае нельзя удовлетворять. И вообще клинцовские рабочие «по самой своей психологии мелкособственники, многие из них торгуют на базаре». Дело усугублялось отсутствием на фабрике коммунистов, но есть те, кто «науськивает» рабочих. Он предложил закрыть фабрику и объявить новый перенаём рабочих с целью их фильтрации. С ним в целом согласился Габерман (секретарь Союза текстильщиков), заявив, что необходимо фабрику «разгрузить от негодного элемента», заполнив вакантные места многочисленными безработными и демобилизованными красноармейцами.

Другие ораторы поддержали нелестную характеристику классовой сознательности клинцовских рабочих, которые имеют «свои дома и частные лавочки на базаре», а потому их следует «беспощадно карать» как бунтовщиков, т.е. местные коммунисты видели в лице рабочих своих классовых врагов. В итоге постановили закрыть Глуховскую фабрику и «ни в какие переговоры с ними не вступать, объявив новый наём рабочих. При найме произвести строгую фильтровку для чего создать комис-

сию в состав коей входят от Укома Боборыкин, от Уисполкома – Иванов, от Упробюро – Случак, от Утекстиль – Камаев и от Союза Текстильщмкров – Габерман [11].

Принятые репрессивные меры, вероятно, дали желаемый результат: на заседании Клинцовского Укома партии 15 ноября признали, что работа фабрик стала «за редкими исключениями» «почти нормальной». Но ситуация была не столь радужной, рабочие избрали иной путь – все чаще они стали прибегать к волевым актам.

Особенно отличались рабочие Глуховской фабрики, где был всего один коммунист и которая являлась «первой застройщицей забастовок», по мнению местного начальства [12].

Таким образом, протестное движение клинцовских рабочих-текстильщиков было направлено прежде всего против бытовых неурядиц, связанных с недостатком продуктов. Однако уже в мае в их требованиях стали очевидны политические мотивы. Местные руководители увидели в этом всего лишь проявление мелкобуржуазной природы клинцовского пролетариата, а потому рабочие были приравнены к классовым врагам, что повлекло за собой со стороны местных властей применение к забастовщикам привычного и весьма действенного в чрезвычайных условиях силового метода.

Но если на клинцовских фабриках политические мотивы выступлений стали проявляться к концу весны, то в Брянске это случилось еще зимой-весной 1921 г. Так, Брянский Губкомпарт, анализируя февральскую забастовку рабочих Мехартзавода, пришел к выводу, что рабочие бастуют не на экономической почве, а по политическим мотивам. Причем в выступлении председателя Брянской Губчека Стельмаховича было признано, что «виновниками этой стачки являются меньшевики и эсеры». Было принято решение энергично ликвидировать стачку [13]. Стельмаховичу, Панкову и Горскому было поручено «выступить 23 февраля на митинге рабочих завода в театре «Металлист» с разоблачением меньшевиков и эсеров как предателей интересов рабочего класса».

Вместе с тем «на случай возможных вооруженных провокаций с их стороны предлагается вооружить большевистскую партийную ячейку завода» [14].

Брянский Укомпарт, проанализировав ситуацию с продовольствием на Мехартзаводе, отмечал в обращении в Губкомпарт, что причина негативных настроений рабочих не только в продовольственных затруднениях, но и в «подпольной работе меньшевиков и эсеров». Для того чтобы «завоевать симпатию рабочих коммунистической партии и провести там работу по определенной линии», следует «усилить Мехартзавод, как активными работниками РКП, так и вообще коммунистическими силами». С этой целью пленум укома принял решение «возвратить к станку коммунистов из рабочих «хотя бы и за счет советских учреждений» [15].

Тяжесть обстановки на Брянском заводе усугублялась интригой, которая велась со стороны рабочих организаций при содействии члена Губкома Брыкова. Директор завода Конюхов отмечал, что его обвиняют в нежелании работать с рабочими организациями, но, как следует из доклада, Конюхов, стремясь выполнить государственный заказ, как это было при строительстве 15 бронепоездов, увеличил рабочий день на два часа. Эта мера по заявлению обвиняющей стороны привела к забастовкам, а по заверению Конюхова, остановка работ была всего двухчасовой, которая была ликвидирована после его объяснения с рабочими [16].

Ситуация весной 1921 г. в Брянске стала предметом обсуждения на заседании Оргбюро ЦК РКП от 29 апреля 1921 г., где с докладом выступил Леонов. В итоговом постановлении предлагалось: «обратить особо серьезное внимание Брянского Губкома на усиление работы во всех рабочих районах», «предложить Брянскому Губкому выполнить постановление X-го партийного съезда об организации при Губкоме и уездкомах агитационно-пропагандистских отделов» [17]. Таким образом, московские власти требовали усиленной агитационно-пропагандистской работы в рабочих районах.

Но нехватка продовольствия и «энергичные» ликвидации забастовок вызывали недовольство со стороны рабочих советской властью. В отчете о работе Бежицкой партийной организации за май 1921 г. отмечалось: «Настроение населения в Бежице в политическом отношении не удовлетворительно». Причиной чего признавался «недостаток продовольствия» [18].

Таким образом, несмотря на различные объяснения, все же основной причиной рабочего недовольства являлась неспособность властей обеспечить население продовольствием. И властям приходилось латать продовольственные «дыры». Так, в конце мая 1921 г. на экстренном заседании Президиума Губкома с представителями Учпрофсожа узла «Ужпо» и Губпрофсоюза рассматривался вопрос о продовольственном снабжении железнодорожников. Представители Учпрофсожа и Ужпо сделали доклад, из которого следовало, «что железные дороги узла накануне забастовки, в связи с обострением продовольственного вопроса. Рабочие требуют отправки маршрута за хлебом и для этой цели необходимо иметь соль или мануфактуру, которых у них сейчас не имеется в запасе».

Выступившие в прениях говорили о том, что если рабочие официально еще не бастуют, то все же видно, что они не работают, делают собрания и вообще проводят итальянскую забастовку. И в этом, по словам Стельмаховича, «не обошлось без эсеров и меньшевиков, которые воспользовавшись этим положением – стараются вызвать рабочих к активному выступлению, т.е. забастовать» [19].

Сложной оставалась обстановка и внутри самой организации коммунистов Бежицы, расколотой разгоревшейся склокой. Выступая на заседании фракции коммунистов 1-го Бежицкого уездного съезда Советов 5 мая 1921 г., Стельмахович указал, что работа съезда идет беспорядочно, «что коммунисты проявили себя нетактично и что если будут идти так дальше, то будут распушены и это тогда когда при работе Съезда происходит забастовка на Брянском заводе на политической почве и что материал со Съезда беспартийными выносятся в завод до сведе-

ния рабочих». Он отметил, что при выборе Уисполкома при фракции коммунистов образовалась фракция (разделились коммунисты) и Губком послал его «удалить» этот конфликт [20].

Несомненно, отсутствие единства в рядах коммунистов не способствовало результативности борьбы с забастовочным движением, но причины его крылись значительно глубже – стало проявляться недовольство режимом власти как таковым. Стала обозначаться и проблема «низов» и «верхов». Подчас достаточно было одного слуха, чтобы рабочие прекратили работы. Так, по сообщению районной транспортной ЧК Брянского отделения железной дороги 7 июня 1921 г., «на почве острого недостатка продовольствия» на Людиновском заводе в районе Мальцевского участка железной дороги вспыхнула забастовка. Рабочие настойчиво требовали немедленного удовлетворения продовольствием. По сообщению ЧК, забастовка угрожает захватить весь фабрично-заводской район и распространиться на прилегающий Брянский железнодорожный узел, где 8 июня утром в 11 часов прекратились работы в депо станции Брянск. Поводом послужил быстро распространившийся слух о том, что служащие УЖПС получают ответственный паёк по одному пуду и 18 фунтов муки и проч. Было замечено намерение рабочих и других депо поддержать бастующих и примкнуть к забастовке [21]. В «Двухнедельной информационной сводке» за 14-28 июня 1921 г. говорится о брожении среди рабочих Брянского железнодорожного узла [22].

Автор сводки заключал: «Общий политический уровень рабочих узла удовлетворителен. Критическое положение в продовольственном отношении заставляет нервничать, озлабливаться и даже в минуту озлобления разочаровываться в завоеваниях революции, но это выразить постоянно нельзя, это известные минуты наплыва чувств в переживаемый момент продовольственного кризиса...» [23].

Еще в январе коммунисты Брянского механического артиллерийского завода, обсуждая остановку работы на заводе, отмечали, что неясность информации о продовольственном по-

ложении «является будирующим настроением масс и дающим возможность малосознательному элементу давать разные толкования докладов, принимая во внимание, что главной основной причиной к прекращению работ и подрыву наших задач на трудовом фронте является низкое политическое развитие как членов ячейки, так и рабочих» [24]. Более откровенно обозначили проблему на 12 Трубчевской уездной конференции РКП (б), состоявшейся 26-27 ноября 1921 г. В докладе Укома отмечалось, что приходилось сталкиваться с таким явлением, как «массовые забастовки текстильщиц, подстрекаемых буржуазией; в забастовке замешаны члены нашей организации», по которым ведется следствие [25].

Таким образом, нерешенность жизненно важных проблем вела к тому, чего так опасались большевики: участниками забастовок становились не только меньшевики, эсеры, анархисты, буржуазия и несознательные рабочие, но и члены партии большевиков.

Требования рабочих подчас отличались бескомпромиссностью и крайним радикализмом. Так, рабочие Ивотского стекольного завода на отказ администрации о выдаче стекла для обмена на продукты угрожали взять стекло силой. Непокойно было и на Брянском заводе в Бежице. По мысли составителя доклада, начальника ОДТЧК, виноваты во всем были нашептывания и агитация контрреволюционного элемента [26].

В это же время бастовали и рабочие Людиновского завода, которые приступили к работам только 22 июня [27].

26 июня в 10 часов утра прекратили работы рабочие Радицкого завода, которые на «общем собрании» в этот же день «постановили при обсуждении продовольственного вопроса не приступать к работе, до тех пор пока не удовлетворят продовольствием». Информационный отчет за 28 июня отмечал, что «Забастовка продолжается, угрожая распространению на весь Фабр[ично] Зав[одской] [район]» [28]. Однако уже 29 июня ее удалось прекратить, лишь разрешив рабочим проезд до ближайшей узловой станции, где можно приобрести продукты. Не

вышли только некоторые рабочие слесари и спецы [29]. Однако «в виду умелого подхода к массе со стороны партийной и советской организаций, настроение рабочих вошло в обычные рамки. Настроение в уезде удовлетворительное» [30]. Относительно стабильную ситуацию удавалось удерживать и в течение июля, когда, как отмечалось в «двухнедельной сводке», недовольство носило исключительный характер и исходило оно «главным образом из чисто жизненных лишений, неудобств и недостатков, общих для большинства масс», которые выражались в том, что велась: «1) Усиленная борьба с бесплатным проездом... во вторых: запрещения о вывозе продуктов из их районов и производство товарообмена, в третьих, ... сокращения штатов». Некоторые толки вызывала новая экономическая политика, оцениваемая массой как возврат к капитализму [31].

Автор сводки отмечает, что рабочие осознали непоколебимость «власти трудящихся». Определенное воздействие на перелом в настроении рабочих сыграли и мероприятия, «которые предпринимаются Центром, для облегчения хотя бы временно тяжелого материального положения рабочих масс» [32].

Вместе с тем в сводке за 27 июля отмечалось недовольство среди рабочих и служащих железной дороги по причине 10% увольнения рабочих и служащих. Непокойно было и среди рабочих фабрично-заводского района, возмущенных выдачей мастерам ответственных пайков. Однако эти недовольства оставались разрозненными.

Хотя и допускалась возможность осложнения положения [33]. Причину такого настроения объясняла сводка ОДТЧК ст. Брянск за первую половину августа: рабочих угнетало сокращение штатов и увольнение многих активных товарищей [34].

Свое недовольство рабочие выражали не только по отношению к власти, но и к профсоюзам, заявляя, что там сидят «дармоеды» [35].

Нестабильной ситуация продолжала оставаться и осенью: в сентябрьском отчете говорилось о том, что при общем удовлетворительном настроении населения Бежицы «рабочие завода

волнуются и склоняются к забастовке на почве продовольствия» [36]. Однако общим местом всех отчетов этого времени стало указание на безразличное отношение населения, в том числе и рабочих, к общественной жизни. Поставленное в тяжелые условия население пыталось просто выживать, мало обращая внимания на всевозможные декреты и распоряжения власти: «декретами и распоряжениями сыт не будешь, если сам не позаботишься», – заявляли рабочие. Они активно запасались на зиму, занимаясь мелкой спекуляцией и мешочничеством. Определенное беспокойство и стремление запастись продуктами было связано с неурожаем в Поволжье [37].

По отчетам видно, что настроение рабочих несколько улучшилось только к ноябрю месяцу. Благодаря энергичным мерам властей им удалось справиться и с политическими противниками, оказывавшими определенное влияние на забастовочное движение. Увольнениями и арестами удалось подавить меньшевиков и эсеров [38]. Пытавшиеся активизироваться людиновские анархисты действовали «почти БЕЗУСПЕШНО. ПОПУЛЯРНОСТЬЮ НЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ», – сообщалось в одном из отчетов [39].

Вместе с тем протестное движение рабочих осенью стало все больше приобретать форму «волынок». Так ответили в начале ноября рабочие новозыбковской фабрики «Волна Революции» на непонимание со стороны заводоуправления. Бюро Новозыбковского Укома 12 ноября 1921 г. решило очистить фабрику, уволив 6 человек и передав их в Укомтруд для привлечения к принудительным работам. Еще 20 рабочих подлежали «простому» увольнению. «Для избегания волынки в будущем необходимо проводить на фабрике твердую коммунистическую линию, а также необходимо поставить на должное место культурно-просветительную работу», – постановила комиссия, рассматривавшая этот конфликт [40]. Однако этим решением конфликт не был исчерпан, и 23 ноября Бюро Укома вновь обратилось к этому вопросу, постановив: «1) На фабрику ни в коем случае не принимать тех уволенных, которые не связаны с фаб-

рикой. 2) Принимать тех, которые совершенно не связаны с деревней и являются чисто пролетарским элементом. Заявления об обратном приёме на фабрику обсуждать на открытых собраниях ячейки, придерживаясь строго п.п. 1 и 2 настоящего постановления. 3) Рассмотрение заявлений об обратном приёме на фабрику производить только после отправки на принудительные работы 6-ти злостных волынщиков и до перевыборов Фабзавкомов» [41].

Итак, местные власти главным методом борьбы с забастовочным движением сделали силовое давление на бастующих, применяя главным образом тактику раскола рабочего движения. Здесь они действовали избирательно, увольняя в назидание только наиболее активных рабочих. Эта тактика работала и при удовлетворении требований бастующих. Так, на заседании Трубчевского Укомпарта было принято решение для прекращения августовской забастовки выдать паёк рабочим фабрики «Масленникова», которые участия в забастовке не принимали. Другим фабрикам выдавать паёк по мере «заступления» их на работу [42].

Таким образом, протестное движение наиболее промышленно развитых территорий Брянской губернии показывает сложность взаимоотношений «пролетарской» власти и самого пролетариата. Основой непонимания чаще всего были причины жизненно-бытового порядка. Здесь главнейшее противоречие возникало на продовольственной почве. Однако в более промышленно развитом Брянском районе уже в конце зимы 1921 г. рабочий протест стал приобретать характер политических претензий. Клинецовские рабочие-текстильщики пришли к этому несколько позже, только в мае. Однако местные власти в условиях ограниченности ресурсов, ссылаясь на мелкособственническую натуру рабочих, стремились разрешать конфликты привычным силовым методом, раскалывая рабочие коллективы, увольняя наиболее активных представителей. Зачастую ими были представители оппозиционных партий меньшевиков и эсеров, а потому, преследуя таких лидеров, большевики лишали эти

партии влияния в рабочей среде, утверждая свою монополию на власть.

1. ГАБО. Ф.-П.6. Оп.1. Д.28. Л.24.
2. ГАБО. Ф.-П.6. Оп.1. Д.28. Л.29.
3. ГАБО. Ф.-П.6. Оп.1. Д.28. Л.29.
4. ГАБО. Ф.-П.6. Оп.1. Д.28. Л.43.
5. ГАБО. Ф.-П.6. Оп.1. Д.28. Л.52.
6. ГАБО. Ф.-П.6. Оп.1. Д.28. Л.52 об.
7. ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.28. Л.65.
8. ГАБО. Ф.Р.-2079. Оп.1. Д.8. Л.20.
9. ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.28. Л.71 об.
10. ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.29. Л.15 об.
11. ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.29. Л.16; Д.28. Л.132.
12. ГАБО. Ф.П.-6. Оп.1. Д.28. Л.130 об.
13. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.29. Л.81 об.-82.
14. ГАБО. Ф.П.-451. Оп.1. Д.413. Л.14.
15. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.88. Л.52.
16. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.88. Л.93.
17. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.88. Л.153.
18. ГАБО. Ф.П.-4. Оп.1. Д.64. Л.4.
19. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.244. Л.34.
20. ГАБО. Ф.Р.-85. Оп.2. Д.24. Л.49.
21. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.79.
22. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.64.
23. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.65.
24. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.305. Л.3.
25. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.296. Л.5.
26. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.79.
27. ГАБО. Ф.Р.-80. Оп.1. Д.834. Л.51.
28. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.60.
29. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.66, 71.
30. ГАБО. Ф.П.-4. Оп.1. Д.64. Л.6.

31. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.31.
32. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.31 об., 56.
33. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.50.
34. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.11.
35. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.11.
36. ГАБО. Ф.П.-4. Оп.1. Д.64. Л.8, 10, 14.
37. ГАБО. Ф.П.-4. Оп.1. Д.64. Л.10.
38. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.11.
39. ГАБО. Ф.П.-1. Оп.1. Д.330. Л.50.
40. ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.66. Л.12.
41. ГАБО. Ф.П.-7. Оп.1. Д.66. Л.13.
42. ГАБО. Ф.П.-11. Оп.1. Д.3. Л.299.

Е.А. Кляченков,
*аспирант кафедры новой и
нашей отечественной истории и права,
Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского*

Оппозиционные социалистические партии и большевики на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917–1924 гг.)

Реалии современной общественно-политической жизни России связаны с развитием многопартийной политической системы. В этом контексте особый исследовательский интерес представляет история российских политических партий в первые годы Советской власти. Наиболее актуальной темой исследования в отечественной историографии остаётся история взаимоотношения оппозиционных социалистических партий и большевиков после октября 1917 г.

Изучение истории социалистической оппозиции имеет довольно глубокие традиции. Наиболее активно эта тема стала разрабатываться в постсоветский период. Среди работ, которые

вышли в последние два десятилетия, необходимо отметить сборники документов, освещающих деятельность социалистической оппозиции в данный период [1]. Опубликован ряд специальных исследований по истории социалистических партий [2]; существуют публикации, в которых анализируется деятельность оппозиционных партий в различных регионах страны [3]. Но тем не менее региональный аспект взаимоотношений социалистической оппозиции и власти остаётся наименее изученным.

В данной статье мы делаем попытку проанализировать характер взаимоотношений оппозиционных социалистических партий и большевиков после октября 1917 г. на территории Орловской и Брянской губерний.

Одним из постулатов советской историографии был тезис о том, что партия большевиков, «подготавливая социалистическую революцию в России, нигде и никогда не ставила вопрос о том, что государство диктатуры пролетариата обязательно должно быть однопартийным» [4]. Нам же представляется, что идеология большевиков изначально предполагала нетерпимость к своим политическим оппонентам и установление монополии на власть. Так, например, еще в марте 1917 г. В.И. Ленин в письме к А.В. Луначарскому проводил следующую мысль: «Самостоятельность и способность нашей партии, никакого сближения с другими партиями – для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через демократический переворот к коммуне нельзя, а другим целям я служить не стал бы» [5].

Фактически репрессии в отношении социалистов начались сразу после прихода большевиков к власти. Первые шаги большевиков были направлены на нейтрализацию периодической печати своих оппонентов. Уже 4 ноября 1917 г. ВЦИК принял специальное постановление, в котором определил свободу слова как меру «безусловно контрреволюционного характера» [6]. Как результат в январе-феврале 1918 г. только в Петрограде и Москве было закрыто около 70 газет. Вместе с этим 4 декабря В.И. Ленин подписывает декрет об аресте группы эсе-

ровских и меньшевистских лидеров [7]. В апреле 1918 г. силами ВЧК подверглись разгрому в Москве бывшие союзники большевиков – анархисты. Аресты были также проведены в Петрограде, Нижнем Новгороде, Курске, Самаре и др. городах.

Тем не менее, если в центре большевиками проводилась довольно жесткая политика по отношению к своим политическим оппонентам, то на местах ситуация была несколько иной. В провинции большевикам необходимо было считаться со своими политическими конкурентами. Так, в Бежице меньшевики объединяли до 500, эсеры – до 100, анархисты – около 200 человек. Меньшевистская организация в Клинцах насчитывала почти 1000 человек, в Почепе – 300 человек. В Карачеве организация эсеров объединяла 500, меньшевиков – 150 человек. В Брянске имелись организации меньшевиков и Бундовцев [8]. В Совете крупного промышленного центра Орловской губернии, п. Бежица, большевики не имели большинства. Во вновь избранный Исполком, состоящий из 15 человек, коммунистам удалось провести лишь четырех кандидатов [9]. Довольно пестрым по политическому составу был I-й Трубчевский уездный съезд Советов, открывшийся 2 января 1918 г. Съезд избрал Исполком в количестве 18 человек (9 большевиков, 8 эсеров и 1 меньшевик), председателем которого стал эсер Черкасов [10]. Орловские коммунисты до конца июля 1918 г. разделяли властные полномочия вместе с левыми эсерами. Большинство членов I Орловского губернского съезда Советов, открытого 24 января 1918 г., составили большевики и левые эсеры. Председателем же съезда был назначен приехавший из Петрограда член ВЦИК, левый эсер Л. Брагинский [11].

Местные эсеро-меньшевистские Советы подвергали критике действия большевиков в центре. Так, Карачевский уездный Совет осудил октябрьский переворот в Петрограде [12]. 2 января 1918 г. на заседании Брянского Совета под председательством левого эсера А. Петрищева меньшевик Товбин подверг жесткой критике «большевистскую авантюру», а резолюция, призывающая к «немедленному созыву Учредительного собрания», была

принята большинством голосов [13]. Подобная резолюция была принята в тот же день и на заседании Бежицкого Совета рабочих депутатов. В резолюции отмечалось, что «Совет Народных Комиссаров должен сложить свои полномочия и дать отчёт о своей деятельности Учредительному собранию» [14].

Не имея большинства в местных Советах, коммунисты выступали в союзе с левыми эсерами и анархистами. В частности, для успешного проведения своей политики в уезде в начале декабря 1917 г. по предложению лидера брянских большевиков И. Фокина был создан Брянский районный Совет Народных Комиссаров, куда вошли 5 большевиков, 3 левых эсера и 4 беспартийных крестьянина [15]. Несмотря на то, что полномочия СНК ограничивались только территорией района, это не помешало ему 31 января 1918 г. провести реквизицию городских аптек в обход Брянского Совета. В ответ на это Брянский Совет осудил действия большевиков и левых эсеров, назвав их «злостным покушением комиссародержавцев на право и волю Совета» [16]. Однако 23 февраля на перевыборах Исполкома Брянского Совета за объединенный список большевиков и левых эсеров было подано большинство голосов.

Но даже после успехов большевиков в Брянске представители меньшевиков пользовались политическим весом в местном Совете и могли открыто заявлять несогласие с действиями центральной власти. Так, например, 9 марта 1918 г. меньшевику Товбину удалось провести резолюцию, осуждающую принятие Брестского мира (50 голосов – за, 23 – против) [17].

Отсутствие же формальной власти в руках местных большевиков, однако, не всегда мешало им проводить самостоятельную политику. В частности, Бежицким Революционным Комитетом, состоящим из коммунистов, левых эсеров и анархистов-коммунистов, была принята резолюция в ультимативной форме, призывающая администрацию клуба Бежицкого заводского общественного собрания очистить помещение для создания рабочего клуба. За резолюцией последовал вооруженный захват здания. Советом была принята резолюция с требованием

«немедленного очищения» захваченного клуба. Но такое решение было опротестовано на общезаводском митинге рабочих Бежицкого завода, после чего Исполком Совета Рабочих депутатов снял с себя полномочия и назначил новые выборы в органы местного самоуправления [18]. Впрочем, на перевыборах большевики и их союзники так и не получили большинства мест, а 24 марта 1918 г. 4 большевика и 2 левых эсера демонстративно покинули заседание Исполкома.

Вопреки воле эсеро-меньшевистского Бежицкого Совета, выступающего против продовольственной политики, диктуемой большевистским центром, местные коммунисты пытались осуществлять её самостоятельно. Так, в своем докладе от 4 августа 1918 г. большевик Фирсов отмечал следующее: «Без помощи Совета, который стоит против отправки реквизиционных продовольственных отрядов в деревню за хлебом и на борьбу с кулаками – Бежицкая организация своими силами отправила уже три отряда и четвёртый формирует» [19].

Во время избирательной кампании весны 1918 г. меньшевики вместе с правыми эсерами получили большинство в Советах целого ряда городов Центральной России [20]. За очевидными успехами оппозиции последовал декрет, проведенный большевиками через ВЦИК от 14 июня 1918 г., – «Об исключении из состава ВЦИК и местных Советов представителей партии эсеров и меньшевиков» [21]. Проводя данный декрет в жизнь, 29 июня 1918 г. коммунисты удалили меньшевиков и правых эсеров из Брянского Совета. Такие действия большевиков вызывали непонимание. Так, 12 июля 1918 г. представителем от группы беспартийных было внесено предложение о включении в состав членов Совета меньшевиков и правых эсеров, на что председатель Совета заявил, что правые эсеры и меньшевики как не признающие Советской власти на заседание Совета допущены быть не могут. В знак протеста беспартийные покинули заседание Совета [22]. Этот пример указывает на то, что удаление представителей оппозиции из Советов не проходило гладко.

Весной-летом 1918 г. для большевиков Брянского уезда сложилась совсем не благоприятная обстановка, что, вероятно, в целом отражало картину падения популярности коммунистов. На Брянском заводе «Арсенал» большой поддержкой пользовались анархисты. Брянская федерация анархистов выпускала свой печатный орган «Вестник Анархии», со страниц которого центральная и местная власть подвергалась жёсткой критике. На первомайской демонстрации 1918 г. после речи лидера брянских анархистов Н. Бодрова толпа собравшихся, игнорируя призывы большевиков, двинулась к местной тюрьме и освободила всех заключенных [23]. Бежицкие меньшевики и правые эсеры, пользуясь поддержкой в Совете рабочих депутатов, не только открыто критиковали политику, проводимую большевиками, но и предпринимали более активные действия. В частности, 21 июля 1918 г. эсерами и меньшевиками в Бежице был организован крестьянский съезд из 50 представителей, где была подвергнута критике политика военного коммунизма в деревне [24]. Велась работа по созыву уездной «беспартийной рабочей конференции».

Бывшие союзники большевиков по правительственной коалиции, левые эсеры, в марте 1918 г. покинули СНК в знак протеста против ратификации большевиками Брестского мира. Выросла популярность партии левых эсеров, о чём красноречиво говорили результаты выборов на IV и V Всероссийских съездах Советов. Всё это происходило, как отмечает Л.М. Спирин, на фоне сокращения состава многих местных организаций РКП(б), численность которых летом 1918 г. по сравнению с первыми месяцами Советской власти сократилась почти наполовину [25]. После убийства немецкого посла Мирбаха 6 июля 1918 г. и вооруженных столкновений в Москве начались гонения на партию левых социалистов-революционеров (ПЛСР).

Местный комитет Брянской фракции ПЛСР на заседании городского Совета 12 июля 1918 г. вынес резолюцию следующего характера: «Вполне одобряя приговор, вынесенный ЦИК Графу Мирбаху, и считая основания, по коим таковой был вы-

несен, вполне достаточными, Брянская организация партии левых социалистов-революционеров считает приведение его в исполнение в данный политический момент...глубоко несвоевременным, и могущим повести за собою...печальные последствия». На том же заседании левый эсер А. Петрищев заявил: «Мы будем в оппозиции в Советах, но с оружием в руках мы не должны выступать на улицу против большевиков» [26]. Таким образом, высказав свою лояльность большевикам и осудив деятельность своего ЦК, местные левые эсеры продолжили работу в Совете. Однако не везде заявления представителей ПЛСР были так однозначны. В частности, на заседании Исполкома Карачевского Совета 8 июля 1918 г. была вынесена резолюция с осуждением действий большевиков: «Карачевский Исполком протестует всеми силами против насилия, учинённого партией коммунистов над представителями уезда, принадлежащими партии левых эсеров, а также протестует против всей тактики коммунистов на V съезде Советов. Настроение всего уезда за поддержку левых эсеров» [27]. Только во второй половине июля большевикам удалось провести большинство своих сторонников в Карачевский Исполком. Немало депутатских мандатов получили левые эсеры на III-м Орловском губернском съезде Советов, прошедшем в первой половине июля 1918 г. По партийному составу съезд выглядел следующим образом: коммунистов и сочувствующих – 147, левых эсеров – 134, беспартийных – 47, эсеров центра – 5, правых эсеров – 2, меньшевиков – 1, анархистов – 2, членов партии польских социалистов – 2. Примечательно, что меньшевики, правые эсеры и эсеры центра были сразу же исключены из состава съезда [28]. Как сообщала газета «Орловские Известия», представитель местных левых эсеров Хохлов заявил, что «орловские левые социалисты-революционеры против выступления своих московских братьев и что они будут настаивать на перевыборах своего ЦК» [29]. Тем не менее в конце июля орловские эсеры всё-таки подверглись репрессиям. Несмотря на большую поддержку в Орловском Совете, левые социалисты-революционеры были удалены

из Губисполкома, Горисполкома, ревтрибунала и следственной комиссии за «нежелание определенно осудить позицию своего ЦК». Позднее, в первых числах августа, был арестован и сам Орловский комитет левых эсеров, а только начавшая выходить левоэсеровская газета «Соха и Молот» была закрыта [30]. Впоследствии Орловская уездная ЧК откровенно отмечала: «... при Орловском уездном Совете... фракции левых эсеров в настоящее время не существует. Благодаря энергичной работе вышеозначенной комиссии фракция левых эсеров ликвидирована. Все члены партии, после ареста некоторых из них, вынесли горячие протесты ЦК и вышли из партии...» [31].

После принятия декрета от 14 июня 1918 г. об удалении эсеров и меньшевиков из Советов всех уровней главным инструментом репрессий против социалистов стали чрезвычайные органы. Тем не менее в провинции ситуация была несколько иной, и местные комитеты большевиков должны были считаться со сложившейся обстановкой, не спеша с проведением силовых акций.

На этот счет показательным явилось обсуждение вопроса с разгоном «контрреволюционного» Бежицкого Совета. Инициатором силового решения вопроса была Москва. Бежицкий комитет большевиков и Брянское уездное бюро напротив считали разгон Бежицкого Совета несвоевременной и опасной затеей. «Всякое выступление в данный момент вооруженной силы против Бежицкого Совета, – говорилось в принятой резолюции от 5 августа 1918 г., – является гибельным для Завода и для только что начинающегося перелома в настроениях рабочих» [32]. Взамен силового варианта местные большевики просили прислать специалиста из ВСНХ, чтобы разоблачением экономической политики меньшевиков и эсеров «взорвать завод изнутри». Несмотря на нежелание местных коммунистов идти на вооруженную конфронтацию со своими политическими оппонентами, в начале августа 1918 г. в Брянск прибывает отряд ВЧК во главе с И.А. Визнером, который приступил к операции по обезоруживанию Брянска и Бежицы от антисоветских элементов [33]. Как

сообщала газета «Известия»: «В субботу 17 августа в 6 ч. утра Брянским Отделением ВЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией был смещен Исполком Бежицкого Совета рабочих депутатов и заняты все части милиции. Были сделаны частичные обыски по квартирам и в организациях, за исключением коммунистов» [34]. Действия ВЧК вызвали протест местных рабочих, собравшихся на многочисленный митинг. В принятой на митинге резолюции рабочие требовали «...немедленного удаления красноармейского отряда, восстановления прежнего Совета, освобождения типографии и освобождения некоторых арестованных». Взамен распущенного Совета был создан временный Революционный Совет.

Впрочем, местные коммунисты не могли не считаться с влиянием оппозиционных партий, поэтому в состав того же Революционного Исполкома также вошли меньшевики и левые эсеры. Но уже в сентябре 1918 г. под давлением Брянского уездного бюро бежицкие коммунисты приняли решение исключить из Совета всех меньшевиков и правых эсеров, а 20 сентября распустили местный комитет последних [35].

Не желая больше мириться с влиянием анархистов на рабочую среду завода «Арсенал», большевики разоружили Брянскую федерацию анархистов в ночь на 1 сентября 1918 г. По этому поводу Брянский Исполком Совета рабочих и красноармейских депутатов принял следующую резолюцию: «...Мы не боремся с анархизмом. Мы боремся с анархо-бандитскими выступлениями. И пусть знают те, кто осмеливается террору посягать на существующую власть, что за каждую голову Советского работника будут истреблены сотни голов буржуазии и её агентов» [36]. Подобная резолюция, как справедливо отмечает М.В. Брянцев, явно указывает на то, что местные большевики не столько испугались выступления анархистов, которого как такового и не было, сколько воспользовались покушением на Ленина и убийством Урицкого для того, чтобы подавить своих противников, обладавших значительным вооружением и являвшихся угрозой для местной власти [37].

Таким образом, со второй половины 1918 г. на первый план вышли силовые методы борьбы с оппозицией в Советах. Неудобные большевикам Советы, как правило, объявлялись «контрреволюционными» и распускались. Так, 22 сентября 1918 г. был распущен Мглинский уездный Совет, имевший эсеровское большинство. Коммунисты, которым не удавалось провести большинство своих сторонников в местные органы власти, правдами и неправдами старались назначить перевыборы. К примеру, V Почепский уездный съезд Советов, собравшийся 25 августа 1918 г., получил левоэсеровское большинство. Местными большевиками выборы были объявлены «неправильными», уезд был объявлен на военном положении, а в отделы Исполкома, возглавляемые эсерами, были направлены коммунисты. В сентябре большевикам удалось, заручившись поддержкой центра, назначить новые перевыборы и провести большинство своих сторонников в Почепский Совет [38].

Несмотря на репрессивную политику большевиков, которая была направлена против оппозиционных партий и массовый выход социалистов из своих комитетов, состав местных Советов оставался довольно пестрым даже осенью 1918 г. Среди 33 членов Исполкомов 12 волостных Советов Карачевского уезда были 4 большевика, 18 сочувствующих большевикам, 6 беспартийных, 4 эсера, 1 социал-демократ [39]. В состав того же Бежицкого Революционного Совета входили 16 коммунистов, 5 левых эсеров, 1 социал-демократ – интернационалист [40].

Важно отметить, что репрессивная политика большевистской власти в отношении своих политических оппонентов не была прямолинейной, коммунисты были готовы идти на временные соглашения с социалистами, и, как правило, спад репрессий совпадал с неудачами большевиков на фронтах Гражданской войны. Осенью 1918 г. в разгар «красного террора» большевики неожиданно изъявили готовность к сотрудничеству с социалистами. В своём докладе на собрании партийных работников 27 ноября 1918 г. в Москве В.И. Ленин заявил о возможности «установления добрососедских отношений» с группами

мелкобуржуазной демократии [41]. Таким образом, в ноябре 1918 г. представители РСДРП вновь получили право легально работать в советских учреждениях, а в феврале 1919 г. была легализована ПСР. Так, на выборах Бежицкого Совета рабочих депутатов в начале января 1919 г. около половины мест получили меньшевики и левые эсеры. Бежицкие коммунисты, которые не могли мириться с таким шатким положением в Совете, прибегали к различным ухищрениям. К примеру, на первом заседании 5-го января 1919 г. после подсчета голосов Ревсовет передал 2 спорных голоса Караульной роте красноармейцев, таким образом увеличив численность коммунистов в Совете с 23 до 25 депутатов. В своем протестном заявлении представители фракции РСДРП указывали: «...после выяснения результатов выборов в Совет, когда было установлено, что список №3 РСДРП получил 1/3 всех избирательных голосов, депутатами-коммунистами и Бежицким Ревсоветом в списке... РСДРП были обнаружены опасные для советской власти «активисты» и право 1/3 избирателей-рабочих было грубо узурпировано...представителями партии коммунистов» [42]. Постановлением Бежицкого укома РКП(б) представители меньшевиков были исключены из Исполкома Бежицкого Совета, в котором коммунисты получили большинство мест.

В феврале 1919 г. в Москве снова начались массовые аресты представителей ПЛСР. Формулировка была традиционная: «за подготовку к восстанию против Советской власти». В феврале-марте 1919 г. по обвинению в антиправительственном заговоре в Москве была арестована почти вся левоэсеровская верхушка и около двухсот партийных работников [43]. Вслед за арестами в Москве на заседании Бежицкого Совета от 17 февраля 1919 г. был заслушан доклад большевика Анишкина «О тактике левых эсеров...», после чего коммунисты утвердили постановление Бежицкой организации РКП (б) об удалении левых эсеров из Исполкома Совета, а на следующий день левые социалисты-революционеры были исключены также из самого Совета [44].

Весной 1919 г. начался новый виток репрессий против социалистов. В регионы рассылались циркуляры об арестах видных меньшевиков и эсеров, ведущих антисоветскую деятельность [45]. В первых числах марта 1919 г. в п. Льговском под Брянском произошло восстание красноармейских частей, вскоре подавленное. После восстания последовали обыски и изъятия документов, организованные Брянской ЧК, в квартирах меньшевиков – советских работников. На заседании 20 марта 1918 г., выслушав протесты членов Брянской организации РСДРП по поводу обысков, Исполком Брянского Совета принял следующую резолюцию: «...принимая во внимание расхождение местных членов РСДРП с центральным комитетом меньшевиков в вопросах участия в работах в советских учреждениях, и принимая во внимание их добросовестное отношение к делу, считать обыск неосновательным, довести об этом до сведения центра, и просить гг. (меньшевики – Е. К.) Самсонова, Анастасина, Губина и Борисова занять свои должности» [46]. На заседании Брянского укома РКП(б) 2 апреля 1919 г. председатель ВЧК заявил «о том, что получена телеграмма из центра, в которой предлагается взять заложников из меньшевиков и эсеров, а также из буржуазии». Местные коммунисты выступили против таких мер, мотивируя тем, что «обыск меньшевиков и эсеров не дал результатов, и что меньшевики работают в отделах Совета и им вполне доверяют...». В конце апреля тот же Брянский уездный комитет ходатайствовал перед Брянской ЧК об освобождении левого эсера А. Петрищева [47].

Эти примеры показывают сложность проведения репрессивной политики властями в отношении оппозиционных социалистических партий. Если в Москве и других крупных городах силовые акции против социалистов проходили более или менее гладко, то в провинции директивные решения центра встречали с непониманием. Не случайно в резолюциях местных коммунистов встречаются тезисы о «неправильности информирования центра» в отношении членов оппозиционной партии. Очевидно, что провинциальные власти мало смотрели на партийную при-

надлежность того или иного советского работника. За нехваткой опытных кадров ценились прежде всего профессионализм и деловые качества.

В связи с наступлением Деникина меньшевикам было позволено проводить совместные с коммунистами митинги, но оппозицию старались держать под контролем. В частности, Брянский комитет РКП (б) осенью 1919 г. признал «допустимым совместные выступления против надвигающейся контрреволюции», однако с условием «не выдвигать своих тактических разногласий» [48].

Несмотря на фактическую монополизацию власти на местах большевиками, меньшевики пользовались значительной поддержкой среди рабочих и в 1919 г., во многом это определялось продовольственными трудностями и по понятной причине выражалось в протест против большевистской политики. Летом 1919 г. секретарь ЦК РКП (б) Е. Стасова направила в Брянский комитет партии сообщение, в котором центр выражал обеспокоенность активностью оппозиции: «Нами получены сведения из секретного отдела ВЧК о том, что п. Бежица является гнездом эсеров, меньшевиков и анархистов, ведущих среди рабочих агитацию» [49]. К примеру, по результатам выборов, проведенных в Бежицкий Совет в августе 1919 г., коммунисты получили 31, а меньшевики – 19 мест. Примечательно, что власти прекрасно понимали значительную поддержку рабочими своих политических оппонентов, поэтому еще накануне выборов местная организация РКП(б) постановила следующее: «Если в список беспартийных войдут бывшие меньшевики или эсеры, то его не принимать, если абсолютным большинством пройдут меньшевики, то создать Ревсовет (т.е. объявить выбранный Совет «контрреволюционным» – Е.К.)» [50]. Впрочем, к 1920 г. оппозиция практически потеряла свое представительство в Бежицком Совете. На перевыборах в Совет, проведенных в январе 1920 г., большевики получили 41 место, а меньшевики – 9; в августе 1920 г. оппозиция фактически была вытеснена из Бежицкого ор-

гана власти – меньшевики заручились поддержкой всего лишь 78 голосов из 3114 возможных [51].

Не имея возможности пробиться в Советы, жёстко контролирующиеся большевиками на всех уровнях представители политической оппозиции пытались попасть в общественные организации. В частности, меньшевики стремились закрепиться в профессиональном движении. Так, в июле 1919 г. коммунист Клобко на заседании Брянского укома призывал направить больше коммунистов в отдел труда, т.к. «в профессиональных организациях вообще много меньшевиков, с которыми приходится сталкиваться...» [52].

Начало 1920-х гг. явило собой еще больший виток давления на оппозиционные партии. В феврале 1922 г. в Москве прошли аресты членов бюро Социал-демократического союза молодежи. Репрессии в отношении молодежного крыла РСДРП проходили и на местах. Так, в сентябре 1922 г. секретарю Орловского Губкома пришла шифртелеграмма от ЦК РКСМ «о том, что в Малоархангельске находятся члены ЦК молодежи меньшевиков, с предложением принять меры к парализации их деятельности» [53]. В 1921 г. еще продолжали свою деятельность эсеры. В частности, в марте 1921 г. в Бежицкий райком большевиков поступило заявление партии левых социалистов-революционеров с просьбой предоставить им помещение для клуба и конторы для журнала «Знамя». Осталось неизвестным окончательное решение вопроса Губкомом по этому поводу, но тем не менее со своей стороны президиум райкома посчитал, «что в настоящее время несвоевременно допущение легальной работы каких бы то ни было групп» [54]. Летом 1922 г. в Москве прошел показательный судебный процесс социалистов-революционеров. В 1922 г. ГПУ начало вести работу по подготовке созыва Всероссийского съезда бывших членов партии эсеров с целью ее «самороспуска», а с весны 1923 г. подобная работа проводилась в отношении РСДРП. В 1923-1924 гг. такие съезды «самороспуска» были организованы в ряде регионов страны, в том числе и в Брянской губернии. Так, 2 декабря 1923

г. в Бежице прошла губернская конференция бывших социалистов-революционеров. По итогам конференции была принята резолюция, объявлявшая партию социалистов-революционеров «несуществующей» и призывающая оказать «полную поддержку РКП путем усиления её рядов и активного участия в её работе...» [55]. В феврале 1924 г. состоялся «ликвидационный» съезд меньшевиков Брянской губернии. В резолюции съезда было объявлено, что «брянская организация меньшевиков лишилась доверия рабочих масс и механически распалась» [56].

Итак, проводимые большевиками репрессии в отношении своих политических оппонентов фактически привели к прекращению деятельности оппозиционных социалистических партий в первой половине 1920-х гг. Одни члены социалистических партий перешли в ряды РКП (б), другие оказались в ссылках и тюрьмах. Открыто заявлять о своей партийности было небезопасно. Многие оппозиционеры, как правило, на выборы выдвигались как «беспартийные». Тем не менее репрессивная политика центра не всегда проходила гладко. Руководству большевиков необходимо было считаться с реалиями, существующими в провинции, а иногда и с непониманием такой репрессивной политики местными коммунистами, которые пока ещё негативно относились к вмешательству в свои внутренние дела.

-
1. См.: Анархисты: Документы и материалы. 1883-1935 : в 2 т. - М., 1999.; Меньшевики в большевистской России. 1918-1924. Меньшевики в 1918 году. - М., 1999.
 2. См.: Аноприева, Г.С. Эсеры между утопиями и реальностью / Г.С. Аноприева, Н.Д. Ерофеев // Политические исследования. - 1993. - № 6. - С.157-165.; Волобуев, О.В. Послеоктябрьский меньшевизм / О.В. Волобуев, Г.И. Ильящук // История СССР. - 1991. - № 2. - С.32-51.; Тютюкин, С.В. Меньшевизм: страницы истории / С.В. Тютюкин. - М., 2002.

3. См.: Брянцев, М.В. Борьба за власть весной-осенью 1918 / М.В. Брянцев // Право: история, теория, практика : сб. статей и материалов. - Брянск, 2010. - Вып. 14. - С.202-227.; Лозбенев, И.Н. Оппозиционные политические партии в регионе Центральной части Европейской России (1920-е гг.) / И.Н. Лозбенев // Российская история. - 2010. - № 4. - С.23-28.
4. Гимпельсон, Е.Г. Из истории образования однопартийной системы в СССР / Е.Г. Гимпельсон // Вопросы истории. - 1965. - №11. - С.16.
5. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. - М.: Политиздат, 1974. - Т.49. - С.411.
6. Декреты Советской власти. - М., 1957. - Т.1. - С.43.
7. См.: Павлов, Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов / Д.Б. Павлов. - М., 1999. - С.22.
8. Яненко, И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочение Советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.) / И.Е. Яненко. - Тула, 1977. - С.52.
9. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф.Р-558.Оп.1.Д.2.Л.46.
10. ГАБО. Ф.П-451.Оп.1.Д.93.Л.150.
11. См.: Морозов, В.Ф. Борьба большевицкой партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России. Октябрь 1917 г. – март 1918 г. / В.Ф. Морозов. – Саратов; Пенза, 1967. - С.435-436.
12. Очерки истории Брянской организации КПСС. - Тула, 1982. - С.77.
13. Кошевич, К. Октябрьский переворот в Бежице / К. Кошевич // Коммунар. - 1927. - №16-17. - С.149.
14. ГАБО. Ф.Р-558.Оп.1.Д.2.Л.50об.
15. Яненко И. Е. Указ. соч. С.116.
16. Кошевич К. Указ. соч. С.152.
17. ГАБО.Ф.Р-2385.Оп.1.Д.2.Л.1.
18. ГАБО.Ф.Р-558.Оп.1.Д.2.Л.66об.-67.
19. Там же. Л.2.

20. Павлов Д.Б. Указ. соч. С.27.
21. См.: Декреты Советской власти. - М., 1959. - Т.2. - С.430-431.
22. Брянцев М.В. Указ. соч. С.212.
23. Борьба. - 1918. - 3 мая.
24. Известия Брянского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. - 25 июля.
25. Спириин, Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920) / Л.М. Спириин. - М., 1967. - С. 124, 173.
26. Известия Брянского районного Совета.... – 1918. - 14 июля.
27. ГАБО.Ф.Р-526.Оп.1.Д.2.Л.154.
28. Орловские Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. - 9 июля.
29. Там же. 1918, 14 июля.
30. См.: Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф.Р-1.Оп.1. Д.76.Л.5, 6; Известия Брянского районного Совета.... – 1918. - 31 июля, 4 августа, 7 августа; Орловские Известия Советов.... – 1918. - 31 июля, 1 августа.
31. ГАОО.Ф.Р-1.Оп.1.Д.52.Л.10.
32. ГАБО.Ф.П-4.Оп.1.Д.3.Л.8.
33. См.: Брянцев, М.В. Формирование Брянской чрезвычайной комиссии и отношения с местными властями / М.В. Брянцев // Право: история, теория, практика : сб. статей и материалов. - Брянск, 2011. - Вып. 15. - С.287-288.
34. «Известия Брянского районного Совета...». 1918, 21 августа.
35. ГАБО.Ф.П-4.Оп.1.Д.5.Л.30.
36. ГАБО. Ф.Р-1616.Оп.1.Д.75.Л.58.
37. Брянцев, М.В. Борьба за власть весной-осенью 1918 / М.В. Брянцев // Право: история, теория, практика : сб. статей и материалов. - Брянск, 2010. - Вып. 14. - С.223-224.
38. См.: Там же. С.213-212.
39. Яненко И. Е. Указ. соч. С.189.
40. ГАБО. Ф.Р-1616.Оп.1.Д.144.Л.185.
41. Ленин В.И. ПСС. Т.37. С.219.
42. ГАБО. Ф.Р-1616.Оп.1.Д.145.Л.5.
43. Павлов Д.Б. Указ. соч. С.44.

44. ГАБО. Ф.Р-1616.Оп.1.Д.145.Л.10, 11.
45. Подболотов, П.А. Крах меньшевизма в Советской России / П.А. Подболотов, Л.М. Спирин. - Ленинград, 1988. - С.131.
46. ГАБО.Ф.П-3.Оп.1.Д.73.Л.24.
47. ГАБО.Ф.П-3.Оп.1.Д.62.Л.20об., 25.
48. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.61.Л.5об.
49. ГАБО. Ф.П-1.Оп.1.Д.1.Л.7.
50. ГАБО.Ф.П-4.Оп.1.Д.11.Л.18, 14.
51. ГАБО. Ф.П-4.Оп.1.Д.32.Л.2, 26об.
52. ГАБО. Ф.П-3.Оп.1.Д.62.Л.41.
53. ГАОО. Ф.П-1.Оп.1.Д.460 «а».Л.64.
54. ГАБО.Ф.П-4.Оп.1.Д.62.Л.15об.
55. Брянский рабочий. – 1923. - 4 декабря.
56. Правда. – 1924. - 22 февраля.

Н. А. Голик,
заведующая Унечским филиалом
ГБУК «Брянский государственный
краеведческий музей»

Унечский период в жизни Н.А. Щорса

Николай Щорс – одна из самых загадочных фигур времен гражданской войны. Вокруг его имени до сих пор существует столько тайн и мифов, что некоторые сомневаются, был ли Щорс вообще...

Конечно же, Щорс был: яркий, волевой, неординарный человек. Он первым в годы гражданской войны начал создавать на Украине регулярную Красную Армию. Был командиром полка, командиром дивизии, комендантом города Киева. Другое дело, что в угоду политической конъюнктуре позже на его реальную биографию наслоилося очень много мифов и нелепостей. Но, к счастью, есть архивы, музеи, а в них документальные свидетельства того, каким же был Щорс на самом деле. Наш музей располагает огромным документальным материалом, посвященным не только Щорсу, но и всему повстанческому движению в Северной Черниговщине. Сего-

дня я сделаю акцент на унечском периоде в жизни Щорса. Но немного предыстории.

Николай Александрович Щорс родился 6 июня 1895 года в семье Александра Николаевича Щорса, белоруса, простого железнодорожного рабочего, ставшего впоследствии машинистом паровоза. Родиной его был поселок Носовка, примыкавший к станции Сновск (ныне город Щорс), что на Черниговщине. Закончив церковно-приходскую школу, в 1910 году Николай поступает в Киевскую военно-фельдшерскую школу. Учитя он добросовестно, в 1914 году он заканчивает школу со средним баллом 8,05 из 12 возможных. Получает удостоверение о звании медицинского фельдшера с правами вольноопределяющегося второго разряда. Однако вольноопределиться Николаю не удалось. В июле 1914 года Россия вступает в Первую мировую войну и Щорс получает направление в действующую армию.

Вероятно, фельдшерская работа в действующей армии обострила его желание стать военным командиром. И ситуация оказалась как нельзя подходящая.

Российская армия терпит одну за другой неудачи на фронтах Первой мировой войны. Кадровый офицерский корпус, как правило, дворянского происхождения резко сокращается. Военное ведомство вынуждено делать офицеров из низшего сословия. Николай Щорс изъявляет желание вступить в армию, но его удерживает государственная повинность – отработать фельдшером три года. И Щорс решается на фальсификацию: в свидетельстве об окончании Киевской военно-фельдшерской школы он исправляет год окончания с 1914-го на 1912-й. Таким образом в конце октября 1915 года Николай Щорс освобождается от звания «вольноопределяющийся». Его принимают на действительную военную службу. А уже после Рождества он направляется в Виленское военное училище в Полтаву. После окончания училища летом 1916 года Николай Щорс становится прапорщиком, а в апреле 1917 года его производят в подпоручики. Это уже офицерское звание. В мае 1917 года Щорс заболел туберку-

лезом легких и после лечения и медицинского освидетельствования в декабре Щорса комиссуют с военной службы.

После увольнения в отставку с военной службы Щорс возвращается в родной Сновск. Точными документально подтвержденными сведениями о том, чем он занимается в указанный период, к сожалению, музей не располагает. По мнению биографа Н. Щорса Карпенко В.В., в это время Щорс лечится от туберкулеза. Есть несколько довольно противоречивых воспоминаний о его участии в Семеновском красногвардейском отряде, а также о командировке на Восточный фронт в район Перми. В конце августа 1918 года он прибыл из Москвы в распоряжение украинского Центрального Военного Революционного Комитета в так называемую «нейтральную зону».

Эта зона или, как ее принято было называть еще, демаркационная линия, установленная по соглашению между Германией и Советской Россией в мае 1918 г., шириной от 10 до 40 километров протянулась с севера, начиная от ж.д. станции Унеча на юг, практически вдоль границ с Орловской и с Курской губерниями. В нашем районе она прошла по селам Робчик-Лыщичи-Брянкустичи. Согласно договору в этой зоне не должно было находиться ни немецких, ни российских военных формирований. Именно здесь концентрируются и формируются украинские повстанческие силы.

Через несколько дней Николай Щорс был отправлен в Унечу.

В его задачу входило объединить имеющиеся в районе партизанские и красногвардейские отряды в полк. Здесь, в Унече, формально и фактически рождалось одно из первых регулярных войсковых соединений Советской Украины – 1 Украинский революционный полк имени Богуна.

22 сентября 1918 года выходит приказ Всеукраинского центрального военно-революционного комитета о формировании двух повстанческих дивизий :

«...2. Все полки, сотни и батареи сводятся в 2 дивизии следующего состава:

1-я дивизия – командир т. Крапивянский. В состав ее входят: « ..».3. 3-й полк имени Богуна – командир т. Щорс, при нем 3 конных сотни и 1-я полевая конная батарея.

Примечание: Полк формируется в районе Унеча – Сураж – Брянск из бывшего 1-го Днепровского отряда, бывшей 2-й сотни Червоного казачества, отряда с. Кулаги, отряда с. Разоренные Хутора и батальона т. Барабаша в Брянске...».

Потянулись в отряд Щорса и жители окрестных сёл Найтоповичи, Лыщичи и Брянкустичи.

По поводу названия полка существует две версии. Официальная – в честь Ивана Богуна – героя освободительной борьбы украинского народа, сподвижника Богдана Хмельницкого.

Второе предположение, что полк назван именем тогдашнего видного украинского коммуниста Антона Саввича Богунского (он же Богун), командира отдельной советской Приднепровской бригады. Но возможно ли было назвать полк именем живущего ещё человека, даже и активного советского деятеля (кстати, погибшего в конце июля 1919 года при загадочных обстоятельствах), – непонятно. Помимо Богунского в 1-й дивизии были еще два полка: Таращанский (командир Боженко) и Новгород-Северский (командир Черняк).

Формирование украинских полков и дивизий проводилось втайне от немцев и гайдамаков. Ведь по условиям Брестского договора Советская Россия обязалась не вмешиваться во внутренние дела Украины. И чтобы не осложнять отношений с немцами, Богунский, как и другие полки, находился на полулегальном положении. В документе, выдаваемом каждому бойцу, значилось «повстанец». Таким образом, под началом 23-летнего Щорса оказались 1900 пехотинцев, 180 кавалеристов, из вооружений 21 пулемет и 5 орудий.

Унече суждено было сыграть особую роль в жизни Щорса. Что же представляла собой наша станция в этот период? Вот что пишет в своих воспоминаниях её житель Л.Г. Кокотов: *«Унеча в те времена бурлила. Обычно сонная, тихая Унеча не видела такого количества чужих людей, никогда здесь не было*

такой кипящей политической жизни».

Действительно, на станции жизнь была ключом: процветал черный рынок, всюду орудовали спекулянты, действовала таможня. На советскую территорию стремились сочувствующие большевикам. Непрерывным потоком шли демобилизованные и военнопленные, а на Украину ехали «классово чуждые элементы», не принявшие революцию. Все обязательно проходили через руки пограничной ЧК. Вооруженный отряд ЧК для Унечи был сформирован в основном из казахов и китайцев, ранее нанятых Временным правительством для железнодорожных работ. Фактически руководила им уроженка Новозыбкова Фрума Хайкина.

Хайкина – это особая страница в истории Брянщины. Свидетельства ее бурной деятельности есть не только в Унече, но и в Новозыбкове, Клинцах и Почепе. Она заслуживает отдельного разговора.

Приведу лишь очень краткие, но весьма емкие воспоминания железнодорожников Унечи. Ф.Т. Васеко: *«...В то же время [на] Унече появилась с отрядом китайцев некто Хайкина каковая своими суровыми мерами навела страх не только на спекулянтов и эмигрантов, но и на Богунский полк красногвардейцев (многих из солдат расстреляла). Каковые восстали, желая убить ее и*

китайцев, но она, бросив бомбу в отряд солдат, бежала».

В.Д.Туманов: *«Фрума Хайкина небольшого роста, черненькая, худенькая – смелый и энергичный командир – гроза буржуазии. Она жестоко расправлялась с врагами советской власти. Достаточно ей узнать чуждое настроение белогвардейца или буржуа-эксплуататора: "Расстрел!" – приказывала Фрума. И китайцы эту миссию выполняли безотступно».*

Вот такая Хайка-Чрезвычайка!

В то же время в Унече действует хорошо налаженная система транспортировки через «нейтральную зону» в Клинцы на подводах в обход большевистских постов. Немцы за пропуск на украинскую территорию берут взятки. В лесах промышленляют банды грабителей.

Унечский начальный период формирования Богунского полка был чрезвычайно сложным: отсутствовало централизованное регулярное снабжение, не хватало продовольствия, обмундирования, обученного младшего командного состава. Остро встал вопрос, где размещать полк, чем кормить, во что одевать. Все эти вопросы молодому командиру приходилось решать быстро и не всегда законными методами. Чтобы накормить полк, он нередко прибегал к способу, который по-научному зовется реквизиция, а по-народному – грабеж.

Из заявления Суражского Уездного Продовольственного Комиссариата в Штаб Орловского Военного Округа: *«Мы просим о скорейшем отозвании из местечка Унеча Суражского Уезда Украинского полка имени тов. БОГУНА или немедленном принятии их на довольствие из Центра.*

За последнее время между Штабом Богунского полка и местными органами управления на почве снабжения полка продовольствием происходят часто недоразумения, которые могут вылиться в самые опасные формы.

Дело в том, что Штаб Богунского Полка без ведома Уездного Военного Комиссариата производит мобилизации лошадей, повозок и др. предметов, без ведома Уездного Продовольственного Комиссариата реквизирует всякого рода продовольственные продукты в то время, как на Продовольственный Комиссариат возложена строгая ответственность за каждый заготовленный в уезде пуд продовольствия. Вся работа по учету продовольствия сводится к нулю, так как мы не знаем, где произведены реквизиции Богунским полком.

...Волостные и Сельские Советы из прилегаемого в пос. Унеча района все чаще и чаще обращаются к нам с заявлениями о том, что в районе происходят постоянные реквизиции хлеба,

что деньги за реквизированные продукты часто не уплачивают и что отбирается часто последний хлеб у крестьян...».

А это цитата из другого документа этого же периода:

«...Суражский Уездный Продовольственный Отдел сообщает, что дальнейшее пребывание войсковых частей в уезде и снабжение их Продовольственным Отделом продуктами без помощи Центра повлечет за собой бунт на почве голода, признаки которого уже налицо». Кстати, плохое обеспечение Богунского полка было не только на первых этапах его формирования, но, наверное, это было постоянной практикой руководства украинской армии. Вот выписка из рапорта Щорса от 17 декабря 1918 г.:

«Доношу, что полк Богунский раздет, разут и неудовлетворен жалованием... Положение самое и самое критическое. Службу несут или в бабьих кофтах или полуголые...».

Кроме экономических проблем, при формировании полка существовала также масса организационных и политических. Большой разлад вносили неутихающие политические споры среди повстанцев. Большевики еще не очень крепко стояли на ногах, и свою позицию «в грудки» отстаивали и эсеры, как левые, так и правые, и меньшевики. Подливала масло в огонь со своей точкой зрения и довольно мощная здесь еврейская партия «Поалей-Цион». Кстати, ближайшие друзья и соратники Щорса – братья Лугинцы и Казимир Квятек – изначально были эсерами. Есть достаточно серьезные основания считать, что сам Щорс первоначально тоже придерживался «левоэсеровских» взглядов.

Даже устройство Красной армии вызывало много споров. Молодежь петушилась и до хрипоты отстаивала демократические принципы – все решения должны приниматься коллегиально. Старики осаживали: «Да, ты, пацан, пока будешь митинговать идти в лоб или с флангов, немчура тебя, как цыплят, перещелкает». Партизанщина и низкая дисциплина не выпускали из своих цепких рук. Всё это в конечном итоге привело к вооруженным выступлениям недовольных. По нашим предположениям, в Богунском полку в сентябре и ноябре 1918 г. прошло 2 мя-

тежа, а не один, как считалось раньше, причем в первом случае выступление классифицируется как бунт, а во втором – как мятеж. Бунт произошел в форме протеста против зверских действий Унечского ЧК и конкретно Фрумы Хайкиной. Последней каплей в чаше терпения повстанцев стал её приказ расстрелять не вовремя вернувшихся из увольнения богунцев из с. Найтоповичи. Судя по документам, этому волнению Щорс не придавал особого значения, т.к. в протоколе партийного собрания большевиков Унечи от 22 сентября 1918 года лишь четвертым вопросом значится «Бунт в Богунском полку»: «...*Товарищ Бесорабский докладывает о плохом поведении красноармейцев в Богунском полку.*

Постановили: Богунский полк разоружить, предложить товарищам Бесорабскому, Щорсу, Левинсону, Брагинскому и отряду коммунистов, послать ... [делегацию] для переговоров ... [офицеров] арестовать ночью.

Собрание закрылось в 2 часа ночи ...».

Бунт был подавлен. Полк разоружили, затем после некоторой чистки сформировали заново. Каждый боец и офицер принял присягу.

Гораздо сложнее с мятежом 1 ноября, который упоминается только в одном известном нам документе – резолюции партийного и командного состава Богунского полка. Сложившаяся в конце октября ситуация указывает, что мятеж следовало ожидать. Именно в это время решался вопрос о снятии Богунского полка с западного украинского направления и переброске его на Донской или Восточный фронт. Вот как оценивал ситуацию начальник штаба 1-й дивизии С.И. Петриковский:

«... ведь это была бы сплошная авантюра – вернее ликвидация Повстанческих частей – переброска их на Восточный фронт: организовывать под лозунгом борьбы за освобождение Украины, а затем вести людей на Восток – туда приехало бы с нами очень ограниченное количество людей».

Вероятно, командир дивизии Крапивянский приезжал 1 ноября в Унечу для того, чтобы выяснить отношение полка к предстоящей передислокации. Однако это привело к волнениям, что вынудило Крапивянского срочно покинуть расположение полка, по одним данным, в Орел, по другим – в Курск.

О том, что полк должен передислоцироваться, знали и партийные органы Унечи. Поэтому уже 2 ноября 1918 года на партийном собрании обсуждался вопрос защиты города в случае ухода повстанческого полка. Вот выписка из протокола этого партийного собрания:

«По первому вопросу вносит предложение товарищ Щорс о формировании боевого коммунистического отряда для создания заслона от гайдамаков и немцев в пограничной полосе Украины.

Постановили: отряд создать из желающих добровольцев. Записалось 35 человек коммунистов».

Решение о передислокации дивизии было отменено в связи со случившейся в Германии революцией и начавшимися вслед братаниями. Кстати, с начальником дивизии Крапивянским у Щорса так и не сложились отношения. Совместно с другими командирами полков он добился замены начдива.

Вот в таких сложнейших условиях формировался Богунский полк, формировался как личность и сам Щорс. Большую помощь в адаптации Щорса в Унече оказали члены Унечского ревкома, унечская организация большевиков и, в частности, ее лидер Николай Иванов (ему в это время было 24 года, т.е. фактически ровесник Щорса).

Но все же очень тяжело было молодому командиру.

И по законам исторического жанра поддержка пришла с неожиданной стороны. Николай Щорс влюбился в упомянутую уже чекистку Фруму Хайкину.

Из письма Щорса Фруме:

«...Деточка моя, ты не можешь себе представить, что и кем ты для меня стала. Я чувствую, что без тебя я долго существовать не смогу и не буду. Я больше чем люблю тебя. Я чувствую и испытываю родство

душ....».

«Я, милая моя, Фрумочка, часто, и довольно часто вспоминаю Унечу. То, что я там встретил, то, что я нашел, и то, что произошло в моем мозгу и сердце – этот перелом, этот строй эстетического, нежного, музыкального чувства и настроения, переродили меня окончательно...».

Кстати, на самом деле после тесного общения с Фрумой Николай стал убежденным большевиком. Вот ещё цитата из его письма:

«И вот, отдавшись душой и телом революции, до мозга костей проникнувшись одной идеей и желанием осуществить своё стремление, т.е. видеть плоды полной победы угнетенного, рабски пришибленного рабочего – у ореола своего победоносного пьедестала возвратившего себе все достоинства человечества – не имея ни родных, ни близких; получив из предыдущих примеров жизни одну лишь апатию и полную реальность жизни – вдруг, о счастье. О, радость! Я встречаю тебя, тебя, моя звезда – путеводительница – мое счастье...».

Конечно, Николай Щорс в своей жизни имел несколько романов, о которых как-то вскользь упоминают его биографы. Но Фрума Хайкина – это был весьма драматичный последний роман Николая Щорса.

Увлечение Щорса Фрумой было настолько очевидным, что пришлось вмешаться командному активу полка. Вот что по

этому поводу вспоминает один из близких друзей и сослуживец Щорса Константин Лугинец:

«... На Унече находилась Чрезвычайная комиссия, которая нам частично помогала через тов. Ростову, в то время ее фамилия была Хайкина и она работала секретарем чрезвычайной комиссии. Тов. Щорс с ней познакомился и часто заходил к ней. Мы поставили перед ним вопрос «почему ты ходишь туда и меньше стал уделять внимания для укрепления полка?» Он с нами вполне согласился и перестал ходить...».

Но помогло это явно ненадолго.

Практически до конца жизни Щорса Хайкина была с ним рядом. После гибели Щорса, уже в 1920 году, Фрума Ростова родила девочку – Валентину Николаевну Щорс.

События, происходившие в Унече в начале ноября 1918 г., имели такое историческое значение в жизни всей страны, что требуют детального освещения.

9 ноября 1918 года в Германии произошла революция.

10 ноября Щорсу передали срочную телеграмму председателя Совнаркома Ленина, адресованную всем пограничным совдепам и сообщавшую о германских событиях: *«Очень вероятно, что все это будет скрыто от германских солдат на Восточном фронте и в Украине. Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами доведите эти факты до сведения германских солдат».*

11 ноября были организованы две депутации в расположение немецких приграничных гарнизонов. Одна верховым отправилась в д. Лыщичи, где квартировал 106 полк, а другая со Щорсом направилась на паровозе в Робчик в распоряжение 19 полка. Следует отметить, что подробная реконструкция событий представляет определенную сложность. Воспоминаний очень много, но в большинстве своем они весьма противоречивы. Попробуем выделить из всех материалов наиболее вероятное развитие событий.

Депутациям, направленным 11 ноября в распоряжение немецких гарнизонов, удалось найти контакт с немецкими солдатами и договориться о встрече представителей немецких солдатских депутатов с местным российским активом на российской территории на ст. Унеча 12 ноября. Вот как, к примеру, описывает эти события Г. Данилюк:

«... У границы нас встретили немецкие солдаты, в сопровождении которых мы направились в село Лыщичи. Там нас привели в большой класс местной школы, который вскоре до отказа заполнили немецкие солдаты...».

В некоторых воспоминаниях присутствует обед и даже со шнапсом (за революцию).

12 ноября в Унечу прибывают делегации от немецких полков: из Лыщич (106 полк) предположительно 5 человек, из Робчика (19 полк) предположительно 4 человека.

Унечские власти немедленно организуют совместный митинг, на котором выступают и немцы, представители местных властей и представители Богунского полка. После горячих обсуждений принимается решение организовать совместный массовый митинг Богунского и 106 немецкого полка в с. Лыщичи. Под впечатлением момента в Москву Ленину отправляется телеграмма:

« Представители революционных солдат Германии, делегаты Лыщиченского Совета солдатских депутатов совместно с унечской организацией РКП приветствуют в Вашем лице мировую революцию».

13 ноября Богунский полк пешим порядком в полном составе в 9 утра выходит из Унечи и переходит демаркационную линию. Так начинается историческое братание. Перед с. Лыщичи полк оркестрами встречают представители 106-го и 19-го немецких полков 47-й ландсверной дивизии. На окраине деревни проходит совместный митинг (после которого немцы с богунцами обменялись подарками. Немецкая губная гармошка сейчас находится в экспозиции нашего музея. А знамя, подарен-

ное Щорсом немцам, в этом году удалось найти в музее г. Лейпциг).

Над немецкой казармой – красный флаг. Немецкие солдаты церемониальным маршем проходят перед Богунским полком. Немецкие офицеры не показываются, однако в ход событий не вмешиваются.

Во время митинга Щорс зачитал ответную телеграмму Ленина:

«Благодарю за приветствие всех. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действенное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовывать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии.

Предсовнаркома Ленин

Срочно. Вне всякой очереди».

Очевидно, что происходящие в Унече события очень взволновали Советское руководство: «Срочно», «Вне всякой очереди». Ленин очень рассчитывает на участие немецких солдат в освобождении Украины на стороне большевиков, поэтому немедленно рассылает следующую директиву:

«13 ноября 1918 г. Орел. Губком Росс. Ком. Партии большевиков для украинцев.

Я только что получил из Унечи приветствие от революционных солдат Германии. Считаю крайне важным, чтобы во все пограничные пункты с Украиной вы сообщили по телеграфу об этом и, отвечая от моего имени благодарностью за приветствие революционных солдат Германии, обратились к ним с просьбой помочь быстрым и решительным действием освобождению Украины. Пусть революционные солдаты Гер-

мании довершат начатую ими славную германскую революцию арестом белогвардейцев на Украине и освобождением Украины.

Да здравствуют революционные солдаты Германии на Украине!

Да здравствует братский союз германской советской республики с Украинской советской республикой!»

На митинге в Лыщичах была принята резолюция, а вечером на переговорах, в которых принимал участие и Щорс, она была оформлена протоколом, подписанным представителями немецких полков. К сожалению, протокол этот обнаружить пока не удалось, однако из воспоминаний известны основные тезисы: немецкие полки прекращают военные действия против советских войск, партизан и повстанцев; не оказывают никакой помощи гетманским властям и гайдамакам; начинают эвакуацию в Германию, не допуская при этом разрушения железных дорог, взрыва мостов и т.п.

Однако последующие события показали, что влияние офицерского состава немецкой армии оказалось выше ожидаемого, дисциплина взяла свое, хотя давление солдатских комитетов тоже имело место. Германские войска начали планомерный вывод своих подразделений из Украины, но, несмотря на принятые во время братания соглашения, все-таки иногда взрывали мосты, уничтожали коммуникации и активно взаимодействовали с гайдамаками в боевых действиях против советских войск.

Но все же немецкий заслон был снят, и на Украине стала набирать обороты гражданская война.

17 ноября РВС Украинского фронта отдаёт приказ о начале наступления повстанческих украинских дивизий. Богунский полк входит в число подразделений, перед которыми ставилась задача овладения Киевом.

20 ноября Богунский полк выступил из Унечи. Тогда же в подчинение Щорсу передали Таращанский полк. Из двух полков получилась бригада, командиром которой становится Щорс.

Но это уже другая история. Унечский период в жизни

Щорса на этом заканчивается.

Р.с. Начало активных действий в северной Черниговщине тоже связано с Унечей и отмечено в центральном печатном органе большевиков – газете «Правда» №257 за 27.11.1918 г.» :

«Унеча 25 ноября. В полдень 25 ноября Советские войска заняли Стародуб. По прибытии наших войск немцы ушли, буржуазия бежала вслед за ними. Рабочие встретили войска с красными знаменами. Унечская организация коммунистов отправила в Стародуб товарищей для организации Советской власти».

-
1. ГАБО, ф.8283, д.3.
 2. ЦГАВОВУ Украины (бывший ЦГАОР УССР), ф.2, оп.1, д.104, лл. 9, 10.
 3. ГА РФ (бывший ЦГАОР СССР), ф.130, оп.12, д.140, л.73.
 4. РГВА (бывший ЦГАКА), ф.999, оп.1, д.8, л.20.
 5. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1974. - Т.35.
 6. Гражданская война на Украине (1918—1920): Сборник документов и материалов. Т. 1, кн.1. - К., 1967.
 7. Карпенко, В. Щорс / В. Карпенко. – М.: Молодая гвардия, 1974.
 8. Фондовые материалы Унечского краеведческого музея.
 9. Архив С. Р. Петриковского.
 10. Материалы А. И. Поддубного.

А.В. Кукатов,
*краевед, член Клуба любителей
истории родного края*

**Александр Кобацкий – агент четырех разведок.
Дневник Дмитрия Степановича Кобацкого.
Неизвестные страницы из истории Брянщины**

Александр Кобацкий – предатель или разведчик?

До последнего времени это были судьбы двух разных людей. Одного – коллаборациониста Второй мировой, жителя оккупированной территории, который работал в немецких структурах, эвакуировался вместе с немцами и следы которого в дальнейшем затерялись. Второго – разведчика, работавшего в штабе «Валли», в разведке Российской освободительной армии (РОА), в организации Гелена, в ЦРУ, которого в Америке обвиняли в том, что он был советским кротом, но так и не смогли доказать этого. Объединяла их одна фамилия, но не было никаких оснований считать, что это один и тот же человек. Но недавно обнаруженные свидетельства позволяют нам предположить, что, вполне возможно, речь идет о нём. Об Александре Кобацком.

Однако вначале давайте вспомним, что мы знаем об этих судьбах...

Кобацкий – коллаборационист.

Итак, до сегодняшнего дня в Сураже, районном центре Брянской области, знают по воспоминаниям ветеранов, что Александр Кобацкий был одним из тех, кто сотрудничал с немцами во время оккупации Суража. Вот фрагмент из воспоминаний ветерана войны Захара Евсеевича Красильщикова: «В семье не без урода, как говорится... Бывшие комсомольские активисты: Анатолий Гладченко и Александр Кобацкий... А до войны я с ними дружил... При немцах они стали полицией и карателями. В 1943 году убежали при отступлении вермахта с Брянщины на запад, и дальнейшая их судьба осталась неизвестной...» [1] Также упоминания о коллаборационисте Кобацком

есть в книге Михаила Лежнева и Сергея Стешеца «Земля Суражская»: «Придя к Бердниковым, полицаи Кобацкий и Пилипенко начали производить обыск. Ничего не найдя и не дождавшись Натальи, они арестовали её отца Григория Ивановича и увели в полицию». [2] Вот такой небольшой массив информации известен нам об Александре Кобацком – коллаборационисте, который сотрудничал с оккупационными властями во время оккупации Суража.

Кобацкий – разведчик.

Есть целый ряд материалов исследователей, журналистов, историков разведки об Александре Кобацком (он же Навратиллов, он же Игорь Орлов, Койшвиц и «агент Саша»). Схематично и коротко историю Орлова эти материалы представляют так:

«У вдовы Кобацкого Элеоноры сохранилась собственноручно написанная им автобиография, уместившаяся на одном листке. Вот она: «Игорь Григорьевич Орлов родился 1 января 1922 года в Киеве, Советский Союз. Натурализован 6 сентября 1962 года в Александрии, штат Виргиния, документ о натурализации №8440855. Военная или гражданская работа: август 1941 – декабрь 1943. Лейтенант советской разведки, декабрь 1943 – апрель 1944. Пленный в немецком госпитале, апрель 1944 – март 1945. Лейтенант немецкой разведки, «Штаб Валли», март 1945 – май 1945. Разведка РОА (армии Власова), 1946-1948. Разведка США, 1950-1961. Оперативник ЦРУ» [3] (Фотография №1) . Есть информация, что от Гелена он, однако, в 1947 году ушел и устроился на частную немецкую фирму там же в Мюнхене. Впоследствии американцы выяснили, что Орлов не сам ушел, а его выгнали за «подделку донесений» [4]. В 1949 году якобы пришел в советскую военную миссию в Баден-Бадене и предложил свои услуги. Завербовали в Восточном Берлине, подписал обязательство о сотрудничестве [5]. По другой версии, Александр Кобацкий попал в поле зрения американской разведки в начале 1951 года. Оперативная база ЦРУ в Западном Берлине подыскивала агентов среди русских эмигрантов и с этой

целью обратилась к организации под названием «Союз борьбы за освобождение народов России» (СБОНР), штаб-квартира которой располагалась в Мюнхене. «Контрразведывательный словарь», изданный в 1972 году для курсантов Высшей школы КГБ, характеризует ее так: «Проамериканская антисоветская эмигрантская организация, созданная в 1947-1948 годах в Западной Германии из числа белоэмигрантов и изменников Родины, немецко-фашистских пособников и предателей, бывших участников РОА». Руководство СБОНР в числе прочих кандидатов рекомендовало ЦРУ Кобацкого [6].

Работал в 1950-е годы в Германии. В 1961 году выехал в США. Однако не использовался на работе в разведке, так как попал под подозрение в работе на советскую разведку после показаний перебежчиков – Голицына и Кочнова [7]. Однако его принадлежность к советской разведке так и не была доказана. Уже после его смерти (Орлов умер в 1982 году) еще один перебежчик Юрченко подтвердил информацию о том, что Орлов – советский агент, и, более того, он завербовал одного из своих сыновей [8].

Один человек или два человека?

На первый взгляд кажется, что речь идет о двух разных персонажах по фамилии Кобацкий, не так ли? Ведь тот Кобацкий, который разведчик, не может быть суражским Кобацким, так как в тот период времени, когда первый в Сураже работал в немецких органах управления, второй, согласно его биографии, служил в советской армейской разведке. И только в декабре 1943 года попал в немецкий плен. Однако в нашем распоряжении оказался источник, который позволяет выдвинуть гипотезу, суть которой состоит в том, что был один Кобацкий. Итак, вначале два слова об авторе воспоминаний, которые проливают некоторый свет на всю эту историю.

Итак, Кобацкий Дмитрий Степанович, родился 26.10.1904 г. в деревне Писаревка Ущерпской волости Суражского уезда Черниговской губернии. Учился в ущерпской одноклассной церковно-приходской школе. В 1915 году поступил в

Клинцовскую гимназию. Окончил Клинцовский индустриальный техникум. Работал на Клинцовской текстильной фабрике, в Клинцовском горсовете техником-инвентаризатором. С 1935 года работал техником-строителем в Унече, Сураже. 28 августа 1938 года арестован НКВД. Находился под следствием до 13 февраля 1940 года. Приговорен Особым Совещанием к трём годам лишения свободы. Отбывал срок в Архангельской области (Каргопольлаг), Мурманской области (лагерь Ковдорстрой), Печерлаге. Освобожден 27 мая 1942 года. В сентябре 1942 года призван в армию. Миномётчик 1319 полка на Калининском фронте. Ноябрь 1942 – май 1943 – санитар медсанбата. Май 1943 – январь 1944 – в учебном батальоне; присвоено звание старший сержант. Январь 1944 – август 1944 – ездовой в батарее 76-миллиметровых пушек 45 гвардейского полка. С августа – в должности старшины, в которой прослужил до демобилизации. Войну закончил в Восточной Пруссии, участник штурма Кёнигсберга. Награждён орденом Красной Звезды, боевыми наградами. С 1946 – го по 1952-й год работал в тресте «Южавтострой» (Днепропетровск). С 1952 г. – старший инженер ПТО управления №5, преобразованное в УНР-1014 (Днепропетровск). Жёны: первая – Дарья (девичья фамилия – Попкова), мать Александра Кобацкого; вторая умерла при родах; третья – Волкова Валентина Васильевна. Умер 23 марта 1988 года [9].

Дмитрий Степанович Кобацкий – отчим Александра Кобацкого, второй муж его матери. Человек, который усыновил Александра и дал ему свою фамилию. Его сын от третьего брака – тоже Александр Кобацкий – предоставил в наше распоряжение неоконченные воспоминания своего отца. И вот в этих воспоминаниях есть интереснейшие фрагменты, которые касаются судьбы пасынка Дмитрия Степановича – Александра Кобацкого.

Первое упоминание об Александре в воспоминаниях такое: ««Неродной сын окончил ээсовскую школу и работал в этом же городе» [10]. Таким образом, вполне может быть, что свидетельства суражских ветеранов о том, что Александр Кобацкий был именно «полицаем», не совсем точны. Вполне вероятно, что он

служил не в полиции, а в другой структуре. Какой? Может быть, полевой полиции (ГФП), а может быть, и был сотрудником подразделения абвера (военной разведки). Открытым из мемуаров остаётся вопрос, служил ли Александр в армии, был ли он офицером РККА? Дмитрий Степанович лишь мельком пишет, что в начале 1940 года он последний раз видел пасынка, когда тот приходил вместе с матерью к нему на свидание в тюрьму. В другом месте воспоминаний можно прочесть следующее: «Сын (её), 1924 года рождения, чтобы не попасть в Германию, поступил на службу к немцам. Окончил какие-то курсы и работал в гестапо» [11].

Однако самый интересный фрагмент воспоминаний Дмитрия Степановича Кобацкого касается послевоенного времени. Это история его встречи с Александром Кобацким в... Берлине в 1954 году. Обстоятельства этой встречи настолько интересны, что главу воспоминаний «Свидание с сыном» стоит опубликовать практически полностью, с небольшими сокращениями:

Глава 23 (свидание с сыном).

...Однажды, зимой, в конце 52 или начале 53 года, часов в 9 вечера, подхожу к своему дому. Встречает меня некто в полувоенной форме и спрашивает: «Вы Дмитрий Степанович?». «Да» – отвечаю. Он говорит, что дожидается меня, так как меня вызывает Федоров. «Зачем, думаю, так поздно я понадобился Федорову?». Оказалось, что это не наш Федоров, не главный инженер, а начальник районного отделения КГБ. Вот это уже неожиданность. Ну, что ж, раз надо, значит надо. Такая уж доля. Приехали в райКГБ, он помешался на улице Свердлова, между улицами Громова и Чичерина, если идти от Рабочей, то по левой стороне. Остался в кабинете с начальником наедине. Как обычно начал с подхода о том и о сём. И, вдруг спрашивает о сыне. Вот это уже совсем плохо и мысли пошли бродить. Начальник продолжает: «Сын передаёт вам привет. Он нам хорошо помогает. Просит передать вам письмо и 500 рублей денег». Письмо я прочёл. Почерк сына. Написал ответ. Его письмо мне не остави-

ли, хоть из него и не поймёшь, откуда оно написано. От денег стал отказываться, думая, что это провокация и их заставят отработать, без отдачи ничего не делается. Но не отбил, пришлось взять. Будь, что будет, куда кривая вывезет.

Через некоторое время также с письмом получил от Михаила Михайловича ещё 500 рублей. Так несколько раз. Происходило это в поле, в машине или у меня на работе так, чтобы никто не видел. Однажды, Михаил Михайлович назначает мне встречу, и говорит, что из Москвы приехал большой начальник и хочет со мною встретиться по очень важному делу. Назначил место встречи в конце улицы Рабочей, на проспекте Пушкина. Они меня будут ждать в машине. Встретились. Познакомились. Он, московский гость, назвался Иван Ивановичем, беседовали в машине на отвлечённые темы, а потом поехали на явочную квартиру на улице Короленко, недалеко от милиции. В квартире был один старик, но он скрылся, как только мы вошли. В комнате был накрыт стол с хорошей выпивкой и закуской. Иван Иванович передал мне письмо и 500 рублей денег, повёл разговор о встрече с сыном, что он для нас много делает, но просит о встрече с отцом, и мы ему обещали. «Вот это – думаю – да! Придётся где-то отрабатывать полученные деньги». Где он я не знаю. Если на Советской территории, то это полбеды. Если за границей, то могу послужить приманкой, а, может, и просто забросят, как шпиона. Заявляю, что, если свидание состоится на Советской территории, я согласен, а за границу не поеду (а сам думаю, что если надо, то меня и спрашивать не будут). Кроме того, я нахожусь на работе. Он мне отвечает, что это будет на территории одной из социалистических стран, а, насчёт работы, то это их забота... Так, что поедем, покатаемся по одной из социалистических стран. На этом расстались.

Живу в тревоге, что день грядущий мне готовит?

Никому, ничего не говорю.

Прошло немного времени, Михаил Михайлович назначает мне встречу, на которой предупреждает, что меня вызывает Москва, через министерство строительства СССР. Срочно.

Трест выпишет тебе командировку. Ехать надо сегодня. Одеться нужно, как можно лучше – будете видаться с большим начальством. В Москве, у поезда, вас встретят, но, на всякий случай, запиши номер телефона. Если не встретят, позвонишь и попросишь Ивана Ивановича. Вечером встретимся на вокзале, возле касс, получишь билет. Через некоторое время, на работе, меня нашёл инспектор по кадрам: «Бросай всё, иди в трест, тебя срочно вызывает министерство». Получил командировку, аванс, пришёл домой и, тоже, всем, как снег на голову. Говорю, что срочно вызывает министерство в Москву, а на сердце кошки скребут. Думаю: «Может быть, вижу родных в последний раз?».

Жена проводила на вокзал, и я уехал в Москву.

В Москве, у поезда, меня не встретили. Вышел на при вокзальную площадь, позвонил по указанному телефону. Скоро, минут через 10-15 подъехала машина. Ко мне, прямо, как к давнему знакомому подошёл человек в штатском, удостоверился, что я – это я, пригласил в машину, и поехали. Думал, что в какое-то КПЗ завезут. Нет. Приехали в гостиницу «Ленинград». Для меня уже был забронирован номер-люкс. Мой сопровождающий говорит, чтобы не волновался, гулял по Москве. Он будет меня навещать и покажет город, если что надо, звоните по телефону и спросите такого-то.

Денег у меня с собой было рублей 500, живу скромно, но к обеду всегда брал 100 грамм. Иногда, заказывал обед в номер, когда в ресторане были большие очереди...

Таким образом, прожил в Москве около двух недель. Однажды, вечером, приходит ко мне мой московский опекун и говорит, что завтра вылетаем. Забрал у меня все документы и деньги, оставил только несколько рублей, чтобы на аэродроме можно было позавтракать. В шесть часов я должен был ждать возле подъезда. Номер, до вечера, должен был оставить за собой на всякий случай.

Дежурная по этажу разбудила меня часов в пять. Вышел на улицу, через некоторое время подошла машина и увезла меня и сопровождающего на аэродром. Думал, что в последний раз на

родине. Денег и документов нет – обо всём заботился мой провожатый Пётр Иванович... Погода, в тот день, оказалась нелётной, и наш вылет не состоялся. Меня Пётр Иванович определил в гостиницу на аэродроме, а сам уехал в Москву. На следующий день погода была подходящей. Мы в буфете расходовали все деньги, чтобы не было советской валюты, покончили с формальностями (документы на меня предъявлял всё тот же Пётр Иванович) и полетели. Это был мой первый полёт на самолёте. Погода была тёплая, хотя и февраль. Снега не было, а посмотрел в иллюминатор – вокруг громадные сугробы, снег кругом, откуда? Только, потом, догадался, что мы летим над облаками.

В Варшаве сделали посадку для дозаправки и дальше.

В Берлин прилетели вечером. Нас на аэродроме встретили... Приехали в Берлин. Под резиденцию мне отвели отдельный типовой домик, состоящий из трёх изолированных комнат обставленных необходимой мебелью, с телефоном и другими бытовыми и коммунальными услугами. В столовой уже был приготовлен ужин. Меня проинструктировали, как пользоваться газом, чтобы вскипятить чай или разогреть обед. Сказали, что обслуживать будет женщина, убирать и готовить, но в разговор с ней не вступать. Кто я, и откуда, не говорить. В случае чего, звони по телефону, вот номер. Пётр Иванович говорит, что будет днём заходить за мной, и мы будем вместе осматривать Берлин. Спутники мои ушли. Остался я один. Неприятно от такой таинственности и, что впереди не знаю. Но время берёт своё и, постепенно, стал привыкать-осваиваться с одиночеством. Читать есть что, радиоприёмник есть, кормят исключительно хорошо и разнообразно, всегда фрукты: яблоки, апельсины. Прожил так дней десять. Днём, через занавеску посматривал на свет божий. Приходил Пётр Иванович, гуляли с ним по Берлину. Были у Бранденбургских ворот, у Рейхстага, на улице Генералиссимуса Сталина (Сталинштрассе), в метро. Метро, по сравнению с Московским, более грязное, вход прямо с улицы, как в общественный туалет. Одним словом, не впечатляет. Может быть, в Западном Берлине оно имеет другой вид, не знаю. На что обра-

тил внимание, так это на то, что даже на главной улице Сталин-штрассе днём людей почти нет. Посетил также Трептов парк. Сделано красиво. Не знаю, по душе это немцам или нет, но впечатление величественное. По краям аллеи, ведущей к монументу, где красноармеец держит на руках ребёнка установлены барельефы с изображением главнейших военных событий. Сам памятник установлен на высоком насыпном кургане, заканчивающимся чем-то, вроде часовни. Внутри, на столе, лежит большая книга с перечнем воинов, погибших при штурме Берлина. У памятника караул советских солдат.

Пригород, где я находился, назывался Карлхорст. Недалеко находилось здание, где была подписана капитуляция.

Дней через пять, вечером, пришёл Пётр Иванович и сказал, чтобы собирался на встречу с сыном. На встречу, так на встречу – мне было уже всё безразлично. Не верил я в такую возможность, что с меня за это ничего не потребуют.

Встреча состоялась недалеко от дома, где я жил. Как сейчас помню, что это был угловой дом в готическом стиле, с красивым фасадом. Но ещё более красив он был внутри.

Мы, конечно, узнали друг друга, по-родственному обнялись и расцеловались. Много времени прошло с нашей последней встречи, когда в марте или апреле 1940 года он, с матерью, приходил ко мне на свидание в тюрьму города Мглин. Прошло 14 лет. Он сделал себе пластическую операцию, но, всё равно, если бы случайно встретились где-нибудь, сразу бы узнали друг друга. Пластическая операция заключалась в том, что он убрал следы от ожога на шее. Когда был маленьким, года 2-2,5, бабушка на костре варила томат, а он крутился возле неё. Уголёк отскочил и попал ему на шею, а он от боли и страха прижал подбородок к шее и получил сильный ожог. Хотя обращались и к врачам, и к знахарям, но, в результате на шее, с лицевой стороны образовалась перепонка. Шею она не стягивала, а при нормальном положении головы виднелась. Вот её то, эту перепонку он и удалил.

После объятий, начались расспросы и воспоминания. Одет он был очень хорошо. Вид был аристократический. По-русски он говорил уже с немецким акцентом и говорил, что отдельные русские слова вспоминает уже с трудом. Потом, сели за стол. Кроме Петра Ивановича, был ещё человек, который встречал нас на аэродроме и женщина, которая нас обслуживала. Стол был богатый. Выпили, закусили. Потом, нам дали побыть наедине, все удалились и мы остались за столом вдвоём. То, что можно было говорить, говорили нормально, но он показал мне, что здесь могут быть установлены подслушивающие устройства и, те вопросы и ответы, которые не подлежали огласке, мы писали на бумажке. Делали это так: он выходил в туалет, где писал записку, потом шёл я, читал её, так же письменно отвечал и задавал свой вопрос. Досидели до глубокой ночи.

С матерью и семьёй он расстался под Ковелем и больше о них не имел никаких сведений. Я ему объяснил, почему не принял никаких мер к розыску. Он очень сожалел, что не знает фамилий двух военнопленных, которым помог в Сураже бежать, за это имел по службе большие неприятности, но обошлось. Очевидно, это были видные военачальники, и если бы я с ними связался, то имел бы другое положение сейчас.

Женат он был на немке. Новые его родственники были демократически настроены. Имеет легковую машину. По секрету сообщил, что работает главным секретарём в объединении «Цейс» и много копий секретной документации передал нашим. Так что затраты, которые понесли на организацию встречи, окупались с лихвой. На мой вопрос: «Кто инициатор этой встречи?». Он ответил, что из родных, кто мог остаться в Советском Союзе, был только я, и когда ему сообщили, что я жив и здоров, он стал передавать деньги и письма, а потом потребовал встречу. После такого сообщения у меня всякие сомнения в возможном подлоге отпали и я с этого времени стал жить в открытую, не чувствуя над собой гнёта. Я подробно рассказал о себе, о составе семьи и всё, что его интересовало. Он у меня спросил, что если бы мы встретились на фронте, но по разные стороны, то ты,

наверное, меня пристрелил бы? Я ответил, что возможно и пристрелил бы.

Первое свидание на этом закончилось. Меня отвели в мою резиденцию, а его тоже должны были куда-то доставить (возможно, он жил в Западном Берлине, вот этого я не спросил). В дальнейшем меня не посвящают. Живу, как и раньше один...

Через несколько дней состоялась вторая встреча. В том же доме и при тех же обстоятельствах. На предыдущей встрече он поинтересовался, какие поручения мне дали в Москве, что я должен был привезти. Во время второй встречи он вручил мне подарки: часы, отрез трико и отрез шерсти на платье, гардины на окна. Эта встреча была недолгой.

Через пару дней мы вылетели в Москву.

Остановку, для дозаправки, делали в Минске.

В Москве мне вернули паспорт и деньги.

Быть в Москве по вызову министерства и не быть в министерстве нельзя. На месте могут спросить где был, зачем вызывали, что видел, да и командировка требует письменного отчёта. Пётр Иванович привёз меня в министерство, и сам зашёл к замминистра по кадрам. О чём они там беседовали, не знаю, но, когда вышел из кабинета кадровика, велел мне сидеть в приёмной и ждать, когда вызовут. Сидел долго, пока ему не напомнила секретарша (а так он, наверное, уже и забыл о моём существовании). Встреча носила обязательный, не интересующий его характер. Посоветовал мне для отчёта посетить строительную выставку, вроде меня вызывали для знакомства с новейшей строительной техникой и материалами. Посетил выставку. Посетил с Петром Ивановичем мавзолеем Ленина. На взятые из дому деньги купил ещё кое-что жене, теще и тестю. После Берлина пробыл в Москве ещё неделю, после чего мне вручили билет и отправили в Днепропетровск.

О целях моей поездки в Москву пришлось врать и дома и на работе. О средствах, на которые приобрёл столь дорогие подарки сказал, что получил премию за рацпредложение. Деньги, которые передавал сын, тоже объяснял премиями за рационали-

зацию. Вообще-то я рационализацией занимался, так что версия была правдоподобной.

После поездки в Москву, я стал смело встречаться с работниками органов и уже не чувствовал над собой напряженности и неопределённости. Редкая переписка с сыном, 1-2 раза в год, продолжалась до 1961 года. С последним письмом передали мне фотографии его жены и детей, которые у меня хранятся и сейчас. Фотографию сына только показали и забрали назад. С 1961 года никаких известий о нём не имею» [13].

Итак, приведенный фрагмент говорит нам о том, что тот Александр Кобацкий, который во время войны был на оккупированной территории в Сураже и сотрудничал с немецкими властями, так вот именно этот Александр Кобацкий после войны, в 1954 году, выполнял некую работу для советских спецслужб («Он нам хорошо помогает»), причём был настолько ценным агентом, что ему устроили встречу с отчимом в Берлине. Время и место встречи совпадают с местом и временем работы в Германии Кобацкого-Койшвица-Орлова. Кроме того, дата, после которой связь с пасынком у Дмитрия Степановича Кобацкого прервалась, совпадает с датой выезда Орлова-Кобацкого из Германии в США. К огромному сожалению, не сохранилось довоенных фото «суражского» Александра Кобацкого. Мы располагаем только фотографиями Игоря Орлова уже послевоенного периода.

Нам удалось связаться с Захаром Евсеевичем Красильщиковым, который упоминался нами (именно он свидетельствовал о коллаборационизме своего одноклассника Александра Кобацкого). Ему была предъявлена для опознания фотография Орлова-Кобацкого, и он однозначно заявил, что на фотографии изображён его одноклассник Александр Кобацкий [12].

Поэтому, версия о том, что существовало два Кобацких, а на самом деле это один и тот же человек, имеет право на существование, и свидетельства отчима Александра Кобацкого эту гипотезу, конечно же, подкрепляют. Будем надеяться, что будут обнаружены дополнительные доказательства, которые могли бы

пролить свет на эту интересную историю. См. вклейку, рис. 17-20.

1. Красильщиков Захар Евсеевич [Электронный ресурс] // Я Помню : воспоминания ветеранов ВОВ. – М., 2000-2010. – Режим доступа : <http://iremember.ru/razvedchiki/krasilschikov-zakhar-evseevich/stranitsa-14.html>.
2. Лежнев, М.Р. Земля суражская / М.Р. Лежнев, С. Стешец. - Клинцы, 2008. – С.203.
3. Уайз, Д. Охота на "кротов": Секрет. поиск предателей, потрясший ЦРУ : [пер. с англ.] / Д. Уайз. - М.: Междунар. отношения, 1994. – С.353.
4. Абаринов, В. Четыре судьбы одного агента / В. Абаринов // Совершенно секретно. – 2011. – 1 сент. (№ 9).
5. Колпакиди, А.И. Дело Ханссена : "Кроты" в США / А.И. Колпакиди, Д. Прохоров. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – С. 74.
6. Абаринов, В. Четыре судьбы одного агента / В. Абаринов // Совершенно секретно. – 2011. – 1 сент. (№ 9).
7. Соколов, А. "Суперкрот" ЦРУ в КГБ: 35 лет шпионажа генерала Олега Калугина: (Версия разведчика) / А. Соколов; гл. ред. А.Ю. Дроздов. - М.: Альм. "Вымпел", 1999. – С. 61.
8. Уайз, Д. Охота на "кротов": Секрет. поиск предателей, потрясший ЦРУ : [пер. с англ.] / Д. Уайз. – М.: Междунар. отношения, 1994. – С.291.
9. Биографическая справка подготовлена на базе: Копацкий Д.С. Воспоминания, свидетельства Дмитроченко А.П.
10. Копацкий Д.С. Воспоминания, стр. 34
11. Копацкий Д.С. Воспоминания, стр. 37
12. Копацкий Д.С. Воспоминания, стр. 39-42
13. Личный архив автора (ЛИА). Переписка с Красильщиковым З.Е.

СЕКЦИЯ 2. УРОЖЕНЦЫ БРЯНСКОГО КРАЯ

В.П. Алексеев,
*заместитель директора, ГБУК «Брянский
государственный объединенный
краеведческий музей»*

Козловка и Козловская волость

На территории поселка Выгоничи существовало несколько старинных селений. Самым большим из них было село Козловка. Оно стало предшественником современного районного центра и в административном плане, так как более двухсот лет являлось центром Козловской волости.

Первое описание села Козловки было сделано в 1626 г. во время переписи Брянского уезда князем Звенигородским. Село было вотчиной Вознесенского девичьего монастыря, «что на Москве в Кремле городе». Монастырь был основан в 1389 году после смерти князя Дмитрия Ивановича Донского его вдовой княгиней Евдокией, которая постриглась здесь в монашество, получив имя Ефросиньи. После смерти она была погребена в соборе Вознесенского монастыря, а позже причислена к лику святых. Великие Московские князья и цари после смерти своих супругов и дочерей погребали их рядом с Ефросиньей. В числе многочисленных вотчин, пожалованных монастырю, была и Козловская вотчина в Брянском уезде. Неизвестно, какой именно царь пожаловал монастырю эти брянские владения, но произойти это могло только после присоединения Брянского края к Русскому государству в 1503 году.

В селе была церковь Николы Чудотворца, деревянная, клёцкая, т.е. построенная, как крестьянские избы, клетью. В храме были ризы, книги, колокола, принадлежавшие монастырю. Церковь пережила бедствия Смутного времени. Ее не разграбили, не сожгли. На церковном дворе стоял двор попа Михайлы Федорова сына и дьякона Никиты Ефимова. В то же вре-

мя вместо дворов пономаря и проскурницы остались пустые места. В лучшие времена на церковном дворе стояли три избы-кельи, в которых жили нищие, питавшиеся из церковных достатков. Теперь же вместо них были пустые места. Церковь владела 20 четвертями земли в трех полях (более 30 га), а также санными покосами на 30 копен по берегам речки Пешковки и по дубраве. В селе вдоль берега речки стояли 6 крестьянских дворов и 5 бобыльских. Большая часть села опустела во время смуты: вместо 15 крестьянских дворов были пустые места. Крестьяне распахивали 117 четвертей (175 га) пашни средней земли. 60 четвертей (90 га) было заброшено и успело зарости лесом. На покосах по речке Пешковке и по дубраве накашивалось 350 копен сена. Жители Козловки пользовались бортным уходом в лесу за рекою Десною. Ухожей метился специальным знаком. Также к их угодьям относились озерки за Десной: Зубрее, Перекон, Подсыгичи, Лебома, Нечерога, Уховицкое, Праща, Милотин, Останково, Ульское, Ловчее, Стамково, Редовое, Коробальня, Большое, Малое и др. Рядом с Козловкой была деревня Кожановка, в которой осталось 4 двора крестьянских и 3 бобыльских. Выше по речке Пешковке располагалась деревня Ореховичи, в которой в 6 дворах жили крестьяне, а в 3 – бобыли. Недалеко от Козловки по речке Брачевке находилась деревня Брачевка, в которой было 12 дворов крестьян и 8 дворов бобылей. Два крестьянских двора стояли пустыми, так как их обитатели недавно сбежали «без вести». Местные жители обрабатывали 175 четвертей пашни и косили 375 копен сена. К монастырской вотчине относилась также деревня Бородино, расположенная по обе стороны речки Брачевки, деревня Чертовичи – по берегам речки Пешковки. Одним из жителей Чертович был крестьянин Федька Меркушин. Его многочисленные потомки сохранили фамилию Меркушиных, и в Выгоничском районе это, пожалуй, самая старинная крестьянская фамилия, которой исполнилось 400 лет. Это очень редкий случай такой древней крестьянской фамилии. В Козловскую вотчину входили также деревня Красная на речке Роге и село Городец по речке Городеченке. Всего же в вотчине

Вознесенского монастыря было 2 села, 6 деревень, в которых стояли 3 двора поповых, 2 двора монастырских служек, управлявших местным населением, 79 дворов крестьянских, в которых жили 90 взрослых мужчин, и 40 дворов бобылей, в которых на двор приходилось по мужчине. Благодаря этим данным можно приблизительно подсчитать население Выгоничской земли в те времена. Если учитывать, что женщин после войн всегда было больше, чем мужчин, то общее взрослое население составляло около 300 человек, столько же было детей, таким образом, общее население Козловской вотчины составляло около 600-700 человек. Все другие селения на территории современного Выгоничского района или совершенно опустели, а там, где еще остались крестьянские дворы: в Кокино, Палужье, Лопуши, Выгоничах, их было еще меньше, так что общая численность населения в те времена вряд ли могла превышать 1000 человек. На случай войны в Брянске было осадное место Вознесенского монастыря. Укрыться в нем могли лишь немногие из жителей Козловской волости. В документе 1652 г. в Козловке упомянута церковь Покрова Богородицы с приделом Николы Чудотворца, при которой было два двора попов, два двора дьячков. В приходе церкви, куда входили Кожановка, Ореховичи, Чертовичи, Борачевка, Бородино и Красное, насчитывался 191 двор крестьян и 8 дворов бобылей. В 1706 г. была построена новая церковь. Старая стала называться Покровской, а новая – во имя Николая Чудотворца.

Иногда и до Козловской округи докатывались события русской истории. В 1689 г. в деревню Борачевку явился голова брянских стрельцов Федор Саврасов. Предъявив приказ из Москвы, он заковал приехавшего сюда погостить подьячего Приказа Большой казны Ивана Сергеева. Сергеев был уроженцем Брянска и родственником знаменитого фаворита царевны Софьи Федора Леонтьевича Шакловитого, которого обвинили в заговоре против царя Петра. Шакловитому отрубили голову, а Сергеев отделался битьем батогами и конфискацией московского двора. Брянское его имущество, в том числе мельница на речке Снежети, было ему возвращено под поруку земляков.

К началу XVIII века население Козловки значительно увеличилось. По переписи 1718-1722 гг. здесь насчитывался 191 человек. Переписывали только мужчин, начиная с младенцев и заканчивая дряхлыми старцами. С каждой души полагалась подать на содержание армии в 75 коп. серебром. С женщинами население Козловки составляло около 400 человек. По переписи 1747 г. в Козловке было уже 250 мужчин, в Кожановке – 54.

Козловские крестьяне старались подработать на стороне. Так, крестьянский сын Изот Иванов в 1722 г. получил от приказного человека Вознесенского монастыря Михайлы Персидского отпускное письмо, с которым устроился на работу в Трубчевск к посадскому человеку Никону Губкину, занимавшемуся скупкой и продажей хлеба. За работу Губкин должен был платить ему по три рубля в год.

В 1763 г. Екатерина II отобрала у монастырей все их владения, а крестьяне были подчинены особой коллегии экономии, а по сути дела выплачивали подати в государственную казну. Государственные крестьяне жили позажиточнее помещичьих. Местное начальство состояло из старосты, назначавшегося из числа уважаемых крестьян и писаря. В 1778 г. Козловская волость переходит из Брянского уезда в Трубчевский. К 1858 г. население Козловки состояло из 180 душ мужского пола и 171 – женского. Они жили в 54 дворах. В 35 дворах было по 2-3 лошади и по одной корове. Все село выплачивало в год 1390 руб. государственных податей и 239 земских. Всего же на одну душу мужского пола приходилось 7 руб. различных выплат. К этому времени почти всех козловских крестьян стали записывать по фамилии. В пяти дворах жили Сальниковы, Кузины, Крохины, в 4-х – Гуторовы. Другими коренными козловскими фамилиями были Добровы, Гуторовы, Зарубины, Горбатиковы, Пугачевы, Мазневы, Долгинцевы, Доманичевы, Щелоковы, Гладковы, Маркины, Комаровы, Кривоносовы.

В Кожановке в 1858 г. было 20 дворов, в которых проживали 88 душ мужского пола. Здесь были распространены фамилии Молчановых, Куприковых, Сениных, Чикалиных, Лопиных,

Сапоновых, Шевердиных, Нагибиных, Немцевых и Сленченых. В слободе Рынок, основанной в начале XVIII века, было 12 дворов, в которых жили Шавонины, Анишины, Коноводовы, Заварины, Пановы и Кулаковы. 37 дворов было в деревне Ореховичи. Самой распространенной фамилией здесь были Щелоковы (13 дворов). После них шли Рыковы, Барабановы, Бояриновы, Матросовы, Рашутины, Келаревы, Ходаковы. Потомки всех этих старинных фамилий и поныне проживают в поселке Выгоничи. Нередки были переселения крестьян из одного селения волости в другое. Так, Нагибины вначале жили в Чертовичах, а в конце 18 века были переселены в Городец. Позже они переселяются в Кожановку. Чуевы из Чертович из-за притеснений Меркушиных были переселены в Красное.

После отмены крепостного права волостным центром становится село Красное, но тем не менее Козловка продолжает расти. В 1868 г. козловцы получили 1013 дес. надельной земли, расположенных в пяти разных участках, самый дальний из которых был в 8 верстах от села. Пятая часть всей поверхности была заполнена буграми и глубокими оврагами. Землю разделили на 180 наделов при общем числе душ 198, по 18 человек отказались от наделов, так как не занимались земледелием. Позже они спохватились и потребовали свои наделы назад, но было уже поздно. Многие хозяева уваживали полевою землю, поэтому ее не делили, как в соседних деревнях. Сенокосы делились на «осьмаки» по 20 душ в каждом. В селе была мельница, которая сдавалась в аренду купцу Дубровину за 100 руб. в год. Козловка и Кожановка были расположены в основном по правой стороне оврага, по которому протекала речка Пешковка. По левой стороне, прямо напротив, была слобода Рынок. Ее жителям не повезло, так как пашня была занята оврагами, которые каждый год заливались водой. Деньги получали в основном продажей пеньки, но ту негде было мочить. Приходилось платить козловцам за мочку пеньки по 10 коп. со 100 пудов. Многие крестьяне ходили на заработки в степь, а в конце XIX века подря-

жались на земледельческие работы в соседние помещичьи хозяйства.

Некоторые крестьяне занимаются промыслами и торговлей. Крестьянин д. Кожановка Иван Павлович Нагибин содержал ветряную мельницу стоимостью в 400 руб. Его родственник Алексей Федорович содержал в поселке Кресты амбар для черной лавки, амбар для склада пеньки и конопли, а также несколько помещений для казенных черной и винной лавок. Их стоимость была определена в огромную для крестьян сумму – 3600 руб.

Главным украшением села была церковь. Храм был построен в 1760 г. на средства прихожан. До 1867 г. он был двухэтажным с престолами Покрова Богородицы и Николая Чудотворца. 18 августа 1865 г. в 11 часов ночи в церковь ударила шаровая молния, которая повредила барабан купола, выжгла ряд икон, вышла из здания и сожгла соседний крестьянский дом. Вследствие этих повреждений в 1867 г. церковь была перестроена в одноэтажную с тремя престолами друг возле друга: Покрова Богородицы, Св.Николая и Флора и Лавра. Главной святыней была чудотворная икона св.Николая. Икона была украшена серебряной ризой с надписью: «По обещанию за взятие г.Очакова при защите и штурме 1788 г.». Эту ризу, а также позолоченный серебряный потир и ковчежец для святых даров и «Евангелие» с верхней позолоченной серебряной доской были по преданию подарены церкви иеромонахом Мефодием, духовником Московского Кремлевского Вознесенского монастыря. Он был сыном священника села Козловки и до принятия монашества был офицером, участником осады Потемкиным турецкой крепости Очаков.

По описанию 1908 г. церковь Покрова в селе Козловке была построена на кирпичном фундаменте, внутри и снаружи окрашена масляной краской. Крыша покрыта железом и окрашена в зеленый цвет. Церковь была пятиглавой – вокруг большой главы на куполе были 4 маленькие главки. Размеры церкви составляли 16 x 11 саженой. Над западным входом возвышалась

четырёхъярусная колокольня в 18 метров высотой. Стены были прорезаны 18 большими и 3 маленькими окнами. Главный иконостас ценой в 1800 руб. был размером 12 x 19 аршин, по его сторонам стояли два маленьких 9 x 6 аршин. Здание не отапливалось. Общая стоимость церкви была оценена в 15000 руб.

Поскольку в Козловский приход входили восемь деревень, то прихожан было очень много. В 1916 г. в приходе состояли 5304 души обоёго пола. Церковные старосты избирались из крестьян. В 1908 г. им был Иван Малахов, а в 1914 – Алексей Нагибин.

Ещё в 1843 г. при церкви было открыто приходское училище. Наставником был козловский священник Алексей Кедров. В школу пришли 78 учеников, однако закончили ее только единицы. В 1886 г. была открыта церковно-приходская школа. В 1886 г. в Козловке было всего 9 грамотных людей, в Кожановке – 17, в слободе Рынок – 14.

Самым известным из местных уроженцев был крестьянский сын Степан Михайлович Гуторов. Он родился в Козловке 2 августа 1881 г., получил высшее образование. В 1920-30-е годы работал научным сотрудником института по изучению мозга им. Бехтерева. Занимался научными разработками в области дефектологии и олигофренологии.

После 1917 г. все старые селения, существовавшие на территории поселка Выгоничи: Козловка, Кожановка, Рынок, Ореховичи, Кресты, станция Выгоничи, постепенно сливаются в один большой поселок, так что с полным основанием можно утверждать, что предшественником современного районного центра Выгоничи является не железнодорожная станция, давшая ему свое имя, а древний центр местной округи – село Козловка. Первое, пока что нам известное упоминание о Козловке, относящееся к 1626 г., пока не будет найдено более раннего, можно считать датой возникновения современного районного центра, являющегося историческим наследником Козловки. Поскольку более двухсот лет Козловка с ее округой были под властью Московского Вознесенского монастыря, обители Св.Ефросиньи,

то жители Выгонич должны помнить имя своей небесной покровительницы, супруги победителя татар на Куликовом поле, великой княгини московской Евдокии – святой Ефросиньи.

1. ГАБО. Ф.81, оп.1, д.845.
2. ГАБО. Ф. 526, оп.2, д.9. Ревизская сказка Трубчевского уезда 1782.
3. ГАБО. Ф. 526, оп.2, д.15. Ревизская сказка Трубчевского уезда 1795.
4. ГАБО. Ф. 526, оп.2, д.19. Ревизская сказка Трубчевского уезда 1811.
5. ГАБО. Ф. 526, оп.2, д.22. Ревизская сказка Трубчевского уезда 1816.
6. ГАБО. Ф. 526, оп.2, д.59. Ревизская сказка Трубчевского уезда 1858.
7. РГАДА. Ф. 350, оп.2, д.438.
8. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.10231.
9. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.10233.
10. РГАДА. Ф.1209, оп.1, д.10234.

В.Г. Деханов,
член Союза писателей и Союза журналистов России

Малоизвестный наш земляк

В 2011 году исполнилось 120 лет со дня смерти педагога и историка Михаила Фёдоровича Шугурова (1829-1891), уроженца Погарского района.

Михаил Фёдорович Шугуров родился 11 октября (29 сентября по старому стилю) 1829 года в местечке Сопичи Черниговской губернии (ныне село Сопичи Погарского района) в семье, происходившей из старинного дворянского рода. Отец его,

майор Фёдор Семёнович, служил в полку в Бендерах – там и прошли детские годы будущего историка. Мише не исполнилось ещё и девяти лет, когда умер отец. Семья находилась в тяжёлом материальном состоянии, и стоило больших трудов устроить Михаила в Кишинёвскую гимназию. Её он окончил с золотой медалью, и как лучшего ученика Шугурова направляют на средства гимназии на учёбу в Московский университет. Окончив его, Михаил Фёдорович в 1851 году вернулся в Кишинёв, в ту же гимназию, где учился, и стал там преподавать русскую словесность.

Шугуров сторонился светского шума и всё свободное время посвящал чтению книг, изучению иностранных языков. Обладая отличной памятью, он в совершенстве изучил в короткое время французский, немецкий, английский и итальянский языки.

Захолустный в то время Кишинёв не мог оценить знания растущего педагога Шугурова, если бы не представился случай. В гимназию с ревизией приехал попечитель Одесского учебного округа Н.И. Пирогов (да, знаменитый хирург!), он-то и заметил выдающиеся способности перспективного педагога. В 1858 году Шугурова переводят на преподавательскую работу в Одесскую гимназию. С этого времени в судьбе нашего земляка начались большие перемены. О необычной научной методике преподавания пошли слухи, и его стали завлекать в престижные учебные заведения. Он получает место учителя истории в Одесском Институте благородных девиц.

В свободные от службы часы М. Шугуров занимается литературной работой. Пишет исторические очерки, которые публикуют в журнале «Русский архив» (всего им опубликовано в нём около пятидесяти работ). В 1868 году Шугуров стал на целых пять лет инспектором престижного института, но вынужден был подать в отставку из-за обвинений в его адрес со стороны враждебно настроенной к нему части преподавателей.

Михаилу Фёдоровичу, помимо прочего, приписывались и такие нелепые укоры: «математику и естественные науки ставит

выше французского и немецкого языков, воспитанниц снабжает тайком классическими отечественными и зарубежными произведениями, а также сочинениями Б. Ауэрбаха и Ф. Шпильгагена» (немецкие писатели, пользующиеся популярностью у народников – В. Д.).

Некоторое время Шугуров оставался без работы. Он уже согласился на предложение занять место профессора на кафедре русской истории в Варшавском университете, когда новый попечитель Одесского учебного округа С.П. Голубцов предложил ему должность директора Учительского института в Феодосии. Михаил Фёдорович поехал в Феодосию.

Именно ему предстояло стать крёстным отцом нового учебного заведения. Выслужив полную пенсию, Шугуров возвратился в Одессу, отказавшись оставаться на службе на очередной пятилетний срок. В Одессе он с головой уходит в науку, ведя уединённую жизнь и отдаваясь воспитанию своих дочерей.

В конце 1889 года М.Ф. Шугуров тяжело заболел воспалением лёгких. Едва оправившись от болезни, осенью следующего года он с семьёй покидает Россию – уезжает в Австрию, а затем в Швейцарию и поселяется в Берне. Здесь в оригинале он изучает исторические труды на латинском, греческом, польском и других языках. Но вспыхнувшая вдруг в Европе эпидемия гриппа не пощадила и Шугурова. Он не мог перенести вторично воспаление лёгких и 21 апреля (3 мая по новому стилю) 1891 года скончался. Тело Шугурова перевезли и захоронили в Одессе.

О нашем земляке остался такой отзыв хорошо знавшего его издателя журнала «Русский архив» П.И. Бартенева: «... это был редкий семьянин, горячо преданный делу труженик, человек вполне бескорыстный, всегда умевший войти в положение другого, готовый оказать помощь нуждающимся». Следует добавить, что историк М.Ф. Шугуров являлся действительным членом Одесского Общества истории и древностей, принимал активное участие в академическом издании сочинений Г. Державина.

Уже после смерти Михаила Фёдоровича, в 1894 году, Пётр Иванович Бартенев опубликовал в «Русском архиве» обширное историческое исследование Шугурова «История евреев в России». Исследование очень интересное и читается как увлекательный роман, достойное издания книгой, как и многие его труды, разбросанные по страницам периодических изданий XIX века, неизвестные современному читателю.

Поиски портрета М. Ф. Шугурова не привели к положительным результатам, а личный архив нашего земляка, по всей видимости, находится сейчас в ближнем зарубежье, в Одессе, где он жил и похоронен.

Список некоторых исторических работ М.Ф. Шугурова

1. Шугуров, М. «О записках графа Сегюра» / М. Шугуров // Русский архив. - 1866. – Вып. 10. – Стб. 1590-1615.
2. Шугуров, М. Ученая степень императрицы Екатерины II (доктор свободных искусств) / М. Шугуров // Русский архив. - 1867. - Вып 10. – Стб.1262.
3. Шугуров, М.Ф. Семейство Робеспьеров / М.Ф. Шугуров // Русский архив. - 1867. – Т.4. - Стб. 516-520.
4. Шугуров, М.Ф. Черты Русской политики в 1819 году / М.Ф. Шугуров // Русский архив. - 1867. – Т.5/6. - Стб. 861-892.
5. Шугуров, М. Бунт Черниговского полка / М. Шугуров // Русский архив. - 1871. - Т. 1. - Стб. 257-288.
6. К переписке Державина : Письма к графу А.Р. Воронцову / публ. М. Шугурова // Сочинения Державина: [в 9 т.]. Т.7: Сочинения в прозе / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. - СПб.: изд. Имп. Акад. Наук: в тип. Имп. Акад. Наук, 1872. - С. 685 - 733.
7. Шугуров, М. О Радищеве / М. Шугуров // Русский архив. - 1872. - Т.5. - Стб.927 - 953.
8. Шугуров, М. Суворочка к отцу своему / М. Шугуров // Русский архив. - 1874. - Т. I. – Стб. 761 - 764.

9. Шугуров, М.Ф. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова (Подлинные записки княгини Дашковой) / М.Ф. Шугуров // Русский архив. - 1880. - Кн. 3. - С. 150-217.
10. Шугуров, М.Ф. Император Иосиф II в России / М.Ф. Шугуров // Русский архив. - 1903. – Вып.1. – С.5 – 46.
11. История Евреев в России, (1817 - 1825 годы). Посмертная статья М.Ф. Шугурова // Русский архив. - 1903. – Вып.9. – С.5 – 34.

А.З. Дмитровский,
кандидат филологических наук,
профессор,
Калининградский
государственный университет

Учительница навсегда

«Ваш дед меня крестил, а Ваша мама меня учила». Это были первые слова Фёдора Михайловича Заверняева, нашего славного земляка, знаменитого археолога, при знакомстве с автором этих строк (1)... И вправду, Почеп славен своими глубокими и благодатными учительскими традициями, и сама учительская работа воспринималась почепчанами как высший вид человеческого служения, соотносимый только со службой духовенства, тем более что в старое время священники были одновременно учителями в своих же церковно-приходских школах, и не случайно многие дети священников впоследствии шли в учителя. Так, учительство становилось наследственным семейно-родовым делом. Были учительские династии в нескольких поколениях, были учителя – братья и сёстры и уж тем более, как и ныне, учительские супружеские пары. Все это создавало особый местный учительско-ученический мир, оставивший впоследствии благодатную память на радость и впрок ныне здравствующим поколениям, и это подтверждается частыми публикация-

ми об учителях в местной газете «Почепское слово» и материалами, размещенными в Интернете.

Евгения Тимофеевна Дмитровская (11-ХІІ-1895 – 30-Х-1968) – выдающаяся учительница города по педагогическому таланту и высокой общей культуре, родилась в селе Дымове Почепского района в семье священника местной Христорождественской церкви – с глубокой родовой священнической и учительской традицией, восходящей к 18-му веку. Ее первые детские впечатления были связаны с Красным Рогом, где ее дед Василий Никифорович служил дьячком в Успенской церкви, и с Городцом в Старопочепье, куда ее отец был перемещен в Никольскую церковь. Но с 1901-го, когда отец Тимофей стал служить в Никольской церкви Почепа, сама ее душа стала безраздельно и благодатно почепской. Добавить к тому, что сам о. Тимофей начал учительскую работу еще в Старопочепье и успешно продолжал ее в Почепе вплоть до революции, а если еще учесть, что дед Евгении Тимофеевны по матери о. Стефан Богдановский был учителем в селах Губостове и Семешкове и даже выстроил в Губостове первоначальную школу и что с детства она сама находилась в учительской среде, то можно сказать, что профессиональная стезя Евгении Тимофеевны была предопределена судьбой.

Первоначальную школьную подготовку прошла в Почепе у частной талантливой учительницы Надежды Евстратьевны Федченко. Среднее образование получила в Трубчевской женской гимназии (1905-1913 гг.). Окончила её с золотой медалью, имея звание «наставницы по русскому языку и математике», а на выпускном монтаже ее фотография как первой ученицы была помещена в верхнем учительском ряду. Далее один год училась в Киеве на курсах иностранных языков Берлица, языки французский и немецкий, а высшее образование получала на историко-филологическом факультете Киевских высших женских курсов, где ее застали события Первой мировой войны и февральской революции, позднее воссозданные в ее воспоминаниях. В 1918-19 гг. работала секретарем Черниговского губернского продо-

вольственного комитета и начала учительскую работу в том же 1919-м на Украине в Гоголеве Остерского уезда, недалеко от Киева, преподавая французский язык, историю и алгебру, а с 1921 года и до выхода на пенсию преподавала русский язык и литературу в Почепе: до войны в средней школе им. Ленина, а с 1943 года – в школе им. Некрасова. В целом, начиная с 1937 года осуществила 12 выпусков 10-х классов. В школе являлась руководителем методической секции преподавателей-словесников. До войны была вдохновителем школьного рукописного литературно-художественного журнала «Наше творчество». Также одновременно и в разное время работала в Почепском педагогическом училище (некоторое время преподавала и арифметику), в школах им. 111 Интернационала и им. Карла Маркса, в вечерней школе рабочей молодежи, в школе медсестер при городской больнице и корректором в редакции районной газеты «За большевистские темпы».

Основными свойствами ее методики литературного анализа являлись культурно-исторический фон произведений и поэтическая система с выявлением глубинного смыслового поля произведения в его исторической характерности и современной жизненно-ориентирующей ценности. В истории русской общественной мысли была особенно предана полемике западников и славянофилов, и в памяти окружающих навсегда остались ее размышления о теории разумного эгоизма Чернышевского. А из современных писателей явно предпочитала Паустовского. Она упомянула его в своих воспоминаниях (2) и отозвалась на его уход в письме от 24-VII-68 г.: «Меня очень огорчила его смерть, я люблю его произведения, а его «Повесть о жизни» переносит читателя в тот Киев, который был так мил и дорог мне в прошлом». В последние годы любила читать мемуарную литературу, особо выделяя воспоминания о Чехове.

Участвовала в общественно-политических кампаниях и в массово-просветительской работе, в том числе – по ликвидации неграмотности. Сохранились объявления в местной газете о ее публичных лекциях по творчеству Лермонтова и Горького. Лек-

ция «Литературный Ленинград» – после поездки с учительской экскурсией в 1939 г., и в том же году лекция в Красном Роге по творчеству Маяковского. В 1949 г. состоялся ее доклад на торжественном собрании, посвященном 150-летию со дня рождения Пушкина. Вот несколько ее сохранившихся выписок: «Какие великие таланты сокрыты в нашем народе, если в то время мог явиться Пушкин», «Пушкин считал, что русский человек не может давать в обиду свое Отечество и язык славянский», «Счастье – естественное состояние человека», «Литератор должен иметь перед собой высокие нравственные идеалы».

В повседневных делах, обязанностях и заботах она пребывала в частых литературных ассоциациях, становившихся высшей планкой общественного и нравственного отчета. Вот запоминавшиеся окружающим ее афоризмы: из Горького – «В жизни всегда есть место подвигам», Короленко – «Человек создан для счастья, как птица для полета», Маяковского – «И кроме свежeweымытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо». Говоря об отдыхе, вспоминала суждение Чернышевского о том, что лучший отдых это перемена работы, а в разговоре о поэзии бывала ссылка на Брюсова: «Поэт всегда с людьми, когда гремит гроза, И песня с бурей вечно сестры».

Общественно-политические взгляды, которые она исповедовала, были однозначно государственно-патриотические, но в собственном объективном здравомыслии, притом также часто со ссылками на классиков. Так в непростое довоенное время вместе со словами Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» шли слова Толстого «Не могу молчать». Явно в тогдашних политических ассоциациях часто слышались в доме слова Некрасова: «Порвалась цепь великая, / Порвалась, раскочилась... / Одним концом по барину, / Другим по мужику». А в драматические 1937-38 гг. в домашних беседах актуализировались слова Салтыкова-Щедрина: «Жил – дрожал и умирал – дрожал». Что же касается свободы слова, то ссылалась на Маяковского, что, мол, моя власть, поэтому могу и похвалить, и поругать, когда надо. А в 50-е годы уже без литературных ассоциаций воз-

мущалась экспериментами с территориальным разделением промышленного и сельскохозяйственного управления. В то же время резко отрицательно относилась ко всяким забугорным «голосам».

Как человек, как личность она располагала органическим свойством нравственно-психологической притягательности, всегда так или иначе становясь центром общества, и само общество в таких случаях как будто возвышалось, делаясь содержательнее и значительнее в самом себе, а ее нравственное влияние на молодежь было безраздельным. Эту ее особенность отмечали многие. И тем более понятны ее связи с выпускниками школ, которые, приезжая летом домой, неизменно приходили к своей учительнице компаниями и порознь. И среди своих традиционных друзей и родственников она была «первой среди равных» – *primus inter pares*. Приходили вечером, пили чай и говорили обо всем, иногда за дружеской игрой в карты.

Свой выход на пенсию в 1957 году прокомментировала словами Некрасова: «Все, что мог, ты уже совершил». Но если учитель от Бога, то его работа не только профессия, но – состояние души и свойство самой жизни. И Евгения Тимофеевна, будучи пенсионеркой, оставалась в курсе всей школьной жизни города и продолжала заниматься с детьми своей улицы русским языком и арифметикой. Вела наблюдения за диалектными особенностями местной речи, и собранный ею лексический материал составил подготовку к позднему специальному изданию (3).

Ее рукописное наследие, помимо огромной переписки с родственниками, друзьями и бывшими учениками, составляют воспоминания 1913-1921 гг. и очерк «Школа», охватывающий период от начала 20 в. до начала Великой Отечественной. Эти работы вместе с автобиографией вошли в ее авторский сборник «Шли годы».

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В автобиографии она, в частности, писала: «Большая часть моей жизни и работы прошла в г. Почепе. За это время успело вырасти целое поколение людей, среди которых было много участников Великой Отечественной войны, мужественных защитников Родины, много деятельных руководителей и рядовых работников советских учреждений, хороших специалистов в области промышленности, сельского хозяйства и народного просвещения. И в их среде я встречаю теперь много бывших моих учеников».

Учитель, сполна осуществивший свое просветительское Предназначение, благодатно осенивший собою всех соприкасавшихся с ним в жизни и тем более утвердивший свою наследственную эстафету, обретает Бессмертие. И следующие два родовых поколения также посвятили себя учительскому долгу, судьбе, и всего сейчас пять поколений учительского рода с общим непрерывным педагогическим стажем 123 года.

И вот несколько отзывов бывших учеников о своей Учительнице:

Р.И. Макарова (Минченко), участница Великой Отечественной войны: «В годы войны я прошла путь от Орловско-Курской дуги до Берлина. Когда приехала в Почеп, то не узнала его. Стою неподалеку от своей школы. И вдруг... Так это же Евгения Тимофеевна смотрит на меня! Сколько радости! Подошла к ней. «Я верила, – говорит она, – что такое поколение нас не подведет». Я была тогда в запыленной, пропахшей потом и кровью военной одежде. И мысленно ей ответила: ваши питомцы будут верны вам и своей школе до конца своей жизни» (4).

С.В. Сыроквашин, в войну начальник штаба партизанской бригады им. Пономаренко в Белоруссии: «Спасибо Евгении Тимофеевне Дмитровской и всем моим учителям за то, что я стал таким, какой есть. В минуты отчаяния, когда гниль бобруйских болот, казалось, поглотит навсегда, мне придавала силы память об уроках литературы. Я шел вперед, и за мною шли мои товарищи» (5).

Ф.З. Канунова, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Томского университета: «Для всех стала примером Евгения Тимофеевна Дмитровская, которая несла правду о человеке, правду о жизни на своих уроках по литературе. Неважно, что не все пошли по ее стопам. Но зерно истины, заложенное ею, помогло нам найти верную дорогу в жизни» (6).

Н.П. Лупачёва, учительница в Почепе: «В моей работе и в жизни, конечно, отразилась личность Евгении Тимофеевны, моей самой главной школьной учительницы и школьной коллеги» (7).

Ф.М. Заверняев: «Сейчас общепризнано, что одним из самых талантливых, прекрасно владевших методикой преподавания не только первой Ленинской школы, но и всех почепских школ являлась Евгения Тимофеевна Дмитровская» (8). И знаменательный автограф Федора Михайловича на его статье по археологии края, свидетельствующий благодатные связи почепских родов и поколений: «Правнуку Е.Т. Дмитровской, моему другу Володе от ученика Евгении Тимофеевны Ф. Заверняева. Брянск, 1988 г.».

И еще в качестве приложения показательный во многих отношениях обмен письмами Е.Т. Дмитровской и писателя Д.М. Галкина.

15/1 68 г.

Уважаемый товарищ Д. Галкин!

С большим интересом (и трудом: журнал нарасхват) прочитали мы в Почепе Ваш роман «Цымбалисты», в котором узнали многие реалии родного города, его нравов и судеб.

Естественно, мы заинтересовались прототипами героев романа. В связи с этим хотелось бы узнать: было ли Вам знакомо в Почепе имя Тимофея Васильевича Дмитровского и верно ли предположение, что воспоминание о нем отразилось в первой части романа? Интересно также узнать, по какой ассоциации, или случайно, город получил название Здоровцы.

Не откажите в любезности написать. Заранее благодарим.
Е.ДМИТРОВСКАЯ

* * *

25/1 68 г. Москва

Дорогая Евгения Тимофеевна!

Ваше письмо меня обрадовало и взволновало. Да, милая учительница моя, Здравовцы – это Почеп, моя колыбель, моя вечная любовь. Передайте, пожалуйста, моим дорогим землякам от меня земной поклон и самую искреннюю, братскую благодарность за внимание к моему роману, который, увы, напечатан с большими сокращениями. Надеюсь когда-нибудь издать его полностью.

По какой ассоциации Почеп получил название Здравовцы? Причина сама невинная. Дело в том, что во второй книге я цитирую старую почепскую поговорку: «Стародубцы – душегубцы, погарцы – старцы, почепцы – молодцы». Здравовцы и молодцы хорошо рифмуются, вот и все... О прототипах. Да, они есть в романе. Но скорее это зрительные ассоциации, а не психологические. Даниил, Даниил Антонович Плющёв (Данила Грибатка) – прототип Антона, зареченцы – покровцы, Черенок – Василий Хоботько, Шлёма Гузик – музыкант Айзик, Вас. Ал. Хвост – это не Гузеев (хотя гуз – хвост). Анечка, Борка, Арон, Гиля, Лазарь, Фира, Саша Прохоренко прототипов не имеют, если не считать самые отдаленные зрительные воспоминания. Не подлежит, однако, сомнению, что многие факты из жизни почепчан автором использованы в романе. Но легко увидеть, что Антон и Данила Грибатка – это далеко не одно и то же не только по биографии, но и по мировоззрению. Маркел Курочка (его значительно сократили) прототипа не имеет.

Вы спрашиваете, знакомо ли мне имя Тимофея Васильевича Дмитровского и верно ли предположение, что воспоминание о нем отразилось в первой части романа? Бесспорно. Как же мне не знать отца Тимофея, коли мы с Вами, Евгения Тимофеевна, соседи. Я очень хорошо знаю Вашу семью: отца, матушку, старшего брата, Вас, Гриню (кстати, я его до войны в Москве встречал) Хорошо помнит Вашу семью и моя жена, тоже соседка Ваша – Мариам Галкина. Она низко кланяется Вам (по секре-

ту: она заплакала). О Вашем отце мне много рассказывал Василий Алексеевич Гузеев, которого до войны я навещал почти ежегодно (я выехал из Почепа 40 лет назад). В моей памяти Тимофей Васильевич остался как очень порядочный, благородный и просвещенный человек. Кстати: и Эренбургу, и Федину образ отца Тимофея очень понравился, и это обрадовало меня не только как автора, но и как почепца.

Жалею, что журнальный вариант романа не дал моим землякам возможности ознакомиться с изображением интеллигенции Здоровцов. Думаю, что и Вам, милая Евгения Тимофеевна, это было бы интересно.

Если позволят обстоятельства и здоровье, приеду в Почеп летом на несколько дней. Коли интерес к роману окончательно не пропадет, с удовольствием встречу с моими земляками-читателями.

Расписался я. Простите. Разрешите еще раз сердечно поблагодарить Вас.

С глубоким уважением Ваш ДАВИД ГАЛКИН

* * *

18/II 68 г.

Спасибо Вам, дорогой Давид Маркович, за Ваше прекрасное письмо, за память, за доброе отношение к нашему семейству. Когда я писала Вам, неизвестному мне тогда человеку, я никак не могла рассчитывать на такую теплоту и сердечность. Признаюсь: мое старое сердце не выдержало и, читая письмо, я плакала. Давно нет в живых моего отца. Мама пережила его на 10 лет и умерла в 1944-м году. Скоропостижно скончался в Ленинграде Гриня в 60-м, а старший брат в 63-м году в Москве. Остались три сестры, все пенсионерки.

Очень приятно было сначала узнать, что есть произведение, где действие происходит в дореволюционном Почепе, а потом и прочитать Ваш роман. Были попытки написать историю Почепа. Так, Фёдор Ильич Столпников, которого Вы, наверно, помните, собрал богатый материал о его далеком прошлом. Ме-

тельский в книге «Листья дуба» упоминает о Почепе и его достопримечательностях, но Ваш роман сразу переносит нас в до-революционный Почеп с его церквами, колокольным звоном, парками, Валами, с его жителями... Приятно, читая, вспомнить Савку или Артамона, купца Серебряного или Грибатку. А Фира, Лазарь – это живые люди, и сколько юмора...

А в жизни о. Тимофея, как мне смутно помнится, имел место случай, аналогичный описанному в романе, только о. Тимофей в то время хоронил покойника, которого толпа чуть не выбросила из гроба

Интерес к Вашему роману большой, его часто спрашивают в библиотеке и читальне, но достать его у нас стало трудно. В читальне его уже безвозвратно «зачитали». Мне сестра привезла из Брянска. Очень жаль, что роман вышел с большими сокращениями, хотелось бы прочитать его полностью, и от души все желаем издать его отдельной книгой. Будем очень рады видеть Вас в Почепе, и, я думаю, что Вам будет интересно посмотреть, как он изменился.

Будьте здоровы. Желаю Вам творческих успехов. Сердечный привет Вашей жене.

Ваша Е.Т.

-
1. Дмитриевский, А.З. Отец Тимофей. Портрет в культурологическом интерьере / А.З. Дмитриевский // Деснинские древности – VII. – Брянск, 2012. - С. 288.
 2. Дмитриевская, Е.Т. Шли годы / Е.Т. Дмитриевская. – Калининград, 2006. – С. 11.
 3. Дмитриевский, А.З. Малый словарь почепского говора / А.З. Дмитриевский. – Калининград, 2010.
 4. Сельская новь. – 1987. - 1 сентября.
 5. Там же.
 6. Сельская новь. – 1982. - 17 августа.
 7. Почепское слово. – 2012. - 5 октября.
 8. Сельская новь. – 1988. - 11 февраля.

Т. К. Слуцкая,
историк-краевед,
п. Навля

Мария Семеновна Хитрово – княгиня Долгорукова

Работая в архивах, известный историк 19-го века, автор ряда монографий, тайный советник, сенатор, товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Юрий Васильевич Толстой (09.06.1824-02.01.1878) нашел в одном из дел пять писем. Они привлекли его не только своим семейным характером и разными подробностями дворянской жизни и быта во второй половине восемнадцатого столетия, но и складом речи, приемами переписки, историей жизни самих корреспондентов: свекрови, деверя и невестки. Он писал в послесловии к их публикации: «...этот разряд писем редко когда попадает в печать и потому почти неизвестен любителям старины нашей. Причина тому понятна: правительство почти по всем ведомствам открыло нам сокровища своих архивов; столбцы или страницы исторических изданий собирают из них богатую жатву официальных писем; но архивы семейные, при своей малочисленности (сколько их сгорело в 1812 году в Москве, сколько их употреблено на растопку печей и продано с веса на рынок!) не столь доступны как правительственные, и редкий из наших дворян решается допустить исторического исследователя до прочтения писем, обнажающих задушевные тайны предков. Поэтому я был особенно рад счастливой случайности, по которой я нашел приведенные письма в канцелярском архивном деле...»

Ю.В.Толстому удалось установить точную фамилию участников переписки, но при публикации писем в журнале «Русский архив» в 1875 году из уважения к еще бывшим в здравии нескольким их потомкам, занимающим высокие посты, он назвал их Воротынскими, род которых к тому времени уже угас. В послесловии к письмам историк называет их подлинную

фамилию и имена – князя Долгоруковы. Это семья покойного князя Владимира Владимировича Долгорукова(1685-1750): его вдова Мария Авраамовна, сын – князь, генерал-майор Юрий Владимирович, его брат – князь Николай Владимирович.

Мария Авраамовна Долгорукова (1689-1764) была дочерью думного дворянина – курского и нежинского воеводы Авраама Ивановича Хитрово. Вышла замуж за князя Долгорукова и имела от него троих детей. Дочь Анна Владимировна (1728 – 1786)была в замужестве за нижегородским губернатором Сергеем Ивановичем Измайловым (1722-1782). Старший сын, Николай Владимирович Долгоруков (1716-1782), был женат на Екатерине Андреевне Станкевич (р. ок. 1730 г.) и радовал мать своей карьерой, невесткой и внуками: Андреем (1752-1834) и Иваном (1755-1791).

Второй сын, Юрий Владимирович (1730-1775), будучи в 1768 году на постое с полком в Карачеве, женился. Это событие и заставило наших корреспондентов взяться за перо. Княгиня Мария Авраамовна искренне поздравляла сына с женитьбой, а в приписке к невестке писала: «Государыня моя невестушка, княгиня Марья Семеновна, желаю вам здравствовать и с князем, и радуюся, матушка, и благодарю Бога моего, чтоб Бог мне пожаловал достойную невестушку и надеюсь, что буду вами радоваться не только здесь, и в будущем будет душа моя вами радоваться. Покорно прошу, чтоб меня любить и в старости меня не оставить; а я вас, матушка, принимаю не за сноху, но за дочку и равно с дочерью буду вас любить...»

Из последующих писем можно узнать, что невестка и свекровь обменивались подарками, матушка заказывала сыну «купить ... в Карачеве полпуда кофию, а там дешевле, а здесь (в Москве – прим. Ю.Толстого) очень дорог...». Затем, когда 5 октября 1868 года началась русско-турецкая война и Юрий Владимирович выступил из Карачева с полком к театру военных действий, жена и мать поддерживали в письмах друг друга в этом горьком событии. Столь же любезен к невестке был и дед – Николай Владимирович Долгоруков.

Семейное согласие разладилось после смерти князя Юрия спустя восемь лет, в 1775 году. Вдова Марья Семеновна, защищая интересы свои и дочери княжны Варвары Юрьевны, обратилась в Вотчинную коллегию с заявлением прав на наследство мужа. Деверь подал встречный иск. Из него стало очевидным, что его покойный брат был двоеженцем.

Оказалось, что еще в 1749 году, 19-ти лет, будучи сержантом лейб-гвардии Семеновского полка, Юрий Долгоруков женился на вдове Прасковье Васильевне Вышеславцевой. У них родился сын князь Федор (1752-1768), умерший за несколько месяцев до второго брака отца, о чем также упоминалось в письмах матери и брата князя. В 1763 году первая княгиня Долгорукова была обвинена в укрывательстве староверов и пособничестве им. Она скрылась от преследования местной канцелярии II департамента Сената, бежав в неизвестном направлении, бросив мужа и малолетнего сына, и пять лет к моменту второго брака мужа безвестно отсутствовала. Появилась она в Шацком имении Долгоруковых лишь за несколько дней до своей смерти. Она умерла 5-го сентября 1775 года. Спустя две недели, 21 сентября, скончался и сам князь Юрий.

Деверь просил считать брак с Марьей Семеновной, совершенный при живой жене, недействительным, а имения брата вернуть в род Долгоруковых. Вот тут-то молодая вдова и представила в суд те письма, в которых и свекровь, и деверь столь любезно принимали ее в свою семью. Начавшееся производством в 3-м департаменте Государственной Вотчинной Коллегии в 1776 году судебное дело окончилось одиннадцать лет спустя, в январе 1786 года. Суд признал второй брак князя законным, он был утвержден указом императрицы, вдова и дочь стали наследницами его состояния.

И эти письма, и сама история, наверное, удостоились бы всего лишь нашего любопытства, если бы не ошибка историка Толстого, допущенная им в атрибуции имени главной героини этой истории. Он считает, что второй невесткой Долгоруковых была Мария Семеновна Звенцова, из семьи уже умершего обед-

невшего карачевского дворянина, жившая до замужества в своем имении с матерью и сыном.

Мы же, располагая документами брянского архива, можем объявить ее настоящее имя и другие подробности ее жизни. Ее звали Мария Семеновна Хитрово и она принадлежала к древнему роду, предки которого издавна облюбовали карачевскую землю, поселившись в окрестностях села Гавриловского на берегу реки Навля.

Ее отец, поручик в отставке, коллежский советник Семен Петрович Хитрово, имел владения в Карачевском и в Болховском уездах Орловской губернии, в Курском уезде Курской губернии и других еще почти десяти губерниях России. Мать Дарья Ивановна была из не менее древнего стародубского рода Веревкиных и отличалась деловой сметкой и завладением земель и крестьян многих своих ушедших в мир иной или обедневших родственников. Ее отец Иван Афанасьевич Веревкин был дворянином московского чина, имел оклад 900 четей и перешедшие от предков и выслуженные обширные владения по реке Навле, Водоче и Деряжне. Мать Аксинья Васильевна была из путивльского рода Гриневых. В Карачевском уезде этой ветви Хитрово принадлежали земельные владения и крестьяне в с. Высокое, д. Синицына, с. Дроново, с. Суслово, д. Турищева, с. Бошино, д. Волкова, с. Будогощь, в нескольких пустошах и урочищах.

Марья Семеновна Хитрово родилась около 1750 года и, когда встретила князя Долгорукова в Карачеве, была в расцвете юной красоты. Мать и брат благословили ее на брак с князем. «По приданству» дочь получила родовое имение в с. Петрушково. И встреченная радостно свекровью, с которой состояла в дальнем родстве, родив дочь Варвару, она семь лет пребывала в полном неведении о том, что вышла замуж при живой первой жене мужа. Но, узнав об этом, начала стойко бороться за свои права. Ей удалось отстоять свою часть наследства как законной наследницы мужа. Над имением малолетней княжны до ее совершеннолетия был назначен опекун – кузен покойного мужа,

прославленный генерал-аншеф князь Василий Михайлович Долгоруков-Крымский.

Она была взята опекуном в Москву, «чтобы содержаться в его доме с воспитанием и обучением, приличными ее природе». К сожалению, девочка, по-видимому, рано умерла, так как в завещании ее матери имя ее не упоминается.

Но, скорее всего, оставшись одна, Мария Семеновна не чувствовала себя одинокой. У ее брата – поручика, а затем прокурора, коллежского асессора Никанора Семеновича Хитрово (1748-1810) и его жены Анны Захаровны было шестеро детей: два сына и четыре дочери.

15 ноября 1795 года вдовствующая генерал-майорша Марья Семенова дочь Хитрово – княгиня Долгорукова, «будучи бездетна, учинила духовное завещание о благоприобретенном и наследственном движимом и недвижимом имуществе». Душеприказчиками были объявлены ею премьер-майор Полоцкого пехотного полка Никанор Богданович Плещеев и титулярный советник Московской управы благочиния Степан Иванович Ушаков, ее родственники, мужа ее племянниц. 24 апреля 1796 года пополудни завещательница скончалась в своем московском доме, который находился в 8 части 2 квартала на Арбате. В завещании она писала: «Как Богу угодно будет разлучить грешную мою душу от тела, то и душеприказчики мои, взяв из всякого имения в московском моем доме имение движимое и недвижимое, сколько есмь деньги и вещи всякие и дворовых людей в ведение душеприказчиков моих, телу моему по закону христианскому учинить отпевание, душе-должное поминовение, отвезти Степану Ивановичу к погребению в Карачевский Одрин монастырь, а сверх того, где Богу будет угодно, там и погребти, и на оное погребение и поминовение завещаю употребить из наличных при мне будущих денег 1500 рублей». Она завещала внести 500 рублей в Орловский приказ общественного призрения, «чтобы вечно с оных указанные проценты по 25 рублей отпускаемы были в Карачевский Одрин монастырь на повсе-

дневное поминовение ее души и лучших сродников и благодетелей ее».

Просила отдать приходскому священнику с притчем церкви Чудотворца Николая, что в Плотниках, на церковное строение 100 рублей. Перстень синий с яхонтом она завещала передать в Киево-Печерскую лавру на образ Спасителя, что по правую сторону царских ворот, две нитки жемчужных бус – в Одрин монастырь к образу Пресвятой Богородицы «Утоли мои печали». Из платьев пошить ризы и отдать в церкви.

После ее смерти (после оглашения завещания) ее брат подал в суд, пытаясь опротестовать его по причине своего отсутствия при его написании и обязательном возвращении родового имени в свой род.

Как видно из завещания у Марии Семеновны было еще три сестры, возможно, от первого брака отца. И она завещала имение в с. Жучки Богородского уезда Московской губернии – Плещеевым, имение в с. Сомове Карачевского уезда, приобретенное ею у прапорщика Михаила Гавриловича Веревкина, и меньшей московский, также благоприобретенный, дом, в смежности с большим домом – Ушаковым. Мужу и детям своей родной покойной племянницы Дарьи Алексеевны Гревс достались имения, перешедшие к ней по наследству от покойного мужа генерала в сельце Свиридове, д. Кульневой и д. Михеевой.

Брату Никанору Семеновичу она завещала «из недвижимого имения московский большой дом, в коем она жительство имела – со всем строением и мебелью, имения в Карачевском уезде в с. Петрушково, д. Слободке, д. Косуличи, со всеми крестьянами и дворовыми, кроме отпущенных на волю».

Из недвижимого в московском доме имущества она завещала племяннице Марье Никаноровне Хитрово («завещаю отдать чайный серебряный сервиз и красный с яхонтом перстень

с бриллиантом»), белый бриллиантовый перстень-другой племяннице Дарье Никаноровне Хитрово, аметистовый с бриллиантом перстень – племяннице Катерине Тимофеевне Ушаковой. Именной серебряный сервиз был также завещан «брата моего родного Никанора детям». Никанору Семеновичу Хитрово удалось выиграть дело о наследстве сестры.

Брат пережил сестру на четырнадцать лет. Он умер в 1810 году, завещая свое состояние сыну Никанору Никаноровичу и его брату Семену, если он «вернется живой». Дело в том, что в 1805 году 13-летний Семен и 14-летний Никанор Хитрово бежали в действующую армию. Они участвовали в чине юнкеров лейб-гвардии Преображенского полка в битве под Аустерлицем. Семен (1792-1807) был тяжело ранен и взят в плен, где спустя двое суток умер. Отец умер спустя три года, так ничего и не узнав о судьбе сына.

Никанор Никанорович в 1808 г. поступил на службу в Московскую Кремлевскую экспедицию. Во время кампании 1812 г. пошел в ополчение и был адъютантом генерала Н.А. Лопухина, на дочери которого, красавице Екатерине Николаевне (1798-1858), женился, выйдя в 1813 г. в отставку. Занимал должность Карачевского уездного предводителя дворянства и почетного смотрителя училищ Карачаевского уезда Орловской губернии.

У супругов было 13 человек детей, из которых 8 умерли во младенчестве. Никанору Никаноровичу (1791-1855), тогда губернскому секретарю, позднее коллежскому советнику, Карачевскому уездному предводителю дворянства, после смерти родителей достались по наследству среди движимого и недвижимого имущества дом в Карачеве, №743 в 49 квартале и московский дом во втором квартале на Арбате (ныне д. 53), в котором с 18 февраля до середины мая 1831 г. проживал с молодой женой Александр Сергеевич Пушкин. Дом перешел в род Хитрово от покойной тетки, умершей, когда ему было всего 5 лет. Сегодня в нем располагается Музей-квартира поэта. Гуляя по Арбату, как не вспомнить нам об его давней владелице, пережившей столь

удивительную жизненную драму, – Марии Семеновне Хитрово – княгине Долгоруковой.

Родословие Марьи Семеновны Хитрово – княгини Долгоруковой

Хитрово Тимофей Андреевич.

Хитрово Иван Тимофеевич.

Хитрово Гаврила Иванович.

Хитрово Андрей Гаврилович.

Хитрово Михаил Андреевич. Умер в 1608 г.

Хитрово Григорий Михайлович, алексинский городской дворянин.

Хитрово Федор Григорьевич, дворянин московский. Умер в

1660 г.

Хитрово Петр Федорович, в 1696 г. при осаде Азова был поручиком в войсках боярина Шеина. В одном из сражений он был взят в плен татарами и значился пропавшим без вести. Между тем его отец умер, а братья разделили между собою доставшееся им имение. Но прадеду удалось бежать из плена, и когда он добрался до родового имения, братья узнали его и отделили причитающуюся ему часть имения – деревни **Петрова, д. Петрушково, Косуличи, пустошь, что была в д. Гошь**. Умер до 1734 г.

Хитрово Семен Петрович. С. Богоявленское Курск. губ., д. Хотеево, д. Борисова, д. Синицына Карач. уезда, д. Долбилова – Болховского уезда.

Хитрово (ур. Веревкина) Дарья Ивановна, подпоручица. С. Бошино Карач. уезда – 214 десятин. 1762 г.

Хитрово (в зам. княгиня Долгорукова) Мария Семеновна, ген.-майорша, с 1768 г. замужем, вдова. Муж Юрий Владимирович (ум.1775 г.). Д. Семеновка, с. Петрушково, д. Свиридова, сц. Жучки Богородицк. уезда, Московской губ., 2 дома в Москве. Умерла 24.04.1796 г.

Хитрово Никанор Семенович (1748-1810), гефрент-капрал – 1762 г., подпоручик, кол. ас. Тамбовск. нам. губернского магистрата. Перед смертью, ничего не зная о судьбе сына Семёна, взял с сына Никанора слово, что, «если Семён вернется, разделить имение пополам». С. Суслово, с. Турищево, с. Дроново, д. Селище Бочарки тож.

Хитрово (ур. Ржевская) Елизавета Петровна, 1 жена.

Хитрово (ур. Апухтина) Анна Захаровна, 2 жена. С. Бошино.

Хитрово (в зам. Чиркова) Мария Никаноровна, девица – 1796 г., жена генерала от инфантерии, 1800 г. – отст.

Хитрово (в зам. Зиновьева) Анна Никаноровна (1790-1836), гв. штабс-капитанша. Муж Михаил Николаевич. С. Овстуг, сельское кладбище.

Хитрово (в зам. Заборовская) Дарья Никаноровна.

Хитрово (в зам. Толбузина) Елизавета Никаноровна, **поручица.**

Муж Павел Сергеевич. С. Бошино.

Хитрово Семен Никанорович (1792-1807). В 1805 году вместе со старшим братом Никанором, будучи 13 и 14 лет от роду, сбежали в действующую армию. В Аустерлицком сражении Семен был ранен, попал в плен к французам и через несколько дней умер.

Хитрово Никанор Никанорович (1791-1855), кол. сов., уездный предв. двор. Д. Дроново. Г. Карачев, кв. 49 д. №743. Владелец московского дома на Арбате (ныне д. 53), в котором с 18 февр. до середины мая 1831 г. проживал Пушкин с молодой женой. У него было 13 человек детей, восемь из которых умерли в малолетстве. В 1812 г. – адъютант генерала Николая Ардалионовича Лопухина, на дочери которого, Екатерине Николаевне, известной по своей «замечательной красоте», он женился, выйдя после 1812 года в отставку, и дожил до 65 лет. С. Никольское Подольского уезда Московск. губ., д. Борисова, д. Хотеевка, с. Бошино, д. Холчевка, д. Мал. Бошино, с. Архангельское, д. Свиридова, д. Дроново, д. Суслово, д. Турищево.

Хитрово (ур. Лопухина) Екатерина Николаевна (1798-1858), жена кол. сов. С. Дроново, д. Селище Бабинки тож.

Хитрово Николай Никанорович. Умер в малолетстве.

Хитрово Семен Никанорович. Умер в малолетстве.

Хитрово Николай Никанорович. Умер в малолетстве.

Хитрово Иван Никанорович, 1838 г.р. Умер в малолетстве.

Хитрово Анна Николаевна. Умерла в малолетстве.

Хитрово Федор Никанорович (2.09.1823-1864), кол. секр. – 1850 г., гв. гусарского полка ротмистр и кавалер – 1858 г., гв. полковник – 1864 г. Д. Селище Бочарки тож – 300 дес., с. Петрушково – 463 крест., с. Высокое, с. Успенское, сц. Печки, д. Косуличи, д. Кочергина, д. Слободка Хитрова, д. Волкова, с. Дроново – 314 крест. (с братом).

Хитрово (ур. Смирнова) Людмила Владимировна, жена.

Хитрово Михаил Федорович. С. Знаменское – 34 д., 1850 г.

Хитрово (1 бр. – Мясоедова, 2 бр. Долгорукова) Софья Никаноровна (1820 – 1902), княгиня. 1 муж – Николай Иванович, генерал-майор; 2 муж – Дмитрий Иванович (1797-1867), князь, сенатор, с 1845 по 1854 – полномочный министр при персидском дворе, вторая жена.

Хитрово (в зам. Кологринова) Дарья Никаноровна. Муж Николай Степанович (1822-1893).

Хитрово (в зам. Тарновская) Екатерина Никаноровна. Муж Авксентий Иванович.

Хитрово Надежда Никаноровна. Умерла в малолетстве.

Хитрово Анна Никаноровна. Умерла в малолетстве.

Хитрово Зинаида Никаноровна. Умерла в малолетстве.

Хитрово Константин Никанорович (1828-1890), титулярный советник – 1866 г., и.д. начальника Казанской губернии, вице-губернатор, действительный статский советник. Д. Селище Бочарки тож – 300 дес., с. Петрушково – 463 крест., с. Высокое, с. Успенское, сц. Печки, д. Косуличи, д. Кочергина, д. Слободка Хитрова, д. Волкова, с. Дроново – 314 крест.

Хитрово (ур. Ершова) Мария Ивановна, жена с 30 июня 1863 г.

Хитрово (в зам. Голицына) Мария Константиновна (1866-1942), княгиня. Муж Борис Борисович (1862-1916).

Хитрово Сергей Константинович (1865-1931), **надворный советник, камергер двора ЕИВ. С. Петрушково. 1744. 99 дес. 1912 г.**

Хитрово (ур.Молостова) Любовь Владимировна (1865-1923), жена.

Хитрово (в зам. Эрдели) Маргарита Сергеевна (1895-1952), фрейлина, сестра милосердия царскосельского Дворцового лазарета, последовала за царской семьей в Тобольск. По личному приказу Керенского арестована (22.8.1917) и доставлена под конвоем в Москву. Состояла в переписке с членами царской семьи во время их заключения. Скончалась в Нью-Йорке. Муж Владимир Георгиевич Эрдели (1883-1959).

1. ГАБО. Ф.359, оп.1, д.393.

2. ГАБО. Ф.359, оп.1, д.126.

3. ГАБО. Ф.359, оп.1, д.50.

4. ГАБО. Ф.23, оп.2, д.9.

5. ГАБО. Ф.23, оп.2, д.21.

6. ГАБО. Ф.474, оп.1, д.1.

7. Пять писем из семейной переписки прошлого столетия // Русский архив. – 1875. - № 3. - © сетевая версия – Thietmar, 2008.

8. Семевский, М.С. Русская родословная книга. Род Хитрово. Издание «Русской старины» / М.С. Семевский. - СПб.: Типография МПС, 1873.

9. Долгоруковы (князя) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.history-ryazan.ru/node/10402>.

С.А. Никулина,
старший научный сотрудник,
ГБУК «Брянский государственный
краеведческий музей»

Закладные таблички и плита XVIII-XX веков храмов брянщины в фондах БГОКМ

В экспозиции и фондах Брянского краеведческого музея имеются пять закладных табличек XVIII-XX веков городских и сельских храмов Брянской округи. Они изготовлены из металла разного типа, тексты (отличающиеся по объему и содержанию) нанесены в разной технике, разными почерками. Подобные таблички изготавливались из стандартных пластин металла. Тексты имели как обязательные для всех фразы (имена царствовавших в то время особ, церковных иерархов, донаторов, дату закладки храма), так и индивидуальные особенности. Благодаря этому закладные таблички представляют собой один из важных видов исторических источников XVIII-XX веков, иногда единственный по конкретному храму. Храмы в настоящее время не существуют. Тексты переведены на современный язык.

1.

Самой древней является свинцовая **табличка 1714 года церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Кажаны** (современного Красногорского района Брянской области). Она хранится в фондах музея, инвентарный номер БОМ 6798 . По документам *«Пластина найдена в с. Кажаны Красногорского р-на гражданином Голик В.Д. на усадьбе вблизи школы на глубине 0,7 м. Пластина была заключена между 2-х камней с обработанными плоскостями»* [1]. Размеры: 11,6 x 9,4 (вверху), 9,2 (внизу) x 0,2 см.

Текст в 14 строк гравирован по линейкам на лицевой стороне таблички. Высота заглавных букв – от 0,5 до 0,8 см, строчных – от 0,3 до 0,4 см. Имеются выносные буквы, лигатуры, со-

кращения слов. С левой стороны имеется поле шириной 0,5 см. Первая строка текста по центру разбита изображением четырехконечного креста. Часть текста с указанием названия храма испорчена и не читается.

Перевод текста на современный язык.

Во имя Отца + и Сына и Святого Духа // Основана сия церковь во честь и па //мять праздника Богородицы: честнаго: и славнаго: Ея // [нрзб.] и: при державе Великаго // Государя царя и Великаго Князя Петра // Алексеевича всея России самодержца // при святительстве яснее в Богу преосвященном // Господина Отца Антония Зтаховскаго // Архиепископа Черниговского: Новгородскаго // И всего Севера: Старанием: // Всечестнаго отца иеромонаха Ка: // листа Ращины Игумена монастыря // Каташинскаго: в селе Кажанах // В року 1714: месяца мая: КА дня.

Митрополит Антоний (в миру – Андрей Георгиевич Стаховский; 1671 (1672), Репки, Черниговщина – 27 марта 1740, Тобольск) – архиепископ Черниговский, префект Черниговского коллегиума, митрополит Тобольский и всея Сибири. *Калист Ращина* был игуменом монастыря с 1701 по 1720 год. Село Кожаны после 1702 года перешло в собственность монастыря от Миклашевского.

В селе Кожаны (Кажаны) существовали церкви: 1) Успения Богородицы (в ГАБО есть данные на 1723 год, 1770-1860 гг. и метрические книги за 1835-50 годы) и 2) Рождества Богородицы (данные 1836-1913 гг.) [2]. Таким образом, табличка принадлежит первой из них и позволяет уточнить возраст здания.

2.

Медная табличка 1746 года церкви Флора и Лавра в селе Брянкустичи (БОМ 4447-41).

Поступила в фонды в результате экспедиции музея в составе коллекции из 58 предметов, ранее принадлежавших разным владельцам [3]. Размеры – 20 x 33 см.

Текст имеется только на лицевой стороне. Четырнадцать строк гравированы книжным шрифтом, вязью, с лигатурами, титлами, сокращениями. Поля слева и справа. Не указано название села, где закладывался храм.

Текст.

«ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА АМИНЬ // Тысяща Семьсот Четыредесятъ Шестаго Года Месяца дня // Основалась церковь сия Во имя святых великомученик Флора и Лавра // С двома приделы зачатие Стыя Анны и Принесение чесных мощей Святителя Христова // Николая Чудотворца// При державе благочестивейшия самодержав великой государыне // императрице Елизавете Петровне и наследнике Ея Внуке Петра Первого // Благоверном Государе: Великом: князе: ПЕТРЕ ФЕОДОРОВИЧЕ и супруге // Его благоверной гдрне великой княгине ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ Благослове // нем Святейшаго Синода и преосвященного епископа Амвросия и преподобнейшаго // Архимандрита Сосипатра Карновича с присутствующими // коштом и старательством значкового полку стародубовскаго товарища // Ирадиона Янченка и боголюбивой супруги Анны Мартыновой дочери Керужин //сковне за спасение ихъ дши и за отпущение грехов»
По материалам в ГАБО село Брыновые Кустичи Стародубского уезда Черниговской губернии имело церковь с 1770. Церковь с 1861 года именовалась Покровской. В ГАБО имеются и другие материалы о ней до 1919 года.

Церковь Успения Богородицы существовала в 18-м и в 19-м веках, имея ряд уникальных предметов внутреннего убранства 16-19 веков.

3.

Закладная табличка 1800/1812 годов храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Бряные Кустичи (БОМ 4447-40) поступила в фонды в результате экспедиции музея в составе коллекции из 58 предметов, ранее принадлежавших разным владельцам. В документах была оформлена следующим образом:

«№40. Мемориальная доска по случаю заложения церкви в 1812 г. в имени графа Завадовского с. Брянкустичи. От Белякова Евдокима Ивановича, колхозника. Металл. Размеры 23 x 29 см» [3]. Текст таблички позволяет уточнить детали произошедшего.

Табличка имеет неправильную форму, соответственно, ее размеры следующие: высота левой стороны – 29,3 см, правой стороны – 29 см, верхняя сторона – 22,6 см, нижняя сторона – 23 см.

Тексты имеются на двух сторонах. Размещены под углом 90 градусов друг к другу. Нанесены по линейкам (надпись 1812 года имеет три незаполненных линейки внизу под текстом).

Лицевая сторона. Текст 1800 года размещен на 21 строке. Имеются заглавные буквы, ударения над словами, запятые, варианты начертания букв и написания слов, ошибки.

Перевод текста с сохранением особенностей написания отдельных слов.

«Во имя Отца и Сына + и Святого Духа аминь// Основанная церковь сия Въ честь и память Преславного Покрова ПРЕСВЯТЫЯ // Богородицы, При державе БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО САМОДЕРЖАВНЕЙШАГО ВЕЛИКАГО // ГОСУДАРЯ НАШЕГО ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, и при СУПРУГЕ ЕГО // Благочестивейшей ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ, и при НАСЛЕДНИКЕ // ЕГО БЛАГОВЕРНОМ ГДРЕ ЦЕСАРЕВИЧЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВИЧЕ, // И при СУПРУГЕ ЕГО БЛАГОВЕРНОЙ ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИСАВЕТЕ АЛЕКСЕ // ЕВНЕ, при БЛАГОВЕРНОМ ГДРЕ ЦЕСАРЕВИЧЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ КОНСТАНТИНЕ // ПАВЛОВИЧЕ, и МИХАИЛЕ ПАВЛОВИЧЕ, при БЛАГОВЕРНОЙ ГДРИНЕ ВЕЛИКОЙ // КНЯГИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВНЕ и СУПРУГЕ ЕЯ ПРЕСВЕТЛЕЙШЕМ // ЭРЦ ЭРЦОГЕ ИОСИФЕ, при БЛАГОВЕРНОЙ ГДРИНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ // ЕЛЕНЕ ПАВЛОВНЕ и СУПРУГЕ ЕЯ СВЕТЛЕЙШЕМ

НАСЛЕДНОМ ПРИНЦЕ // МЕКЛЕНБУРГСКОМ ФРИДЕРИКСЕ, при БЛАГОВЕРНЫХ ГОСУДАРИНЯХ // ВЕЛИКИХ КНЯЖНАХ МАРИИ ПАВЛОВНЕ, ЕКАТЕРИНЕ ПАВЛОВНЕ, и АННЕ // ПАВЛОВНЕ, при БЛАГОВЕРНОЙ ГДРИНЕ и ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ МАРИИ АЛЕКСА // НДРОВНЕ, По Благословлению Святейшаго Правительствующаго Синода и Преосвя // щеннаго Виктора Архиепископа Малороссийскаго Черниговскаго коштом прихо // жан жителей села Брянових Кустичь старанием Приходскаго их Священ – // ника Иоанна Пучковскаго л 800 года июня [число не проставлено] дня».

Оборотная сторона. 18 строк, размещенных под углом в 90 градусов к лицевой.

Перевод текста с сохранением особенностей написания отдельных слов и орфографии.

«Во имя Отца И сына и Святого Духа + Аминь // Основана церковь сия в честь и память Преславнаго Покрова Пресвятой Богородицы // Зь двомя Пределами Принесени- ем честных мошей святителя и Чудотворца НИКОЛАЯ //и святых мученикь Флора и Лавра Придержаве БЛАГОЧЕСТИВЕЙШАГО САМОДЕРЖАВНЕЙШАГО // ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА и при супруге ЕГО БЛАГОЧЕСТИ //ВЕЙШЕЙ ГОСУДАРИНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ При Матери ЕГО БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ // ГОСУДАРИНЕ, ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕОДОРОВНЕ при БЛАГОВЕРНОМ ГОСУДАРЕ ЦЕСАРЕВИЧЕ И ВЕЛИ // КОМ КНЯЗЕ КОНСТАНТИНЕ ПАВЛОВИЧЕ При супруге ЕГО БЛАГОВЕРНОЙ ГОСУДАРИНЕ И ВЕЛИКОЙ // КНЯГИНЕ АННЕ ФЕОДОРОВНЕ При БЛАГОВЕРНЫХ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКИХ КНЯЗЬЯХ НИКОЛАЕ // ПАВЛОВИЧЕ и МИХАИЛЕ ПАВЛОВИЧЕ При БЛАГОВЕРНЫХ ГОСУДАРИНЯХ И ВЕЛИКИХ КНЯГИНЯХ // МАРИИ ПАВЛОВНЕ И СУПРУГЕ ЕЯ

ЕАТЕРИНЕ ПАВЛОВНЕ И СУПРУГЕ ЕЯ и при БЛАГОВЕРНОЙ ГДРНЕ // ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ АННЕ ПАВЛОВНЕ. ПО благословию Святейшаго Правительствующаго Синода // и Преосвященнейшаго Михаила Архиепископа Черниговскаго и Нежинскаго и кавалера старанием приходскаго священника ИОАННА Пучкоскаго коштом общественнымъ прихожанъ // села Бряновихъ Кустичь Подарованную, ЕГО СИЯТЕЛСТВОМ ГОСПОДИНОМ ГРАФОМ ИЛИЕЮ // ВАСИЛИЕВИЧЕМЪ ЗАВАДОВСКИМЪ, ТРЕпрестолную церковь СТАраниемъ ктитора Климента // Рачкова Смотрителей Максима Кожанова и Федоса Шерстюкова. Л812 года мсца мая- // 18 дня».

Таким образом, в одном и том же селе последовательно происходило строительство двух храмов: в 1746 году – Флора и Лавра, а в 1800/1812 годах – Покрова Богородицы. Церковь была построена на средства общины и графа Ильи Васильевича Завадовского (брат фаворита императрицы Екатерины Великой Петра Васильевича Завадовского).

4.

Закладная плита 1880 года церкви Преображения Господня в Бежице (современный район города Брянска) БОМ 12469.

Экспонируется в разделе «Брянский край 1920-е – 30-е годы». Чугун. Заводская отливка.

«Табличкой» нельзя назвать даже условно: вес и размеры её – 32х61 см – значительны. Найдена на месте разрушенного дома по улице Медведева, дом 25. Поступила в музей в 1992 году [4].

Углубленный текст в восемь строк гражданского шрифта сохранился полностью. Имеются ошибки.

«1880 года мѣсяца Августа. Во имя Отца // И Сына и Святаго Духа. Основася сія Церковь въ // Честь Преображенія Господня, при державѣ Великаго // Государя Императора Александра II, при Святитль // Ювъналіъ Орловскомъ и Сѣвскомъ, подь членствомъ // дирекціи: Князя

**Тенишева господь Губонина, Крах= // та и Фойгта при все-
общемъ участіи служащихъ и // мастеровыхъ 7,000 душъ
Рельсопрокатнаго завода».**

Строительство храма завершилось в 1884 году. Он был сложен из рельс и снаружи обложен деревом [5]. Бежичане называли эту церковь «большой» (в отличие от деревянной – «маленькой»). В том же году храм освятили.

Закрытие церкви состоялось 4 мая 1929 года, разрушение – 23 декабря 1929 года.

В ГАБО имеются метрические книги храма за 1882-1914 годы.

5.

Закладная табличка 1902 года домово́й церкви в честь св. Апостолов Петра и Павла в Брянске (БОМ 4363).

Латунная закладная табличка 1902 года домового храма во имя Петра и Павла в Брянске находится в разделе «Брянск в начале XX века» постоянной экспозиции отдела дооктябрьской истории Брянщины. Размеры – 13х 21 см.

Текст гравирован в семь строк:

**«В царствование Государя // Императора Николая II 7 июня
// 1902 г. заложена при Брянскомъ // среднемъ техническомъ
училище домовая // церковь в честь св. Апостоловъ Петра //
и Павла на иждивении брянскаго купца // Павла Семенови-
ча Могилевцева».**

В 1929 году Петропавловская церковь была закрыта. Здание, где располагалась церковь, было разрушено в годы Великой Отечественной войны. Во время строительства гостиницы «Десна» 21 ноября 1957 года при разборе технического училища закладная табличка была найдена на старом фундаменте [6].

1. Акт поступления на постоянное хранение от 8 апреля 1968 года. Фонды БГОКМ.

2. **Филарет (Гумилевский Д.Г.)** Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов. 1873. **В.В. Зверинский.** Материал для историко-топографического исследования в православных монастырях в Российской империи. СПб. 1890. С. 190.
3. Фонды БГОКМ. Книга поступлений №2 . Стр.174-175.
4. Акт поступления на постоянное хранение №138 от 27 октября 1992 года.
5. Церкви и приходы г. Брянска и Брянского уезда. Брянск. 1990 г. С. 49. Орловские Епархиальные Ведомости. Журнал Орловской епархии. 1884. С.197.
6. Поступила в музей от Морозова Михаила Степановича (Брянск, улица Урицкого, 11, начальник отдела кадров Стройуправления №1) 29 января 1957 года. Книга Поступлений Основного Фонда №2. С. 143-144.

Л. И. Афонина,
*аспирант, Брянский государственный
технический университет*

**С.И. Мальцов: социокультурная деятельность
в мальцовском промышленном районе во второй
половине XIX в.**

На современном этапе реформирования необходимо изучать историко-экономические аспекты развития Российского государства, тем более что социально-экономическая ситуация вынуждает искать причины возникновения кризисных явлений, отслеживать динамику их развития, определять направления возможных преобразований. Нельзя забывать о том, что российский предприниматель на протяжении практически всей своей истории был включен в систему общественных отношений. В той или иной мере он был вынужден впитывать, воспроизводить и видоизменять характерную для данного общества культурную

среду и руководствоваться интересами других субъектов и социальных групп. В связи с этим интересным в последнее время представляется опыт династии Мальцовых, в частности, С.И. Мальцова как самого яркого представителя фамилии в развитии индустриализации Брянского региона и России в целом.

Личность Сергея Ивановича Мальцова, промышленника, благодаря усилиям которого промышленность трех губерний: Орловской, Калужской, Смоленской (далее Мальцовский промышленный район) сделала большой шаг вперед, к сожалению, незаслуженно забыта. Хотя следует отметить: в последнее десятилетие историки все больше уделяют заслуженное внимание этому поистине уникальному человеку, так как С.И. Мальцов во многом далеко опередил своих современников.

М. П. Межецкий, офицер, затем судебный следователь, работавший с ним в Дятькове, писал о С.И. Мальцове: «Встречаются личности, деятельность которых, хотя и не имевшая официального характера, тем не менее оставляет крупный след в развитии страны». И заключал свои размышления о Мальцове следующими словами: «Много на Руси богатых вельмож, состояние которых превосходит мальцовское! Многие из них основали и поддерживали разного рода фабрики и заводы, но не думаю, чтобы кого-либо из них можно было поставить рядом с Сергеем Ивановичем по живому непосредственному участию в деле и служению ему с забвением собственных выгод». «Этот человек был воплощением труда, и причём труда не из узких видов личного прирбытка, а исключительно для широкого понимания общественной пользы» [1] (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация как в источнике).

Несмотря на все трудности развития округа, имя С. И. Мальцова пользовалось глубоким уважением среди всех сословий населения Жиздринского уезда Калужской губернии, где были сосредоточены его значительные промышленные и земельные владения, что 21 мая 1869 г. «Жиздринское Городское Общество, проникнутое чувством величайшей благодарности к Сергею Ивановичу Мальцову за неисчислимые beneficia

ния к человечеству желает вместе с признательностью в сердцах своих иметь <Вас> первым Гражданином Города Жиздры. Это чувство не есть приветствие или голос только избранных лиц, но голос целого Общества – голос 10-ти тысяч душ Г. Жиздры». И далее в письме говорится: «Вся жизнь Ваша вполне посвящена для благодеяний к человечеству, исчислить которые много потребовалось бы времени, но коротко сказать: Вы осыпаете ими большие десятки тысяч всех сословий. Отец ли семейства или бедность находят у Вас средство к безбедному содержанию, сирота видит в Вас нежнейшего отца и попечителя, старость, убожество и болезнь находят у Вас приют, пользование и спокойствие, невинно обиженные имеют в Вас самого ревностного защитника, словом сказать: Вы созданы Творцом, для блага всех и каждого нуждающегося и просящего Вашей помощи» [2].

В Мальцовском промышленном районе сложилась специфическая для России того времени культура производства и жизнедеятельности, выражавшаяся как в чисто производственно-экономических характеристиках (хорошая техническая оснащённость, рентабельность производства, разнообразие ассортимента и высокое качество продукции и др.), так и в особой социальной атмосфере, принципиально новых способах организации и воспроизводства рабочей силы и системе взаимоотношений. Сформировавшаяся система производственно-экономических отношений обуславливала благоприятную социокультурную среду. Здесь действовали свои законы и порядки, с одной стороны, устанавливаемые заводовладельцем, а с другой – вырабатываемые в результате социального взаимодействия проживающего в районе населения, находящегося в не характерных для основной массы крестьянского населения России условиях хозяйствования и жизнедеятельности, вследствие индустриализации. Все это можно охарактеризовать как патриархально-семейный строй [3]. Особое место в развитии Мальцовского промышленного района занимало отношение предпринимателя к рабочим – непосредственным производителям

продукции, от отношения которых к работе прямо зависели его процветание и материальное благосостояние. Мальцов это прекрасно понимал, о чём свидетельствует деятельность, направленная на создание благоприятных условий труда и быта даже при довольно жёстком прикреплении заводского населения к предприятию.

Мероприятия социального характера были довольно широки, что для тогдашней России было новым явлением. На средства предпринимателя для мастеровых возводились дома городского типа, поощрялось и самостоятельное строительство жилья на льготных условиях. Для чернорабочих устраивались казармы. Все это способствовало социокультурной трансформации заводского населения. С целью оказания помощи детям, старцам, вдовам, сиротам и больным, проживавшим на территории заводских поселений, была создана целая система общественного призрения. Для одиноких и престарелых людей устраивались богадельни, для нетрудоспособных мастеровых, вдов, сирот устанавливались пенсии. По инициативе С.И. Мальцова была разработана своего рода система социального страхования в виде поддержки нетрудоспособных рабочих. В случае гибели или потери трудоспособности рабочего его семья переходила на «попечение генерала». Каждая вдова получала полное содержание от конторы. Все это можно проиллюстрировать следующим письмом:

«Принимаю на себя ходатайство пред Вами, Милостивый Государь, за оставшееся без помощи семейство одного из служащих местной конторы Ивана Николаевича Ткачевского, умершего 27 сего апреля внезапную смертью от удара и оставившего без всякого средства к жизни двух невзрослых и вдобавок убогих детей и старушку мать – дряхлую, слабую, положительно лишенную всякой возможности к какому-либо физическому труду. Контора фабрики с своей стороны не лишним считает добавить, что умерший, Ткачевский, поступил на службу еще малолетним и прослужил безукоризненно – честно на 15 руб. месячного содержания в своей квартире до 60-ти летнего

возраста, умер внезапно за конторским столом, не оставив, как и все этого разбора люди, своему несчастному и вдобавок обиженному судьбою семейству ничего кроме нищеты и нужды какие непременно следуют за потерю кормильца-отца, если только не будет какой либо пассивной помощи, почему контора, рассчитывая на благосклонное внимание Ваше, Милостивый Государь, к сиротам и убогим, покорнейше просит не найдете ли возможность разрешить выдать единовременно оставшимся бедным сиротам Ткачевского пособие по Вашему усмотрению и не оставит в дальнейшем месячную пенсию, **каковую пользуются многие осиротевшие семейства»** [4].

Конечно, следует отметить, что отеческое отношение к своим рабочим отразилось отчасти негативно на самих же рабочих, так как отучило их от самостоятельности. Здесь нельзя не согласиться с высказыванием В.В. Путина, который, отвергая такую политику (патернализм), приводит довод, что «отказ от неё диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких» [5].

Даже в своем духовном завещании С.И. Мальцов проявил заботу не только о своих дочерях (с сыновьями и женой у него не сложились хорошие отношения), но и завещал часть своего состояния отдать храмам, а часть направить на распространение грамотности и просвещения: «...завещаю дочерям своим Капитолине, Марии и Анастасии каждой в собственность деньгами по тридцати тысяч рублей, завещаю девице Екатерине Федоровне Антоновой, находящейся в моем служении с 1883 года, в собственность деньгами десять тысяч рублей, все вещи и одежду мою, при мне находящуюся, и всю движимость, мне принадлежащую в доме Ситецком, в котором я жил. Завещаю ближайшим помощникам моим в занятиях моих, кои выпадали на мою долю в течение моей жизни Макару Яковлевичу Калинину, Федору Максимовичу Третьякову, Дмитрию Максимовичу Третьякову, Семену Андреевичу Хадарову, Андрею Трофимовичу Лебедеву, Алексею Софоновичу Фетисову, Николаю

Михайловичу Суворову каждому по тысяче рублей в собственность деньгами. На поддержание храмов, кои я посещал вместе с трудившимися со мною, завещаю Дятьковскому, Людиновскому, Сукретинскому, Любохонскому, Сергиево-Радицкому, Пелгемскому каждому в собственность деньгами по тысяче рублей. Ивотскому, Чернятинскому, Слободищенскому, Пукачовскому, Стеклянно-Радицкому, Любомскому, Улемскому, Курганскому, Полетскому, Букольскому, Маклоковскому и Белобережской Оптинской пустыням каждому по пятьсот рублей в собственность деньгами, тоже Алупской пятьсот рублей деньгами в собственность. Распределить таким образом часть моих денег, остальные и могущие после моей смерти суммы все завещаю в собственность тем волостям Орловской губернии Брянского уезда, Калужской губернии Жиздренского уезда, Смоленской губернии Рославльского уезда, в состав коих входят деревни, фабрики и заводы некогда мне принадлежавшие для употреблений завещаемых мною сумм на распространение грамотности и просвещения среди жителей означенных волостей» [6].

Прав был русский публицист, инженер и экономист Н. П. Мельников, который писал: «История почти всех производств России связана с именем Сергея Ивановича Мальцова. Будь это в Париже, ему бы поставили памятник в назидание потомкам» [7].

-
1. Межецкий, М.П. Воспоминания о С.И. Мальцеве / М.П. Межецкий // Исторический вестник. – СПб., 1897. - ноябрь.
 2. РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 316, л. 143.
 3. Афолина, Л.И. Исследование патерналистской системы управления в Мальцовском промышленном округе / Л.И. Афолина, Ю.Т. Трифанков, В.В. Дзюбан // Вестник Брянского государственного технического университета. - 2010. - № 4(28). – С.124 – 129.

4. ГАБО, ф. 196, оп. 1, д. 13, л. 1.
5. Темницкий, А.Л. Социальные и культурные "скрепы" патерналистской цивилизации в России / А.Л. Темницкий // Российское общество в современных цивилизационных процессах / под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. - СПб.: Интерсоцис, 2010. - С.461-467.
6. РГИА, ф. 1291, оп. 71, д. 430 а, л. 4 – 5.
7. Мельников, Н.П. С.И. Мальцов и мальцовские заводы / Н.П. Мельников. – Одесса, 1903. – 24 с.

С.В. Глотов,
*заведующий Карачевским филиалом,
ГБУК «Брянский государственный
краеведческий музей»*

Родословие Героя Советского Союза Степана Петровича Лоскутова

*«Биография любого Героя Советского Союза –
живая страница истории»
(Краткий биографический словарь
«Герои Советского Союза»)*

Подвиги героев бессмертны. Они живут в памяти людей и передаются из поколения в поколение, рождают чувство гордости за свой народ и служат яркими примерами личного мужества.

Более двухсот жителей Брянщины в годы Великой Отечественной войны были удостоены звания Героя Советского Союза. Шестеро из них – уроженцы Карачевского района.

**Кучеров Петр Владимирович
Лоскутов Степан Петрович**

**Тесленко Илья Алексеевич
Часов Дмитрий Иванович
Хахерин Илья Кириллович
Худякова Антонина Федоровна**

«Лоскутов Степан Петрович родился в 1911 году в деревне Прилепы, ныне Карачевского района Брянской области, в семье крестьянина. Русский. Командир стрелкового взвода 857-го стрелкового полка 294-й стрелковой дивизии 8-й армии Ленинградского фронта, старший сержант. Степан Лоскутов в боях на Ленинградском фронте из снайперской винтовки уничтожил 117 вражеских солдат и офицеров. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм старшему сержанту Лоскутову Степану Петровичу присвоено звание Героя Советского Союза. Младший лейтенант Лоскутов С.П. скончался от полученных ран в бою 9 февраля 1942 года. Похоронен в поселке Новая Малукса Кировского района Ленинградской области. Награждён орденом Ленина. В деревне Прилепы и в поселке Новая Малукса на месте воинского захоронения установлены мемориальные доски» [15].

Лоскутов Степан Петрович родился 29 декабря 1916 года в деревне Прилепы Карачевского района Орловской губернии в крестьянской семье. В семье было девять детей, он – пятый. Окончил начальную Новослободскую школу, затем семилетку в городе Карачеве, ФЗУ в Бежице. Три года учился на электромонтера. 7 мая 1935 года поступил на шпагатную фабрику имени 1-го мая в Карачеве в электроотдел электромонтером [7]. В 1937 году Степан Петрович женился на Амосовой Варваре Дмитриевне, 25 июля 1938 года у них родилась дочь Людмила [21]. Жена его работала на той же фабрике машинистом водоснабжения. Жили они в общежитии фабрики им. 1-го Мая. У них родились еще два сына – Леонид (в 1940 г.) и Валентин (в 1941 г.). 2 августа 1941 года Степан Петрович был уволен в свя-

зи с призывом в РККА [8]. Призван он был Карачевским РВК. За 1941 г. сохранился еще один документ по Карачевской шпигатной фабрике им. «1 МАЯ» – приказ от 12 января 1941 года о создании двух групп техминимума для изучения правил технической эксплуатации электростанции, где упомянут Степан Лоскутов [8].

Сегодня мы имеем три письменных свидетельства о военной биографии Героя. Это статья бывшего военного корреспондента армейской газеты «Ленинский путь» Д.Т. Хренкова, лично знавшего Лоскутова и писавшего о нём. Статья вошла в книгу «С пером и автоматом», вышедшую в 1964 году. Статья «Снайпер» в газете «Волховские огни» от 19 января 1968 года, написанная бывшим начальником политотдела дивизии Пекленковым А.Ф., имевшим прямое отношение к присвоению Лоскутову С.П. звания Героя Советского Союза и хорошо знавшего обстоятельства его смерти. И, конечно, книга Бурова А.В. «Твои герои, Ленинград» [12].

Дмитрий Терентьевич Хренков: «Целый день я ждал возвращения снайпера с позиции. И когда поздно вечером Лоскутов скользнул наконец в землянку, я приготовился записывать подробности вылазки. Озябший и проголодавшийся снайпер пообещал, что все расскажет, только чуть подкрепится. Но, поев, он тут же свалился и уснул. Беседа не состоялась. Опасаясь, как бы подобное не повторилось, я в следующий раз напросился ему в напарники. День выдался на редкость холодный. Болото уже подернулось коркой льда. Сквозь трещины проступала вода. Лежу я промокший и продрогший до костей. Настороженно гляжу вперед. Кажется, что из немецкой траншеи за мной следят сотни глаз и столько же стволов винтовок. Вдруг начали рваться мины. Лоскутов оставался спокойным. Осколок ранил его в руку. Лоскутов не выпустил винтовку. Окоченевший, он лежал не шевелясь. Бесчисленное количество раз я писал о снайперах, старался самым добросовестным образом передать их переживания, рассказать об их боевой жизни, полной опасностей и неожиданностей. Но только в этот день я по-настоящему понял,

какой выдержкой, каким хладнокровием, терпением и отвагой должен обладать снайпер» [17].

Алексей Федорович Пекленков: «Со Степаном Петровичем Лоскутовым мне приходилось встречаться в окопах переднего края, когда наша дивизия в ноябре-декабре 1941 года обороняла участок Ленинградского фронта в районе станции Мга. Работа снайпера очень трудная. Мороз 25-30 градусов. Снайпер по несколько часов сидит замаскированный, без движения. В ответ на выстрел снайпера противник открывал бешеный минометный огонь. Надо быть очень искусным стрелком и охотником, чтобы не обнаружить себя. В конце декабря 1941 года Лоскутов был назначен командиром пулеметного взвода. К этому времени Степан Петрович уже искусно владел снайперской винтовкой. В январе-марте 1942 года дивизия вела тяжелые наступательные бои южнее станции Мга. В одном из боев Лоскутов был ранен, но с поля боя не ушел, так как немцы предприняли контратаку. Атака была отбита. Он самостоятельно добрался до полкового медпункта. Раненых в этот день было много. В первую очередь отправляли тяжелораненых. Из-за скромности своей не сказал, что он Герой Советского Союза. Очередь его подошла только через десять часов. В медсанбате на третий день Степан Петрович умер» [13]. С опозданием на 22 года жене Героя, Варваре Дмитриевне, была вручена Грамота Героя. Грамоту подписал Л.И. Брежнев 10 марта 1964 года. Летом 2002 года дочери Героя, Людмиле Степановне, прислали удостоверение, из которого следовало, что 30 января 1942 года Степан Петрович был награжден медалью «За отвагу».

Из воспоминаний сестры С.П. Лоскутова Марии Петровны Лепкович-Лоскутовой: «Мы прожили тяжелую жизнь. Нас в семье было девять детей. Степушка наш пятый в семье. Сама-то я 1909 года рождения, 22 августа 102 года было. А Герой наш с 1916 года, 29 декабря родился. До четырех классов учился в школе около церкви Всех Святых, а потом в «красной» школе, напротив Никольской церкви, закончил семь классов. Поехал в Бежицу в ФЗУ, учился три года на электрика. Ему купили ру-

жье. На охоту ходил. Степушка бедовый был, настырный. Дюже меткий был, попадал в подброшенный гривенник». Сестра Героя ежегодно ко Дню Победы получает поздравление от Президента Российской Федерации. «Уважаемая Мария Петровна! Примите самые искренние поздравления с всенародным праздником – Днём Победы. Прошли годы, минули десятилетия, но в нашей памяти Великая Отечественная война навсегда останется главным, величайшим по своему трагизму событием 20 века, во многом определившим судьбы, само будущее всего человечества...».

Наверное, не случайно Степан Петрович Лоскутов проявил себя на военном поприще. Память о прошлом его предков наверняка стерлась в семье Лоскутовых. Однако не одно поколение Лоскутовых было профессиональными военными – несли стрелецкую службу на протяжении всего 17 века. Петр I зачислил бывших городских стрельцов в особое сословие однодворцев. Они должны были платить подушную подать, но в то же время из их состава формировались местные ландмилицейские полки – пограничное войско.

«В конце 17 века 25 стрельцов Московского стрелянного полка по приказу Петра I были выселены в Карачев и образовали Стрелецкую слободу. В конце 18 века часть слободы была расселена, из нее выделились слободки – Мещерская (Подсопки), Прилепы, Мальтина. Фамилии же стрельцов возникли, вероятно, когда Иван Грозный образовал это войско. Большинство фамилий сохранилось до наших дней. Это Голенковы, Гуньковы, Игольниковы, Измайловы, Катунины, Лоскутовы...» [14]. По ревизии 1763 года в Стрелецкой слободе проживало однодворцев «мужеска пола 238 душ, а женска пола 253 души». В ревизских сказках города Карачева Стрелецкой слободы за 1782 год упомянут однодворец Сергей Филиппов сын Лускатов. [1] В том же году «оний Лускатов з женою и з детьми выбыл в Карачевскую округу вновь поселенную слободку Беломестную, Сергей Филиппов сын Лускатов род. в 1727 г., ныне на лицо 55 лет, у него жена Лукерия Сергеева дочь, ныне на лицо 55 лет, взята

Карачевской Драгунской слободы у однодворца, у них дети, написанные пред сей ревизией ...» [2].

По ревизским сказкам 1795 года «Сергей Филиппов сын Лускатов умер в 1792 году.

Оная Лукерия Лускатова с детьми своими выбыла в Карачевскую округу вновь поселенную слабодку Прилепы» [3].

Потомки Сергея Филипповича Лускатова прослеживаются в ревизских сказках по городу Карачеву вплоть до 1850 г. Правда, с 1834 г. их стали уже записывать не однодворцами, а государственными крестьянами. По описи Карачева за 1902 г. в Прилепской слободе – м.п. 181 душа, ж. п. 194 души. В Стрелецкой слободе, соответственно, 450 и 475 [6].

Пусть Вас не смущает написание фамилии Лоскутов как Лускатов. «До 1930-х годов существовал разницей в написании фамилий: Голиковы часто писались Голяковы-ми, Чурковы – Черковыми, нынешние Лябиховы вообще писались Ляпиными...». [10] Кстати, уже в ревизии 1850 г. Стрелецкой слободы потомки брата Сергея Филипповича Лускатова – Никиты Сергеевича писались Лоскутовы [5].

Обширный материал даёт фонд 247 ГАБО – «церкви города Карачева» по роду Лоскутовых. Сохранились метрические книги церкви во имя Всех Святых за 1853-1864 гг. В них учтены даты рождений и смертей, а также поименованы «восприемниками» при рождении детей свыше шестидесяти представителей рода Лоскутовых. Согласно записям в метрической книге, за 1855 год от эпидемии холеры умерли в приходе 86 мужчин и 100 женщин. Из них четверо мужчин и четыре женщины из рода Лускатовых. Здесь же находим дату рождения деда Степана Петровича – Алексея Семеновича: «17 февраля 1862 года у Государственного крестьянина Прилепской слободы Семена Петрова Лускатова и законной жены его Стефаниды Петровой родился сын Алексей» [9]. Прошло 150 лет. Сменилось еще шесть поколений Лоскутовых.

У Степана Петровича растёт его правнук Роман. Приведу Вам выдержки из письма дочери Степана Петровича Людмилы

Степановны: «Дорогие земляки! Я благодарю всех за то, что вы храните память о моем отце. Я много лет живу в Москве, но всегда с радостью бываю в Карачеве. Сейчас я занимаюсь воспитанием правнука Степана Петровича Лоскутова. Людмила Степановна Иноземцева. 2002 г.» [22].

Итак, Вашему вниманию представляется поколенная роспись рода Лоскутовых за 300 лет.

Поколенная роспись рода Лоскутовых (Лускатовых) Орловского наместничества города Карачева Стрелецкой слободы однодворцев

<i>№ п/п</i>	<i>Имя и Отчество</i>	<i>поколение</i>	<i>№ родителя</i>
I			
1.	Филипп , род. ок. 1700 г.		
II			
2.	Сергей Филиппов , род. в 1727 г., ум. в 1792 г. Жена Лукерия Сергеева дочь, род. в 1727 г., взята из Карачевской Драгунской слободы у однодворца.		1
3.	Никита Филиппов , род. в 1733 г., ум. в 1803 г. Жена Мавра Григорьева дочь, род. в 1735 г., взята из той же слободы у однодворца.		1
III			
4.	Василий Сергеев , род. в 1750 г., отдан в службу в 1771 г. Жена Афимия Федорова дочь, род. в 1852 г., взята из Карачевского купечества.		2
5.	Тихон Сергеев , род. в 1756 г. 1-я жена Авдотья Афанасьева дочь, род. в 1757 г., ум. в 1783 г., взята из Пушкарной слободы у однодворца. 2-я жена Евгения Степанова дочь, род. в 1763 г., взята в Карачевской Беломестной слободе у однодворца.		2
6.	Казма Сергеев , род. в 1758 г. Жена Ефросинья Никитина дочь, «взята слободы Берешка у экономическо-го служки».		2
7.	Афанасей Сергеев , род. в 1763 г., ум. в 1765 г.		2

8. Агрофена Сергеева, род. в 1754 г.	2
Выдана в замужество из Карачевской Драгунской слободы за однодворца.	
9. Дмитрей Сергеев , род. в 1767 г.	2
Жена Акулина Казмина дочь, род. в 1765 г.	
10. Алексей Сергеев, род. в 1772 г.	2
Жена Матрена Савельева дочь, род. в 1771 г.,
взята из Карачевской Стрелецкой слободы у однодворца.	
11. Матрена Сергеева, род. в 1775 г.	2
12. Евдоким Никитин, род. в 1764 г.	3
13. Григорей Никитин, род. в 1771 г.	3
14. Настасья Никитина, род. в 1770 г.	3
15. Матрена Никитина, род. в 1768 г.	3
16. Агафья Никитина, род. в 1776 г.	3
17. Васса Никитина, род. в 1782 г.	3
18. Дарья Никитина, род. в 1757 г.	3

IV

19. Пелагея Васильева, род. в 1778 г.	4
20. Василей Тихонов, род в 1778 г.	5/1
21. Иван Тихонов «большой», род. в 1781 г.	5/1
22. Стефанида Тихонова, род. в 1782 г.	5/1
23. Иван Тихонов «меньшой», увечен, род. в 1787 г.	5/2
Жена Мавра Михайлова, род. в 1792 г.	
24. Алексей Тихонов, род. в 1790 г.	5/2
Отдан в рекруты в 1810 г.	
25. Егор Тихонов, род. в 1792 г.	5/2
26. Григорей Тихонов, род. в 1799 г.	5/2
Жена Екатерина Ильина, род. в 1799 г.	
27. Андрей Тихонов, род. в 1802 г.	5/2
Жена Марфа Михайлова, род. в 1804 г.	
28. Афимий Тихонов, род. в 1804 г.	5/2
29. Авдотья Тихонова, род. в 1784 г.	5/2
30. Андрей Казмин, род. в 1787 г.	6
31. Федор Казмин, род. в 1796 г.	6
Жена Марья Иванова, род. В 1804 г.	
32. Иван Казмин, род. в 1805 г.	6
33. Домна Казмина, род. в 1792 г.	6
34. Катерина Дмитриева, род. в 1788 г.	9
35. Мария Дмитриева, род. в 1790 г.	9
36. Елена Дмитриева, род. в 1792 г.	9
37. Петр Дмитриев , род. в 1801 г.	9
Жена Акулина Игнатова, род. в 1803 г.	
38. Иван Дмитриев, род. в 1805 г.	9

Жена Марья Фомина, род. в 1809 г.	
39. Федор Алексеев, род. в 1798 г.	10
Жена Ксения Евсеева, род. в 1796 г.	
40. Василей Алексеев, род. в 1801 г.	10
Жена Прасковья Стефанова, род. в 1820 г.	
41. Иван Евдокимов, род. в 1787 г.	12
42. Максим Евдокимов, род. в 1794 г.	12
43. Ванифатий Евдокимов, род. в 1797 г.	12
44. Прохор Евдокимов, род. в 1801 г.	12

V

45. Григорей Васильев, род. в 1799 г.	20
46. Сергей Иванов, род. в 1802 г.	21
47. Филипп Иванов, род. в 1827 г.	23
Жена Марфа Иванова, род. в 1820 г.	
49. Василий Иванов, род. в 1820 г.	23
Жена Аксинья Иванова, род. в 1820 г.	
50. Петр Иванов, род. в 1827 г.	23
51. Семен Егоров, род. в 1824 г. Отдан в рекруты в 1835 г.	25
52. Иван Егоров, род. в 1838 г.	25
53. Мария Егорова, род. в 1833 г.	25
54. Николай Григорьев, род. в 1823 г.	26
Жена Аксилия Петрова, род. в 1822 г.	
55. Илья Григорьев, род. в 1826 г.	26
Жена Авдотья Абрамова, род. в 1823 г.	
56. Матвей Андреев, род. в 1824 г.	27
Жена Пелагея Васильева, род. в 1825 г.	
57. Яков Андреев, род. в 1830 г. Отдан в рекруты в 1848 г.	27
58. Марья Андреева, род. в 1831 г.	27
59. Федосья Андреева, род. в 1836 г.	27
57. Василей Федоров, род. в 1832 г.	31
58. Афанасий Федоров, род. в 1834 г., умер в 1837 г.	31
59. Иван Федоров, род. в 1836 г.	31
60. Прасковья Федорова, род. в 1826 г.	31
61. Татьяна Федорова, род. в 1828 г.	31
62. Пелагея Федорова, род. в 1842 г.	31
63. Марья Иванова, род. в 1835 г.	32
64. Анна Иванова, род. в 1837 г.	32
65. Александр Петров, род. в 1830 г.	37
66. Дмитрий Петров, род. в 1833 г., умер в 1844 г.	37
67. Федор Петров, род. в 1836 г.	37

68. Семен Петров , род. в 1841 г. Жена Стефанида Петрова.	37
69. Василей Иванов, род. в 1834 г.	38
70. Александра Иванова, род. в 1836 г.	38
71. Фекла Иванова, род. в 1838 г.	38
72. Александр Федоров, род. в 1817 г. Жена Марфа Михайлова, род. в 1820 г.	39
73. Тимофей Алексеев, род. в 1834 г.	40
74. Евдокия Васильева, род. в 1848 г.	40
75. Агрипена Васильева, род. в 1850 г.	40
76. Гаврила Иванов, род. в 1817 г.	41
77. Сергей Иванов, род. в 1819 г.	41
78. Василий Вонифатьев, род. в 1837 г.	43
79. Никита Прохоров, род. в 1829 г.	44
80. Михайла Прохоров, род. в 1847 г.	44

VI

81. Афонася Филиппова, род. в 1849 г.	47
82. Астафий Петров, род. в 1843 г.	50
83. Осип Петров, род. в 1845 г.	50
84. Константин Николаев, род. в 1844 г.	54
85. Николай Николаев, род. в 1846 г.	54
86. Елена Николаева, род. в 1849 г.	55
87. Григорей Ильин, род. в 1847 г.	55
88. Никита Ильин, род. в 1849 г.	55
89. Иван Александров, род. в 1843 г.	72
90. Михайла Александров, род. в 1844 г.	72
91. Ахимья Александрова, род. в 1849 г.	

VII

92. Андрей Семенов, род. 3.08. 1860 г.	68
93. Алексей Семенов , род. 17.02. 1862 г.	68
94. Анна Семенова, род. 28.11.1864 г.	68

VIII

95. Петр Алексеев , род. в 1879 г.	93
---	----

IX

96. Мария Петровна, род. в 1909 г.	95
------------------------------------	----

97. Егор Петрович, род. в 1914 г.	Погиб в 1943 г.	95
98. Степан Петрович , род. 29.12. 1916 г.	Погиб 9.02. 1942 г.	95
99. Екатерина Петровна, род. в 1919 г.		95
100. Петр Петрович, род. в 1923 г.		95
101. Виктор Петрович, род. в 1927 г.		95
Три девочки умерли в младенчестве.		

X

102. Людмила Степановна , род. в 1938 г.		98
103. Леонид Степанович, род. в 1940 г., умер в 1976 г.		98
104. Валентин Степанович, род. в 1941 г.		98

XI

103. Наталья Петровна , род. в 1960 г.		100
---	--	-----

XII

104. Роман Леонидович , род. в 1980 г.		103
---	--	-----

Судя по возрасту Романа, можно с уверенностью говорить о тринадцатом колене рода Лоскутовых.

Представительницей карачевских однодворцев является Герой Советского Союза Худякова Антонина Федоровна. Предки ее, Худековы, упомянуты в ревизских сказках 1782 года Беломестной слободы.

Уроженцем Стрелецкой слободы был и Герой Советского Союза карачевец Безменов Василий Иванович 1913 года рождения. В.И. Безменов родился в деревне Мальтино. Предок его по ревизской сказке 1795 года «Михайла Ильин сын Безменов з женою и з детьми выбыл в слабодку Малтину» [3].

Старший лейтенант Безменов В.И., заместитель командира батареи 915-го артиллерийского полка по политической части, 346-й стрелковой дивизии, 5-й танковой армии, Юго-Западного Фронта отличился в бою под Сталинградом 4.01.1943 г. Батарея Безменова уничтожила своим огнём до 200 солдат и офицеров противника. Василий Иванович, будучи раненым,

продолжал руководить боем. Погиб в этом бою. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.03.1943 г. посмертно [15 с.156].

Но это другая история и тема нового исследования.

-
1. ГАБО. Ф. 23, оп. 2, д. 6, лл. 388 об. - 389 об.
 2. ГАБО. Ф. 23, оп. 2, д. 7, л. 77.
 3. ГАБО. Ф. 23, оп. 2, д. 14, лл. 132 об. - 133.
 4. ГАБО. Ф. 23, оп. 2, д. 18, лл. 269 об. - 270.
 5. ГАБО. Ф. 23, оп. 2, д. 13, д. 57 лл. 1434 об. – 1436.
 6. ГАБО. Ф. 26, оп. 2, д. 85, л. 3.
 7. ГАБО. Ф. 2502, оп. 1, д. 10, лл., 4950.
 8. ГАБО. Ф. 2502, оп. 1, д. 19, л. 1, 1 об. 1.
 9. ГАБО. Ф. 247, оп. 1, д. 58, лл. 3, 4, 11 об., 13 об., 19 об., 20, 21, 33 об., 38 об., 39 об., 52, 53, 54, 56 об., 57 об., 58, 74 об., 75, 76, 82 об., 88 об., 89 об., 90.
 10. Алексеев, В.П. Гранный дуб: [Ист.-краевед. очерк] / В.П. Алексеев. - Брянск , 1994. – С. 142
 11. Бабаков, А.А. Герои Советского Союза : Краткий биографический словарь : [в 2 т.]. Т.1 / М-во обороны СССР, Гл. упр. кадров и др. ; [А.А. Бабаков и др.]. - М. : Воениздат, 1987. – С. 889.
 12. Блонский, Л. В. Царские, дворянские, купеческие роды России / Л. В. Блонский. - М. , 2009. - 526 с.
 13. Буров, А.В. Твои герои, Ленинград / А.В. Буров. - Л., 1970. - 639 с.: ил.
 14. Газета «Волховские огни». – 1968. – 19 января.
 15. Газета «Брянские известия». – 1997. – 2 июля (№120).
 16. Герои Советского Союза – наши земляки / Карачевский краеведческий музей. - Брянск, 1995.
 17. Исследовательская работа «Судьба героя» МОУ средней школы №4 г. Карачева. 2005 г. Рук. Толкачева М.И.
 18. БСЭ. – М., 1965. – С. 919-920.

19. Книга Памяти. Рос. Федерация. Брян. область. – Брянск, 1995. – Т. 4. – С. 373.
20. Книга Памяти. Рос. Федерация. Брян. область. – Брянск, 2003. – Т. 12. – С. 511.
21. Справка Карачевского ЗАГСа: «выписка от 31. 07. 1938 г. о рождении Лоскутовой Л.С.».
22. Фонды музея МОУ средней школы им. Горького г. Карачева. 2011 г.

Г.Н. Скороход,
*учитель, муниципальное общеобразовательное
учреждение «Средняя общеобразовательная
школа №67» г. Брянска*

**Мельников Николай Никифорович –
Герой Советского Союза**

Обнаружив на стене дома недалеко от школы мемориальную доску, учащиеся школы №67 долгое время не могли найти информацию о Герое. Этот человек вел огромную общественную работу, и потому нам хотелось бы всем рассказать о нем.

Родился Мельников Н.Н. 8 декабря 1918 г. в селе Паньково Орловской области (из автобиографии в поселке Винном (ныне его нет) Паньковского сельсовета). Окончил Орловский педагогический техникум, затем пединститут в городе Владивостоке. Работал в Камчатской области учителем (Миточинская начальная школа). В 1939 году призван в Красную Армию (г. Биробиджан). 1939-1941 – курсант Рязанского артиллерийского училища.

«В Великой Отечественной войне с 30 декабря 1941 года. Сначала командир взвода на Северо-Западном, Калининском, с 1942 г. – командир батареи, начальник штаба дивизиона на Юго-Западном, Воронежском, 1-м Украинском фронтах» [1].

Из документов этого периода сохранилось временное удостоверение от 31 мая 1944 года капитану Мельникову в том, что он исполняет обязанности начальника штаба артиллерии дивизии, подписанное майором Пешковым.

Награжден орденом «Красного Знамени» за бои на подступах к Днепру (5.11.43 г.), орденом «Красная Звезда» – за бои под Белгородом (август 1943 г.), медалью «За отвагу» – за бои под городом Золотоноша (сентябрь 1943 г.).

«Шла битва на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. В районе Кочетовки, западнее Прохоровки, батарея под командованием гвардии старшего лейтенанта Николая Мельникова героически отражала натиск 40 фашистских танков. В тот день атака была отбита с большими потерями для врага. Артиллеристы подбили четыре вражеских танка, уничтожили 2 взвода пехоты, наблюдательный пункт противника».

«После освобождения Белгорода войска Воронежского фронта вели наступательные бои в направлении г. Ахтырки, 17 августа 1943 г. батарея гвардии старшего лейтенанта Николая Мельникова в районе Великого Исторопа метким огнем преследовала отступающего врага. В этой схватке командир был ранен, но, несмотря на это, не покинул поля боя».

«В период наступления на Правобережной Украине артиллеристы под командованием Мельникова подавили две минометные батареи, уничтожили противотанковое орудие с расчетом, разгромили два дзота, семь пулеметных точек, автомашину с автоматчиками и наблюдательный пункт.

27 августа в районе Вороновщины батарея Мельникова сдержала 30 танков врага и уничтожила более 200 фашистских вояк – солдат и офицеров. В результате этого отважные воины создали условия для перегруппировки наших частей, которые вскоре перешли в контратаку» [1].

Звание Героя Советского Союза присвоено Н. Н. Мельникову 9 февраля 1944 года.

В наградном листе, составленном командиром полка подполковником Терещенко, отмечалось следующее: «Батарея

под командованием тов. Мельникова первая из истребителей танков форсировала Днепр и заняла боевые порядки. В районе дачи Тальберга она успешно отразила атаку 60 гитлеровских танков. В этом бою командир лично вывел из строя семь вражеских машин».

После войны Николай Никифорович продолжал служить в рядах Советской Армии. Май-сентябрь 1945 года он – слушатель Военной Офицерской школы г. Ленинграда, начальник штаба дивизии г. Калинина, начальник штаба ракетных войск стратегического назначения в г. Нижний Тагил. Демобилизовался в 1966 г.

Последнее воинское звание – полковник (приказ Министерства обороны СССР от 15.04.75 года).

С 1967 года Николай Никифорович жил и работал в Брянске. Январь 1967 г. – сентябрь 1969 г. он – ответственный секретарь Бежицкой районной организации охраны памятников истории и культуры.

В течение 22 лет (сентябрь 1969 г. – январь 1991 г.) – ответственный секретарь Бежицкой районной организации общества «Знание». На протяжении 7 лет (1984-1991) – председатель Брянского городского совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, затем заместитель председателя областного совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, депутат городского Совета народных депутатов.

За активное участие в работе областной организации ветеранов войны Николай Никифорович был награжден Почетной грамотой Брянского Областного Совета ветеранов.

С 1967-го по 1972-ой год он – начальник областного штаба походов молодежи по местам боевой и трудовой славы советского народа. Награжден Почетной грамотой администрации города за большой личный вклад в патриотическое воспитание молодежи.

В Брянске семья Мельниковых сначала жила на Новом Городке по улице Донбасской, 56. На улицу Орловскую пере-

ехали в 1981 году. Очень любили в семье активный отдых. Прогулки в лес за грибами.

Умер Н.Н. Мельников 31 июня 1997 года. Администрацией города было предложено произвести захоронение на Аллее Славы в Советском районе города Брянска. Но по желанию семьи он похоронен на кладбище в поселке Дарковичи. В память о Герое на стене дома 27 по ул. Орловской по решению администрации города в 2005 году установлена мемориальная доска.

Информация из воспоминаний внучки Героя, Талановской Светланы Владимировны, автобиографии и других документов, которые находятся на хранении в муниципальном общеобразовательном учреждении «Средняя общеобразовательная школа №67» г. Брянска (всего 117 экспонатов).

1. Строки из книги «Герои Орловской области»

СЕКЦИЯ 3. КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ БРЯНСКОГО КРАЯ. ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ

А.А. Мажукина,
*Брянский городской лицей №1
им. А.С. Пушкина, 7 класс*

Е.В. Гродненская,
*учитель истории Брянского городского
лицея №1 им. А.С. Пушкина*

Локальные особенности женского народного костюма села Ружное Карачевского района Брянской области (Историко-этнографическое исследование)

*«Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая образованность от дикости»
А.С. Пушкин*

Модест Петрович Мусоргский сказал: «Утрата народом своего искусства, своих художественных ценностей-это национальная трагедия и угроза самому существованию нации» [1]. В современном 21 веке стало очевидно, что безвозвратно ушло одно из интереснейших явлений русской национальной художе-

ственной культуры, каким является народный национальный костюм.

Народный костюм – это важный исторический источник, который несёт в себе обширную информацию об эпохе, традициях, обычаях и нравах. Традиционный крестьянский костюм тесно связан с экономическими и социальными явлениями жизни народа, отражает эстетический идеал определённого времени, является символом этнической принадлежности.

Актуальность исследования обусловлена повышением наблюдаемого в последнее время интереса к традиционной культуре русского народа. Я считаю, что женский крестьянский костюм села Ружное Карачевского уезда Орловской губернии – это своеобразная книга, научившись читать которую, можно узнать о традициях, обычаях и истории не только своего народа, но и своего рода.

Предметом рассмотрения данного исследования служит крестьянский костюм, бытовавший на Брянщине в 19 – начале 20 века. Нельзя не отметить, что сбор материала уже сейчас весьма затруднен. На протяжении ушедшего столетия рукотворные предметы крестьянского быта так стремительно вытеснялись из повседневного употребления, что даже большинство историков и этнографов не успело осознать необратимость процесса

В Музее партизанской славы п. Навля Брянской области хранится фотография знаменитого учёного-этнографа Наталии Ивановны Лебедевой и ее книга «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Часть первая. Народный костюм, прядение и ткачество» (1927 г.), где впервые дано описание национальных костюмов Брянской и Калужской губерний. В этнографических мемуарах она пишет: «Вот весь материал, которым можно было располагать при изучении нашего Полесья. Материал разрозненный, отрывочный, наводящий чаще на мысли, на вопросы, чем дающий ответы. Главный недостаток всего имеющегося материала – отсутствие в нём точных описаний, точных классифицирующих признаков и отсутствие границ распростра-

нения этнических явлений [8,8]. Продолжая дальнейшие поиски материалов по истории Руженского костюма, я изучила такие работы, как: «Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах 19 – начала 20 века» (Маслова Г.С.), «Традиционный народный костюм Брянской области». (Козловская Н.Б). «Славянский народный костюм и рушник» (Печикина Н.В).

Город Карачев и его окрестности принадлежат к числу тех немногих мест нашего Отечества, которые в своей древностью превосходят само Русское государство. О древности этого города свидетельствует его название Карачев, что в переводе с тюркского языка значит «чёрный лес». Такое название, по всей вероятности, дано было Карачеву аvaraми, господствовавшими в пределах России со времени «Великого переселения народов», или же хазарами, владения которых в 8 веке по Р. Христову простирались от юго-восточных берегов Черного моря до Волги и от Каспийского моря до верховьев Оки, а с подчинением южно-русских славянских племен – до берегов Днепра; в числе последних были и первоначальные обитатели нашего края – вятичи с г. Карачевом и его окрестностями.

Предки наши вятичи легко мирились с господством хазар, довольствовавшихся только данью и не вмешивавшихся во внутреннюю жизнь побеждённых. Здесь, во внутреннем своём быту, вятичи управлялись, как и прежде, своими родоначальниками и старшинами рода, которые давали им суд и расправу.

Первым завоевателем наших предков вятичей считается в русской истории (964 год) великий князь Святослав Игоревич. Но всегда заветною мечтою вятичей была полная внешняя свобода и внутренняя независимость. Постоянные попытки вятичей отстоять свою самостоятельность не имели успеха, но зато и покорение их стоило для русских князей стольких трудностей и походов, скольких не потребовало, кажется, для своего покорения ни одно из славянских племен на юге России.

Полное и окончательное утверждение русского владычества над вятичами относится уже к началу 12 века, когда земля

вятичей, а вместе с нею и город Карачев с его окрестностями вошли в состав Северского княжества.

В те далекие времена в стольном граде Киеве процветали христианская вера и благочестие, тогда как в Карачеве царило язычество. Поэтому Черниговская епископская кафедра должна была взять на себя великое дело распространения и утверждения христианства среди Вятичей, предков наших.

В начале 12 века священноинок Кукша оставил блаженную Печерскую обитель и с учеником своим Никоном достиг пределов вятичей. Уже через 30 лет после вступления их на апостольскую деятельность вера Христова открыто исповедовалась в нашем крае.

Во время грозного нашествия на Россию Монгольский завоеватель Батый, разгромив княжество Рязанское и Владимирское, вступил в область древних вятичей. Литовцы, пользуясь ослаблением юго-западной Руси после нашествия монголов, открыли непрерывные набеги, которые были очень разорительны для Карачева и его окраин.

В результате во второй половине 14 века великий князь Литовский Ольгерд овладел Брянском, Карачевом, Трубчевском и другими городами. Началось время тяжелого и смутного полуторавекового владычества Литвы над нашим краем. Наш край стал местом для борьбы и враждебных столкновений литовских, польских князей, московских воевод и Золотой Орды, что очень разорительно влияло на Карачев и его окрестности. Только в 1503 году Карачев вместе со всеми соседними городами был навсегда присоединен к Московскому государству по перемирию, заключённому между царём Иоанном Третьим и Литовским князем Александром [4,3-39].

В летописях (1452 г.) упоминается о монастырях, существовавших в те далекие времена в Карачевском уезде. Один из них – Одринский женский монастырь. Позднее был создан мужской Воскресенский монастырь или Тихонова пустынь близ города Карачева и женский монастырь при церкви Страстотерпца

Дмитрия Солунского, но время основания их с достоверностью определить трудно.

Сегодняшний настоятель Воскресенского монастыря игумен Митрофан при встрече рассказал об истории монастыря Тихоновой пустыни. От него я узнала, что основание этого монастыря принадлежит священноиноку Тихону (конец 16 века). Воскресенский монастырь расположен на левом берегу Снежки, в центре села Бережок (бывшая городская слобода Бережок) Карачевского района Брянской области. Село Ружное до 1764 года – во владении Карачевского Воскресенского монастыря (10,269).

Происхождение названия села Ружного народное предание объясняет так: Ружное в древности, во времена набегов на Русь татар, литовцев и поляков, было одним из наших складочных мест для оружия, от которого и получило свое название («Оружное – Ружное»). В пользу такого объяснения говорят слабо сохранившиеся вблизи бывшей Руженской церкви остатки подвала, по-видимому, от оружейного склада. По другому сказанию, село Ружное получило свое название от слова «руга», так как крестьяне этого села некогда принадлежали Тихоновой пустыни и в пользу последней взамен обязательных работ и денежных взносов давали «ругу» – продукты сельского хозяйства; отсюда и село названо Ружным; с упразднением монастыря руга собиралась в пользу приходского духовенства, а село сохранило свое прежнее название. Из материалов ГАБО я узнала, что в селе Ружное были три храма. Один из них – каменный, во имя Казанской Божией Матери, с приделами в честь святых Афанасия и Кирилла Александрийских и в честь Рождества Святого Иоанна Предтечи. Строился этот храм с 1870 по 1878 год, а придел во имя Иоанна Предтечи – на средства крестьянина Макаренкова (моего предка) [1,354].

Прабабушка Наталья рассказывала, что род Макаренковых в селе был довольно большим. В архивных документах я нашла упоминание о государственном крестьянине Макаренкове Илье Ивановиче, 1769 года рождения [2,274]. Это первый известный мне предок, от которого я и веду свою родословную.

Каждый род в селе назывался «по-уличному», то есть имел прозвище. Оказывается, наш род имел прозвище «Андрюсины Макарята». Проанализировав архивные записи и воспоминания старожилов, я сделала предположение, что род Макаренковых, пустивший свою ветвь через Алексея Ильича, был достаточно обеспеченный и уважаемый. В данном роду был «винопольщик»*. Он занимался развозом монастырских вин по церквям и их реализацией на ежегодной (2 мая) сельской ярмарке и в «кооперации» (маленький магазинчик в центре села). Все остальные пять братьев могли принимать посильное участие в строительстве пристройки к церкви, в том числе и Андрей Ильич Макаренков, мой предок: эта ветвь на селе считалась образованной, но не такой обеспеченной.

Моего прадеда Константина Ивановича родители женили в 1917 году в революцию. Подбирали невесту по «роду-племени». Его невеста (моя прабабушка) Карасева Наталия из крестьянской семьи была работающей девицей, искусной рукодельницей, а также она отличалась кротким нравом[†]. Доказательство этому – принадлежавший ей женский национальный костюм села Ружное, передающийся в нашем роду по женской линии. Только после подробного изучения своей родословной я поняла, почему на рукавах нашего рода преобладают мужские элементы вышивки, тогда как на рукавах костюма Романенковой Е.И. (урожд. Кулинической), 1939 г.р., Серовой М.А. (урожд. Шуняковой), 1935 г.р. преобладают женские элементы. Я предполагаю, что вышивка напрямую зависела от большинства либо мужчин, либо женщин в роду, что и подчеркивалось в вышивке на рукавах. В нашем роду преобладали мужчины.

Женский костюм села Ружное всегда считался самым ярким и нарядным в Карачевском уезде. Его доминирующие цвета – это красный и желтый.

* Записано со слов Макаренковых Е.П. и П.П., Мажукиной (Макаренковой) М.К. 10.07.2010г.

† Записано со слов Макаренковой П.П. 1929 г.р., Евсиковой (Карасевой) А.К. 1932 г.р. 10.11.2010.

Каждый год около Ружного 2 мая [6,87] проводилась сельская ярмарка, куда съезжались торговцы и крестьяне не только со всей округи, но и из соседних областей для торговли различными товарами. Именно на этих ярмарках женщины и покупали все необходимое для изготовления своего национального костюма. На ярмарке в конце 19 века – начале 20 века иногда крестьяне других сел продавали элементы своего национального костюма, после чего происходило перемешивание [8,31]. В нашей семье хранится костюм, 2 элемента которого принадлежат не к руженскому, а к сычевскому (12 км от Ружного) национальному костюму. Это подпояска и конец головного полотенца. Возможно, были приобретены по случаю. С открытием железнодорожной ветки Орёл-Карачев 5 ноября 1867 г. в город стали в большом количестве поступать на Руженскую ярмарку товары народного потребления, в том числе и монастырской работы. Здесь крестьянки и покупали женские свадебные головные уборы той же монастырской работы. Головные уборы изготавливались из бархата, позумента, яркой ткани, были богато вышиты золотыми и серебряными нитями, украшены блёстками, пером. Стоили эти украшения баснословно дорого, собирались поколениями и передавались по наследству.

Было принято, чтобы каждая последующая невеста пришивала к головному по 1 нитке вязок (ленту бахромы из серебряных нитей)* (со слов Мажукиной М.К., урожд. Макаренковой, 1930 г.р.). Таким образом, можно было определить, сколько женщин этого рода выходило замуж в данном головном уборе. Такой головной убор есть и в нашей семье. То, что две женщины нашего рода выходили замуж в данном головном уборе. Такой головной убор есть и в нашей семье. То, что две женщины нашего рода выходили замуж в этом головном, я определила по количеству вязок. Это Селёмина Анна Фёдоровна (1865-?), и затем её дочь Карасёва Наталья Дмитриевна (1890-1987), которая

* Записано со слов Мажукиной М. К., урожд. Макаренковой, 1930 г.р.
02.07.2010.

его передала своей дочери Макаренковой М.К. (1930 г. р.) – моей бабушке. Бабушка передала этот костюм своей дочери Мажукиной Наталье Аркадьевне (1967 г.р.) – моей маме. Мама передаст его мне.

История и описание элементов женского крестьянского костюма села Ружное Карачевского уезда Орловской губернии.

Рубаха.

Женщины села Ружное носили рубаху в комплексе с другими элементами костюма, прикрывая её сверху. Незамужние поверх рубахи одевали **завеску**, подвязывались **подпояской**, по праздникам украшали нагрудными и спинными украшениями. Замужние женщины надевали ещё и **понёву**, при этом наружу выставлялись **рукава** и **подол**.

Рубашки, которые носили женщины села Ружное, относились к типу рубах с **прямыми поликами**. [7,8]. **Стан** шился из четырёх полотнищ и сшивался по бокам и посередине спереди и сзади, причём посередине груди и до горловины не сшивался, а оставался разрез до 25 см., называвшийся **пазухой**. Сборки вокруг горловины присоединялись к небольшой стоечке примерно в 1 см, на концах которой находилась пуговица или тесёмки. Такая стоечка называлась **передня**. На плечах по утку пришивали прямоугольные лоскуты холста – **полики**.

В селе Ружное мастерицами полики не вышивались, а вот **ташки** вышивались обильно. При этом полик у горловины был плотно присборен. Такой пошив давал возможность основное полотнище рубахи делать более коротким. Рубаха с ташками является одной из наиболее старинных разновидностей [8,15].

Рукава.

К поликам и верхней части стана пришивали **рукава** шириной в 1 полотно с ластовицей – вставкой под мышкой в виде квадрата или ромба из домотканого холста, или с клином – вставкой от подмышки до запястья в виде остроугольного треугольника, чаще красного цвета. В нижней части рукава на уровне запястья делалась плотная сборка, которая образовывала

довольно пышную оборку примерно до 8 см, называемую **брыжи**. На концах брыжей обычно была **вышивка крестом**.

Рукавов было несколько видов: **кумачи, вышиваные, кусты, троицкие**. Одни отпарывались, другие пришивались. Были рукава для ношения в праздник, были для ношения в повседневной жизни и для работы. А также учитывались и возрастные особенности женщин.

Наиболее интересными являются **рукава-«кумачи»**. Их носили девушки и молодые замужние женщины в праздники и на свадьбе. В качестве материи для рукавов рубахи использовали кумач – покупной ситец красного цвета. В верхней части рукава расположены по три ряда меандров, вышитых жёлтой нитью. Меандр – один из древнейших линейных или геометрических орнаментов, явившийся впервые в ткацком искусстве. Он состоит из разнообразных изломов прямой линии под прямыми углами и из сочетаний таких же изломов. Меандр. На рукавах-кумачах ниже меандров – вышивка стилизованных изображений птиц: жёлто-сине-зелёного цвета. Птица символизировала тепло, свет, сулила урожай, богатство. Птица – яркий образ народной любовной и свадебной лирики.

В центре композиции-ромбы с элементами свастики, вышитые жёлтой нитью с добавлением зелёной или синей. Это древний язык забытых символов, означающий изменчивость и движение и уходящий своими корнями глубоко в язычество, существовавшее во времена вятичей.

Концы брыжей «кумачей» украшены вышивкой крестом жёлто-бело-синего цвета и бахромой из шлёнской нити красно-жёлто-сине-зелёного цвета. (**Шлёнкой** называли шерсть молодого ягнёнка шлёнской породы.) Под мышкой вшивалась квадратная ластовица из той же ткани.

Рукава «**вышиваные**» шились из куска белого холста шириной в 1 полотно. По длине шва вставлялся клин до запястья из х/б ткани чаще всего с красным рисунком. Оплечье вышито таким же узором, как и в кумачах, но только красной нитью. Иногда мастерица могла немного видоизменить вышивку

на своём рукаве, то есть увеличить или уменьшить количество элементов, при этом не изменялась только вышивка меандров. Нижняя часть брыжей рукава также вышита крестом красной нитью, и к краю брыжей пришиты **харботы** – плетёные кружева из х/б или тонкой шлёнской нити красно-белого цвета. Рукава «вышиваемые» носили молодые девушки и женщины средних лет как повседневный элемент костюма.

Рукава «Троицкие» шились из белого х/б полотна с выработкой, с квадратной ластовицей под мышкой и без вышивки по плечью. Вышивка крестом чёрного или красно-чёрного цвета была только на концах брыжей, и по их краю пришивали бахрому из х/б нитей или мелкие кружева. Такие рукава носились на Троицу и на Духов День.

Женщины пожилого возраста и старухи носили рукава из белого холста, зауженные к запястью и с ромбовидной ластовицей под мышкой. Такие рукава не имели вышивок, брыжей, бахромы и вообще каких-либо украшений.

Нижняя часть стана заканчивалась **подолом**. Подол руженских рубашек ткался отдельно в 2 нита из шлёнки красного цвета с добавлением белой, зелёной и жёлтой для отделки. Орнамент оберега не всегда был одинаков. Он зависел от фантазии и умений мастерицы, но всегда был выдержан в ткацких традициях села.

Для праздничного костюма пришивали подол до 13 см. шириной. В центре подола по горизонтали шёл орнамент, называемый **бранками орловского списка**. Он был характерен для Орловской губернии. А также его ткали мастерицы и в Карачевском уезде. Для повседневного костюма пришивали подол более – узкий до 9 см. шириной. Соответственно, и горизонтальные бранки были тоже более узки

У рубашек для женщин пожилого возраста яркого подола уже не было

Материалом для рубашек служил льняной холст. Для праздничных употреблялся более тонкий, для будничных – более толстый.

Более тонким материалом является холст «бумажный»: основа – лён, уток – покупная х/б нить. Более толстым – лён или «замашка». Замашка – это стебли конопли с тычинковыми цветами. Такие рубахи были распространены в селе.

Понёва.

В селе Ружное впервые понёва одевалась на молодую женщину после венчания и затем носилась постоянно.

Руженская понёва относилась к типу **распашных**. Это наиболее древний и распространенный тип понёв, длиной до щиколоток.

Полотно для понёв ткалось в 2 нита из тонкой овечьей шерстяной нити домашнего прядения. Рисунок полотна у всех был одинаков – клетчатый. Прямоугольная клетка 3,5x7 см. образовывалась благодаря сочетанию продольных и поперечных нитей белого, красного и жёлтого цветов шириной до 1см., называемых **«дорогами»**. Окрас понёв был черного цвета. Понёва состоит из трех полотнищ, называемых **«полки»**, одно из которых приходится сзади, а два других, пришитых к нему, по бокам [12,11]. Спереди полотнища не сшивали. Места соединения полотнищ украшались. На них нашивали ленточную шелковую тесьму. У пояса на боках в местах соединения полотнищ были пришиты парчовые жёлтого цвета прямоугольники 5x16 см и назывались **«лягушки»**. Концы «лягушек» украшались пучками шлёнских шерстяных ниток красно-жёлто-зелёного цвета до 7 см длиной, а также серебряной бахромой с блёстками и бисером на концах. Есть предположение, что это пришло на смену древним бубенчикам, издававшим характерный звук при различных движениях. Такие понёвы одевались по праздникам. Повседневно замужние женщины носили понёвы без «лягушек». В понёвах молодых замужних женщин красный цвет был более выражен. Чёрный цвет – у пожилых. При подвязывании понёвы рубаху делали с напуском. Это помогало не сковывать движения женщины и создавало объём тела.

Завеска (передник).

В селе Ружное передник женщины называли **завеской**. Они были праздничные и будничные.

Головной убор.

Головной убор неразрывно связан с прической. Головные уборы девушки и замужней женщины сильно отличались друг от друга.

Девушки ходили с непокрытой головой и с заплетёнными в одну косу волосами в 3 или в 6 прядей с пробором впереди. Украшение, специально связанное с этой причёской, называлось косник – кисть, длиной до 10 см, сделанная из бисера с завязками. Косник вплетался в косу по праздникам. В будни вплеталась цветная ленточка.

Женские головные уборы в отличие от девичьих должны были обязательно закрывать волосы... В исследованиях Н.И. Лебедевой женский головной убор села Ружное относился к типу полотенецвых. Этот тип головных уборов известен в 2-х видах: головное – обычный головной убор замужней женщины и увязки – головной убор, надеваемый после венчания на молодуху и носимый в течение года по самым большим праздникам. Надевался он всего 2 или 3 раза за всю жизнь. Общей чертой того и другого головного убора является его нижняя часть, называемая кичка. Рожки – обязательный элемент кички села Ружное.

Руженский головной убор замужней женщины состоял из обыкновенного холщового полотенца длиной 150 см., вытканного в 11-13 пасм (т.е. около 40 см. шириной)*. По всей длине полотна с одной стороны пришивался берег. С обеих сторон полотенца пришивались концы. Концы – это дополнительная деталь к праздничному полотенецному головному убору в виде полотна красного цвета до 45 см. длиной и 40 см. шириной с ярко выраженной вышивкой. Названия концов определялись по вышивке, и, соответственно, концы делились на несколько видов: орлы, шлёнские, цветы, комаринские, хитреники, рагули.

Орлы состоят из 2-х частей. Первая часть – полотно 20 см. длиной и 40 см. шириной, которое набиралось из цветной

* Записано со слов Мажукиной М. К., 1930 г. р 11.12.2010 г.

шлѐнки. Преобладали красный и жѐлтый цвета. Зелѐный, чѐрный и синий цвета использовались в минимальном количестве для отделки. Узор наборного полотна для орлов был строго одинаков для всех во всем селе. Вторая, также 20 см длиной и 40 см шириной, была вышита желтой шлѐнкой по кумачу стебельчатым швом. Узор этой вышивки тоже был строго одинаков для всех. Обе части были соединены между собой плотной вышивкой жѐлтой и чѐрной шлѐнкой в виде чередующихся квадратов. К краю вышитого кумача пришивалась шѐлковая зелѐная лента 2,5 см шириной. К ленте пришивались харботы красной и жѐлтой шлѐнкой. Рисунок орлов был един во всем селе, и есть предположение, что эти концы изготавливали определённые мастерицы. Головной убор «орлы» носили молодые женщины примерно лет до 30 в праздничные дни.

Камарицкие вышивались по красному кумачу крестом шлѐнкой нитью белого, зелѐного, жѐлтого и синего цвета, размер конца 40/45 см. По центру конца-вставка из холста шириной 10 см с яркой вышивкой гладью также шлѐнкой нитью красного, жѐлтого, зелѐного и синего цвета в виде квадратов, разделѐнных внутри на цветные треугольники. Затем пришивалась зелѐная лента и харботы. Рисунок вышивки на вставке-холсте также был строго одинаков по всему селу. В концах «камарицких» ходили женщины в возрасте до 50 лет в праздничные дни.

Цветы вышивались также по красному кумачу. Центральный узор концов в 10 см шириной вышивался гладью шлѐнкой нитью (жѐлтого, белого, зелѐного, чѐрного цвета) в виде «квадраты в квадрате». По краям концов вышивались узоры крестом в виде цветов также шлѐнкой нитью белого, зелѐного, жѐлтого и синего цвета. Затем пришивалась зелѐная лента и харботы. Данный узор, как и предыдущие, был строго одинаков у всех женщин села. Концы «цветы» носили женщины до 50 лет по праздникам.

Концы **рагули, хитрѐники и шлѐнские** не сохранились, поэтому дать описание не представляется возможным.

Для повседневного ношения женщинами в возрасте до 50 лет использовались полотенца-затканки. Концы полотенца были вытканы красной бумагой (нитью). К концам полотенца пришивались харботы. Большая часть мастериц ткала узоры на память, как выучила мать или соседка. Поэтому существовали однообразие узоров и их однородность. Память ткачих помогла сохранить старинные узоры и глубокую традицию.

Пожилые женщины носили белые полотенца с узкой чёрной затканкой или же рогатую кичку. Увивание полотенца производили на кичку. Полотенце средней своей частью закрывает макушку, правым концом, сложенным углом, вторично накрывает её, левый конец, будучи сложен вчетверо, обходит вокруг головы и ложится спереди околышем, должен быть виден берег.

Головной убор, надеваемый на второй день после венчания на молодую женщину, в селе Ружное назывался «головное». Убор состоял из кички, хохла, причёлка, позатыльника и вязок (увязок). Головное с красным хохлом надевали на молодую строго на второй день свадьбы и только в том случае, если она была непорочна.* Сначала молодой женщине заплетали 2 косы и укладывали вокруг головы «венцом». Затем одевали кичку. Поверх кички накладывали хохол. Это был кусок ярко-красного шёлка размером примерно 30/45 см, который окутывал затылок и спереди надо лбом присборивался веером. Затем крепились вязки. Шесть кистей-шнуров из шёлка длиной 40 см с пришитой серебряной бахромой десятисантиметровой длины с одной стороны другой стороной были пришиты к оставшимся шести кистям-шнурам с помощью прямоугольной планки 7/20 см из плотной ткани. В свою очередь, эти шесть кистей-шнуров также были пришиты к серебряной бахrome. Вязки надевались на затылок концом, свободным от бахромы, перекидывались наперёд, обходя вокруг хохла, и откидывались бахромой опять на затылок.

* Записано со слов Макарёнковой П. П. 1929 г. р. 27.10.2010

Сзади под шнуры надевается позатыльник из позумента монастырской работы, спереди – причёлок из того же позумента тоже монастырской работы.

Последним дополнением к убору были перья-колечки чёрного с отливом цвета от селезня, которые подтыкались под причёлок у виска. В моей этнографической коллекции имеется свадебное «головное», которому около 150 лет. Со слов Макаренковой Е.П. (1929 г. р.) и Мажукиной М.К. (1930 г. р.), данный головной убор («причёлок», «позатыльник», «вязки») был принесён матерью для дочери-девицы Селёминой Анны Фёдоровны (1865-? г. г.) из Киево-Печерской лавры в дар к свадьбе.

К праздничной женской и девичьей одежде непременно надевали нагрудные, спинные и ушные украшения.

А также в костюме существовали **пояса**.

В селе Ружное пояса называли подпоясками. Подпояски были двух видов: плетеные и тканые. Размер подпоясок варьировал от 10 до 30 см шириной и до 3-х метров длиной зеленого или красного цвета (для девушек и молодых женщин) Плетеные подпояски были трехцветными (красный, зеленый, желтый) Узор на подпоясках был в виде ромбов, на концах – бахрома.

Основным видом обуви и зимой, и летом для жителей села Ружное были лапти. Самыми ценными лаптями считались лапти вязовики. Они были прочнее. Мои информанты указали, что для праздничного женского костюма, где рукава – кумачи и головное с хохлом, обувались черные кожаные сапожки «гармошкой».

Свои особенности были в с. Ружном и в «Младенческом». Младенцев пеленали мягкими льняными кусками (от старых рубаш) длительное время, «чтобы спали спокойно и стан был знатный», затем заворачивали в шерстяные постелки и перевязывали ребенка СВИВАЛУХОМ – это плотный прямоугольник примерно 10 см х 80 см. Верхняя часть – парча, нижняя часть – холст. К нему пришивались узкие завязки, также

сделанные из холста и парчи, которыми дважды обвивали запеленатого ребенка (по типу сегодняшнего конверта с лентами).

Погребальным убором был **саван** – рубаша с капюшоном. Шился из выбеленного льняного холста. Не имел вышивок и каких-либо украшений. По горловине поверх шва, капюшон и рубашу, пришивалась длинная лента – тесьма, переходящая в завязки на шее. По капюшону вокруг лица пришивались белые плетеные кружева. В саване хоронили женщин средних или преклонных лет. Саван подворачивали под тело покойной. Молодых женщин хоронили в праздничном костюме.

Специальной траурной (горевальной) одежды не было. Траур заключался в том, что самые близкие женщины – родственницы увивали голову белым полотенцем, на концах которого была черная мелкая вышивка крестом или затканка. Позже повязывали платки.

Нельзя было в течение года принимать участие в праздниках и, соответственно, надевать яркую праздничную одежду*.

Завершая анализ особенностей женского костюма с. Ружное, можно сделать следующие выводы:

1. Локальное своеобразие костюма связано с этническим составом села Ружное, природно-географическими особенностями, приграничным положением, наличием сочетаний язычества и различных концессий христианского вероисповедания, принадлежностью к Воскресенскому монастырю Тихоновой пустыни, постоянной необходимостью защищать рубежи своей Родины от иноземного вторжения. Поэтому руженский костюм яркий, неординарный, привлекательный, перенасыщенный оберегами и вышивкой, где сливаются элементы языческой, греческой и православной культур.
2. Сложный процесс формирования местной культуры, выраженный в вышивке и ткачестве показывает не только связь с соседними народами, но и следы сравнительно ранних миграций населения (балтов – полехов) и более поздних

* Записано со слов Мажукиной М. К., урожд. Макаренковой, 1930 г.р.
29.09.2011

особенностей экономического развития (Руженская ярмарка и железная дорога).

3. Несомненное сходство многих элементов кроя и декор женского костюма с Ружное Карачевского района с соседними селами Сычевка, Гремячье, Селище позволяет предположить, что искусство формировалось на единой или родственной основе и имеет общие корни.

Несмотря на заметные различия в культуре разных районов Брянщины, на востоке не исключаются небольшие локальные очаги, сохраняющие пережитки древнего быта по причине природных особенностей.

* * *

Я глубоко признательна всем тем, кто помог мне в подготовке данного исследования, проявил заинтересованность и оказал ценную помощь, и выражаю **благодарность моим научным консультантам:**

Печикиной Н.В. (БГКМ, г. Брянск);

Симанковой О. И. (БОХМВЦ, г. Брянск);

Фетисовой Н.И. (БОМЦ «Народное творчество», г. Брянск);

Глотову С.В. (ККМ, г. Карачев);

Столяровой Т.И. (НМ Партизанской славы, п. Навля);

Артамоновой А.А. (Музей ж/д транспорта, г. Брянск);

Бородаковой Н.А. (Дом детского творчества, п. Навля);

Толстых Е.Н. (Отдел по делам молодёжи, семьи и детства Брянской городской администрации);

Гродненской Е.В. (Отделение общественного движения творческих педагогов «Исследователь», г. Брянск), научному руководителю работы;

Мягковой Г.М. (Фольклорная группа села Ружное);

Ковалёвой М.В. (Читальный зал ГАБО).

Но самая интересная информация была мною почерпнута из воспоминаний старожилов и уроженок села Ружное. Хотелось бы высказать несколько личных впечатлений об источниках исследования. При подробном описании элементов полотенечного головного убора и рукавов рубахи мне всё время при-

ходилось оценивать их достоверность. Дело в том, что в индивидуальных беседах уроженки села иногда давали рознящуюся информацию, то есть путали названия рукавов или названия концов полотенца для головного увивания. Только после организации встречи односельчанок (19.12.2010 г.) на основании общего обсуждения удалось собрать достоверную информацию по данному вопросу. Часть уроженок села не смогла присутствовать на встрече по состоянию здоровья, поэтому они консультировали меня в тот день по телефону.

Особую благодарность приношу уроженкам села Серовой М.А. (урожд. Шуняковой) 1935 г. р., **Петуховой Н.И.** 1939 г. р., **Макаренковым П.П. и Е.П.**, 1929 г. р. и 1937 г. р., **Романенковой Е.И.** (урожд. Кулиничевой), 1939 г. р. за преподнесённые мне в дар сохранившиеся у них элементы руженского костюма, что серьёзно пополнило мою этнографическую коллекцию народного костюма, рушников и ткачества. На сегодняшний день она составляет 96 предметов.

Литература

1. ГАБО. Историческое описание церквей, монастырей и приходов Орловской епархии. Издание Орловского Церковного Историко-Археологического общества. Орел, типография Губернского Правления, 1905г. –Т. 1.

2. ГАБО. Метрическая книга церкви Казанской иконы Божией Матери села Ружное 1847 – 1854гг. Ведомость о церквях Карачевского благочинного округа. 1841г.Фонд 247, Описание 1, Дело 107.

3. ГАБО. Ревизские сказки государственных крестьян Драгунской и Руженской волостей Карачевского уезда. 1850г.Фонд 23, Описание 2, Дело 4.

4. ГАБО «Труды Орловской учёной комиссии». - Орёл, 1889. – Вып. 2. - С. 3-39.

5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. - М. : “Русский язык Медиа”, 2007.

5. Исторические очерки города Карачева в политическом и церковном отношении / сост. Г. Плясецкий, В. Николаевский. – Брянск : Издательство «Белобережье», 2010.
6. Историческое описание церквей и приходов Карачевского и Дмитровского уездов / под ред. О.Р. Вязьмитина. – Брянск : Издательство «Белобережье», 2010.
7. Козловская, Н.Б. Традиционный народный костюм Брянской области / Н.Б. Козловская. – Брянск : метод. центр «Народное творчество», 2005.
8. Лебедева, Н.И. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнографическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и в 1926-ом годах). Часть первая «Народный костюм и ткачество» / Н.И. Лебедева. - М.: Этнографический отдел МГУ, 1927.
9. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX- начала XX века / Г.С. Маслова. - М.: Наука, 1984.
10. Населённые пункты Брянского края : энциклопедический словарь / сост. О.Р. Вязьмитин. – Брянск: Издательство «Белобережье», 2010.
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка:80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: ООО «Инфотех», 2009.
12. Печикина, Н.В. Славянский народный костюм и рушник / Н.В. Печикина. – Брянск: метод. центр «Народное Творчество», 2005.
13. РГАДА «Указ императрицы Екатерины 2 о секуляризации монастырского землевладения. 26 февраля 1764 г.» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1824. - Т.16, №12060.
14. Репрессированные этнографы. Этножурнал. Вып. 1 // Полищук Н.С. Подвижнический путь в науке: Наталия Ивановна Лебедева. - М. : Вост. Лит., 2002.
15. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. - М.: "Художественная литература", 1988.

16. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. – М., Наука, 1998.

1. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. - М. : "Художественная литература", 1988. – С. 74.

М.В. Кочергина,
*кандидат исторических наук,
доцент Брянского института
управления и бизнеса,
директор Брянского техникума
управления и бизнеса*

Духовная культура русского старообрядчества: региональный аспект

Вклад старообрядцев в духовную культуру Брянского края является более изученным вопросом, чем их вклад в художественную культуру региона [1]. Вместе с тем результаты экспедиций последних лет, изучение архивных документов и коллекций музеев позволяют дополнить и расширить представление о духовном наследии старообрядцев Стародубья и Ветки, показать на конкретных примерах наличие значительных книжных собраний не только в крупных духовных центрах: монастырях, скитах, пустынях, но и у старообрядцев-слобожан и жителей посадов, а также доказать, что традиции рукописной и кириллической книги сохранились на протяжении XVIII-XX вв.

На уникальные рукописи и книги кириллической печати, находившиеся у старообрядцев этого региона, впервые указал Н.П. Румянцев. Он «в период своей собирательской и научной деятельности постоянно обращался к старообрядцам за помо-

щью и советом. С этой целью он посещал старообрядческие монастыри, скиты, ярмарки, подворья старообрядцев. Об этом свидетельствует многочисленная переписка графа с учеными... Поисковая работа членов кружка способствовала тому, что в гомельском дворце меценатов со временем собралось множество реликвий истории и искусства края, что позже легло в основу Румянцевского музея. Приоритетным направлением научной и собирательской деятельности Н.П. Румянцева и членов его кружка была работа по разысканию древних рукописей и старопечатных книг» [2]. По нашему мнению, обращение Н. П. Румянцева к книжным собраниям старообрядцев этого региона неслучайно. Старообрядческие духовные центры частично располагались на землях графов Румянцевых (Вознесенский скит близ посада Злынки). Настоятели старообрядческих монастырей – Михаил Калмык, Никодим Стародубский неоднократно встречались с отцом Николая Петровича – Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским, наместником Малороссии в период обсуждения вопроса о принятии старообрядцами единоверия. Сам Н.П. Румянцев неоднократно посещал старообрядческие монастыри Ветки. Следовательно, изучение книжной культуры Древней Руси у него ассоциировалось с наследием русского старообрядчества. Он и его сподвижники одними из первых начали работу по описанию памятников старообрядческой книжности.

Во второй половине XIX в. исследования были продолжены М.И. Лилеевым. В 1870-е гг. им были описаны рукописи, изъятые у старообрядцев Стародубья и Ветки при закрытии старообрядческих духовных центров и находившиеся в библиотеке Черниговской духовной семинарии [3]. Однако на руках у старообрядцев и в сохранявшихся храмах, скитах и монастырях находилось еще значительное количество памятников древней книжности.

Так, архивные документы, изученные нами, подтверждают, что до 1919 г. старообрядцы и единоверцы этого региона сохраняли уникальные книги кириллической печати и рукописи в

храмах и монастырях. На основании «Описи церквей и имущества единоверческих Никитской и Никольской церквей посада Злынка Новозыбковского уезда», составленной 10 марта 1919 г., можно утверждать, что среди святынь Никитской единоверческой церкви имелось «Евангелие напрестольное Московской печати в красном бархатном переплете с четырьмя медными позолоченными евангелистами, печатано в лето от сотворения мира 7135(1627)» [4]. Данная «Опись...» также свидетельствует, что Никитский и Никольский единоверческие храмы этого посада были утварью и богослужебными книгами в 1919 г. достаточны» [5].

В XX в. археографические экспедиции МГУ им. Ломоносова продолжили выявление памятников книжности, происходящих из старообрядческих поселений Ветки-Стародубья. В 1970-80 гг. ими было обнаружено 349 рукописей и 313 книг кириллической печати XV – начала XX вв. [6] «Ветковско-Стародубское собрание Отдела редких книг и рукописей оценивается как репрезентативное относительно истории традиционной местной книжности» [7]. Находки археографических экспедиций, пополнявшие фонды этого собрания, распределялись следующим образом:

Таблица 1.

Книги из Ветковско-Стародубского собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. Ломоносова [8]

1970-1980 гг.	Ветковско-Стародубское собрание:	XV век	2
		XVI век	23
	349 рукописей	XVII век	192
	313 книг	XVIII век	168
		XIX-XX вв.	277

В 1998 г. в результате работы экспедиции МГУ в Ветковско-Стародубское собрание этой библиотеки из поселка

Чуровичи Климовского района Брянской области поступил Лицевой Апокалипсис XVI в. (рукопись). Коллекция Брянского областного художественного музея пополнилась 10-ю книгами кириллической печати XVII – начала XX вв. [9] Они распределялись следующим образом:

Таблица 2.

Книги кириллической печати БОХМ [10]

№ п/п	Век	Количество
1	XVII в.	1
2	XVIII в.	2
3	XIX в.	3
4	XX в.	4

Согласно опубликованным данным, в коллекции Ветковского музея народного творчества (ВМНТ) находится 12 книг дониконовских изданий, поступивших в музей из коллекции Ф.Г. Шклярова, собранных им как на территории старообрядческих поселений Ветки, так и на территории Стародубья.

Таблица 3.

Книги кириллической печати ВМНТ [11]

№ п/п	Книги, найденные на территории Стародубья	Книги, найденные на территории Ветки
1	XVI в. – 1	XVI в. – 4
2	XVII в. – 2	XVII в. – 5

Среди них редкие книги кириллической печати:

Таблица 4.

**Редкие книги кириллической печати
в коллекции ВМНТ [12]**

№ п/п	Название книги	Год издания	Место издания и издатель	Место выявления
1	«Евангелие учительное»	1569 г.	г. Заблудов, печатники И. Федоров и П. Мстиславец	с. Леонтьево Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь
2	«Апостол»	1574 г.	г. Львов, печатник И. Федоров	п. Шеломы Новозыбковского р-на Брянской области, Россия
3	«Евангелие»	1575 г.	г. Заблудов, печатник П. Мстиславец	– / –
4	«Евангелие»	около 1580 г.	г. Вильно, печатник В. Гарабурда	г. Злынка Брянской области, Россия
5	«Апостол»	1592 г.	Нет сведений	с. Леонтьево Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь
6	«Апостол»	1597 г.	г. Москва, печатник А.Невежа	с. Папсуевка Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь
7	«Евангелие»	1601–1606 гг.	г. Москва, печатник А. Радишевский	с. Борьба Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь
8	«Устав – око церковное»	1611 г.	г. Москва, печатник А. Радишевский	с. Борьба Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь
9	«Анфалагеон»	1619 г.	Типография Киево-Печерской лавры	Из коллекции основателя музея Ф.Г. Шклярова
10	«Трефалогиион»	1638 г.	г. Москва (?)	с. Косицкая Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь
11	«Евангелие»	1644г.	г. Москва (?)	с. Борьба Ветковского р-на Гомельской области, Беларусь

Среди книг, собранных белорусскими учеными на территории как Стародубья, так и Ветки, – особо почитаемые в старо-

обрядческой среде книги первопечатника Ивана Федорова – «Апостол», «Евангелие Учительное» [13].

В коллекции музея представлены книги типографий XVIII в.: Клинцов, Янова, старообрядческие издания Супрасля, Почаева, Вильно, Гродно, Могилева, Варшавы.

Коллекция этого музея располагает также 15 рукописями; больше всего рукописей первой четверти XIX в. местного происхождения, что подтверждает здесь наличие местной рукописной традиции в изучаемый период.

Таблица 5.

Собрание рукописей ВМНТ [14]

№ п/п	Век	Происхождение	Количество
1	XVI в.	Белорусско-Украинское	1
2	XVII в.	Ветка–Украина	1
3	XVIII в.	Ветка	2
4	XIX в.	Ветка	10
5	XX в.	Ветка	1

Редкие книги и рукописи имеются также в коллекции Брянского государственного областного краеведческого музея.

Таблица 6.

**Редкие книги кириллической печати
в коллекции БГКМ [15]**

№ п/п	Название книги	Год издания	Место издания и издатель	Наличие владельческих записей
1	«Апостол»	1564 г.	г. Москва, печатник И. Федоров	-
2	«Апостол»	1574 г.	г. Львов, печатник И. Федоров	-
3	«Минея»	1646 г.	г. Москва	

4	«Евангелие Учительное»	1794 г.	г. Вильно	Владельческая запись мещанина посада Млынка Макара Василье- вича Дерюгина
5	«Страсти Христовы»	1794 г.	Супрасль	-
6	«Часослов»	1772 г.	Супрасль	-
7	«Шестод- нев»	1793 г.	г. Почаев	-
8	В.Г. Барский «Путеше- ствие по святым ме- стам в Евро- пе, Азии, Африке»	1788 г.	п. Клинцы, типография Д. Рукавишника	-
9	И. Усов «Разбор от- ветов на 105 вопросов»	1896 г.	Н. Новгород	-

Коллекция редких книг и рукописей Брянского государственного краеведческого музея менее разнообразна, чем коллекция Ветковского музея народного творчества, т.к. целенаправленной работы по формированию памятников книжной культуры старообрядцев в нем не проводилось. Однако имеющиеся в ней книги и рукописи дают представление о наличии редких изданий кириллической печати и рукописей на территории Стародубья.

Таблица 7.

Собрание рукописей БГКМ [16]

№ п/п	Время создания	Название, автор-переписчик	Место нахождения	Количество
1	XIX в.	«Октоих», Тит Перельгин	Посад Митьковка	1
2	1827 г.	«Октоих», Федор Акулов	Посад Митьковка	1
3	Сер. XIX в.	«Синодик»	Выг	1
4	1884 г.	«Ирмосы»	Гуслицы	1

Среди редких книг из коллекции Брянского государственного краеведческого музея – книги первопечатника Ивана Федорова – «Апостол» 1564 г. (Москва), 1574 г. (Львов), старообрядческие издания Супрасля, Почаева, Клинцов. В личных книжных коллекциях этого региона можно также обнаружить редкие книги кириллической печати и рукописи, имеющие владельческие записи. Эти записи подтверждают, что книги принадлежали как представителям священства (епископ Флавиан), так и жителям г. Новозыбкова (новозыбковский житель Афанасий Иванович Подробенников – запись 1906 г.) [17].

Как видно из данных, приведенных в таблицах, в коллекциях как местных музеев, так и Научной Библиотеки МГУ им. Ломоносова имеется значительное число древнерусских книг кириллической печати и рукописей, собранных на территории этого региона. Но коллекции – это слабое отражение того, что ранее находилось у старообрядческого населения Ветки–Стародубья в конце XVII в. – до 70-х гг. XX в. Как свидетельствуют материалы коллекций, самые ранние памятники старообрядческой книги относятся к XV в., самые поздние – к началу XX в. Следовательно, это подтверждает мнение И.В. Поздеевой, что «средой бытования древнерусской, т.е. кириллической книжности в современных условиях остаётся русское старооб-

рядчество с его стремлением к сохранению отеческой веры, а значит отеческой книги» [18]. Чем больше возраст книг, тем их меньше. Несмотря на суровые испытания XX в. – события первой мировой войны, 1917 г., гражданской войны и военной интервенции, Великой Отечественной войны, – старообрядцы до 1970 гг. продолжали сохранять уникальные рукописи и книги кириллической печати. Именно в 1970-е гг. началось исследование региона археографами МГУ им. Ломоносова (вывоз редких книг и рукописей, создание коллекции Ветковско-Стародубского собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Горького МГУ). Основатель Ветковского музея народного творчества ВМНТ Ф.Г. Шкляр в эти годы начал формировать свою коллекцию редких книг и рукописей, собранных на территории региона. По нашему мнению, с момента формирования коллекции ВМНТ не были четко разграничены ареалы распространения памятников старообрядческой культуры как Ветки, так и Стародубья, что накладывает отпечаток на вопросы атрибуции как книг, рукописей, так и икон, произведений медной художественной пластики, религиозного шитья и вышивки, происходящих из этого региона. Зачастую книги, вывозимые из старообрядческих поселений Стародубья, атрибутировались как ветковские. Вместе с тем, имея общие истоки и корни, наследие старообрядцев Стародубья и Ветки получает свои особенности во второй половине XIX – начале XX вв. Именно в это время широко распространяется рукописная традиция среди жителей старообрядческих посадов Стародубья; книги переписывают в монастырях, издания клинцовских старообрядческих типографий способствуют просвещению населения; книги широко распространяются среди мещан слобод, посадов и городов Стародубья.

Как ни в одной другой европейской стране, в России сохранялась традиция рукописной крестьянской книги вплоть до XIX в. В старообрядческой среде традиция рукописной книги сохранялась на протяжении XX в. [19] Запрет на печатание доиконовских церковных изданий привёл к традиции переписы-

вания древних книг, которые украшались уникальными иллюстрациями, выполненными в единственном экземпляре самими переписчиками – народными мастерами. К тому же «каждый сохранившийся экземпляр старопечатного издания в течение веков являлся не только фактором истории, но фактором культуры, каждый имел свою собственную судьбу, во многом определявшую индивидуальные особенности книги и ее сегодняшнее историко-культурное значение» [20]. А.А. Громыко, выдающийся дипломат и государственный деятель, был выходцем из деревни Старые Громыки, находившейся неподалеку от Ветки. В своих мемуарах он писал: «Ветка знаменита своими древними рукописями и книгами. Здесь оттачивали свое мастерство люди редкой профессии – книгары, – так называли в наших краях создателей книг» [21].

Н.Н. Покровский писал, что «в тысячеверстные пути сибиряки XVII-XVIII вв. вместе с необходимым скарбом, с семенами на первый посев брали книги, книги и книги» [22]. Архивные документы, описи имущества старообрядческих монастырей, скитов, обителей подтверждают, что старообрядцы везли на окраины России духовное богатство – свои книги и иконы, так как тщательно подобранные ими церковно-археологические, иконографические и письменные источники доказывали и обосновывали правоту древлеправославной веры и являлись уникальными историческими документами. Книга для старообрядцев была не только святыней, но и тем духовным источником, который помогал найти ответы на основные вопросы веры и смысла бытия. По мнению исследователя М.И. Лилеева, «грамотные и письменные иноки-скитники специально иногда занимались списыванием книг, на Ветке это было дело обыкновенным явлением... Рукописи, выходявшие из скитов, по большей части отличались характером художественного книгописания, орнаментации, миниатюристики и рисования. Книги писались и переписывались с благоговейной мыслью о спасении души своей, и потом перевозились с места на место, из края в край обширной России, продавались и покупались сравнительно за

огромные деньги» [23]. «В XVIII в. в раскольнических монастырях сосредотачивалось огромное количество старопечатных книг и рукописей, особенно старопечатными книгами был богат Ветковский Покровский монастырь» [24]. В период первой выгонки с Ветки (1735 г.) согласно «Ведомости об отправленной правительствующего Синода Сенату и канцелярии Ministerского Малороссийского правления, забранной в Ветковском монастыре утвари» (1736 г.) в Московскую Синодальную канцелярию отправлено 807 книг, 1,5 мешка рукописей, при этом учебной литературы 130 единиц [25]. В то же число вошли 38 книг, «забранных» поручиком Распоповым из Стародуба, изъятых у климовского попа Иова, чернецов Иринарха, Голендуха, Фаддея, Иуды, черниц Нимфодоры и Маремьяны, черного Шеламовского попа Макария. При этом князь Шаховской доносил: «По силе присланного ко мне из Святейшего Синода Ея Императорского Величества Указу, забранные в слободе Ветки церковная утварь, образы, книги в канцелярию отосланы, а после той отсылки из Стародуба в Глухов и из Глухова от бригадира князя Барятинского присланы ко мне, отобранных раскольнических слобод в пустынях у чернецов и черниц книги и при них некоторые святоши» [26]. Как видно из процитированного документа, старообрядцы Ветки в XVIII в. обладали значительными монастырскими книжными и рукописными собраниями. По распоряжению Синода книги изымались у них и передавались в православные монастыри; книги, утварь и иконы попали в Чудов монастырь, колокол и напрестольное Евангелие – в Заиконоспасский монастырь, два Евангелия – в Николаевскую Борщевскую пустынь [27]. В XIX в. в ветковских монастырях Пахомьеве, Никольском было значительное собрание книг кириллической печати XVII в. [28] Книги Никольского монастыря имели печать и надпись, подтверждающую принадлежность монастырской книжнице [29]. Среди утвари уцелевшей от пожара церкви в м. Ветка были: «Евангелие в серебряном окладе – 1, Евангелие простое с медным крестом» [30].

Старообрядцы Стародубья имели свои личные книжные собрания. В. Белоликов, анализируя книгу «Летопись Ветковской Церкви» Я. Беляева, отмечал, что этот старообрядческий писатель, насельник и певчий Покровского Климовского монастыря «охотник был учиться наукам, грамматике и риторике и прочим, рефметике, Богословию, и пению и философии... Учился он по тем книгам, какие были в слободах [старообрядческих стародубских слободах – М.К.] и какие ему удавалось приобрести самому. Так Беляеву удалось приобрести «2 скорописных риторики Лихудиевы», принадлежавшие прежде известному беспоповцу Ивану Алексееву, «и диалектику и грамматику его (Алексеева) сочинения. У одного из друзей Беляева, инока Пафнутия, хранилась риторика того же Алексеева. У Климовского жителя Макара Стефанова Беляев купил «Раймондулиеву» книгу, т.е. «Великую и предивную науку Богом преосвященного учителя Раймунда Люллия». Затем у Беляева, как и у других «просвещенных» людей Стародубья, было немало и других книг, не поименованных в «Летописи Ветковской Церкви». Несколько привилегированное положение певчего предоставляло ему возможность заниматься чтением книг и самообразованием» [31]. Следовательно, насельники монастырей имели возможность духовного самообразования через приобщение к книжным собраниям, как личным, так и монастырским. В книжных собраниях находились редкие раритеты, в частности, Я. Беляев, кроме перечисленных книг имел возможность работы «со старопечатною книгою Петра Дамаскина, имевшейся в Покровском Климовском монастыре» [32].

Если сравнить перечисленные книги с книжными собраниями старообрядцев Выга, то можно отметить, что книги Р. Луллия были также в книжных собраниях старообрядцев Русского Севера. «Среди сочинений по диалектике и логике бытовали рукописи трудов Раймунда Луллия (по отзыву русского философа В.С. Соловьева «Гегеля средневековья»), Иоанна Дамаскина, Н. Спафария, И. Богомолевского и др. Интерес к этим произведениям усилился в середине XVIII века, когда были со-

зданы солидные фолианты: «Великая наука» Р. Луллия (459 стр.), «Риторика, диалектика и грамматика» (248 стр.), «Диалектика и грамматика» (146 стр.) и др.» [33]. Книги Раймунда Луллия – выдающегося диалектика и логика XIII-XIV вв. были широко распространены в рукописных собраниях старообрядческих духовных центров. Это свидетельствовало о высоких духовных помыслах старообрядцев.

В XIX в. изъятие книг у старообрядцев Стародубья и Ветки продолжалось. Министерство внутренних дел располагало сведениями о наличии большого количества уникальных исторических документов у них. Миссионеры официальной церкви, направляемые в стародубские слободы и посады, изымали рукописи административным порядком [34]. Они поступали в библиотеку Черниговской духовной семинарии, где к 1880-м гг. находилось их значительное число. Рукописи в эту библиотеку также передавались из старообрядческих монастырей, обращенных в единоверческие, и в качестве пожертвований от священнослужителей официальной церкви. Они собирались как пособие по изучению раскола. В библиотеке насчитывалась 201 рукопись. В их составе богословские, исторические, учебные и канонические [35]. Значительное количество книг в этом собрании происходило из стародубских монастырей: во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы, Покровского Климовского, личных книжных собраний старообрядцев, так как «книгописанием и книгособиранием занимались и «раскольники слобожане» [36]. При ликвидации ветковских Никольского и Пахомьева монастырей книги и другая церковная утварь передавались в единоверческий Макарьев монастырь и приходские церкви [37]. Таким образом, за счет изъятия рукописных и старопечатных книг из книжных собраний старообрядцев и их духовных центров происходило пополнение книжных собраний официальной церкви и в XIX в.

Большую роль в формировании книжных собраний, как монастырских, скитских, так и личных (семейных), сыграла книгоиздательская деятельность старообрядцев Стародубья.

Первая старообрядческая типография возникла в Клинцах в 80-е гг. XVIII в. в связи с императорским указом от 15 января 1783 г. [38] Инициатором создания был клинцовский купец Василий Яковлевич Железников, обучавшийся типографскому делу в Почаеве. Для организации издательского дела он прибег к помощи двух клинцовских купцов: Дмитрия Степановича Рукавишника и своего отца Якова Климентьевича Железникова. Эта типография действовала в 1784-1787 гг. вплоть до своего закрытия. В 90-е гг. XVIII в. книгопечатание велось тайно, книги либо не имели выходов, либо имели ложные выходы на Львов, Кутейно, Варшаву, Гродно, Вильно, Супрасль [39]. К 1802 г. деятельность типографии была полностью прекращена. Книги, вышедшие из этой типографии, пользовались широкой популярностью в старообрядческой среде. В связи с этим представляет интерес старообрядческая рукопись, переписанная с книги «Служба, житие и чудеса Святого Николая Чудотворца», изданной в этой типографии 12 апреля 1786 г. В свою очередь, в клинцовской типографии она была перепечатана с московского издания 9 апреля 1641 г. [40]

Вторая типография – Карташовых – действовала до 1797 г., когда императором Павлом I были запрещены частные типографии. Инициатором ее создания был клинцовский купец 3 гильдии Федор Козьмич Карташов. Как свидетельствует «Ревизская сказка посада Клинцы...» (1811 г.), годы его жизни – 1750-1805 [41]. Он происходил из рода клинцовских просветителей; его отец был учителем и преподавал в училище, где обучались грамоте будущие купцы, предприниматели, издатели и «справщики» старообрядческой литературы. Основателями этой большой династии были Федор Карташов и Козьма Федорович Карташов (1708-1769), выходцы из Москвы. Козьма Федорович Карташов некоторое время вместе с отцом жил в Польше, потом оказался в 1748 г. в слободе Клинцы [42]. Федор Козьмич Карташов имел сыновей: Акима (Якима), Ивана и Семена. Акиму в 1805 г. был 31 год, и он с 90-х гг. XVIII в. продолжал книгоиздательскую деятельность отца. Иван Карташов был также купцом 3 гильдии, но увлекался

иконописью и зодчеством: строил пятиярусную колокольню при церкви во имя Вознесения Господня в Клинцах в 1801-1807 гг. [43] По-видимому, с ними в родстве состоял Василий Лавров сын Карташов, иконописец, внук Козьмы Карташова и сын Лавра Карташова. Ему в 1811 г. был 21 год [44]. Эти сведения еще раз свидетельствуют об огромном образовательном и духовном уровне стародубских старообрядцев: книгоиздателей, иконописцев, архитекторов, просветителей.

Репертуар книг, выходивших из типографии Карташовых, был довольно разнообразным и соответствовал вкусам старообрядческого населения: «Житие Василия Нового», «Златоуст» (3 редакции), «Зонар», «О прелюбодеянии», «О целовании святых икон», «Синодик», «Евангелие Учительное», «Слово о лжепроказах и учителях», «Служба, житие и похвала Иоанну Богослову», «Страсти Христовы», «Сын церковный», «Устав о христианском житии», «Цветник», «Цветник священноинока Дорофея» и др. [45] В 1799 г. о печатании книг для старообрядцев стало известно Малороссийскому военному губернатору Миклашевскому. Следствие по делу Карташова продолжалось до 20-х гг. XIX в., но несмотря на это, типография продолжала действовать. По сведениям, сообщенным Акимом Карташовым на допросе в 1817 г., ежегодно в типографии печаталось от 1000 до 1200 экземпляров книг, а «Псалтирей» и более. В типографии в разное время работали от 12 до 25 работников и жителей Клинцов. Книги продавались в Москву купцу Я. Игнатьеву, «жившему у Рогожской заставы на «Вороньей улице». Часть книг раздавалась бедным самим Акимом Карташовым. В результате следствия печатание книг А. Карташову было запрещено, а типографское оборудование возвращено для продажи. Позже оно было использовано для деятельности единоверческой типографии в Москве [46].

Итак, в основе книгоиздательской деятельности клинцовских купцов было дело просветительства и отстаивания «правоты старой веры». Факт раздачи книг бедным самим издателем приводил к появлению книг в семьях, а значит, к постепенному

формированию личных книжных собраний. Продажа книг в Москву приводила к появлению книг, изданных в клинцовских типографиях, у старообрядцев по всей территории России. Заслугой клинцовских книгоиздателей был наиболее массовый выпуск старообрядческой литературы, особенно в 1780-е гг. [47] Наибольшее количество книг из этих типографий оставалось как на территории Стародубья, так и Ветки. Н.П. Румянцев «приобретал книги у купцов-старообрядцев и крестьян. Особым доверием пользовался клинцовский купец С.Ф. Карташов, один из лучших знатоков древних рукописей и книг. Из личной коллекции Карташова Румянцеву удалось приобрести ряд ценных рукописей и книг, среди которых можно назвать такие, как «Творения Дионисия Ареопогита» (1824), «Грамматика и философия Иоанна Дамаскина» (1822), «Сочинения Максима Грека» (1822), «Перемейник» (1822) [48].

Возможна ли попытка реконструкции книжных собраний духовных центров старообрядцев Стародубья и Ветки? Возможна, но она является очень сложной из-за рассеянности книжных собраний после ликвидации старообрядческих монастырей и превращения их в единоверческие, а также из-за отсутствия описей «книжниц» этих духовных центров. Мы не отрицаем возможности дальнейшего поиска этих описей в архивах дореволюционного Министерства внутренних дел России, но владельческие записи на книгах, происходящих из этого региона, архивные документы, работы дореволюционных историографов, находки археографических экспедиций второй половины XX в. позволяют сделать вывод о том, что задолго до появления земских библиотек и библиотек при уездных училищах, в старообрядческих монастырях, скитах, пустынях и обителях образуются книжные собрания [49]. Так, уже при основании старообрядческих монастырей они могли располагать значительными книжными собраниями рукописных, богослужебных и святоотеческих книг. В среде монашества присутствовали творческие личности – писатели, создавшие рукописи полемиического и исторического содержания. Монастырские хранилища пополнялись

книгами за счет пожертвований иноков и мирян. Старообрядческие книжные собрания в монастырях, скитах, обителях возникли во второй половине XVIII века.

Дореволюционные исследователи отмечали наличие при Покровском Климовском монастыре училища, в котором преподавал духовный соратник и наставник Никодима Стародубского Яков Беляев [50]. После ликвидации монастыря как старообрядческого и превращения его в единоверческий в 1840-е гг. значительная часть рукописей из этого монастыря оказалась в библиотеке Черниговской духовной семинарии. Среди них – рукописи полемического содержания: «Послания из слободского Покровского монастыря к усердным хранителям святой соборной и апостольской церкви древлегрекороссийского чиносодержания, и во благочестии истинных догмат православия крепким блюстителям, близ океяна морским жителям и в постничестве присноцветущим скицким начальникам, иноку Герасиму, иноку Исайю, иноку Александру о Христе с братиею; и начальницам: инокине Улии, инокине Елизавете и пр.; извещающее о раздражении церковного согласия по вопросу о принятии приходящего отвне священства» [51]. Этот памятник подтверждает, что Стародубье, так же как и Ветка, Иргиз и Выг, было центром старообрядческой полемики, одним из главных вопросов для которого был вопрос о принятии священства от официальной церкви. Рукописный сборник «Разговоры российские» содержал два послания настоятеля монастыря Михаила Калмыка: одно в Московское Рогожское кладбище от 1 июля 1780 г. и второе – «слобожанам Климовским, монастыркам и монашкам Новодевичьего монастыря, отлучившимся от церковного единения» [52]. Как видно из них, настоятель монастыря пытался объединить разрозненные старообрядческие общины. Список с этих посланий, сделанный иноком Герасимом, был отправлен на Дон [53]. Данные рукописи, находившиеся в библиотеке Покровского Климовского монастыря, подтверждают, что настоятель и монастырская братия находились в переписке с духовными вождями староверов Севера, Дона. По заказу монахов этого монастыря

создавались полемические рукописи старообрядческими писателями: так, настоятель Злынковского монастыря во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы инок Никодим Стародубский написал по просьбе инока Герасима полемическое сочинение «О почтении честного и животворящего креста Христа и о разновоображаемых образах крестных» [54].

Итак, в монастыре существовала своя рукописная традиция, которая имела место как в XVIII в., так и в XIX в. Об этом свидетельствовал в своих мемуарах старообрядческий епископ Сильвестр Балтский. По настоянию И.Г. Кабанова (Ксеноса) он занимался для него переписыванием книг в самом монастыре – «понеже дать в слободу книгу было опасно, ради надлежащего преследования и я писал у него недели по две и по месяцу» [55]. Жители посада Митьковка также были искусными переписчиками книг. В 1827 г. переписал книгу «Октай» Федор Акулов. Владельцем книги являлся обыватель этого же посада Михаил Купкин [56].

Приведенные свидетельства подтверждают ранее высказанное мнение о наличии местной рукописной традиции в Стародубье, причем она характерна как для монахов-насельников монастырей, так и для жителей слобод и посадов – старообрядцев.

Старообрядческие рукописи были украшены заставками, инициалами, имели лицевые миниатюры. Так, рукопись «Праздники» (XIX в.) из собрания Ветковско-Стародубской коллекции Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова содержит лицевую миниатюру с изображением праздника Покрова Пресвятой Богородицы. По мнению исследователя Э.К. Гусевой, она, «несомненно, связана с Покровским монастырем. Этот сюжет был особенно распространен в иконах слобод Климова и Митьковки... По своим художественным достоинствам миниатюра примыкает к кругу памятников местного стиля; то же полнокровное праздничное звучание колорита с преобладанием красных, малиновых, вишневых, розовых тонов, энергичная прорисовка поверх тона темным рисун-

ком, близость мотивов орнамента, архитектурных элементов, характера складок тканей» [57]. Видимо, деятельность скриптория монастыря была тесно связана с деятельностью его иконописной мастерской, так как высокохудожественные памятники книжной миниатюры могли быть созданы только профессиональными изографами, которые одновременно могли быть и переписчиками книг. Ранее исследователями высказывалась мысль о возможности наличия иконописной мастерской в этом монастыре. Проведенное нами исследование и анализ собранного экспедиционного материала подтверждают, что наряду со скрипторием в Покровском Климовском монастыре, возможно, была и своя иконописная мастерская [58].

Библиотеке Покровского Климовского монастыря принадлежала рукопись «Праздники певческие на крюковых нотах», обнаруженная во время экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова и БОХМ в 1998 г. в собрании Новозыбковского краеведческого музея [59]. Рукопись написана на очень толстой бумаге, имеет украшения, инициалы в красках перед каждым листом, заголовки высокой вязью, средние инициалы с орнаментальными отропками, заголовки колонтитулов выполнены киншварью. Переплет имеет доски красной кожи с золотым тиснением. В центре суперэкслибриса находится лигатура «J 'HL». На втором переплетном листе имеются записи, подтверждающие принадлежность книги этой библиотеке, – «Из книг Покровского монастыря, подписана того же монастыря настоятелем Макарием». По мнению И.В. Поздеевой, рукопись написана в районе Ветковско-Стародубских слобод. В книге сохранились надписи, подтверждающие принадлежность книги монастырской библиотеке 1854, 1869, 1894 гг., т.е. она сохранялась после превращения монастыря в единоверческий как необходимая при проведении богослужений, в то время как книги полемического содержания, дониконовские издания, книги по истории старообрядчества изымались [60].

Обширными собраниями богослужебных книг обладали церкви монастыря. Согласно «Описи движимого и недвижимого

имущества в Покровском Климовском мужском монастыре в церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы» было обширное собрание богослужебных книг: «12 «Миней месячных служебных», 2 «Устава», книги «Апостола» – 3, 4 книги «Праздничная Миней», «Общая Миней», 2 книги «Ирмосы певчие», 2 – «Октяя певчих», 4 книги «Праздники певчие», «Евангелие» в старой парчовой отделке, 2 – «Часослова», книга «Жития Николы Чудотворца», 4 – «Триоди» – две постных, две цветных, «Триодь певчая», «Обиходник» [61]. В деревянной церкви во имя Архангела Михаила в алтаре находилось «Евангелие» в бархатной оправе с серебряными позолоченными евангелистами, четыре книги малые, небольшое «Евангелие» в бархатной оправе, книга «Часослов» [62]. Очень интересным является факт наличия в комнатах гостиного дома и кладовой «46 разных церковных книг и маленького четвертного Евангелия в серебряном окладе и при нем епитрахиль и поручи» [63]. Возможно, книги были спрятаны во время описи церковного имущества монахами и принадлежали личным книжным собраниям монахов – насельников или же приезжих. (До превращения монастыря в единоверческий в нём жил И. Г. Кабанов (Ксенос). Нельзя не отрицать принадлежность этих книг библиотеке монастыря. По видимому, к частному собранию можно отнести книгу кириллической печати «Миней – Четьи», которая принадлежала иноку монастыря Иакову «правого крылоса головщика», позднее проданную им клинцовскому иконописцу Василию Лаврову сыну Карташову [64]. Это позволяет говорить о том, что, кроме монастырской «книжницы», монахи имели свои личные книги, в том числе и древние.

Итак, приведенные выше примеры доказывают, что Покровский Климовский монастырь был центром старообрядческой полемики, владел богатой «книжницей», имел скрипторий, обширное собрание рукописей, монахи имели свои личные книги и, возможно, личные книжные собрания.

Клинцовский Красноборский Предтечиев монастырь обладал обширной библиотекой. Она насчитывала более 1000

названий. Среди них: «патриаршие книги, творения святых отцов, сочинения по истории церкви, религии, полемические книги из типографии клинцовских купцов – старообрядцев Железникова и Карташова» [65]. По мнению исследователя Р. Перекрестова, здесь находилась «Острожская библия» [66]. И.В. Поздеева считает, что книга находилась у старообрядцев Ветки – Стародубья [67]. По нашему мнению, местонахождение её в библиотеке этого монастыря вполне возможно, так как книги, иконы и другие редкости для него приобретал знаток древностей И.Г. Кабанов (Ксенос). Археографическими экспедициями МГУ им. М.В. Ломоносова были обнаружены книги из Красноборского Предтечиева монастыря. Об этом свидетельствуют владельческие записи на книгах, ранее входивших в монастырскую книжницу: «рукописный сборник с владельческой подписью Семена Федоровича Моховникова, сторожа Московского второго большого собора, что у Великого государя на Сенях». По мнению И.В. Поздеевой, он «получил окончательное оформление в 1714-1715 гг. Большая часть сборника посвящена чудотворным иконам... Одна из групп статей говорит о старообрядческих симпатиях составителя» [68]. В собрании находится сборник конца XVI – начала XVII вв. «Торжественник» за №209 [69]. Сюда вошли Слова и службы святым: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Жития Георгия, Варвары, Сергия Радонежского [70]. Поскольку в 1914 г. проходила ревизия библиотеки [71], то это позволяет сделать вывод о том, что монастырь продолжал существовать как старообрядческий в начале XX в. и сохранял свою «монастырскую книжницу» с древними книгами и рукописями. Из библиотеки этого же монастыря происходила и рукопись «Похвальные словеса на некия праздники и нарочитым святым», причем «большинство включенных в сборник слов принадлежит перу выговских старцев, в том числе Андрею и Семену Денисовым. Ряд слов датирован 1728 и 1735 гг.». В настоящее время эти книги, собранные археографическими экспедициями Московского Университета, вошли в состав Отдела редких книг и рукописей его Научной

библиотеки [72]. Значительную часть книг в библиотеку этого монастыря передал старообрядческий епископ Сильвестр Балтский. Он не только переписывал книги, но и приобретал их. Об этом говорит его владельческая запись на рукописи «Октоих» полууставом в 5 строк: «Сия книга глаголемая Ирмосы // писаная в местности Гуслицах = 1884 года = куплена в Москве // за цену 26 рублей сер[ебром] принадлежит епископу Сильвестру (л. 247 об.)» [73]. При библиотеке монастыря находился архив, в котором было много черновых заметок И.Г. Кабанова (Ксеноса). Очень интересные свидетельства хранила книга, принадлежащая Клинцовскому Никольскому монастырю. Она была обнаружена во время экспедиции МГУ 1998 г. в собрании Новозыбковского краеведческого музея. Это «Октай» (4° 28 x 23,5=396 л., полуустав, бумага, кожа, дерево) учебный, певческий на крюках. Нотация знаменная с пометами и признаками. Бумага рубежа XVIII-XIX вв. Рукопись имеет украшения: изображения Иоанна Дамаскина в красках с золотом, с рамками, заставками, крупными инициалами, развитыми рамками на полях, концовками ветковского стиля, заголовки, мелкие инициалы киноварью. Переплет современен книге, толстые доски красной кожи с обильным золотым тиснением. На корешке тиснение «Октай». Обрез золотой с чеканом. Застежки утрачены. Содержание: Октай. Глас I, VII, Стихеры Евангельские, песнопения из монашеского обихода, Стихера VI гласа на погребение и восстание от трапезы, имена столпового знамени, горовосходный холм, молитва перед началом пения, разводы лиц и разводы фит, столповые демественные знаки и их значение. Орнамент близок к орнаменту «Праздников» ветковского письма из Ветковско-Стародубского собрания Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова. Одинаковая переработка гуслицкого стиля. Точечные цветные фоны и применение тонов разных цветов в рамках-заставках. На полях изошренного рисунка рамки, крупные, тяжелые концовки поморского стиля. Умелая, очень точная растушевка [74]. Подписи на книге позволяют проследить ее судьбу. Писцом книги являлся Александр Федулов,

сын Ковалев, о чем свидетельствует его запись на листе 332: «Написана сия Святая и богодухновенная книга глаголемая Октай творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина в лето от сотворения мира [1798-го года – М.К.]... многогрешным рабом твоим Александром Федуловым сыном Ковалевым» [75]. Монастырь, как и сама «книжница», продолжал существовать в начале XX в. Об этом свидетельствует запись епископа Флавиана: «Сей Октай благословил в Никольский монастырь епископ Флавиан, в покой родителей своих Сергия, Ксении, Козьмы, Параскевы, Игнатия, Степаниды, Евдокии, Дарии, младенца Гавриила и всех православных христиан. Смиренный Флавиан, епископ Новозыбковский 20 декабря 1919 г.» [76]. Как видно из вышесказанного, пополнение книжного собрания происходило за счет вкладов монашествующих. Книги в старобрядческих монастырях сохранялись даже после событий Октября 1917 г.

Наиболее значительным книжным собранием обладал Злынковский монастырь во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы. Как свидетельствует архивный документ, «основанный около 1780 года покойным благочестивым монахом иноком Никодимом ... оный вышеописанный Никодимов монастырь в центре посадов наших состоящий, более сорока годов был поддерживаем нашими пожертвованиями и усердием, и мест был величайшим украшением обществом нашим чрез прилежное устройство и строгий порядок, всегда соблюдаемые в оном» [77]. Святынями монастыря, наряду «с иконами Божьей Матери Казанской и Св. Николы, архиепископа Мир Ликийских Чудотворца были замечательные по древности своей книги» [78]. Впоследствии к 1880 г. в связи с упразднением монастыря 14 рукописей находились в библиотеке Черниговской духовной семинарии. Среди них были книги по всеобщей истории, истории раскола, полемические рукописи, труды инока Никодима [79]. Так, Хронограф (рукопись. 1^о, 696 л., начала XVII в., полуустав) содержал в себе библейскую и всеобщую историю до времени правления царя Михаила Федоровича [Романова – М.К.]. Подписи, сделанные на книге, позволяли проследить ее

судьбу: «Священника попа Иакова Стефанова. Писана сия книга лета 1166 [1658] мѣца марта». М.И. Лилеев, впервые обнаруживший ее в библиотеке Черниговской духовной семинарии, писал: «Позднее, этот Хронограф принадлежал раскольнической Никодимовой обители; в этом книгохранилище, богатом разного рода рукописями и старинными книгами, он был известен под названием: «Старописьменное разное собрание»... По некоторым указаниям из царствования Иоанна III Васильевича можно заключить, что он был писан в Ростовской области. В книге 179 глав. Описание сходно с описанием Востоковым в его «Описи рукописей Румянцевского музея» под №СССCLIV, №СССCLVII» [80]. К всеобщей истории относилась рукопись «Стоглав» (XVIII в. 8°, 248 л., полуустав), также после ликвидации монастыря находившаяся в библиотеке Черниговской духовной семинарии [81]. Рукописи по истории раскола были представлены в монастырской книжнице «Историей о бегствующем священстве» Ивана Алексея (рукопись, XVIII в., 8°, полуустав, приближающийся к скорописи, 124 л.), а также рукописью «На 130 Питиримовых вопросов ответы нижегородская от диакона (Александра) и прочих пустынножителей (рукопись, XVIII в., 8°, 483 л.)» [82]. Эти книги, в которых обосновывалась правильность старообрядческой веры, были особенно популярны среди старообрядцев этого региона. Инок Никодим Стародубский состоял в переписке с фаворитом Екатерины II князем Григорием Потемкиным. В связи с этим среди его рукописей находились документы, связанные с попыткой введения единоверия в конце XVIII в. в старообрядческих слободах Стародубья (рукопись № 144, где находилась копия с разрешения князя Потемкина на отзывы поверенного от старообрядческих обществ по поводу переселения в Таврическую область от 25 марта 1787 г.) [83]. Обоснование «правильности» старообрядческой церкви, в которой старообрядцы доказывали ее истинность, содержалось в «Объяснении о церкви, состоящей между записавшихся в двойной оклад, построенной в стародубских слободах, в которой служат священники, отлучающиеся от российской церкви по

старопечатным книгам» (рукопись №145) [84]. Эта рукопись, как и «сборник, включающий в себя «Странствующих мирное соборное послание или примирение приверженцев Ветковского согласия с приверженцами Епифанова согласия в слободе Клинцах» (рукопись №147), является «апологией слободского бегствующего священства». Наличие споров в старообрядческой среде между московскими и стародубскими старообрядцами подтверждало «Послание московских старообрядцев по поводу старообрядческого собрания 1779-1780 гг. в Москве о несогласии отвне принимаемого священства с прибавлением «К старообрядческому Московскому собранию 1779-1780 гг.; о распре между иноком Никодимом и старообрядцем Никитою Павловым 3 февраля 1780 г.» [85]. Преемник инока Никодима, Яков Беляев, сочинения своего духовного наставника навечно вручил в Свято-Троицкую Никодимову книгохранилищницу 22 ноября 1794 г., о чем свидетельствует его надпись [86].

В этом же духовном центре находилась «Летопись Ветковской Церкви» [Якова Беляева – М.К.], откуда она перешла к протоиерею Т. Верховскому, а от последнего – к М.И. Лилееву. «Лилеев в последние годы своей жизни предпринял издание «Летописи Ветковской Церкви» в г. Нежине, не окончил издания, скончался. Им издано 368 страниц Летописи. Не хватает, по нашему предположению, одного печатного листа. Оригинал Летописи пропал, неизвестно куда», – так писал исследователь В.З. Белоликов в 1914 г. [87] Т. Верховский жил в этом монастыре в конце 1820-х гг., о чем свидетельствуют архивные документы и его мемуары. Следовательно, он знал о наличии достаточно ценного книжного собрания в этом духовном центре [88].

Итак, значительным рукописным собранием обладал Злынковский монастырь во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы. Настоятель монастыря инок Никодим был активным старообрядческим писателем и общественным деятелем, состоял в переписке с представителями старообрядчества и правительственными чиновниками. Поэтому в собрании мона-

стыря находилось значительное количество полемических рукописей.

Не менее значительными книжными собраниями обладали старообрядческие скиты и обители Стародубья. Так, большую библиотеку древних книг и рукописей имел Каменский Успенский женский скит близ посада Злынки [89]. Скит существовал до начала 30-х гг. XX в. Книги из его «книжницы» были обнаружены археографическими экспедициями МГУ им. Ломоносова в 70-е гг. XX в. Библиотеке этого скита принадлежали «Конволют» конца XVII в. (850 л.), Львовский (1574 г.) и Московский (1564 г.) «Апостолы» первопечатника Ивана Федорова, рукописный сборник XVIII в., посвященный чудесам Богородицы [90].

Архивные источники позволяют сделать вывод, что книги, так же как и иконы, передавались по наследству, их завещали и ими благословляли. Так, инокиня-схимница клинцовской обители «Княжных» Минодора (в миру Мария Авраамовна Лаптева, вологодская купеческая дочь) завещала своим евангельским сестрам – инокиням Елизавете и Александре в 1814 г. книги: «Псалтирь следованную», «Минею общую», «Каноник» большой, «Цветник» толстый, «Каноник» новый, маленький «Каноничек», «Шестоднев» и «Каноничек Николе Чудотворцу», «Апокалипсис» [91].

Итак, старообрядческие монастыри, скиты, обители Стародубья обладали значительными книжными собраниями, монахи-насельники монастырей имели личные книги. Выдающиеся деятели старообрядчества: И.Г. Кабанов (Ксенос), старообрядческие епископы приобретали книги для монастырских «книжниц», в которых сосредотачивалось значительное количество древнерусских книг. При монастырях имелись скриптории, где монахи создавали рукописи. Большой популярностью пользовались музыкальные крюковые рукописи. Традиции переписывания книги использовались и местным старообрядческим населением: наиболее чтимые книги переписывались жителями слобод и посадов. Большую роль в формировании книжных собраний

сыграли клинцовские старообрядческие типографии, печатавшие книги дониконовских изданий. Эти книги не только поступали в продажу, пополняя «книжницы» духовных центров, но и раздавались бедным. Клинцовские типографии, осуществляя свою издательскую деятельность, позволили наладить массовый выпуск старообрядческой литературы в конце XVIII-начале XIX вв. В целом духовные центры старообрядцев Стародубья осуществляли просветительскую функцию; книга была источником знания, просвещения, символом веры. Все вышесказанное подтверждает, что реконструкция библиотек старообрядческих монастырей, скитов, обителей является очень трудной задачей, более вероятным является составление каталога книг этих книжных собраний.

Как в среде монашества, так и в среде мирян присутствовали творческие личности. На литературном поприще подвизались духовные вожди староверов Стародубья и Ветки XVIII-XIX вв.: Иван Алексеев, Никодим Стародубский, Яков Беляев, Илларион Кабанов (Ксенос). Мы уже приводили характеристику, данную Павлом Любопытным Ивану Алексееву (1709-1774) как «изографу святых икон и чистописания уставом» [92], вместе с тем он был замечательным писателем. В 1770-е гг. он переселяется из Белева в Покровский Климовский монастырь. В своем сочинении «История о бегствующем священстве» он выступал против принятия беглых священников официальной церкви и впервые описал причины появления старообрядческих поселений в Ветке и Стародубье в конце XVII в. Свою жизнь он закончил в Стародубе, где и был похоронен [93].

Никодим Стародубский (1745-1784) – инок Злынковского Рождество-Богородичного Малино-Островского монастыря, настоятель монастыря во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы (иначе Троице-Никодимовой обители) [94], автор многочисленных полемических рукописей, впоследствии вошедших в книгу «Статьи инока Никодима», известный в истории раскола спорами с московскими и стародубскими старообрядцами о чине принятия в церковь [95]. Он родился в старо-

обрядческой семье в г. Калуга. С юного возраста вел подвижнический образ жизни, странствовал, жил в старообрядческих монастырях и скитах. Иночество принял в Иргизском скиту, после чего переселился в Стародубье, где жил в Малино-Островском монастыре, а затем основал свою обитель близ посада Злынка на речке Каменка. Инок Никодим принимал участие во всех старообрядческих событиях того времени, в том числе Московском соборе 1779 г., принявшем окончательное решение «о миропомазании священных лиц, присоединяющихся к старообрядческой церкви от еретических обществ». Незадолго до своей смерти он написал сочинение, отстаивающее правоту старообрядческой церкви, – «Статьи инока Никодима». В это же время он вел переговоры с наместником Малороссии П.А. Румянцевым-Задунайским, князем Потемкиным и Синодом о предоставлении старообрядцам самостоятельного епископа [96].

Через 100 лет после смерти инока Никодима на его книгу написал «замечания» миссионер официальной церкви Павел Прусский, признававший свою «духовную немощь» по сравнению с автором этой книги. «Литературный труд инока Никодима свидетельствует об умственной жизни старообрядцев XVIII столетия, как неопровержимая апология старообрядчества по вопросам, пререкаемым между ним и господствующей церковью» [97]. В своей книге он затрагивал основные вопросы догматики: «О воплощении слова Божия, о крещении Христа Спасителя, об имени Христа, о честном и животворящем кресте Христовом, о благословении Христовом, о воскрешении мертвых, о старописьменных и печатных книгах» [98]. По словам И. Нильского, «инок Никодим был одним из самых влиятельных наставников стародубской поповщины. Двадцать лет голос его много значил у поповцев» [99]. Инок Никодим Стародубский умер и был погребен в своей обители – монастыре во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы. О нем высоко отзывались Н. Субботин, Т. Верховский, П.И. Мельников-Печерский [100].

Яков Беляев, инок Покровского Климовского монастыря, послушник Троице-Никодимовой обители, был автором таких книг, как «Родословная тетрадь» (написана в Климовском Казанском девичьем монастыре в 1779 г.), «Летопись Ветковской Церкви» (1779 г.), «Путь истинный к познанию церкви» [101]. Последняя книга включает в себя 16 глав, где он говорит «о соборной церкви и о пяти старообрядческих церквях», «о священстве и неоскудеваемости», «о вечной бескровной жертве». Он был блестящим писателем и полемистом [102]. Продолжением «Летописи Ветковской Церкви» являлась «Летопись знатных приключений», рассказывающая о событиях 1787-1791 гг. вплоть до появления единоверия в Стародубье. Эта рукопись Якова Беляева не сохранилась. Он был также автором рукописей «Тетрадь родословная нашего двора умерших» – это попытка создания родословной Беляевых, написанной на основе устных преданий родственников Я. Беляева. В ней раскрывались страницы бытовой жизни «незаписных старообрядцев», трагические события смерти матери писателя во время нападения на Беляева со стороны перемазанцев в Казанском Климовском монастыре в апреле 1784 года. Его книга «Краткое повествование о Российских Патриархах, собранное из разных летописцев» была издана в 1786 г. в типографии Пономарева в Москве.

Особый интерес представляет «Историческое описание Старообрядческого Казанского девичьего монастыря, что при Климовском посаде», составленное по просьбе протоиерея Андрея Журавлева в 1789 г. Это описание вошло в IV часть сочинения Журавлева [103]. В нем содержатся сведения о первоначальном заселении монастыря, о его устройстве, о священнослужителях, игуменьях, инокинях и т.д. Сведения эти также приведены автором в «Летописи Ветковской Церкви», однако данное описание составлено Беляевым уже в бытность его единоверцем, поэтому он допускает пренебрежительное отношение к описанию жизни старообрядческого монастыря, чего не было ранее в «Летописи Ветковской Церкви» [104].

Если в XVIII в. история стародубского и ветковского старообрядчества рассматривалась Иваном Алексеевым, Никодимом Стародубским и Яковом Беляевым, то в XIX в. ее дополнил, расширил, придал стройную систему Илларион Кабанов – старообрядческий писатель, выступавший под псевдонимом Ксенос («странник» – греч.). Действительно, всю свою жизнь он провел в странствиях. Он родился в 1819 г. в деревне Глотова Калужской губернии. В 15 лет ушел в Лаврентьев монастырь в Ветку, где воспитывался под руководством игумена Аркадия (епископа Славского). После разорения Ветковского Лаврентьева монастыря в 1842 г. странствовал по многим обителям, жил в Покровском Климовском монастыре. С 1848 г. находился в Красноборском Предтечиевом монастыре. До своей смерти он вел иноческий образ жизни, строго выполнял все правила, но в иноки пострижен не был. Отличался глубокой начитанностью, обладал необыкновенной памятью, для чтения святоотеческих книг в оригинале изучил греческий язык. Работал во многих библиотеках Москвы, Петербурга, Киева и др. Был автором Окружного Послания. Последние 12 лет прожил в полном уединении. Перу И.Г. Кабанова принадлежали многие сочинения: «Устав и краткое изложение догматов и преданий церковных», «Омышление православных христиан», «История и обычаи Ветковской церкви», «Краткое изложение учения святой церкви и мнение противлящихся оному учению», «Разбор Белокриницкого акта 1863 г.», «О монархиях: Ассирийской, Мидийской, Греческой и Римской и последовательно исторически о царях греческих и римских с толкованием на книгу пророка Даниила» [105]. Книга «История и обычаи Ветковской церкви» написана им в период 1861-1881 гг., по-видимому, в Клинцовском Красноборском Предтечиеве монастыре. Целью написания книги было устранение разночтений в церковных обычаях между приходами старообрядческой церкви. Книга начинается с греческого выражения «Евлогисон патер» (Благослови, Отче), которое любил употреблять Ксенос. В первой части книги он изложил краткую историю христианства в России и описал старообряд-

ческих священников конца XVII-XVIII вв. (до Михаила Калмыка). Во второй части он изложил церковные предания и обычаи (крещение, таинства, крестное знамение, молитва, крест и т.д.) [106].

Как уже отмечалось выше, последние годы жизни в этом монастыре прожил Ксенос, причем проводил дни в полном уединении. Скончался он 4 декабря 1882 г. и был похоронен на монастырском кладбище. Могила Ксеноса стала одной из святынь старообрядцев-поповцев. В 1888 г. «Черниговские епархиальные известия» писали: «В Полосе», где стоит Предтеченский скит, находится могила И.Г. Ксеноса. В день годовщины его смерти, 4-го декабря, к могиле стекаются массы старообрядцев для поклонения праху. Тут же служатся панихиды. В 1888 г. стечение поклонников было такое огромное, что все даже не могли поместиться в скитской оgrade» [107].

Итак, в среде стародубского монашества преобладали творческие личности, подвизавшиеся на литературном поприще. В историю старообрядческой литературы они вошли как выдающиеся полемисты, чьи книги не только воссоздавали фактическую историю старообрядчества в целом, но и связывали ее с этим регионом. Поэтические произведения стародубского монашества продолжали традиции духовных стихов старообрядцев, очень почитаемых приверженцами старых обрядов.

В библиотеках имелись и произведения, написанные местными авторами (рукописи). Среди ветковских монахов были также выдающиеся старообрядческие писатели, защитники «древлеправославной веры». Так, в период создания Белокриницкой митрополии инок Геронтий в 1841 г. написал «Устав Белокриницкого староверческого монастыря» и др. сочинения. Старообрядческие иноки обладали и поэтическим даром. При ликвидации ветковского Лаврентьева монастыря его настоятель инок Аркадий написал духовный стих «Песнь смиренных иноков» [108].

Иноки ветковских старообрядческих монастырей были грамотными и «многочитанными». Как отмечалось ранее, они

принимали участие в восстановлении трехчинной иерархии древлеправославной церкви. Иноки Лаврентьева монастыря – Павел Белокрыницкий и Геронтий пополнили библиотеку будущего старообрядческого митрополита Амвросия. «К моменту их приезда в Белую Криницу здесь уже была библиотека, какая едва ли где в большом монастыре есть». Согласно исследованиям, проведенным Н.Ю. Бубновым и И.Ф. Мартыновым, в начале 1840-х гг. настоятель Белокрыницкого монастыря инок Геронтий несколько раз ездил в Россию, где, по его словам, «покупал иконы и книги, а иные так [были – М.К.] пожертвованы» [109]. Приведенный пример подтверждает, что иноки Ветки были духовно образованными людьми, высоко ценили книгу как источник духовной силы и знания. Каждый старообрядческий монастырь вел свою летопись и имел свой архив [110].

Итак, мы сделали попытку реконструкции книжных собраний старообрядческих монастырей Стародубья (Покровского Климовского, Красноборского Предтечиева, Никольского (Клинцовских), Злынковского во имя Живоначальной Троицы и Успения Богородицы, Каменско-Успенского женского скита, Клинцовской обители «Княжных»). К сожалению, сделать попытку реконструкции книжных собраний духовных центров Ветки не представляется возможным из-за значительной рассеянности книжных собраний старообрядческих монастырей, что нами было отмечено. В результате предпринятых поисков нам удалось обнаружить лишь единичные экземпляры книг, ранее принадлежавших старообрядческим духовным центрам Стародубья и Ветки.

Как следует из всего вышесказанного, в результате предпринятых нами поисков удалось обнаружить лишь единичные экземпляры книг. В связи с этим реконструкция библиотек старообрядческих духовных центров Стародубья и Ветки представляется очень трудновыполнимой задачей.

В связи со сложностями реконструкции этих книжных собраний более вероятным представляется составление каталога монастырских, скитских, обительских библиотек на основе

дальнейшего поиска их описей в архивах дореволюционного Министерства внутренних дел, тщательного изучения владельческих записей книжных собраний Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. Ломоносова, книжных собраний региональных музеев Брянской, Черниговской, Гомельской областей России, Украины и Беларуси. Составление каталога позволит точнее определить весомый вклад старообрядцев Стародубья и Ветки в духовную культуру этого края. Сведения, собранные нами, позволяют выявить основные каналы формирования библиотек. Среди основных: приобретение книг на монастырский счет для проведения богослужений; пожертвования со стороны монахов и, возможно, мирян; вклады старообрядческих епископов; переписка рукописей; создание полемических рукописей и книг по истории старообрядчества иноками и живущими в монастырях писателями-мирянами. Кроме этого, при основании эти духовные центры могли располагать значительными книжными собраниями. Следовательно, эти духовные центры были очагами высокой культуры, духовности для своей округи. Иноки своими знаниями, богатой духовной культурой влияли на население старообрядческих слобод и посадов и пытались духовно воздействовать на культуру местного населения, приближать уровень монастырской, скитской культуры к культуре мирян. Поэтому, удаляясь в монастырь, старообрядческие иноки продолжали заниматься делом просвещения: учились сами и учили других. Благодаря их усилиям, сохранившиеся после репрессий монастыри, скиты в начале 30-х гг. XX в. обладали значительными собраниями традиционной русской книжности.

Кроме библиотек старообрядческих духовных центров, имелись частные книжные собрания старообрядцев. К сожалению, мы не располагаем сведениями о наличии частных книжных собраний в м. Ветка, но, зная об огромном уважении и любви старообрядцев к древней книге, можно лишь предположить их наличие. Мемуары: воспоминания старообрядческого епископа Сильвестра Балтского, купца Дмитрия Карамина, мещанина Спиридона Фролова, иконописца Василия Родионцева, а

также владельческие записи на книгах, находящиеся в различных музеях региона и личных коллекциях, позволяют воссоздать картину частных книжных собраний старообрядцев Стародубья и доказать, что задолго до появления земских библиотек в Черниговской губернии в среде старообрядцев имелись свои книжные собрания. Покажем это на конкретных примерах. О количестве библиотек в Черниговской губернии можно судить по представленной ниже таблице:

Таблица 8.
Библиотеки Черниговской губернии [111]

Города и уезды Черниговской губернии	При каких заведениях	Время основания	Количество названий	Количество томов	Отпущенная сумма на содержание	Источник формирования библиотеки
г. Мглин	При Мглинском уездном училище	1820 г.	428	1,327	42 р. 85 к.	Из сумм, положенных по штату 1828 г.
г. Новозыбков	При Новозыбковском уездном училище	1823 г.	375	1,060	42 р. 85 к.	— // — // —
г. Сураж	При Суражском уездном училище	—	895	1,669	42 р. 85 к.	— // — // —
г. Стародуб	При Стародубском уездном училище	1801 г.	783	1,656	42 р. 85 к.	Из суммы Гос. Казначейства
	При еврейском 1-го разряда училище	1854 г.	36	354	42 р. 85 к.	— // — // —
г. Погар (Стародубского уезда)	При Погарском уездном училище	1802 г.	518	1,585	42 р. 85 к.	— // — // —

Как видно из таблицы, библиотеки возникли в Мглинском, Новозыбковском, Суражском, Стародубском уезде в 1801-1854 гг. при уездных училищах и были учебными. Всех библиотек насчитывалось шесть и существовали они в уездных городах: Новозыбкове, Стародубе, Мглине, Погаре и Сураже. В сло-

бодах и посадах общедоступных земских библиотек не было. Земская библиотека в г. Новозыбкове открылась в 1879 г., в г. Мглине – в 1869 г. Личные же книжные собрания старообрядцев были общедоступными и существовали в слободах и на посадах. Так, значительным книжным собранием обладали торгующие на временном праве воронокские купцы 3 гильдии – отец и сын Василий и Дмитрий Карамины. Дмитрий Карамин страстился к чтению книг с детства, читал книги рабочим свечного завода, которым владел его отец. Рабочие спрашивали его о Павле Пруссом, о Ксеносе. Много вопросов задавал Егор Иванович Караульщикова, житель Калужской губернии, лично знавший этих людей [112]. К 1880-м гг. Дмитрий Карамин обладал «обширной библиотекой, состоящей из старопечатных книг, отеческих творений, сочинений богословского содержания и полемических против раскола, каковую в среде старообрядцев редко можно встретить» [113]. Такое многочисленное собрание книг у Караминых было создано потому, что «отец дал полный простор сыну покупать книги для чтения, журналы и газеты и даже поощрял к этому» [114]. Этот пример показывает, что старообрядцы были грамотными, образованными людьми, стремившимися не только к собирательству книг, но и просвещению своих же сторонников.

Большую роль в жизни старообрядческих общин играли старообрядческие начетчики – грамотные, образованные, пользующиеся большим уважением староверов. Так, старообрядческий начетчик Ефим Епифанович Бушев слыл у жителей посада Воронок в середине XIX в. «многочитанным». «Среди старообрядцев по нашему посаду да и по всему нашему Стародубью, такого начитанного человека тогда не было. Поэтому наши посадские его уважали не только в духовном деле по старообрядчеству, но и в гражданском» [115].

В доме Караминых бывал житель посада Лужки Фаддей Юдич Фролов, «человек весьма хороший и начитанный, друг сочинителю «Окружного послания» Иллариону Георгиевичу Кабанову (Ксеносу)» [116]. Между В.А. Караминим и

Ф.Ю. Фроловым шли споры о расколе и старообрядчестве, «о возможности спасения души вне церкви». Фролов привозил с собой большое количество книг, которые жена В.А. Карамина, истовая старообрядка, прятала от мужа в чулан, боясь, «чтобы супруг не начитался книг в защиту церкви» [117]. Как видно из приведенных примеров, внутри старообрядческих общин среди грамотных, образованных людей шли споры и полемические беседы. Ответы на волновавшие их вопросы они находили и в книгах, и обращались к своим духовным наставникам – начетчикам, чья роль была довольно значимой в старообрядческой среде.

Книга играла большую роль в семейной жизни старообрядцев. Дети обучались грамоте дома. «Учить грамоте начинали с пяти лет – так было принято в старообрядческой среде, где книжное знание считалось основой становления человеческой личности: для общего образования, для знакомства с внешним миром служили учебная Псалтырь, а потом учительное Евангелие» [118]. Так, лужковского мещанина Спиридона Фролова отец самостоятельно обучал грамоте. В 10 лет он «хорошо читал и писал по-уставному». Отец заставлял сына списывать для себя и других «Окружное послание», «Рассмотрение о церковно богослужбных книгах», печатаемых в единоверческих типографиях [119].

В семье Фроловых так же, как и в семье Караминых, велись споры, полемические беседы о расколе и старообрядчестве. Отец Спиридона Фролова был братом Ф.Ю. Фролова, который состоял в переписке с И.Г. Кабановым (Ксеносом), с братом Иваном Юдичем Фроловым, старообрядческим попом на Дунае, метрикоборцем. Спиридон Фролов набело переписывал «дядины сочинения». Уважая знания и начитанность его отца, лужковское старообрядческое общество обращалось с просьбой быть их священником, но отец ответил отказом. По словам матери, он поступил так ввиду опасностей того времени [120]. Как видно из вышесказанного, в старообрядческих семьях шли споры о вере. Они жили большой внутренней духовной жизнью.

Так же, как и Спиридон Фролов, иконописец Василий Родионцев получил домашнее образование и воспитание [121]. Его родители, мать и отец, были грамотными. Потомственный иконописец воспитывался в глубоко религиозной среде, в которой большую роль играли книги. В мастерской его отца, которую он позже наследовал, были не только иконы, но и книги духовно-религиозного содержания. Впоследствии, став православным священником и миссионером, он основал в посаде Воронок иконно-книжный склад «Братства Святого Михаила князя Черниговского», организовал союз юношества «Христианское содружество». Идеями союза были следующие: «хранить православную веру Христову, стоять за русского православного царя и за честь народа русского, способствовать поднятию благосостояния рабочего, мастерского, объединить членов общества любовью друг к другу и перевоспитывать для духовно-нравственной жизни». При союзе были организованы мастерские по изготовлению обуви, столярная, иконописные мастерские. Здесь же находилась столовая, иконный склад, библиотека с древними книгами и предметами старины [122]. Это позволяет сделать вывод, что старообрядческие, а впоследствии единоверческие книжные собрания сыграли большую роль в распространении грамотности среди населения, были доступны не только священнослужителям, но и мирянам [123]. В то время как среди населения, придерживающегося официального православия, таких собраний не было, старообрядцы были носителями традиционной книжности.

В большинстве своем старообрядческое население слобод и посадов Стародубья и Ветки было грамотным. Клинцовским купцом 1 гильдии Иваном Патрикеевым Машковским 10 августа 1873 г. была подарена Деменскому обществу «Опись слободы Деменки» (1735, 1765 гг.). При этом даритель свидетельствовал: «Совершенно случайно! Приобретенную мною перепись слободы Деменки Дарствую Деменскому обществу для хранения в потомстве. Клинцовский 1 гильдии купец Иван Патрикеев Машковский. Посад Клинцы» [124]. Дореволюционный этно-

граф Иван Абрамов обнаружил в начале XX в. в Стародубье рукопись 1736 г., содержащую сведения о первоначальном заселении слободы Елионки и перепись жителей 1736 г. [125] Традиции книгописания сохранялись на протяжении XX в. В 1983 г. умерла жительница г. Клинцы, переписчица книг Анастасия Лаврентьевна Павекова.

Итак, старообрядцы Стародубья имели к середине XIX в. свои личные книжные собрания, которые были общедоступными. Книги играли большую роль в старообрядческих семьях: они были святыней, источником веры, «книжное знание считалось основой становления человеческой личности», старообрядцы обращались к книге в период полемических споров со своими противниками и соратниками по вере. Книга использовалась для просветительской деятельности. Библиотеками обладали купцы и мещане.

Проведенное нами изучение архивных документов, работ дореволюционных историографов, изучение коллекций книжных собраний региональных музеев, а также экспедиционных исследований последних лет позволяет сделать вывод о наличии книжных собраний как рукописных, так и старопечатных в старообрядческих монастырях, скитах, обителях Стародубья и Ветки в XVIII – начале XX вв. и доказывают, что задолго до появления земских библиотек и библиотек при уездных училищах этого региона в старообрядческих духовных центрах сосредотачивались значительные книжные собрания, создавались полемические, музыкальные рукописи и книги по истории старообрядчества иноками и живущими в этих духовных центрах писателями-мирянами. Книги украшались заставками, миниатюрами. Большую роль в формировании книжных собраний сыграли клинцовские старообрядческие типографии, печатавшие книги дониконовских изданий. Книги, выходявшие из этих типографий, поступали в «книжницы» не только духовных центров, но и раздавались населению. Следовательно, старообрядческие иноки своими знаниями, своей богатой духовной культурой влияли на население старообрядческих поселений, духовно воз-

действовали и приближали уровень монастырской, скитской культуры к культуре местного населения. Благодаря их усилиям сохранившиеся после репрессий монастыри, скиты до начала 30-х гг. XX в. обладали значительными собраниями традиционной русской книжности. По-видимому, в XVIII в. здесь проходил период накопления книжных богатств, а XIX в. стал периодом широкого перераспределения их [126]. Составление каталога этих монастырских, скитских, обительских библиотек позволит показать весомый вклад старообрядцев Стародубья и Ветки в духовную культуру этого края.

Книгоиздательская деятельность, наряду с собирательством, стала неотъемлемой чертой и особенностью духовной жизни в этом регионе. Наряду с книжными собраниями духовных центров в старообрядческой среде имелись личные (семейные) книжные собрания. Книга играла большую роль в воспитании детей, в формировании личности будущего старообрядца, поэтому книгу почитали святыней, символом веры, находили в ней ответы на основные вопросы веры и смысла бытия.

Старообрядцы Стародубья на рубеже XIX-XX вв. продолжили создание полемических рукописей, которые использовали для отстаивания правоты старой веры. Именно в это время, связанное с активизацией духовной жизни русского старообрядчества после «Манифеста об укреплении начал веротерпимости» 1905 г., появляется плеяда духовно образованных начетчиков из простых мирян, предки которых оставили им в наследство святоотеческие книги – основу духовной силы и мужества в старообрядческой среде.

-
1. Юго-западные районы Брянской области: Стародубский, Клинецовский, Новозыбковский, Климовский, Злынковский – это места компактного проживания старообрядческого населения, тесно связанные с духовными центрами русского старообрядчества – Стародубьем и Веткой, находящихся на

стыке трех славянских государств: России, Украины и Беларуси – пограничных территорий Брянской, Черниговской и Гомельской областей (конец XVII – начало XX в.). В настоящее время происходит возрождение старообрядческих общин на территории Стародубья.

2. Бирюкович, К.О. Н.П. Румянцев и старообрядческая книжная культура Гомельщины / К.О. Бирюкович // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Международной научно-практической конференции. - Гомель, 2003. - С 26, 27.
3. Лилеев, М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии / М.И. Лилеев. - СПб., 1880.
4. ГАБО. Ф.1007. Оп.1.Д.310. Л.3 об.
5. Там же.
6. Агеева, Е.А. Находки археографических экспедиций, пополнивших фонды МГУ / обзор поступлений 1984–89 гг. / Е.А. Агеева, Е.Б. Смилянская // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского Университета (исследования и материалы): сборник / под ред. С.О. Шмидта. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - С.238.
7. Поздеева, И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжности и культуры старообрядчества / первый период / И.В. Поздеева // История СССР. - 1988. - № 1. - С.98.
8. Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского Университета (исследования и материалы)...С.238.
9. Данные экспедиции МГУ 1998 г.
10. Там же.
11. Ветковский музей народного творчества. - Минск: Полымя, 1994. - С.152.
12. Там же.
13. «Апостол», напечатанный И. Федоровым, до сих пор является богослужебной книгой всего старообрядчества. Это лучшее достижение типографского искусства XVI в., близ-

кое к «золотому сечению» - правилу строгой пропорциональности, которое использовалось с глубокой древности. Действительно, размеры первопечатных книг пропорциональны и близки к «золотому сечению». Первопечатный «Апостол» имеет формат полосы набора 210x140 мм, то есть 3:2. В основе печатного шрифта И. Федорова лежит московский полуустав XV-XVI вв. Его издания отличаются высоким качеством печати текста и иллюстраций, хорошо организованный набор. Им впервые разработана и применена самобытная техника печати – двухпрокатная печать с одной формы, принципиально отличная от западноевропейской (красный набор отпечатан с большим натиском и раньше черного). Фундаментальное издание «Евангелия Учительного» в 1569 г. вобрало в себя «святоотеческие поучения на воскресные и праздничные дни года, сочинение святителя Кирилла Туровского» // Иоан Федоров. Вестник Митрополии. - 2007. - № 3.

14. Ветковский музей народного творчества...С.152.
15. Книжная коллекция БГКМ. Информация предоставлена дирекцией музея.
16. Редкие рукописи из собрания БГКМ.
17. Данные экспедиции 2008 г. Архив автора.
18. Поздеева, И.В. Град Китеж народной культуры. Русское старообрядчество / И.В. Поздеева // Россия. – 1996. - апрель. - С.46.
19. Там же.
20. Поздеева, И.В. Редкая печатная и рукописная книга в вузах России. Описание экземпляров старопечатных изданий кириллического шрифта / И.В. Поздеева. - М.; СПб.: Изд – во «Хронограф», 1994. - С.6.
21. Громыко, А.А. Памятное. Кн.1 / А.А. Громыко. - 2-е изд., доп. - М. 1990. - С.13.
22. Покровский, Н.Н. А налоги здесь всего "пятый сноп". Первые сибиряки в России / Н.Н. Покровский // Россия. – 1997. - май. - С.74.

23. Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье... С. 221.
24. Там же.
25. РГАДА. Ф.1183. Оп. 3. Кн. 8 (1736). Л.3–18.
26. Там же.
27. Там же.
28. РГИА, Ф.1284.Оп.201.Д.97.Л.83 об.
29. РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 55. Л.1.
30. Там же. Л. 110 об.
31. Белоликов В.З. Яков Стефанов Беляев (Старообрядческий (впоследствии единоверец) писатель второй половины XVIII в. С. 4. Раймунд Люллий (около 1235-1315) – испанский поэт, философ и миссионер, происходил из г. Пальма на острове Майорка.
32. Преподобный Петр Дамаскин (грек) – подвижник второй половины XII в. Его творения издавна были признаны как в греческом, так и в русском православии. С греческого языка на славянский они переводились Паисием Величковским, а на русский – монахами Оптиной пустыни. Книга преподобного Петра Дамаскина составила третью часть славянского Добротолюбия (Паисия Величковского).
33. Пашков, А. Выговская поморская пустынь [Электронный ресурс] / А. Пашков. - Режим доступа : [http: kitez /onego / ru/vugoretsi a/ pashkov. html](http://kitez/onego/ru/vugoretsi_a/pashkov.html).
34. Лилеев М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии...С.2.
35. Там же.
36. Его же. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв... С.219.
37. РГИА. Ф.1284.Оп.201.Д.97.
38. РГИА. Ф.796. Оп.68. Д.289. Л.19 об.
39. Починская, И.В. Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой половине XIX вв. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Починская Ирина Викторовна. - Свердловск, 1991. - С.89–103.

40. «Служба, житие и чудеса Святого Николы Чудотворца». Рукопись. Бумага, чернила. Инв. Г - 605, БОХМ.
41. ГАБО. Ф.549. Оп.2. Д.3. Л.59 об.
42. Перекрестов, Р. Семья клинцовских просветителей / Р. Перекрестов // Старообрядчество. История. Культура. Современность : материалы IV научно–практической конференции. - М., 1998. - С.229–231.
43. Там же. С.229.
44. ГАБО. Ф.549. Оп.2. Д.3. Л.59 об.
45. Вознесенский, А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. Введение и изучение / А.В. Вознесенский. - СПб.: Издательство С. - Петербургского университета, 1996. - С.90–153.
46. Починская, И.В. Старообрядческое книгопечатание в XVIII – первой половине XIX вв. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Починская Ирина Викторовна. - Свердловск, 1991. - С.105.
47. См: Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века...С.67–151.
48. Бирюкович К.О. Н.П. Румянцев и старообрядческая книжная культура Гомельщины // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Международной научно-практической конференции...С.28.
49. См.: Кочергина, М.В. Библиотеки старообрядческих монастырей и скитов Брянщины / М.В. Кочергина // История библиотек и библиофильства в Брянской области. - Брянск, 1999. - С. 174-178.
50. См.: Белоликов В.З. Яков Стефанов Беляев (Старообрядческий (впоследствии единоверец) писатель второй половины XVIII в.)...С.5.
51. Лилеев М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии...С.107.
52. Там же. С.106.

53. Там же. Особенностью этого сочинения было приведение большого количества основательных историко-археологических указаний к исследуемым вопросам.
54. Там же.
55. Сильвестр Балтский. Краткий очерк или некоторые следы, известные из жизни покойного Иллариона Георгиевича, родившегося 1819 года в октябре месяце и скончавшегося 1882 года декабря в 4-й день // Братское слово. -1892. - Т.1. - С.74.
56. Ныне книга находится в собрании Брянского государственного областного краеведческого музея: Октай., 1827. Рукопись. Бумага, кожа, дерево, темпера, чернила, тиснение, инв. 908–25.
57. Гусева, Э.К. Памятники старообрядческой живописи конца XVIII–XIX вв. / Э.К. Гусева // Русские письменные и устные традиции и культура (Сб. статей под ред. И.Д. Ковальченко). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. - С.160. Скрипторий – мастерская по переписыванию книг.
58. Там же. Данные экспедиции БОХМ 1996, 1998 гг.
59. Праздники певческие. I половина XIX в., Лл=121, 32,5x26. Бумага, кожа, дерево. Инв. НМ 4655–I. Описание книги сделано Поздеевой И.В. во время экспедиции МГУ в 1998 г.
60. Данные экспедиции МГУ 1998 г.
61. РГИА. Ф. 1284.Оп. Д. 104. Л. 207–207 об.
62. РГИА. Ф. 1284.Оп. Д. 104. Л. 207 об. – 211.
63. Там же. Л. 211.
64. Книга «Минеи – Четьи» I часть / сентябрь – октябрь – ноябрь / Киев, конец XVII в. Переплет XVIII в. позволяет проследить движение книги внутри старообрядческой общины, о чем свидетельствуют владельческие записи на ней: книга была куплена иконописцем Карташовым, затем, по видимому, перешла к жителю п. Клинцы Дмитрию Губареву, который продал ее клинцовскому купцу Ивану Рожкову 13 августа 1846 г.; в нач. XX в. книга принадлежала епископу Флавиану. Он подарил ее Дмитрию Чикмареву, о чем свидетельствует запись: «Благословляю сию Минею Дмитрию Проко-

фьевичу Чикмареву на его добрую память. Смиренный Флавиан, епископ Новозыбковский. По умертвии моем помяните имя мое». Александр Чикмарев сделал свою владельческую запись в 1963 г. Ныне книга находится в собрании Клинецовского краеведческого музея, инв. КKM 6237-1. Описание книги сделано И.В. Поздеевой во время экспедиции МГУ в 1998 г.

65. Перекрестов Р. Иоанно–Предтечиев, что в «Полосе» монастырь // Труд, 1995. №33.
66. Там же.
67. Поздеева, И.В. Археологические работы Московского Университета в районе Древней Ветки и Стародуба / И.В. Поздеева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. - М., 1976. - С. 67.
Острожская Библия – первая печатная Библия в православии, создана в г. Острог по заказу князя Константина Константиновича Острожского первопечатником Иваном Федоровым в 1575 г. Издание этой книги связано с последним этапом его великой книгоиздательской деятельности. Основой для создания первой печатной Библии стала рукописная Библия новгородского архиепископа Геннадия (XV в.). В ней также использованы библейские тексты, привезенные из Италии, библиотек острова Крит, греческих, сербских и болгарских монастырей.
68. Поздеева, И.В. Археологические работы Московского Университета в районе Древней Ветки и Стародуба / И.В. Поздеева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. – М., 1976. – С. 56.
69. Там же. С. 57.
70. Там же. С. 62.
71. Там же. С. 57.
72. Поздеева, И.В. Археологические работы Московского Университета в районе Древней Ветки и Стародуба / И.В. Поздеева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. - М., 1976. - С. 62.

73. Октоих” 1884. [БОМ 9908–27].
74. Описание книги во время осмотра коллекции Новозыбковского краеведческого музея сделано И.В. Поздеевой // Данные экспедиции МГУ 1998 г. /июль/. Инв. НМ № 4668–1.
75. Там же.
76. Октай. 1798. 4°. Бумага, кожа, дерево. Инв. НМ 4668–1. Л. 2.
77. Сборник документов, копий указов, рапортов, принадлежащих священнику Климовской Успенской единоверческой церкви А. Сорокину. Прошение г. Новозыбкова, посадов Климовских единоверческих обществ архиепископу Черниговскому и Нежинскому Владимиру от 13 мая 1833 г.... Л. 175–178 об.
78. Там же.
79. Лилеев, М.И. Рукопись № 95. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии...
80. Там же. С. 65 – 66.
81. Там же. С. 77.
82. Лилеев М.И. Рукопись № 95. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии... С. 149; 157 – 158.
83. Там же. С. 163 –166.
84. Там же. С. 167.
85. Там же. С. 168.
86. Лилеев М.И. Рукопись № 95. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии... С. 172–174.
87. Белоликов В.З. Яков Стефанов Беляев. (Старообрядческий (впоследствии единоверец) писатель второй половины XVIII в. С.38.
88. См. подробнее. Кочергина, М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760-1920 гг.) : демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Глава 4.2 / М.В. Кочергина. - Брянск, 2011.
89. Там же. См. подробнее глава 4.1.

90. Поздеева И.В. Археографические работы Московского Университета в районе Древней Ветки и Стародуба (1970–1972)... С. 59.
91. РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 104. Л. 295.
92. Павел Любопытный. Исторический словарь старообрядческой церкви, описывающий по алфавиту имена ученых особ оной, основателей согласий, пастырей и буквалистов, с показанием их церкви, отличий и звания, жизни, лет кончины и проч. Сочинен в Петрополе. 1828. М., 1863. С. 24.
93. Там же.
94. Статьи инока Никодима. Б.м., б.г. С. I–III.
95. Там же.
96. Там же.
97. Там же.
98. Там же.
99. Нильский, И. Несколько слов о русском расколе / И. Нильский. - СПб., 1869. - С. 299.
100. Статьи инока Никодима...С. I–III.
101. Лилеев М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии...С.162.
102. Там же.
103. Белоликов В.З. Яков Стефанов Беляев. (Старообрядческий (впоследствии единоведец) писатель XVIII в. С. 41- 43.
104. См. там же. С.42-43.
105. См.: История и обычаи Ветковской церкви. - Н. Новгород, 1906.
106. Там же.
107. Из хроники современного состояния раскола в Стародубье // Черниговские епархиальные известия, 1884. – №4. – С.128.
108. См. подробнее. Кочергина, М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760-1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Глава 4.2. - Брянск, 2011.

109. Бубнов, Н.Ю. К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии (По итогам археографических экспедиций отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии Наук СССР 1971–1972 гг.) / Н.Ю. Бубнов, И.Ф.Мартынов // Археографический ежегодник. - 1972. - С. 266–267.
110. К сожалению, этих очень ценных источников обнаружить не удалось, хотя их наличие возможно в дореволюционных архивах Министерства внутренних дел России.
111. Феофилова, Л.В. Из истории библиотек Мглинского, Новозыбковского, Стародубского уездов, входивших в состав Черниговской губернии / Л.В. Феофилова // История библиотек и библиофильства в Брянской области. - Брянск, 1999. - С.109.
112. Карамин, Д.В. Воспоминание о жизни в старообрядчестве и обращение в православие / Д.В. Карамин // Братское слово. - 1895. - № 1. - С.58–72.
113. Евтехов А.Д. Освещение единоверческой церкви в посаде Воронок / А.Д. Евтехов // Братское слово. - 1890. - Т. 2, № 20. - С. 833.
114. Карамин Д.В. Воспоминание о жизни в старообрядчестве и обращение в православие ... С. 58.
115. Там же.
116. Там же.
117. Там же.
118. Гринберг, М.Л. Собиратель / М.Л. Гринберг // Памятники Отечества. - 1984. - № 2. - С. 90.
119. Фролов, С.В. Воспоминания о жизни в старообрядчестве и обращение в православие / С.В. Фролов // Братское слово. - 1898. - Т. 1, № 4.
120. Там же.
121. См. Глава 6.2.
122. Союз юношества «Христианское содружество» в посаде

Воронок просуществовал до 1914 г. // Памятный день в жизни союза юношества «Христианское содружество» // Вера и жизнь. - 1912. - № 13. - С. 106–109.

123. Здание библиотеки располагалось в двухэтажном доме. На первом этаже находилась библиотека религиозной литературы, на втором – художественной. Первый этаж был каменным, второй – деревянным. Зимой 1922 г. произошел пожар в здании библиотеки. Но книги продолжали сохраняться в семье Родионцевых. Сын В.А. Родионцева – Андрей Васильевич, так же как и другие члены семьи, подвергался преследованиям из-за своего отца. Старшие братья Иван и Василий были репрессированы. В 1940 г. власти вынудили А.В. Родионцева продать дом и покинуть Воронок // Воспоминания Станислава Андреевича Родионцева, внука потомственного иконописца. Аудиозапись от 2 декабря 2000 г. Архив автора.
124. Эта рукопись находится в Новозыбковском краеведческом музее. Инв. НМ ОСН – 1639, РК – 112.
125. Абрамов И. Поездка в Стародубье...С. 3. Согласно опросам местного старообрядческого населения, летописи велись в посадах Тимошкин Перевоз, Деменка, Елионка. Возможное их местонахождение обнаружить не удалось. Данные экспедиции БОХМ., 1999 г.
126. Поздеева, И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжности и культуры старообрядчества / первый период / И.В. Поздеева // История СССР. - 1988. - № 1. - С. 99.

А. А. Чубур,
*кандидат исторических наук, профессор РАН,
доцент, Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

**Из истории археологии Брянской области.
Виктор Яковлевич Сергин: земля костяных домов
(к 75-летию со дня рождения)**

В 2012 году исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося отечественного археолога-палеолитоведа Виктора Яковлевича Сергина, имя которого неразрывно связано и с изучением древнейшего прошлого Брянской земли. Тихий, скромный, невысокий, почти незаметный, этот человек при ближайшем знакомстве поражает как блестящим аналитическим складом ума, так и необычайной добротой, человечностью, способностью гасить любые конфликты в коллективе. Уникальный случай вот такой тихой, доброй харизматичности.

Родился Виктор Сергин в Архангельске 12 июля 1937 года. Вскоре семья вернулась в Ленинград. На детство Виктора пришлось непомерно тяжелые испытания: война, ленинградская блокада. Семье Сергиных чудом удалось сохранить жизнь детям – четверым сыновьям. Отец в 1941-1942 гг. был шофером – возил боеприпасы под огнем вражеской авиации. После прямого попадания бомбы в грузовик Яков Сергин был тяжело контужен и потом долгое время не мог работать. Семью эвакуировали, и, помотившись по стране, Сергины осели наконец в 1949 г. под Краснодаром.

Отец Виктора с трудом смог устроиться инструктором в Краснодарском троллейбусном парке. Время было нелегкое, выживали своим трудом, как и большинство жителей советской глубинки. Чтобы ходить в краснодарскую школу, детям приходилось преодолевать реку Кубань – когда на лодке, а когда и по льду, порой совсем непрочному. Старший брат Виктора, измученный блокадным голодом и лишениями, вскоре умер. Осталь-

ные три Сергина стали выдающимися отечественными учеными в самых разных областях знаний: Сергей Яковлевич стал доктором географических наук, известным экологом и палеогеографом; Владимир Яковлевич – доктором физико-математических наук, сделавшим не только научную, но и военную карьеру (окончил Военную инженерную академию Ракетных войск стратегического назначения, занимается проблемами искусственно-го интеллекта), ну, а наш герой – Виктор Сергин – достиг своих вершин в области первобытной истории.

В 1958 г. Виктор Сергин поступает на Исторический факультет Ленинградского государственного университета. В течение сезонов 1959-1960 гг. он принимает участие в работе Костенковской экспедиции. В эти годы экспедиция под руководством сотрудника Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР А.Н. Рогачева изучала под Воронежем палеолитическое жилище на стоянке Костенки 11, одновременно раскапывались такие памятники, как Костенки 4, 8, 9, 12, 18 и 21. Уже тогда определился основной его интерес в археологической науке – каменный век. Еще одним учителем начинающего исследователя стал выдающийся профессор-палеолитовед П.И. Борисковский, постоянный научный оппонент А.Н. Рогачева. В 1962 г. Виктор Яковлевич окончил ленинградский истфак по кафедре археологии.

После окончания вуза В.Я. Сергин оказывается в далеком Таджикистане. С 1963 по 1965 гг. он трудится в должности старшего научного сотрудника Республиканского объединенного музея историко-краеведческих и изобразительных искусств им. Кемаледдина Бехзада в г. Душанбе. Он проводит небольшие раскопки городища Калаи-Кахкаха 1 с остатками глиняных и сырцовых построек, городских стен, цитадели, представлявших собой остатки раннесредневекового города Бунджикат (Сергин, 1966).

С 1965 по 1967 гг. Виктор Яковлевич живет в Саратове, тут ему приходится работать не по специальности – сначала воспитателем школы-интерната, затем младшим научным со-

трудником архивного отдела Саратовского облисполкома, а потом просто работником телефонной сети.

С 1968 г. Виктор Сергин наконец становится старшим лаборантом Института Археологии АН СССР (Москва), а затем поступает в аспирантуру этого института. Его научным руководителем становится выдающийся специалист по первобытной археологии Отто Николаевич Бадер. В выборе темы работы сыграли свою роль два сезона, проведенные в Костенках на раскопках костно-земляного жилища охотников на мамонта. Именно костяные дома эпохи палеолита и стали главным объектом исследования.

Занимаясь написанием диссертации, перелопачивая материалы в московских, ленинградских, киевских архивах, Виктор Яковлевич параллельно уже как держатель Открытого листа ведет и собственные плановые полевые исследования в должности главы разведочного отряда Северной палеолитической экспедиции (начальник О.Н. Бадер). В 1968 г. он обследует Вязниковский и Гороховецкий районы, в 1970 г. – Петушинский и Собинский районы, в 1971 г. – Селивановский район Владимирской области (Архив ИА РАН, Р-1, дд. 4016, 4206. 4548). Во время разведок Сергин, в частности, открыл ряд неолитических стоянок на озерах Сеньга и Находное, а также целый ряд поселений бронзового века. В работах участвовала Татьяна Кучерова из г. Петушки. Однако более важными для его профессионального роста стали поездки в «чужие» экспедиции, связанные с тематикой его исследования. В 1972 г. В.Я. Сергин участвовал в раскопках III комплекса стоянки Межиричи под руководством академика И.Г. Пидопличко, а также в работе Костенковской экспедиции А.Н. Рогачева (раскопки второго комплекса верхнего слоя Костенок 1). В 1973 г. аспирант и уже младший научный сотрудник Института археологии побывал в Брянской области, приняв небольшое участие в исследовании стоянки Хотылево 2 под руководством Федора Михайловича Заверняева.

В 1973 г. В.Я. Сергин окончил аспирантуру Института Археологии АН СССР, а в 1974 г. была блестяще защищена

кандидатская диссертация «Палеолитические жилища Европейской части СССР».

В диссертационном исследовании Виктором Яковлевым были подхвачены и развиты идеи украинского академика И.Г. Пидопличко, решившего провести ревизию опубликованных и архивных сведений о жилищах, построенных с применением костей мамонта. В процессе работы над кандидатской диссертацией он предпринял доселе беспрецедентную попытку унифицировать типологию всех костно-земляных жилищ на поселениях среднеднепровского типа. По мнению К.М. Поликарповича, полезная площадь раскопанного им первого Юдиновского жилища (Погарский район Брянской обл.) составляла 47 кв. метров. По мнению продолжавшего работы В.Д. Будько, в Юдиново раскопано углубленное зимнее жилище 17x10 м, якобы состоявшее из шести секций, в которых, по его мнению, помещались отдельные семьи общины, а седьмая секция у входа была занята большим очагом (Будько, Сорокина, 1969, с.133). Изучение сведений о планиграфии поселения Юдиново 1 привело Сергина к выводу о том, что настоящим жилищем был округлый объект, ограниченный выкладкой из черепов мамонта, и имевший внутренний диаметр около 5 м. Внешние же конструкции из костей, принятые ранее за стены «многокомнатного дома», – не что иное, как заслон от ветра и стекающих по склону талых и дождевых вод. Выводы И.Г. Шовкопляса о наличии на Мезинской стоянке следов пяти хозяйственно-бытовых комплексов Сергин также подверг пересмотру, убедительно доказав отсутствие следов «малых долговременных жилищ». Согласно данным Сергина, мы имеем дело с остатками лишь двух костно-земляных сооружений аносовско-мезинского типа, аналогичных Юдиновским, и двух хозяйственно-бытовых комплексов: одно раскопано Шовкоплясом, второе не было внятно распознано при раскопках Ф.К. Волкова и П.П. Ефименко в самом начале XX века. Остальные «жилища», по мнению В.Я. Сергина, – остатки хозяйственных ям, наполненных костями. Супоневская стоянка под Брянском с её якобы семью жилищами в рассмотрении Сер-

гина обладает лишь одним исследованным раскопками долговременным капитальным жилищем, конструктивно весьма сходным с мезинскими и юдиновскими. Исследователю по архивным документам раскопок Супонево удалось вычлениить следы такого жилища, не распознанного во время раскопок 1920-х гг. и неверно интерпретированного на рубеже 1940-50-х гг. И.Г.Шовкоплясом.

Нельзя не сказать, что попытки унификации палеолитических жилищ «среднеднепровских поселений» не всегда приносили плоды. Увлечение процессом приводило порой к необъективным выводам и непреднамеренной подгонке фактов под результат. В частности, это касается стоянки Елисеевичи. Одной из практически неизменных деталей конструкции аносовско-мезинских (среднеднепровских) жилищ являются кости с преднамеренно пробитыми отверстиями. Есть они и в Мезине, и в Супонево, и в Юдиново, и в Костенках 11, и в Гонцах, и в Межиричах, и Добраничевке. А вот в Елисеевичах таких артефактов нет, и уже потому нет оснований говорить о наличии там жилища, сходного с Юдиновским и Мезинским. Более того, реконструкция размещения этого жилища надумана и не соответствует ни опубликованным К.М.Поликарповичем данным, ни обнаруженной автором в его архиве схеме размещения черепов мамонта в раскопе 1935 г. (Архив ЮКМ, ф.2, д.3). Иначе говоря, Елисеевичи выпадают из круга «среднеднепровских памятников».

Летом 1974 г. новоиспеченный кандидат наук Виктор Сергин принимает участие в работе Алтайской новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР в зоне строительства Гилёвского гидроузла на р. Алей Алтайского края. Здесь он знакомится со старшеклассником Артуром Кунгуровым, для которого на многие годы стал научным наставником (правда, в большей степени по переписке). Ныне Артур Леонидович Кунгуров (не путать с однофамильцем – сибирским журналистом-лжеисториком Алексеем Кунгуровым!) – известный археолог, кандидат исторических наук, доцент Алтайского государствен-

ного университета.

На вторую половину 1970-х годов приходится пик активности полевых исследований В.Я. Сергина. С 1976 г. Виктор Яковлевич как состоявшийся специалист по палеолитическим жилищам начинает раскопки в с. Юдиново Брянской области. Здесь в 1947 г. патриархом белорусской археологии К.М. Поликарповичем были обнаружены два палеолитических костно-земляных жилища, детально рассмотренных в кандидатской диссертации Сергина. Теперь он решил выяснить ситуацию с наличием жилых сооружений на соседних стоянках Юдиново 2 и 3. Брянский палеолитический отряд ИА АН СССР в 1976, 1979-80 гг. исследовал их на небольшой площади, но результаты раскопок оказались весьма интересными. Основными целями стали поиск и изучение новых конструкций из костей мамонта.

В 1976 г. основные работы были сосредоточены на пункте Юдиново 3, который связан с местом, ориентированном не на долину реки (как Юдиново 1), а на древнее карстовое озеро. Хронологически и по материальной культуре памятник оказался похожим на Юдиново 1: об этом говорили геологические условия и сходный инвентарь (кремь, бусина из морской раковины *Nassa reticulata* L., лопатка мамонта с искусственно пробитым отверстием, череп мамонта, установленный альвеолами бивней вниз). (Архив ИА РАН, Р-1, №6484). В 1979 г. самый большой в Юдиново 3 шурф 4 с вкопанным черепом мамонта был превращен в раскоп. Открывшаяся конструкция представляла собой выкладку из специально отсортированных костей мамонта, тянущуюся через весь раскоп с юго-востока на северо-запад. В.Я. Сергин пришел к выводу, что это край костно-земляного жилища, имеющего в основании черепа мамонта, как в жилищах Юдиново 1 и Мезина (Архив ИА РАН, Р-1, №7606). В следующем, 1980-м году, в раскоп был расширен шурф 3 в 10 м к северо-западу, где удалось расчистить северо-западный край жилого комплекса (Архив ИА РАН, Р-1, №7604). Планы были велики, однако средства на полномасштабные раскопки Академия наук не выделила. Исследование новых костно-земляных жилищ в

Юдиново осталось нереализованным.

В 1977-1980 и 1985 гг. В.Я. Сергин реализует другой полевой проект. Он проводит исследование стоянки Гонцы на р. Удай (Полтавская обл. Украины). П.И. Борисковский (1953) в свое время попытался интерпретировать скопление костей и черепов мамонта на ней как нераспознанные жилые полуземлянки. Главной задачей, таким образом, стало повторное вскрытие с учетом новых знаний скопления костей на месте костно-земляного дома (он оказался наземным, как в Межиричах и Добраничевке), раскопанного в начале века, а также изучение прилегающих к нему участков культурного слоя. Комплекс имел размеры 5,7 x 5,5 м., в остатках жилища выявлены 22 черепа мамонта, 17 лопаток (из них 7 пробитых), нижняя челюсть, тазовые кости (2 пробитых), четыре крупные трубчатые кости, шесть целых и три передних половины бивней. В работах на стоянке приняли участие как студенты (среди них уже упоминавшийся Артур Кунгуров), так и известная палеонтолог и археолог Н.Л. Корониец (она отбирала для анализа кости из раскопа), а также знаменитый исследователь палеолитических жилищ, доктор исторических наук И.Г. Шовкопляс, в то время находившийся в научной и партийной опале и изгнанный из украинского Института археологии.

В течение неполных трех лет (1980-1982) научный сотрудник сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР В.Я. Сергин исполнял одновременно обязанности редактора крупнейшего отечественного академического журнала по своей специальности – «Советская археология».

В 1986 и 1987 гг. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.Я. Сергина и Средневожской археологической экспедицией Куйбышевского государственного университета под руководством Л.В. Кузнецовой было проведено совместное исследование местонахождения Челюскинец II в Волгоградской области, в результате чего был подтвержден мустьерский возраст памятника.

Продолжалась тем временем и работа по изучению со-

оружий эпохи палеолита. Не ограничиваясь рассмотрением костно-земляных жилищ, В.Я. Сергин посвятил много сил изучению таких структурных элементов поселений древнекаменного века, как большие хозяйственные ямы, присутствовавшие как в составе среднеднепровских, так и костенковско-авдеевских комплексах. Главный его вывод: такие объекты основную часть срока служили хранилищами мясных запасов, а к концу существования поселения использовались как свалка.

Далее Виктор Яковлевич уделил внимание рассмотрению костенковско-авдеевских комплексов и других типов жилищ на памятниках восточного граветта. Первый очень важный для дальнейших построений его вывод гласил, что костенковско-авдеевские комплексы, традиционно реконструированные как огромные многоочажные дома с «пристройками» жилого и хозяйственного назначения, являются не гигантскими жилищами, а поселениями с множеством жилищ. Детальный анализ особенностей размещения культурных остатков в 1-м жилом комплексе Костенок 1 позволил Сергину дать собственный обоснованный вариант реконструкции центральной части жилого комплекса в виде узкого и длинного многоочажного жилища. Учитывая наличие в Костенках 1 минимум трех многоочажных комплексов, а в Авдеево – минимум двух, один из учителей В.Я. Сергина – А.Н. Рогачев, приняв во внимание целесообразность их взаимоположения, предположил и их синхронность, придя к выводу о существовании крупных «палеолитических деревень», включая в них не только соседние комплексы, но даже соседние стоянки (Костенки 13, 18). Такие образования он считал «племенными поселками», сближая их с большими раннеземледельческими поселениями (Велично, Рогачев, 1969). Однако В.Я. Сергин в сравнении с поселениями среднеднепровского типа продемонстрировал, что по своим параметрам (общая площадь, количество крупных хозяйственных ям, очагов, объем фаунстических остатков и т.д.) они являются аналогами самостоятельных поселений. Если до недавнего времени этот вывод сторонники концепции «палеолитических деревень» пытались

оспаривать, то после исследований Зарайской стоянки в Подмосковье с перекрывающимися друг друга костенковско-авдеевскими комплексами утверждение, что каждый комплекс являл собою вполне самостоятельную поселенческую структуру, было убедительно доказано (Амирханов, Лев, Селезнев, 2001). Увы, анализ В.Я. Сергиным других типов жилищ на стоянках «восточного граветта» (например, в Хотылево 2 на Брянщине) оказался непродуктивным и не позволил сделать каких-либо серьезных выводов.

Восприятие костенковско-авдеевских комплексов как отдельных поселений, с одной стороны, и подробное изучение структуры среднеднепровских поселений – с другой, привели В.Я. Сергина к необходимости решения задачи по классификации палеолитических поселений на территории СССР, включая и ряд деснинских памятников.

В 1992 г. Виктор Яковлевич успешно защитил в Институте археологии РАН докторскую диссертацию «Палеолитические поселения Европейской части СССР (памятники с жилым обустройством)».

Уже в 1980-х годах А.Н. Рогачев и его ученик М.В. Аникович (1984) утверждали, что для классификации палеолитических поселений не хватает материала и почти ни одно поселение не может быть рассмотрено как единое целое, поскольку крайне мало памятников исследовано полностью. В.Я.Сергин для реализации этой задачи выбрал выделяющиеся из общего массива стоянки с жилищами, а затем рассмотрел наиболее важные и информационно обеспеченные классификационные аспекты: 1) расположение поселений на местности; 2) форму поселений; 3) сезонную приуроченность поселений. Из Деснинских поселений в его матрицу вошли Мезин, Супонево, Авдеево, Елисеевичи, Юдиново 1 и 3, Пушкири 1 и Тимоновка 1 и 2.

Поскольку тип поселения, безусловно, должен был влиять на стратегию его размещения параллельно с анализом стратегии выбора мест поселений, В.Я. Сергин предложил разделить

памятники верхнего палеолита на поселения и стоянки. В свою очередь, в категорию поселений он включал три типа: круглогодичные и поселения теплого и холодного сезона. Стоянки же – эфемерные, кратковременно обитаемые объекты за пределами базового поселения.

Форма поселений, по Сергину, – взаиморасположение объектов (в первую очередь – жилищ). Им выделены следующие виды планировки: 1) свободная; 2) дугообразная; 3) линейная; 4) овально-замкнутая; 5) случайная. Этот раздел работы представляется не вполне убедительным по причине, названной Рогачевым и Аниковичем и упомянутой выше. Если, к примеру, с овально-замкнутой планировкой костенковско-авдеевских комплексов все относительно ясно, то в остальных случаях возникают резонные вопросы. Во-первых, все ли объекты (по крайней мере, жилища) учтены, а во-вторых, все ли учтенные объекты существовали на поселении синхронно? Без четкого ответа на поставленные вопросы разговор о типологии планировки теряет смысл, равно как и попытка восстановить хронологию возникновения различных типов. Между прочим, согласно представлениям Сергина, развитие планировки шло в направлении «последовательной попытки установить контроль над участком местности, выбранном для поселения». В таком случае наиболее поздней формой поселений должны быть идеально замкнутые костенковско-авдеевские комплексы, что противоречит всем современным знаниям о хронологии верхнего палеолита.

Виктор Яковлевич попытался также систематизировать сведения о размещении долговременных поселений эпохи верхнего палеолита. При анализе расположения поселений было отмечено три типа геоморфологически различных участков местности: балки, долины рек и водораздельные пространства. Следующим параметром стала ветрозащита (по сторонам света). В результате все поселения с жилищами были разделены на: 1) открытые; 2) прикрытые; 3) укрытые. Заслуга Сергина здесь в том, что он свел воедино и систематизировал разрозненные до этого сведения и аргументированно отверг наличие защиты от

ветров как один из основных параметров стратегии выбора места поселения в палеолите.

Убедителен и плодотворен анализ сезонной приуроченности поселений. Для решения этой задачи Сергин использовал матрицу разнообразных признаков, которые свидетельствуют о присутствии или непрерывном пребывании людей на поселении в тот или иной сезон, о сезонной приуроченности объектов охоты. В частности, круглогодичным и признаны деснинские поселения Елисеевичи, Юдиново 1, Мезин.

Очень важен вывод В.Я. Сергина, сделанный практически параллельно с аналогичными выводами автора и исследовательницы из университета штата Иллинойс О. Соффер (Чубур, 1993; Софер, 1993), что при основании поселений значительная часть костного строительного материала, скорее всего, была результатом собирательства. В настоящее время нашу общую точку зрения активно критикует М.В. Аникович, однако при этом он, являясь сторонником загонных охот на мамонта (и по непонятной причине – возможно, собственной невнимательности – приписывающий нам полное отрицание охоты на мамонтов, о чем не было речи ни в одной публикации), не в состоянии найти убедительных объяснений формированию запасов костей от десятков особей, использованных для сооружения жилищ. Для объяснения характерного для стада, но не для охотничьей добычи, возрастно-полового состава останков мамонта на стоянках он даже привлекает крайне экзотическую гипотезу «полуодомашненного мамонта» (Аникович, Анисюткин, Платонова, 2010). Однако результаты анализа, проведенного В.Я. Сергиным и автором, пока более реалистичны, чем такого рода фантазии.

В заключение своей работы В.Я. Сергин наметил пути дальнейшего исследования палеолитических поселений: 1) классификация поселений по культурному признаку (достаточно ли однокультурные поселения своеобразны по отношению к инोकультурным); 2) классификация в зависимости от основных направлений хозяйственной деятельности обитателей поселения.

После защиты докторской диссертации и крушения советской системы исследователь практически прекратил самостоятельные стационарные раскопки (причины тому были как личные, так и полное отсутствие государственного финансирования), однако в действующие экспедиции выезжал, принимая участие, в частности, в изучении Зарайской стоянки в Подмосковье и Хотылевской стоянки на Брянщине (1998 г.).

В настоящее время В.Я. Сергин является ведущим научным сотрудником Отдела археологии каменного века Института археологии РАН, под его руководством защищено несколько кандидатских диссертаций. К настоящему времени Виктор Яковлевич – автор более 80 научных публикаций. В последнее время его внимание привлекает проблематика взаимодействия человека и природной среды.

75-летие – важный жизненный рубеж. У такого вдумчивого, упорного и неунывающего ученого, как Виктор Яковлевич Сергин, впереди, безусловно, ещё новые публикации, новые ученики и новые открытия. Пожелаем ему крепкого здоровья, творческих успехов, плодотворной работы на ниве археологии.

См. вклейку рис. 21-23.

Список основных работ В.Я. Сергина

1. Раскопки в городище Какхаха I. // Сообщение Государственного объединения музея историко-краеведческого и изобразительного искусства, вып. IV. – Душанбе, 1966. С.29-58.
2. Об одной гипотезе одомашнения собаки // Советская археология. – 1971. - № 1. - С.195-200.
3. Поселение позднего палеолита // Природа. – 1973. - № 8. - С.117.
4. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности их обитания на палеолитических поселениях // Советская археология. – 1974. - № 1. - С.3-11.
5. О размере первого палеолитического жилища в Юдиново // Советская археология. – 1974. - № 3. - С.236-240.

6. Палеолитические жилища Европейской части СССР. Авт. канд. дис. – М., 1974.
7. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей // Каменный век. Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – М., 1975. - Вып.141. – С.58-62.
8. Работы Алейской экспедиции // Археологические открытия 1974 года. – М., 1975. - С.222. (Соавторы: Медникова Э.М., Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С.)
9. Раскопки в Юдиново // Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. - С.70.
10. Обнаружены ли следы жилища на Ильском поселении? // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977. - С.40-43.
11. Раскопки палеолитического жилища в Гонцах // Археологические открытия 1977 года. – М., 1978. – С.83.
12. Научно-теоретическая конференция «Атеизм и проблемы происхождения человечества» // Вопросы теории и методологии археологической науки. Краткие сообщения Института археологии. - М., 1978. - Вып. 152. (Соавтор Гришин Ю. С.).
13. Раскопки Гонцовского палеолитического поселения // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. - С.402.
14. Палеолитические поселения среднеднепровского типа и их историко-культурное значение // Памятники первобытной культуры. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М., 1979. - Вып.157. - С.15-20.
15. К фаунистической характеристике Супоневского поселения // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. - М., 1979. - № 49. - С.134-136.
16. Работы Брянского палеолитического отряда // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980. - С.75-76.
17. Раскопки жилищно-хозяйственного комплекса в Гонцах // Археологические открытия 1979 года - М., 1980. - С.336.
18. Раскопки палеолитического поселения Юдиново 3 и пункта

- Юдиново 2 // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. - С.80.
19. Раскопки в Гонцах // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. - С. 310.
 20. Раскопки на Гонцовском палеолитическом поселении // Каменный век. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1981. - Вып. 165. - С.43-50.
 21. О происхождении и развитии палеолитических поселений // Советская археология. – 1982. - № 2.
 22. Назначение больших ям на палеолитических поселениях // Каменный век. Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – М., 1983. - Вып.173. - С.23-31.
 23. Применение метода связей в археологических исследованиях // Советская археология. - 1984. - № 1.
 24. О сущности костенковско-авдеевских комплексов // Каменный век. Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – М., 1987. - Вып.189.
 25. Структура Мезинского палеолитического поселения. - М.,1987. - 104 с.
 26. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР // Советская археология. – 1988. - № 3. - С.5-20.
 27. Палеолитическое местонахождение Челюскинец II // Археологические открытия 1986 года. - М., 1988. (Соавтор Кузнецова Л.В.).
 28. Исследование поселений среднеднепровского типа // Полевая археология древнекаменного века. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М., 1990. - Вып.202. - С.49-53.
 29. Скопления костей мамонта на палеолитических поселениях // Российская археология. – 1991. - № 4.
 30. О сезонах обитания на палеолитических поселениях // Краткие сообщения Института археологии РАН. – М., 1992. -

Вып.206.

31. Об ориентировке входа в палеолитических жилищах // Деснинские древности. – Брянск, 1995. - Вып.1. - С.30-33.
32. Жилища на памятниках восточного граветта // Тезисы докладов международного коллоквиума «Восточный граветт». - М., Зарайск, 1997.
33. Жилища на памятниках «восточного граветта» Русской равнины // Восточный граветт. - М., 1998. - С.151-176.
34. Местонахождение Челюскинец II // Археологический альманах. – Донецк, 1999. - № 8. - С.99-108. (Соавтор Кузнецова Л.В.).
35. Размещение культурных остатков в Комплексе 1 Костенок 1 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы : тезисы докладов. – СПб, 1999. - С.58-59.
36. Охота и собирательство как источник поступления костей мамонта на позднепалеолитические поселения Центра Русской равнины // Мамонт и его окружение. 200 лет изучения. - М., 2001. - С.346-355.
37. Размещение культурных остатков в комплексе 1 верхнего слоя Костенок 1 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. - СПб., 2002. - С.42-52.
38. 120 лет исследований палеолита Костенок: традиции и тенденции // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб., 2002. - С.1-9. (Соавторы. Синицын А.А., Хоффекер Д. Ф).
39. Вероятный состав Гонцовского поселения // Кам'яна доба України.– Киев, 2003. - Вип.4. - С.199-205.
40. Супонево: внежилищный участок: структура поселения // Российская археология. - 2003. - № 3. - С.14-27
41. Супонево: общие сведения. Остатки жилища. // Российская археология. – 2003. - № 2. - С.5-16.
42. Пункты палеолитических находок 2-4 в Юдинове // Проблемы каменного века Русской равнины. – М., 2004. С.180-198.
43. Культурные отложения мустьерской пещерной стоянки Чокурча // Российская археология. – 2005. - № 1. - С.7-21 .

44. К радиоуглеродной хронологии поселений среднеднепровского типа // Российская археология. – 2007. - № 4.
45. Позднепалеолитические поселения и некоторые особенности природной среды // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. - М., 2007.
46. Малоизвестные жилища поселения Юдиново // Человек, адаптация, культура. - М., 2008.
47. Костяные острия стоянки Гонцы из раскопок 1970-80-х гг. (техничко-морфологический и трасологический анализ) // Деснинские древности. – Брянск 2008. - Вып.5. (Соавтор Ахметгалеева Н.Б.).
48. К истории изучения палеолитических поселений Восточной Европы (1873 г. - 1930-е годы) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М., 2010.
49. Кирилловское поселение // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса.– СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. - Т. I. - С.87.

-
1. Амирханов, Х.А. Проблема «палеолитической деревни» костенковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки / Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев, А.Б. Селезнев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии РАН. - М., 2001. - Вып.211.
 2. Аникович, М.В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы / М.В. Аникович, Н.К. Анисюткин, Н.И. Платонова // Stratum plus. - Кишинев-Одесса-Бухарест-СПб. - 2010. - № 1.
 3. Борисковский, П.И. Палеолит Украины / П.И. Борисковский // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.;Л., 1953. – Вып. 40.
 4. Будько, В.Д. Поздний палеолит северо-запада Русской

- равнины / В.Д. Будько, Р.А. Сорокина // Природа и развитие палеолитического общества. - М., 1969.
5. Величко, А.А. Позднепалеолитические поселения на среднем Дону / А.А. Величко, А.Н. Рогачев // Природа и развитие палеолитического общества. - М., 1969.
 6. Рогачев, А.Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А.Н. Рогачев, М.В. Аникович // Палеолит СССР (Археология СССР). - М., 1984.
 7. Чубур, А.А. «Мамонтовое собирательство» в бассейне Десны / А.А. Чубур // Природа. – 1993. - № 7.
 8. Соффер, О.А. Верхний палеолит средней и восточной Европы: люди и мамонты / О.А. Соффер // Проблемы палеоэкологии древних обществ. - М., 1993.

Н.Г. Федькина,
*аспирант, Брянский государственный
технический университет*

Вклад меценатов в развитие низших учебных Заведений в России

**(на примере деятельности М.К. Тенишевой,
С.С. и П.С. Могилевцевых)**

Стремительное развитие экономики и промышленности в России в конце XIX – начале XX вв., внедрение новых способов производства, усовершенствование технических средств труда определяли создание различных уровней профессионального образования, которые выступали средством подготовки квалифицированных специалистов. Начался быстрый количественный рост как самих предприятий, так и рабочих, занятых на производстве, поскольку осуществлялся переход от одной формы промышленности к другой (от мануфактуры к фабрике). Экономическое развитие страны поставило задачу подготовки специалистов для работы по различным отраслям производства. Россия

нуждалась в хорошо подготовленных профессиональных кадрах.

Следует отметить, что к середине XIX века в России функционировали различные учебные заведения (высшие, средние, низшие), в рамках которых осуществлялась подготовка специалистов для развивающейся отечественной промышленности. Однако для развития промышленного потенциала страны было недостаточно одного высшего технического образования. России требовались не только «хорошие управленцы», но и специалисты среднего и низшего звеньев. В связи с этим в 1888 году был принят законодательный документ «Основные положения о промышленных училищах», согласно которому официально предоставлялось образование техническое (среднее) и ремесленное (низшее). «Средние технические училища предназначались для сообщения знаний и умений, необходимых техникам (помощникам руководителей промышленных предприятий). Низшие технические училища, наряду с обучением приемам какого-либо определенного ремесла или производства, сообщали знания и умения, необходимые руководителям (непосредственным) труда рабочих» [1].

Таким образом, ремесленные училища занимались практическим обучением, где изучались приемы работы, используемые в различных производствах. В конце XIX века существовало несколько типов ремесленных учебных заведений: ремесленные училища, школы ремесленных учеников, низшие ремесленные школы, сельские ремесленные учебные мастерские.

В 1893 году было утверждено положение о школах ремесленных учеников, в 1895 году – о низших ремесленных школах, в 1897 году – о сельских ремесленных учебных мастерских. В трехгодичных ремесленных школах изучались первоначальные приемы ремесла, совершенствование которого проходило уже на практике.

С середины XIX в. ведущая роль в создании низших учебных заведений стала принадлежать общественности и частным лицам (благотворителям и меценатам), большая часть из

которых финансировала и поддерживала развитие специальных учебных заведений.

Хотелось бы отметить, что наиболее дальновидные представители высших кругов России – промышленники, предприниматели и общественные деятели, к числу которых можно отнести В.Н. Тенишева – одного из владельцев Брянского рельсопрокатного завода, его супругу, Марию Клавдиевну – известную меценатку и просветительницу, а также знаменитых меценатов – братьев С.С. и П.С. Могилевцевых, – понимали, что успехи экономического процветания страны вообще и Брянска в частности невозможны без подготовленных специалистов в рамках промышленного производства и других сфер деятельности.

В то время Брянский рельсопрокатный железодельный и механический завод, находящийся в рабочем поселке Бежица, был одним из ведущих промышленных предприятий России. Завод выпускал вагоны, мостовые конструкции, листовое железо и сталь, сортовое железо, рельсы и т. д. К концу XIX века было начато строительство судов и паровозов, а также производство снарядов и другого военного снаряжения.

Продукция завода демонстрировалась на международных выставках. Внедрение новых способов работы на предприятии, усовершенствование технических средств труда свидетельствовали о том, что завод нуждался в технических кадрах. Будучи представительницей передовых общественных взглядов, М.К. Тенишева настоятельно убеждала руководство предприятия, что открытие ремесленного училища поднимет производство на более высокий уровень.

Учебное заведение начало действовать в 1892 году в здании бывшего детского сада, который когда-то организовала первая жена В. Н. Тенишева. Функционирование детского сада на то время себя не оправдало и вот почему: на заводе практически не было рабочих мест для женщин. Металлургическое дело – это не мануфактурная фабрика, где женщинам работа по силам. Жены оставались дома – вели хозяйство, нянчили детей. Дет-

ский сад пустовал и вскоре закрылся. М. К. Тенишева выпросила у мужа это здание, объяснив, что надо занять делом подростков, хулиганящих на улицах.

В короткие сроки было куплено необходимое оборудование, открыты вечерние классы черчения. Первый набор составил 60 человек. Для престижа учебного заведения она пригласила преподавателя Смоленского технического училища Александра Михайловича Смирнова, который со 2 августа 1892 года стал его заведующим (инспектором). С сентября этого же года в школе стал также работать опытный учитель Сергей Васильевич Донченков. Рядовыми преподавателями были заводские инженеры и конструкторы. Дети в возрасте от 12 до 15 лет обучались столярно-модельному и слесарно-кузнечному ремеслу. Княгиня писала: «С мальчиками, которые недавно бегали весь день по пыльным улицам, произошло поистине чудо. Передо мной стояли будущие люди, сознательно относящиеся к работе, с рвением, усердно взявшиеся за серьезное дело» [2]. В 1893 году М.К. Тенишевой было преподнесено резное блюдо с текстом: «Княгине Тенишевой в благодарность от родителей учеников ремесленного училища». Популярность профессионально-технического обучения поставила вопрос о строительстве для училища отдельного престижного помещения.

М. К. Тенишевой была проведена большая и кропотливая работа. Во-первых, она добилась от мужа использования части парка под строительство, затем выхлопотала в Петербурге в акционерном обществе завода 100 тысяч рублей на материальные нужды училища. Князь В.Н. Тенишев всячески поддерживал данное начинание, так как идея жены вполне отвечала его устремлению видеть рабочего более грамотным, приобщенным к технике, а это способствовало росту производительности труда на заводе. Княгиня М.К. Тенишева с А.М. Смирновым разработали программу и устав школы, в которых использовали темы и принципы из общих программ технических училищ. Новое двухэтажное здание было построено в короткий срок. Машины

и станки выписывались из Англии и Америки. Электричество, водопровод – все по последнему слову техники.

На основании «Устава» от 14 июля 1894 года училище было преобразовано в школу ремесленных учеников, открывшуюся на средства князя В.Н. Тенишева и акционерного общества Брянского рельсопрокатного железоделательного завода, а попечителем учебного заведения стала княгиня Тенишева. Ремесленная школа находилась в ведении Министерства народного просвещения и учреждалась «с целью бесплатно сообщать учащимся... преимущественно детям рабочих Брянского завода, знания и умения, необходимые для осмысленной работы в мастерских» [3]. 7 сентября 1895 года учебное заведение было переведено в новое здание и названо именем М.К. Тенишевой. На первый курс набрали уже 200 человек. Школа имела 3-летний курс обучения. К числу обязательных дисциплин относились: Закон Божий, русский и церковнославянский языки, история, география, арифметика, геометрия, садоводство, физика, черчение и рисование. Для приобретения навыков работы со слесарным инструментом к первоклассникам прикреплялись ученики старших классов [4]. После окончания они поступали на Брянский завод, где их встречали с нежеланием, так как мастерам было проще работать с самоучками – тринадцатилетними детьми. М. К. Тенишева начала борьбу с неприкрытой формой эксплуатации детского труда, указав руководству завода на то, что еще в 1860 году был принят «Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде», согласно которому запрещалось применение труда детей до 12-летнего возраста, ночная работа несовершеннолетних (12-16 лет), а также ограничивалось рабочее время детей 12-14 лет до 10 часов [5]. Проект был разослан по российским губерниям. В нем указывалось, что ответственность за нарушение этих правил возлагалась на предпринимателей, контроль за ними – на особую правительственную инспекцию с широкими правами и полномочиями. Все это могло отрицательно сказаться на репутации и доходах предприятия. Так,

при содействии М.К. Тенишевой стало правилом принимать на завод мальчиков не моложе семнадцати лет.

В мае 1896 года учебное заведение отпраздновало первый выпуск. В том же году Николай II выразил благодарность Тенишевым за деятельность на пользу отечественного образования – за создание ремесленного училища в Бежице. Высокие знания выпускников Бежицкой школы ремесленных учеников были оценены быстро. Из разных уголков Российской империи посыпались заявки на знающих своё дело мастеров. Покинув Бежицу в 1896 году, М. К. Тенишева перестала быть попечителем учебного заведения. До 1917 года школа находилась в ведении Министерства народного просвещения. В соответствии с декретом Совнаркома от 11 декабря 1917 года школа была передана в ведение Наркомпроса.

Деятельность княгини М. К. Тенишевой сыграла важную роль в создании школы ремесленных учеников, в становлении низшего технического образования в Бежице. Поставив перед собой задачу по подготовке специалистов-практиков, на которых возлагалась задача повышения эффективности различных отраслей производства, М.К. Тенишева заложила основы профессионально-технического обучения рабочих, что является ярким примером богатого опыта подготовки молодых кадров дореволюционной России.

Большое внимание профессиональному образованию уделяли и братья Могилевцевы. В частности, в начале XX в. Семен Семенович Могилевцев решил открыть женское ремесленное училище. 18 июля 1905 г. он написал заявление в городскую думу с просьбой ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об открытии училища, указывая на то, что нужно развивать не только мужское, но и женское образование. Важную роль в финансировании училища сыграло выступление в Государственной думе в защиту проекта закона об отпуске средств на содержание Брянского женского ремесленного училища члена III Государственной думы князя В.В. Тенишева (сына В.Н. Тенишева). За

эти хлопоты Брянская городская дума выразила ему благодарность [6].

С.С. Могилевцев пожертвовал для размещения этого училища вновь выстроенное двухэтажное каменное здание с усадьбой, всеми постройками и водопроводом, а также положил в банк 25 тыс. руб. неприкосновенного капитала, проценты с которого шли на содержание училища. Обучение в нём было бесплатным, только некоторые дети состоятельных родителей должны были платить за учебу по 10 руб. в год. В училище обучали основам ремесла швеи и кухарки. Кроме того, там преподавали общеобразовательные дисциплины – Закон Божий, черчение и рисование. С.С. Могилевцев сам разработал устав училища. Девочки занимались с 9 до 17 часов с перерывом на обед, который готовили сами под руководством преподавателя кулинарии.

Училище расширилось, и С.С. Могилевцев построил рядом с ним еще одно специальное здание. 30 декабря 1907 г. на чрезвычайном собрании Брянской городской думы он доложил о решении Правительства с 1 января 1908 г. финансировать женское ремесленное училище и предложил утвердить смету расходов и Устав училища. Дума решила присвоить училищу имя Любови Алексеевны Могилевцевой – матери братьев Могилевцевых [7].

Таким образом, открыв в Брянске женское ремесленное училище, С.С. Могилевцев дал возможность развитию среди женского населения города профессиональных знаний.

Развитие торговых отношений подтолкнуло братьев Могилевцевых к поиску новых форм организации обучения – через специальные учебные заведения, которые готовили бы молодых людей к коммерческой деятельности. Понимая, как не хватает грамотных работников в торгово-промышленной сфере, в январе 1908 г. они подали в городскую думу заявление, в котором говорилось, что «жители среднего сословия Брянска, состоящего из малых торговцев, держателей небольших промышленных и ремесленных заведений, приказчиков и мелких служащих, не могут удовлетвориться элементарным образованием своих детей, а за не-

имением достаточных средств не в состоянии обучать их, и дети остаются без достаточного запаса знаний для самостоятельной жизни» [8]. Люди, ведущие торговлю, должны были быть подготовлены к профессиональному делу, а для этого им необходимо получить профессиональное образование. С.С. и П.С. Могилевцы предложили Думе ходатайствовать перед Министерством торговли и промышленности об открытии в Брянске трехклассной торговой школы и обещали пожертвовать для ее размещения специально построенное здание, оборудовать его мебелью, обеспечить учебными пособиями, а также внести в банк 25 тыс. руб. неприкосновенного капитала с тем, чтобы проценты с него шли на содержание школы.

13 января 1908 г. было решено открыть первый класс торговой школы. На месте старого дома их отца, С.В. Могилевцева, построили здание торговой школы. Это был самый крупный объект, построенный для города Могилевцами. Уже в начале октября 1909 г. братья Могилевцы передали Брянску здание торговой школы и просили городскую думу присвоить ей имя их отца – С.В. Могилевцева. В первом классе торговой школы изучали: Закон Божий, русский и немецкий языки, арифметику, историю, географию, товароведение, каллиграфию и рисование. В программу входили также бухгалтерия, коммерция, коммерческая арифметика, коммерческая география и коммерческая корреспонденция [9]. Торговая школа в Брянске функционировала вплоть до первой мировой войны.

В заключении хотелось бы отметить, что низшее профессиональное образование в России только начинало соответствовать требованиям того времени, поэтому в отличие от мелкого лавочника общественные деятели и дальновидные предприниматели осознавали роль работника на производстве и для того чтобы иметь квалифицированный персонал, принимали участие в учреждении и финансировании школ начального и профессионального образования. Организация М.К. Тенишевой и братьями С.С. и П.С. Могилевцами ремесленных и торговых школ, финансирование их строительства, выделение субсидий на стипен-

дии студентам сыграли большую роль в становлении и развитии низшего профессионального образования на территории Брянского уезда.

1. Анопов, И.А. Опыт систематического обзора материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России / И.А. Анопов. – СПб., 1889. – С. 543.
2. Тенишева, М.К. Впечатления моей жизни. Воспоминания / М.К. Тенишева. – М., 1991. – С. 58.
3. Исторический очерк Брянского завода в Бежице. – М., 1911. – С. 75.
4. Там же. С. 76.
5. Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде. – СПб., 1860. - С. 57.
6. Исайчиков, Ф.С. Братья Могилевцевы - Брянску / Ф.С. Ис айчиков, И.М. Полозов. - Брянск, 1999. – С. 23.
7. Там же. С.24.
8. Там же. С. 28.
9. Там же. С. 31

Е.В. Киселева,
*аспирантка, Брянский государственный
университет им. академика И.Г. Петровского*

Образ героя в региональных текстах агитации и пропаганды 1917-1920 гг.

(на материалах Орловской и Брянской губерний)

Объектом данного исследования выступил образ героя в региональных текстах агитации и пропаганды. В понятие «образа» мы вкладываем классическое материалистическое понимание явления, возникающего как результат запечатления одного объекта в другом. Образ есть претворение первичного бытия в бытие вторичное, отраженное и заключенное в чувственно доступную форму [1]. Предметом исследования выступил образ героя в региональных текстах агитации и пропаганды 1917-1920 годов на материалах Орловской и Брянской губерний. Фактически в названии работы указан источник запечатления этого образа – тексты агитации и пропаганды, издававшиеся и распространявшиеся на территории двух губерний Центральной России в период сразу после Октябрьской революции в ходе Гражданской войны. С определенной точки зрения можно сказать, что мы имеем дело с медиа-образами. То есть теми образами культуры и общества, воспроизводимыми средствами массовой информации, которые ведут к созданию стереотипов или непосредственно ими являются [2].

Для введения в проблему необходимо сказать о разработанности темы «образа героя в советской пропаганде» в современной отечественной историографии. Как показывает анализ исследовательской литературы, проблема как самостоятельная еще не ставилась. Однако это не говорит о том, что исследователи не касались ее вообще. Являясь архетипом культуры, а особенно культуры тоталитарной, образ героя был неотъемлемой частью культурной реальности Советской России. И обойти проблему «образа героя» не мог ни один культуролог, бравший-

ся за исследования феномена советской культуры или советской ментальности. Так, образ героя рассматривается в дихотомии «герой-враг» в диссертационном исследовании М.Э. Никитиной [3] и в ставших уже классическими по психологии войны работах Е.С. Сенявской [4]. Обе исследовательницы успешно рассматривают механизмы формирования героических символов, значение их для системы идеологических мифологем, роль героической символики в укреплении мифологического сознания.

Источниками работы послужили статьи советских газет, стихотворения пролетарских поэтов, резолюции митингов и собраний. Отобранные нами для анализа газеты издавались с 18 мая 1918 г. по конец 1920 года в уездах, сформировавших в 1920 г. Брянскую губернию: Брянском, Карачевском, Севском и Трубчевском. В анализ также включены материалы Болховских, Малоархангельских и Дмитровских известий и статьи газет губернского центра Орла. В анализ мы также включили 90 стихотворений и две пьесы И. Мукосеева и 34 стихотворения других пролетарских поэтов губернии, публиковавшиеся на страницах Бежицких, Орловских, Малоархангельских, Дмитровских, Карачевских известий, «Нашего пути» Карачевского уезда, газет г. Орла «Коммунист» и «Рабочий и крестьянин». Из источников устной и комплексной форм агитации и пропаганды мы использовали около 60-ти резолюций митингов и собраний. При анализе источников были применены количественный метод контент-анализа и лингвистические методы работы с метафорой.

Так, по общему убеждению пролетарских поэтов, все формы борьбы и мятежа, в их числе и революция, должны были быть присущи человеку активному. Презирает рабство и воспевает свободу ливенский поэт С. Заревой: «Пусть мне злое готовит судьба – // Испытанье я кротко приму, // Но постыдное иго раба – // Никогда, никогда не возьму! // Я свободной душою люблю // Лучезарного братства восход, // Кровь горячего сердца пролью // И бесстрашно умру за народ!» [5]. Мукосеев пишет: «Нет сраму худшего отчизне, // Чем эти гнусные рабы// Нет ничего священной в жизни // Всепоглощающей Борьбы! // И жизни

только тот достоин, // Кто не мирился с вечным злом, // Кто в жизнь пришел, // Как честный воин // И не уснул мертвящим сном» [6]. Перемешивая в вышеприведенном отрывке высокий стиль лексики с разговорным, поэт пытался приблизить послание к языку пролетарской аудитории. Поэтам искренне хотелось верить, что этой самой внутренней активностью обладает весь пролетариат. Ведь именно ему предстоит осуществить прорыв в «новую жизнь» в результате грандиозной битвы и подавления врага. В стихотворении «Завещание пролетария» Мукосеев прямо указывает на удел жизни рабочего: «Не умру я от чахотки // На постели пуховой. // Век мой кончится короткий // В поле, в схватке боевой» [7].

Как ипостась трудящегося народа, вынужденного защищать завоеванную свободу, в творчестве поэтов появляется красноармеец-новобранец. Таким «юным и смелым» Сергей Поляков посвящает строки в «Красной дружине»: «Были улицы от снега белыя // И заря вечерняя светла... // Уходили юные и смелые // Их любовь к свободе в бой вела» [8]. В разгар гражданской войны, в 1919 г., солдат-красноармеец становится одной из главных фигур всех стихотворений поэтов. К нему обращается И. Мукосеев как к «хранителю ценностей мировых», «верному воину восставшего отечества» [9].

Советские газеты посвящали теме Красной Армии целые номера. А в рамках периодически проводимых агиткампаний: Дней Красного Подарка, недель борьбы против дезертирства и других тематика Красной Армии выходила на первый план всей системы агитации и пропаганды. Образ Красной Армии часто встречается и в митинговых резолюциях. Так, «Дмитровские известия» сделали тематическим номером ко Дню Красного Подарка от 30 мая 1919 г. Журналист Дм. Кладов в статье «Красные воины» утверждает, что рабоче-крестьянская социалистическая красная армия играет «великую историческую роль в деле освобождения от вековой тирании и рабства», а «ее беззаветный героизм огненными буквами запечатлен на скрижалях истории революционной борьбы, не только русского пролетариата, но и

пролетариата всего мира». Восхваляя службу в армии, журналист тем самым способствовал формированию привлекательного образа Красной Армии. Он пишет, что «наша красная армия есть организованный пролетариат плоть и кровь нас самих, а поэтому священная обязанность поддерживать с нею, как духовную (моральную), так и материальную связь. Забота об армии со стороны государства является в то же время заботой каждого из нас в отдельности» [10]. Соединяя таким путем образ пролетария и Красной Армии, автор неразрывно связывал общее и частное, подчеркивал народный и справедливый характер советской власти.

В том же тематическом номере «Дмитровских известий» сотрудник редакции Гр. Демидов называл Красную Армию «боевой силой рабоче-крестьянского правительства», «защитницей всех трудящихся от их угнетателей, капиталистов, царей, королей, банкиров, фабрикантов, помещиков, духовенства и прочих паразитических классов» [10]. Вторит ему и пролетарский поэт Г. Измайловский из Карачева в стихотворении «Вперед!» в карачевской газете «Наш путь»: «Год прошел, как носим красную // Пятиугольную звезду. // Защищая долю ясную // Защищая бедноту» [11]. О значении Красной Армии в одноименной статье пишет П. Смирнов: «Красная Армия сформирована и пополняется из рабоче-крестьянского класса для защиты интересов этого своего класса, для освобождения его от кабалы эксплуатации вековым врагом всех трудящихся – буржуазией, она носитель и проводник идей своей Советской власти, идей, сконцентрированных в одну общую идею: уничтожение социальной несправедливости и борьба за величайшие идеалы человечества – за свободу, равенство и братство» [10].

В статьях и резолюциях митингов 1918 и 1919 годов Красная Армия называется «авангардом мировой революции» и «авангардом культурных работников народного коммунизма». Армия награждается эпитетами «непобедимой», «доблестной», «дорогой». Она также именуется как «армия борьбы труда с капиталом, армия классовая, под натиском которой не только ру-

шатся устои «нашего» капиталистического строя, но и содрогаются устои и мирового капитала» [13]. Для простоты понимания журналисты объясняют, что «Красная армия состоит из рабочих и беднейших крестьян, не эксплуатирующих чужого труда» [7]. Редактор же «Бежицких известий» Н. Азовский добавляет в статье «Реальная сила»: «Армия пролетариата тем отличается от старой, потерявшей способность сражаться, что она знает, за что воюет, знает, кто ее враг, знает товарищескую солидарность и дисциплину, она знает, что такое коммунизм и советская власть» [14].

К юбилею Красной Армии юным коммунистам со штыком посвящает свое творение «Красную песню» и некто Андрей Рублев: «Солнце яркое восходит // И трубит труба поход; // Наша Армия выходит // С красным знаменем вперед. // Мир трудящимся и бедным // На штыках своих несем, // Хором дружным и победным // Песню вольную поем. // Пусть лишения и раны // Ожидают впереди... // Мы идем на вас тираны, // Гнев кипит у нас в груди! // Братья, нечего бояться, // Нам счастливый жребий дан, // Пусть в союз соединятся // Пролетарии всех стран. // Наше знамя свято, чисто, // Трудовой вокруг народ... // Он заветы коммуниста // Передаст из рода в род...» [15].

Подчеркивая пролетарский характер Красной Армии и отождествляя напрямую армию с пролетариатом, агитаторы осуществляли таким образом адресную манипуляцию. Вовлечение адресата (пролетария и красноармейца) в активную фактическую коммуникацию давало ему иллюзию активного участия в общественной жизни, а государство получало возможность постоянного действенного контроля над людьми [16]. Учитывая то, что в агитационно-пропагандистских текстах власть пытается представить себя как народную, мы предприняли попытку проследить образ власти как крестьянской в связи с тем, что большинство населения губернии представляло собой крестьянство. Попытка эта, однако, результатов не дала. Не было найдено ни одного документа – будь это стихотворение пролетарского поэта, агитационная статья или же резолюция митинга или со-

брана, ни в одном из них власть ни разу не фигурирует только как крестьянская – все равно встречается упоминание о том, что власть прежде всего является рабоче-крестьянской. Агитаторы аграрной Орловской губернии не представляли ее как крестьянскую, ориентируясь на установку центра представлять власть как рабоче-крестьянскую и пролетарскую, так как именно пролетариат совершил Октябрьскую революцию. Интересно, что в силу своей широкой распространенности и особой социальной значимости в 1918-1920 гг. само слово-понятие «пролетариат», равно как и «революция», стали лингво-ментальными стереотипами Советской России, фундаментом для советской идентичности. Кодирова эмоциональную информацию, эти слова предзадавали положительную картинку мира в голове человека, накладывали на его восприятие и оценки определенную рамку, отсекавшую иные возможные суждения и оценки. Такие слова изначально придавали положительный смысл всему словесному окружению: любым фактам, идеям, мнениям. Более того, они же усиливали чувство принадлежности к группе, разделяющей этот опыт, эту оценку, они укрепляли «мы-чувство» отдельных лиц. Активное использование ключевых слов стало нормой для большевистских идеологов-пропагандистов как в центре, так и на местах. Интенсивное употребление оценочных клише формулировало и формировало устойчивую смысловую оппозицию. «Революция» и «пролетариат» несли в себе исключительно положительный смысл, так как ассоциировались со свободой и народом – своими людьми, трудящимися.

Другой центральной фигурой в сонме героев первых лет советской власти, представленных в пропаганде, стал герой пролетариата, отдавший жизнь или борющийся насмерть за свободу трудящихся. Коллективный образ «павших борцов» стал неисчерпаемым источником вдохновения пролетарских поэтов Орловской губернии на каждый праздник новой Советской России. В «Памяти павших» на 4-ю годовщину Ленского расстрела Мукосеев пишет: «Они погибли в бездне ночи, // На них лежит могилы гнет, // Но и поныне люд рабочий // Им память вечную

поет» [17]. На вторую годовщину Февраля 1917 г. «Труженик» посвящает стихотворение «Павшим Борцам»: «Много, много поколений // Не забудут Ваши имена. // Вам много стоило усилий, // Крови, пота и труда, // Чтобы гнет проклятый // Свергнуть навсегда. // Тайги лесов Сибирских // И казематы тюрем царских // Нам поведают о Вас, // С какой геройской силой // Боролись Вы за нас // Со всею сворою змеиной. // Ни смерть, ни пытки // Вас не уstraшили: // На казнь мужественно шли // И первый красный луч свободы // В своей крови народу Вы несли, // Терпя лишения и невзгоды. // Спите в земле спокойно // Творцы Святых идей, // Заветы Ваши мы исполним» [18].

Резолюции всех митингов и собраний в честь годовщины Октября неизменно содержат мотив почитания памяти борцов, погибших за свободу. Например, жители деревни Владимировка Вороновской волости Брянского уезда по докладу товарища Боброва указывают в резолюции: «в этот великий день празднования годовщины Октябрьской революции приклоняем наши колени за погибших борцов которые пали жертвой на борикадах за свободу» [19]. Множество съездов и собраний в годы Гражданской войны заканчивалось похоронным маршем в память погибших бойцов за свободу. Культ таких героев революции, как пишет Б.И. Колоницкий, стал впоследствии основой для культа героев Гражданской войны [20].

Им отдавали честь и воздавали хвалу, за них поднимали красные знамена и пели песни. Григорий Демидов пишет в стихотворении «Солдату»: «Да здравствует свобода! // И слава тем, кто пал // В борьбе за власть народа, // За братский идеал» [21]. Несколько стихотворений посвящает «павшим» Евгений Сокол. В одном из них читаем: «Спите спокойно // Под радостный шелест красных знамен, // Врываяся песнями в мирный ваш сон // Над вашею красной могилой пройдем // Мы гордо и стройно... // Спите спокойно...» [22].

Сонм героев пролетариата пополнялся и в настоящем – гражданская война давала немало тому поводов. ореол святости в пропаганде обретали места массовой гибели героев-

красноармейцев. «Святыми» назвал места гибели солдат Красной Армии «Пролетарий»: «Зеленые волжские скаты, // Холмы оренбургских степей // Вы, армии красной солдаты, // Уважили кровью своей. // Там свежие ваши могилы // Повыросли в разных местах // Вы отдали лучшие силы врагам нашей воли на страх. // Поклонимся нашим святыням до самой земли!» [23].

К новому лику святых автоматически причислялись убитые пролетарские вожди как центра, так и с мест, вне зависимости от образа их жизни и обстоятельств смерти. После печатания в «Советской газете» Ельца стихов Д. Бедного на смерть Володарского его примеру последовали местные поэты. Елецким поэтом Григорием Б. Володарский наделяется «душою честной, незлобивой», даже «миролюбивой» [24]. Убийство Володарского вдохновило их на открытие цикла поэтических панегириков большевистским вождям [25]. В этой же газете некто Э. в сентябре в связи со смертью Урицкого пишет: «Убит Урицкий, пал герой коммуны, // Пал на посту как верный часовой, // Сражен рукой предателя безумной // Он жизнь отдал без жалобы одной. // Немало с юных лет он жертв принес народу, // Немало испытал и в ссылках, и в тюрьме // В изгнании жил, борясь за свободу, // Безропотно глядел в глаза судьбе. // Он весь свой пыл, всю мощь своей души // При торжестве прекрасного восхода // Отдал, чтоб охранять средь злобы и вражды // От гад реакции – сокровище народа. // И средь борьбы жестокой и ужасной, // Средь нападений яростных врагов // Он оставался юный и прекрасный // И вдохновлял на бой других борцов» [26].

Все свои творческие силы мобилизовали поэты из народа в связи с покушением на Ленина 30 августа 1918 года. В Севском «Коммунисте» Аким Страдающий пишет «В.Ленину»: «Ты к нам пришел, чтоб облегчить // Наши тяжкие мученья, // Ты к нам пришел, как вождь, разбить // Врагов рабочего движенья. // Ты смело шел, без колебаний // Туда, где ждал рабочий класс... // Нам не забыть твоих страданий, // Что перенес ты, вождь, за нас. // Ты жертвой стал, нам не забыть // Кто указал

нам жизнь иную, // На страх ты должен жить, // На зло проклятому буржую» [27].

Восхваление заслуг Ленина, мотив мученичества и жертвенности отныне становится непреходящим сюжетом на страницах пролетарских газет. На годовщину Октября «Пролетарий» пишет в губернской газете длинный стих «Ленину»: «Ты рано подвергся тяжелым утратам, // Всю горечь тяжелого гнета узнал, // Ты в юности ранней с любимейшим братом // Расстался навеки: он жертвою пал.. // Вдали от задушенной родины // Ты свое благородное имя прославил // В борьбе за права трудовой бедноты // Твоя воплотилась святая мечта: народ, безраздельный, могучий властитель, взял в руки свои лиходейку-судьбу, // И ты благородный подвижник и мститель, // Повел его смело и твердо в борьбу // И пули, презренные, мелкие пули впились в твое тело, бесстрашный борец. // Но жив ты, и снова ты с нами, и снова // Ты полон великих бессмертных идей, // Как прежде, твое вдохновенное слово // Зовет нас на подвиг за счастье людей» [28]. Мотивы восхищения и пиетета читаются и в стихотворении Виктора П-кого в номере «Советской газеты», посвященном 100-летию со дня рождения Карла Маркса: «Сто лет прошло как он родился. // И жил и сердцем изнывал, и с бедняком душой сроднился... // Вся жизнь его была полна страданий, // Своим творением он мир преобразил. // Довольно рабочему классу страданий // Нужно, чтоб каждый друг друга любил...» [29].

Как провозвестнику мировой революции возносят хвалу пролетарские поэты на смерть и немецкому революционеру К. Либкнехту, известному лишь узкому кругу социалистов. Коммунист А. Петров из Ельца пишет в «Памяти Либкнехта»: «Ты – вождь рабочих угнетенных и вождь коммуны мировой, // Погиб ты смертью достойной // В борьбе великой трудовой. // Ты был борцом неустрашимым, // Ты вел рабочих за собой и звал их к равенству и братству // Вперед к коммуне трудовой...» [30].

Имена Карла Либкнехта и Розы Люксембург широко тиражируются властью на революционные праздники в принимаемых резолюциях и через переименования улиц в организации

городского пространства, о чем упоминалось ранее. В селах и деревнях представители власти собирали митинги, организовывали собрания в память о зверски убитых вождах революции. Резолюции таких собраний потоком отправлялись в местные газеты. На смерть К. Либкнехта Яков Воробьев добавляет историю его личности, апологетизируя реальные и мнимые его личностные качества: «Он с ранней юности, почти что с колыбели // В своей душе носил тот идеал святой, // Когда народы, сметя национальные границы, // Как воды вешние сольются в братском море, // И будут все одной великою трудящейся семьей. // Всю жизнь боролся ты // За счастье, жизнь и волю угнетенных, // Великий вождь рабочих, батраков; // Но пал, предательской рукой сраженный // В тот миг, когда луч первый засветил // Зари – лестницы освобожденья... Спи мирно, боец и славный вождь... // Умирать вожди не могут... // Ты вечно будешь жить в сердцах, в душе // Всех угнетенных // Уже Россия, – колыбель коммуны мировой // Плетет венок тебе терновый, – вечно славный // И должное Великому поет» [31].

Вслед за веяниями из центра превозносились и личностные качества местных погибших коммунистов. Памяти сотрудника Дмитровского уисполкома Г. Толкачева, застреленного во время митинга в одном из сел уезда, посвящает свое стихотворение поэт Григорий Демидов: «Здесь спит работник энергичный // Здесь спит сын честного труда // Погибший за интерес неличный // Не с чувством тайного стыда // Нет, здесь лежит святое тело // Революционного бойца, // Кто шел ко правде, бодро, смело // И был ей верен до конца» [32].

Анализируя образ героя в агитации и пропаганде первых лет советской власти на территории Орловской и Брянской губерний, мы можем сделать вывод о том, что власть активно транслировала образы героического пролетария, восхваляла деятельность Красной Армии и солдата-красноармейца, рисовала образы вождей пролетарских масс, откровенно героизировала облик их отдельных представителей, создавала культ павших борцов – героев Гражданской войны. Последний стал основой

для формировавшегося постепенно на территории сначала Брянского уезда, затем Брянской губернии культа вождя местных большевиков Игната Фокина [33]. Такой клубок героизма, масштабный блок целей и задач, комплекс мер по созданию их образов были нацелены на формирование образа советской власти как пролетарской, народной, героической, жертвенной, заботливой и справедливой.

Подчеркивая же свой героический, жертвенный характер, власть рисовала образ героя. У каждого героя есть смертельный враг, сражаясь с которым, он выполняет свою миссию спасителя и защитника. Учитывая взаимосвязь «чем ярче образ врага, тем правдоподобнее миф и позитивнее герой», отмеченную Н.О. Осиповой [34], мы утверждаем, что власть прикладывала гигантские усилия к формированию своего позитивного образа, так как героем был прежде всего сторонник и активный защитник этой власти. Устанавливая высокую степень сакральности образа героя (жертвенность самого героя, поклонение ей современников и др.), власть реализовывала свои претензии на легитимность, на то, чтобы самоутвердиться в настоящем и будущем, придавая своим деяниям мифологический смысл.

1. Забияко, А.П. Культурология. XX век. Словарь / А.П. Забияко. - СПб: Университетская книга, 1997.

2. Лоусон, Т. Социология. А-Я: Словарь - справочник / Т. Лоусон, Д. Гэррод. - М., 2000. – С. 218.

3. Никитина, М.Э. Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: на материалах Пензенской области : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Никитина Марина Эдуардовна. - Пенза, 2005.

4. Сенявская, Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны / Е.С. Сенявская // Вопросы истории. – 1997. - № 3. - С. 140-145; Она же. Психология войны в XX в. // Исторический опыт России. - М., 1999.

5. Свободный пахарь. – 1919. - 20 июля.
6. Известия Бежицкого революционного совета. – 1918. - 20 октября.
7. Известия Бежицкого революционного совета. - 1918. - 8 сентября.
8. Орловские известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. - 3 апреля.
9. Мукосеев-Крайний, Ив. Красному солдату / Ив. Мукосеев-Крайний // Поэзия революции. - Бежица, 1920. – С. 29.
10. Дмитровские известия. – 1919. - 30 мая.
11. Наш путь. - 1919. - 23 февраля.
12. Дмитровские известия. – 1919. - 30 мая.
13. ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 23. Л. 7 об.; Д. 39. Л. 1 об., Л. 53; Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 64. Л. 53.
14. Известия Бежицкого революционного совета. – 1918. - 26 сентября.
15. Известия Малоархангельского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. - 1919. - 17 февраля.
16. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. - М.: Институт языкознания АН СССР; Волгоградский педагогический институт, 1991. - С. 144.
17. Известия Бежицкого Совета рабочих и красноармейских депутатов. – 1919. - 17 апреля.
18. Известия Малоархангельского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. - 1 марта.
19. ГАБО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 23. л. 5-6.
20. Колоницкий, Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 / Б.И. Колоницкий. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. - С. 44.
21. Известия Дмитровского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. - 30 мая.

22. Известия Орловского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. - 7 ноября.
23. Известия Орловского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1918. - 18 октября.
24. Советская газета. – 1918. - 7 июля.
25. Киселева, Е.В. Роль уездных пролетарских поэтов в формировании образов власти в годы Гражданской войны (на примере творчества И. Мукосеева) / Е.В. Киселева // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 32-35.
26. Советская газета. – 1918. - 5 сентября.
27. Коммунист. – 1918. - 17 сентября.
28. Орловские известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. - 7 ноября.
29. Советская газета. – 1918. - 5 мая.
30. Советская газета. - 1919. - 25 января.
31. Советская газета. – 1919. - 28 января.
32. Известия Дмитровского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. - 28 марта.
33. Киселева, Е.В. Формирование культа брянского большевика Игната Фокина (1917-1922 гг.) / Е.В. Киселева // Власть-общество-личность в истории России: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (Смоленск, 28-29 ноября 2008 года). - Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. - С. 325-338.
34. Осипова, Н.О. Архетипическая природа власти: историко-культурный смысл и неомифологический контекст / Н.О. Осипова // Образы и символы власти в русском искусстве: история и современность : материалы международной научной конференции (16-17 октября 2008 г.). - Киров, 2008. - С. 51.

О.В. Пугачева,
*аспирант, Брянский государственный
университет им. академика И.Г. Петровского*

Жанровое разнообразие в публикациях краеведческой, исторической и биографической тематики

В последнее время интерес к заслуженным деятелям брянского края увеличился, но и ранее учёные, краеведы и историки неоднократно обращались к этой теме. Например, о Павле Никитиче Тиханове написано и сказано много. В публикации Р.Е. Терebeneиной «Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина» интерес на Тиханове заостряется с нетипичной стороны – как на коллекционере. В составе его коллекции было обширное собрание памятников древней письменности, материалы по истории и литературе XVIII-XIX веков, по истории театра, науки и много другой редкой документалистики. Несмотря на известность личности Тиханова, автор считает необходимым лишний раз коротко напомнить его биографию: «Павел Никитич Тиханов (1839-1905) родился в Брянске в семье чиновника. Свою жизнь Тиханов посвятил собиранию и исследованию памятников древней письменности, увлекался также историей, церковной археологией, фольклором, народным театром, изучал живой разговорный язык (среди его работ есть любопытный «Криптогlossарий» – словарь языка пьяниц, нищих, воров, прасолов и др.). Средства к существованию добывал, сотрудничая в различных газетах. Оказавшись без работы, он уезжает в 1894 г. в Брянск, где издает «своим иждивением» газету «Брянский вестник», выпускает историко-краеведческий сборник «Старина» и т. д.» (7,6) *.

Отличительной чертой материала являются вкрапления эпистолярного жанра. В учебном пособии «От мемуарно-автобиографической прозы к эссеистике» указано, что письмо

* Здесь и далее первая цифра обозначает номер источника в списке, вторая – страницу

как жанр имеет определенные характерные признаки, которые в первую очередь отражаются в его композиционной структуре. «Прежде всего, это обращение автора к адресату, который обозначен конкретно» (1,23).

В переписке Я.К. Грота с Тихановым, приведенной в статье, этот признак отчетливо виден: «Поздравляю Вас, многоуважаемый Павел Никитич, с успешным окончанием нашего общего дела» (7,12). Вторым признаком письма является «стремление автора побудить адресата к неотложным действиям относительно предмета, обсуждаемого в письме». Оно также явно прослеживается в переписке, включенной в публикацию: «Премного благодарен Вам и за скорый ответ, и за любезную готовность сообщить мне кое-что из бумаг Гнедича. Для просмотра их позвольте мне на днях побывать у Вас».

Отражение достойного поступка часто не менее значимо, чем его совершение. В брянской публицистике важное место занимает краеведческая, историческая и биографическая тематика. Об этом пишут газеты, издаются книги. Обычно они выходят в свет в районах области и рассказывают непосредственно о реалиях и людях этого самого района, но порой выпускаются и на предприятиях по инициативе организаций в областной периодической печати, а также в газетах и журналах за пределами региона. Герои таких публикаций – известные исторические личности, меценаты, и говорится об их делах на благо края. Цель данной статьи – проследить, какими языковыми средствами пользуются авторы подобных произведений и чего с их помощью стремятся достичь.

Тематика публикаций об исторических событиях и земляках, прославивших район, город или область, неразрывно связана с отражением фактов минувшей действительности, поэтому в публицистических материалах неизменно присутствуют историзм и биографичность. Основным преобладающим жанром выступает очерк. Так, в брянском журнале «Точка!» за июнь 2011 года опубликован очерк «О роли Марии Тенишевой в брянской истории». Центральным персонажем в ней является княгиня

Мария Клавдиевна Тенишева – супруга одного из богатейших людей того времени, акционера Брянского завода (ныне БМЗ) Вячеслава Тенишева. Благодаря тонкому руководству и подсказке жены промышленник стал исторической для Брянщины личностью. Вместе они вошли в историю края как просветители и благотворители. Именно Тенишевы на личные деньги создали первое в Бежице ремесленное училище, за обучение в котором не приходилось платить. Они организовали народную столовую для рабочих, заводское потребобщество, установили традицию устраивать вечера танцев. Приглашали к себе таких известных художников, как И.Е. Репин, М.А. Врубель... Особую стилистическую окраску очерку придаёт частичная стилизация под старину, использование языковых конструкций и слов, характерных для той эпохи: «сошлись лед и пламень», «удивительная выдумщица», «а по тем временам – и вовсе совершенно необыкновенно». Однако при этом текст имеет и характерную для художественной публицистики особенность – вкрапления просторечных слов и выражений, призванных сделать очерк более близким читателю: «не засиделся на мелких должностях», «кое-кто скажет, мол, когда у тебя есть деньги...», «личностей мало-вато».

В последнее время интерес к историческим выдающимся личностям Брянщины особенно возрос. Приятно, что его проявляют не только наши земляки, но и журналисты других городов и областей. Так, в своей публикации корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Дмитрий Ратников восхищенно рассказывает о Дятьковском хрустальном заводе и его основателях – промышленниках Мальцовых. В публикации «Есть на Брянщине хрустальный храм» от 23 мая 2008 года автор касается и истории, и современности. В стилистическом плане материал представляет собой симбиоз очерка и эссе, обладая языковыми характеристиками того и другого. Задача очеркиста – вызвать уважение к положительному герою, а здесь не обойтись без выразительных средств языка, таких, как лингвистически-публицистическое понятие «экспрессия». «Экспрессия – усиле-

ние средствами языка впечатления от жизненного факта. Экспрессивное отражение действительности возвышается над стилистически бесцветным ее фиксированием» (2,31). Публикация буквально «пропитана» экспрессиями. «Этот старинный русский городок, спрятавшийся под Брянском, издавна славится своей фабрикой...», – с первых же строк журналист прибегает к экспрессии. Понятно, что на самом деле городок вовсе не спрятался под боком, а просто находится рядом с областным центром, но такое одушевление позволяет добавить образности и выразительности. Словосочетание ««титан русской промышленности», примененное по отношению к Сергею Мальцову, без малейшего ущерба для смысла можно было бы заменить на «крупный промышленник», а метафору «в небо устремляются трубы» в описании завода и вовсе опустить. Также ясно, что выражение «стены цехов предприятия подступают к пруду» означает всего лишь, что предприятие находится вблизи водоёма, но автор умышленно употребляет именно более яркие, броские варианты для создания необходимого языкового эффекта.

Еще одной языковой особенностью публикации, подтверждающей её художественно-публицистический характер, является обращение к легендам, преданиям и прочим особенностям народного фольклора. «Название гостям объясняют то ли в шутку, то ли всерьез так: ехал купец по дороге, увидел ребенка и спрашивает, как называется селение? Малыш не расслышал и переспросил: «Дядь, кого?». Так, мол, и получилось название»; «Бытует легенда, что в старые времена под прудом был подземный ход, который вел к заводу» и т.д.

Не всегда публицистика, повествующая об исторических личностях и их делах, представлена столь же ярко. Публикация брянских краеведов И.М. Полозова и Ф.С. Исайчикова «Брянские меценаты братья Могилевцевы», появившаяся в журнале «Образование и общество» (№4 за 2004 год), больше похожа на отчёт. Она даже разбита на подзаголовки, которые говорят сами за себя: «Меценатство на Брянщине», «Братья Могилевцевы», «Поддержка образования», «Братья Могилевцевы и их вклад в

благоустройство города», «Возрождение памяти». Авторы сразу дают справку: «Брянские купцы – братья Могилевцевы на свои средства построили и подарили городу в конце XIX – начале XX века 7 образовательных учреждений, 2 больницы и родильный приют, Спасо-Гробовскую церковь. Кроме этого, провели в городе первый водопровод и электроосвещение», а дальше просто более подробно останавливаются на основных вехах в жизни и свершениях брянских благотворителей. Именно это и занимает основную часть публикации. И все же в данном материале прослеживается и публицистический подход. Во всех журналистских жанрах, рассказывающих про конкретного человека, важно предвидеть, какая реакция читателей последует на рассказ о нём. «Творческая удача во многом зависит от способности журналиста угадать, судьба какого героя вызовет наибольший интерес читателей, взволнует их, окажется поучительной» (5,92). В этом плане создатели публикации не ошиблись – персоны братьев Могилевцевых – одни из ключевых в историческом процессе развития области. То же самое можно сказать и о героях упомянутых выше журналистских произведений. Так, автор портретного очерка «О роли Марии Тенишевой в брянской истории» завершает свою работу строками: «Всего четыре года она потрудилась на Брянщине, а сделала столько, что другому и за всю жизнь не успеть – вот аргумент в спорах о роли личности в истории. Эта роль всегда велика, тем более, что личностей вокруг обычно маловато. Кое-кто скажет, мол, когда у тебя есть деньги, любой может сделать широкий жест. Вероятно, кто-то и может, да кто делает?»

Место для материалов о благотворителях и центральных личностях брянской истории (что часто является одним и тем же) отводится не только на страницах «широких» общественно-политических изданий, но и в специальных, «узких» изданиях. В номере 83 профессионального врачебного издания «Медицинская газета» от 28 октября 2011 года помещена журналистская работа собственного корреспондента Василия Шпачкова «Меценаты и граждане». В ней ведётся речь о свершениях бра-

тьев Могилевцевых в области благотворительности на медицинские нужды. В языковом плане очерк отличается стилизацией под устаревший стиль, манеру речи времени героев публикации, для которой были свойственны, в частности, восторженные интонации: «Пиломатериалы отправляли по железной дороге в Орёл и Нижний Новгород, а по Десне (подумать только!) сплавляли в Киев», «Всего же братья истратили на медицинские нужды около 100 тыс. руб. (четвертую часть суммы, в которую было оценено их имущество!)» и т.п.

1. От мемуарно-автобиографической прозы к эссеистике: (к становлению жанра в русской литературе): учебное пособие к спецкурсу лекций / [А.В. Антюхов, С.Ю. Антюхова, С.Я. Гехтляр]; Федеральное агентство по образованию РФ, Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, Каф. журналистики. - Брянск: РИО БГУ, 2007. –189 с.
2. Горбунов, А.П. Образные средства языка газеты. (По материалам "Правды" и "Известий") / А.П. Горбунов. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - 64 с.
3. Шпачков, В. Меценаты и граждане / В. Шпачков // Медицинская газета. - 2011. - 28 окт.
4. Ратников, Д. Есть на Брянщине хрустальный храм / Д. Ратников // Санкт-Петербургские ведомости. - 2008. - 23 мая.
5. Варустин, Л.Э. Вровень с героем: Проблемы творчества и мастерства публициста / Л.Э. Варустин. – М., 1987. - 271 с.
6. Кеня, И.А. Брянские меценаты братья Могилевцевы / И.А. Кеня // Образование и общество. – 2004. – № 4. – С. 109-113.
7. Терехина, Р.Е. Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина / Р.Е. Терехина // Временник Пушкинской комиссии: 1974: сб. науч. тр. / ред. М.П. Алексеев. - Л.: Наука, 1977. - С. 5 – 19.
8. Васильев, Ю. О роли Марии Тенишевой в Брянской истории / Ю. Васильев // Точка. - 2011. – N 6. - С.52.

В.А. Снытко,
*кандидат исторических наук, доцент,
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского*

История районной прессы 30-80-х годов XX века **(на примере красногорского района)**

Конец двадцатых – начало тридцатых годов XX века – время больших перемен в жизни Брянщины. В 1928-1930 годах в стране в очередной раз проводилась реформа административно-территориального деления, которая предусматривала, с одной стороны, ликвидацию губерний, уездов и волостей, а с другой – создание областей, округов и районов. По замыслу разработчиков реформы, районные центры должны были стать важнейшими пунктами социалистического строительства, способствовать успешной коллективизации сельского хозяйства, обеспечить приближение аппарата власти к массам и в итоге создать твердую материальную базу по обеспечению сельскохозяйственного производства.

16 июня 1929 года в Красной Горе состоялся I районный съезд Советов, который оформил создание Красногорского района, вошедшего в состав Клинцовского округа Западной области с центром в Смоленске. Образование районов предусматривало и появление в них печатных органов, которые также должны были решать ряд важнейших задач по ускорению выполнения первого пятилетнего плана. Программа ликвидации неграмотности существенно повышала роль средств массовой информации в области распространения коммунистической идеологии, дальнейшего развертывания агитации и пропаганды среди всех социальных групп населения, наконец, в осуществлении острой критики «врагов народа».

В первые месяцы существования Красногорского района сюда поступала клинцовская газета «Труд». И только 15 декабря 1930 года в Красной Горе вышел в свет первый номер районной

газеты, получившей в духе времени название «Колхозник». Это было еженедельное издание на четырех страницах тиражом в 2000 экземпляров. Первым редактором «Колхозника» стал директор Красногорской школы крестьянской молодежи Трофим Петрович Маханьков. Уже в первом номере не без гордости отмечалось, что Красногорский район – «отдаленный от центров, культурно отсталый, еще не так давно охваченный бандитизмом, решительно становится на путь социалистической перестройки своего хозяйства». Характерны и заголовки статей на первой странице: «Наш ответ», «Пролетарский суд», «Да здравствует ОГПУ!».

Важной проблемой для молодого издания оказался недостаток квалифицированных кадров. Поэтому уже в первом номере редакция обратилась ко всем рабселькорам с предложением писать в газету о работе колхозов, сельсоветов, школ, партийных и профсоюзных организаций. А 2 января 1931 года в районном Доме культуры состоялось совещание рабселькоров, сотрудников сельских стенгазет, а также внештатных корреспондентов клинцовского «Труда» и смоленского «Рабочего пути». Вскоре редакцию возглавил Михаил Иванович Кутузов. Разместилась она в Доме Советов, получила отдельный номер телефонной связи.

Главной своей задачей в 30-е годы журналисты считали освещение проблем сельского хозяйства: сплошной коллективизации, строительства колхозной жизни, освещения посевных и уборочных кампаний, работы МТС. «Колхозник» рассказывал о передовиках сельскохозяйственного производства и о представителях местной интеллигенции, оперативно сообщал новости района. Большое внимание уделялось политической жизни: работе партийных конференций, сессий райсовета, а также проведению выборов в органы советской власти.

Постоянно публиковались острые критические заметки с мест о недостатках в работе колхозов, о плохом снабжении населения промышленными товарами, о неурядицах в общественном питании, о бездорожье... Особенно часто поступали

жалобы на плохое водоснабжение Красной Горы. Ведь два глубоких колодца (в центре и возле школы) постоянно выходили из строя, и жители вынуждены были брать воду из реки Беседи. Надо признать, что после критических выступлений газеты органами власти принимались определенные меры по устранению недостатков.

На страницах районной газеты отражалась и жизнь всей страны в 30-е годы, при этом материалы ТАСС о новостройках первых пятилеток, о ходе коллективизации часто сопровождались довольно качественными фотографиями. На первые полосы, как правило, выносились решения партийных съездов и сессий Верховного Совета СССР. Читатель своевременно узнавал о новинках науки и техники. Была и рубрика о международном положении страны с заметками о событиях в Испании, о борьбе народов Азии и Африки против колониализма. Публиковались также очерки об известных ученых, политиках, полководцах – Мичурине, Кирове, Чапаеве, Суворове... Но почему-то совсем не было статей по истории Красногорского района и Западной области, не нашлось даже места для воспоминаний участников революций, первой мировой и гражданской войн. Сейчас эти материалы помогли бы многое узнать о жизни наших земляков столетие тому назад. Кстати, отдельные подшивки газеты «Колхозник» (получившей в дальнейшем название «Путь Ленина») хранятся сегодня в Государственном архиве Брянской области.

Газета за 18 августа 1941 года не дошла до своих читателей. В ночь с 18 на 19 августа шрифты были спрятаны в глубокой яме на дворе типографии бывшим тогда редактором Г.В. Смиренским и секретарем райкома партии Мельниковым. Наступил вынужденный перерыв в издании газеты, и продолжался он до 13 января 1944 года.

Газета военных лет – это еженедельное издание в одну четвертую от довоенного формата. В ней постоянно печатались статьи о положении на фронте, о ходе восстановления в районе промышленных предприятий, колхозов, школ, больниц. «Все для разгрома врага», «Больше хлеба – ближе победа», «От со-

ветского Информбюро» – такие заголовки были в каждом номере. А уже 1 июня 1945 года газета вновь перешла на большой формат, стала выходить два раза в неделю (в четверг и воскресенье) тиражом в 1800 экземпляров. Коллектив редакции в послевоенные годы возглавлял Филипп Андреевич Герасименко. Роль печатного издания, из которого жители района получали в этот период почти всю необходимую информацию, трудно переоценить.

Во второй половине 50-х годов «Путь Ленина» приобрела некоторые черты литературно-художественной направленности. Появились в ней и материалы на историческую тему. Под рубрикой «Сорок лет тому назад» печатались воспоминания участников важнейших событий, статьи о прошлом нашего края (250-летие Клинцов, очерк о колхознике из Кургановки М.Е. Горбачеве и др.). Статьи под рубрикой «У наших соседей» рассказывали о трудовых свершениях жителей Гордеевского, Клинцовского и Новозыбковского районов Брянской области, Краснопольского, Костюковичского, Чечерского районов соседней Белоруссии. Для связи с соседями журналистам приходилось вести постоянную переписку.

Накануне 1 мая 1957 года были опубликованы стихотворения местного автора, учителя Козловской начальной школы А. Половцева, а 19 февраля 1958 года появилась и первая «Литературная страница» с подборками произведений местных авторов – стихов, очерков и рассказов. Стихи в газету присылали И. Белоус (п. Подславушка), М. Выгорко (д. Батуровка), А. Тринко (д. Городечня). Печатались также большие художественные произведения, причем вполне в духе времени. Поскольку успехи в исследовании космоса вызывали у читателей интерес к научной фантастике, то «Путь Ленина» напечатала в 1958 году повесть Г. Мартынова «Планетный гость». Публиковались также научно-популярные статьи по астрономии, биологии, физике, медицине, географии. Были и сатирические зарисовки под рубрикой «Не в бровь, а в глаз». Здесь высмеивались браконьеры, виновники потерь урожая, критиковались беспо-

рядки в столовой, в поликлинике, в коммунальном хозяйстве, в торговле. Указывалось и на такую важную проблему района, как бездорожье.

В 50-е годы коллектив редакции возглавляли В.И. Марченко (1956-1957), А.С. Пирожников (1957-1958), А.С. Балалаев (с декабря 1958 года). В районной газете начал свой творческий путь известный журналист, будущий редактор «Брянского рабочего» Владимир Дмитриевич Мехедов.

Большую роль играли внештатные корреспонденты. Так, с газетой активно сотрудничали специалисты сельского хозяйства, учителя, работники культуры. Это агроном колхоза имени Сталина (Красная Гора) И. Хандожко, инспектора РОНО И. Подвойский, А. Снытко, М. Ставинов, директор Красногорской средней школы Л. Выкочко, завуч этой же школы С. Святогор, селькоры из Заборья Я. Толстенок и из Леляхов А. Главинский. Особенно плодотворно работали И. Питаль и И. Денисов. Писали заметки и школьники, прежде всего из Заборской средней школы. А в новогоднем номере накануне 1959 года появились оригинальные рисунки – дружеские шаржи на передовиков производства со стихами в их честь. Постоянно росло число читателей, и в 1956 году тираж газеты достиг 2200 экземпляров. Редактором в этот период был А.С. Балалаев.

Реформы начала 60-х годов, в частности, укрупнение сельских районов, привели к тому, что Красногорский район вошел в состав Клинецовского. Поэтому с 22 апреля 1962 года выпуск газеты «Путь Ленина» был прекращен, а А.С. Балалаев стал заместителем редактора новозыбковской газеты «Маяк». На работу в редакцию этой межрайонной газеты перешли и другие сотрудники бывшей «районки», в частности, В.Д. Мехедов. Жители Красногорского района начали получать «Маяк», затем после новой реформы административно-территориального деления – клинецовский «Труд». В этих изданиях давалась в целом оперативная информация о жизни красногорцев.

А в 1967 году после восстановления Красногорского района читатели снова могли взять в руки свежий номер своей

«районки», которая печаталась в местной типографии. Практически в каждой семье читали газету, выходящую три раза в неделю (по вторникам, четвергам и субботам). Сформировался сплоченный коллектив сотрудников. Редакторами газеты поочередно были Н.С. Фетисов, А.П. Хуторцов, А.И. Снытко. На протяжении многих лет в ней работали такие журналисты, как Н.А. Шумеев (заместитель редактора), А.Ф. Хандожко, П.А. Лапыко, И.И. Гутор (впоследствии редактор), Л.В. Моргач (в настоящее время – редактор «Брянской правды»). Приходило молодое пополнение – Н.Н. Стешенко, В.И. Шутов, затем О.И. Хомутов, А.И. Хандожко, А.П. Румянцев. В начале 80-х годов в газете работал А.Н. Теребунов (в настоящее время – заместитель губернатора Брянской области). В коллективе трудились машинистка Р.Д. Осипенко, корректор В.Г. Терещенкова, фотокорреспонденты А.Г. Терещенков, А.А. Белозор, бухгалтеры Н.К. Куцай, М.М. Столярова, водители И.Р. Пешко, П.Н. Седнев.

Связь с читателями была чрезвычайно тесной. Так, в 1974 году газета получила от жителей района огромное количество писем, из которых были опубликованы 1352 письма. В них сообщалось как о достижениях в различных сферах общественной жизни, так и о недостатках в организации торговли, бытового обслуживания, транспорта. С газетой постоянно сотрудничали селькоры. Наиболее часто по-прежнему встречалась фамилия Якова Ивановича Толстенка из Заборья, учителя-пенсионера. Его краткие заметки давали текущую информацию о жизни села во всех сферах общественной жизни. Активными корреспондентами были рабочий Красногорского торфобрикетного предприятия (поселок Мирный) Петр Тимофеевич Щербинин, секретарь парткома совхоза «Ларневский» Петр Иванович Челядин, инспектор детской комнаты милиции Елена Ивановна Подвойская, учитель Верхличской воьмилетней школы Анна Николаевна Бабич, учителя Колюдовской средней школы В.С. Никитас и В.Ф. Поленок, воспитатель Красногорского м детского сада

Н.А. Арещенко. В газете были тематические страницы, посвященные прошлому и настоящему сел и деревень, в частности, Батуровке, Кожанам, Лотакам, Заборью, Верхличам.

В 70-е годы в газете часто стали появляться статьи краеведа, учителя Красногорской средней школы Сергея Ивановича Святогора. Во время летнего отпуска он работал в архивах Брянска и Киева, где изучал материалы об истории заселения края, о Смутном времени, об отмене крепостного права, о событиях революции 1905-1907 годов, о Великой Отечественной войне. Публикации по краеведческой тематике способствовали росту тиража газеты.

С 1976 года выпускался «Экран социалистического соревнования», где постоянно публиковались статьи и корреспонденции о том, как выполняются обязательства полеводческими бригадами и фермами, отдельными механизаторами и животноводами, коллективами предприятий промышленности, торговли и бытового обслуживания. Газета уделяла большое внимание пропаганде передового опыта использования техники в сельскохозяйственном производстве, результативности новой организации труда, росту трудовой активности каждого члена трудового коллектива. На страницах газеты велась трудовая переключка передовиков производства – полеводов, механизаторов, животноводов, публиковались выступления участников и организаторов соревнования.

При активной поддержке учителей Заборской средней школы газета обобщила опыт школы и местного колхоза по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации учащихся, подробно рассказывала о работе Заборской ученической производственной бригады, о жизни и труде выпускников других школ района, решивших связать свою судьбу с сельским хозяйством.

За активное участие в областном творческом конкурсе на лучшее освещение проблем Нечерноземья редакция газеты в 1978 г. была награждена Почетной грамотой областной организации Союза журналистов СССР. В 1976, 1978 и 1979 годах ре-

дакции присуждалось звание лауреата областной журналистской организации.

Популярность газеты росла. В 1980 году в редакцию поступили уже 1950 писем, из них опубликованы были 1807. По одному – два раза письма, заметки и корреспонденции присылали 370 человек. В том числе 75 жалоб на плохую работу торговых предприятий, водоснабжения; от местных руководителей получено 60 ответов на жалобы читателей, внештатных корреспондентов. Критические материалы печатались под рубрикой «Дятел».

В 80-е годы периодически выходила «Литературная страница», где публиковались произведения поэтов-земляков В.Ф. Храмцова, О.А. Подвойского, А.Е. Белозора. Печатались отрывки из поэмы Храмцова «Земляки», посвященной жителям небольшого поселка Новая Павловка Батуровского сельсовета. А в 1980 году при редакции была создана литературная группа, в состав которой вошли О.А. Подвойский (прораб Красногорского крахмального завода), И.А. Красногорский (учитель Яловской средней школы), И.Н. Ключиков (учитель Любовшанской восьмилетней школы), Т.Д. Макусева (продавец хлебного магазина), А.С. Пархацкий (пенсионер), А.И. Хандожко (студент БГПИ), О.И. Хомутов (выпускник БГПИ, сотрудник газеты). Важной задачей группы была, в частности, организация работы с начинающими авторами. Вскоре стали печататься и рассказы молодых авторов – учащихся школ района: Александра Арещенко из Красной Горы и Виктора Дударева из г. Сельцо. В 1987 году автором данной статьи был создан кружок «Юный журналист» в Красногорской средней школе, и его участники – старшеклассники Петр Тарико, Михаил Лебедик, Игорь Борисенко публиковали статьи, очерки, зарисовки, причем не только на страницах районной газеты, но и в «Брянском комсомольце». В дальнейшем М. Лебедик поступил на факультет журналистики Белорусского государственного университета, успешно его окончил и в настоящее время является одним из наиболее известных журналистов Белоруссии.

180 сельских и рабочих корреспондентов активно сотрудничали в 80-е годы с газетой, сами присылали материалы или откликались на просьбы редакции. Часто выступали с материалами и руководители предприятий (например, директор совхоза «Руднянский» И.И. Евгенов), специалисты хозяйств (инженер колхоза «Заря коммунизма» Г.Я. Кучин, инженер совхоза «Мирный» В.С. Ворочай, агроном колхоза имени Чапаева Н.В. Горелый). Постоянно публиковались материалы, пропагандировавшие внедрение в быт красногорцев новых праздников и обрядов, появившихся в советское время. Это торжественная регистрация браков молодоженов, регистрация новорожденных, проводы русской зимы, праздники труда и др.

В работе газеты имели место и недостатки, вызванные как чрезмерной политизацией общества, так и жестким контролем со стороны вышестоящих организаций. Политическая система предъявляла чрезвычайно строгие требования к работе редакции, ставила газету в жесткие рамки. В частности, публиковалось большое количество материалов ТАСС идеологической направленности о событиях в стране и за рубежом, материалов, которые можно было прочесть в центральных и областных газетах, услышать по радио и посмотреть по телевидению. Коммунистическая идеология доминировала и в сообщениях о работе местных партийных организаций, о работе районного и местных советов депутатов трудящихся (народных депутатов). Большое внимание уделялось также атеистической пропаганде. Сложными иногда оказывались и отношения среди журналистов газеты, иногда вспыхивали конфликты, но в целом следует признать, что это был дружный и сплоченный коллектив, влюбленный в свою профессию и в свой край. Отмеченные выше недостатки вызывали и критическое отношение отдельных читателей к газете, но даже такие критики охотно выписывали «Путь Ленина», поскольку лишь в ней в отличие от областных газет «Брянский рабочий» и «Брянский комсомолец» печаталась программа белорусского телевидения, которое можно было смотреть на всей территории района.

С 1985 года газета стала менее идеологизированной, в ней стало печататься больше материалов по вопросам науки, культуры, искусства, спорта, по историко-краеведческой тематике. Но вскоре появилась новая проблема, требовавшая незамедлительных решений и своевременной информации, – Чернобыль.

Стоит отметить, что «Путь Ленина» в первые месяцы после аварии на ЧАЭС практически ничего не сообщала о радиоактивном загрязнении местности. Лишь 22 мая в №61 был помещен материал из областной газеты «Брянский рабочий» – коллективное интервью председателя облисполкома И.Я. Поручикова, главного санитарного врача области В.М. Самойленко и заведующего облздравотделом И.И. Бабакова, данное ими журналистке Т. Немешаевой.

И.Я. Поручиков, в частности, сказал: «Уровень радиации в Брянске и некоторых районах области незначительно превысил естественный радиационный фон. Несколько больший подъем радиоактивности наблюдался в отдельных юго-западных районах, в частности, в некоторых населенных пунктах Красногорского, Новозыбковского, Гордеевского, Климовского. Но хочу это подчеркнуть, нигде он не достигал уровня, представляющего угрозу здоровью людей» [1]. Разумеется, в сложившейся непростой ситуации, когда даже известные ученые-экологи не могли сделать однозначных выводов, средства массовой информации обязаны были проявлять некоторую осторожность. Ведь в условиях существовавшей в стране политической системы любая газетная заметка могла быть воспринята читателями как официальное заявление и вызвать так называемую «радиофобию», о которой в то время не зря часто говорили чиновники разного уровня. Да и сами журналисты «районки» нужной информацией не владели, взять на себя ответственность за публикацию в таком случае не могли. К тому же, как мы сегодня знаем, уровень загрязнения территории Красногорского района радионуклидами был крайне неравномерным.

И все же красногорские журналисты осознавали серьезность сложившейся ситуации. В этом же номере газеты была помещена небольшая информация районной санитарно-эпидемиологической станции, где давались рекомендации механизаторам работать в респираторах, жителям не употреблять местное молоко и зелень с огородов, брать воду только из колодцев и водоразборных колонок, ежедневно стирать одежду, чаще мыть и убирать помещения, ограничить пребывание детей на воздухе.

Спустя два дня, 24 мая, в следующем номере газеты «Путь Ленина» появилась перепечатка статьи из московской «Медицинской газеты» под рубрикой «К событиям в Чернобыле», где профессор В.А. Книжников, заведующий лабораторией радиационной гигиены населения Института биофизики упоминал в качестве пострадавших лишь некоторые районы Украины и Белоруссии.

В самом начале июня 1986 года красногорский журналист Леонид Моргач взял интервью у заместителя директора Московского научно-исследовательского рентгено-радиологического института Минздрава России О.И. Щербенко. В помещенном в газете за 5 июня отчете под названием «Угрозы здоровью нет» сообщалось, что в районе обследованы 3500 человек, что больших накоплений радионуклидов не отмечено, но в то же время признавалось: темпы снижения радиоактивного фона за последнюю неделю резко замедлились. Не рекомендовалось употреблять в пищу молоко, рыбу и яйца, предлагалось также периодически проверять овощи и фрукты на содержание радионуклидов. Таким образом, ссылаясь на официальные заявления, районная газета вносила свой вклад в борьбу с «радиофобией».

Поэтому не стоит удивляться, что летом 1986 года, как и прежде, в газете из номера в номер давались сводки о развитии зернового хозяйства на Красногорщине, об уборке урожая, о проведении выборов в Барсуковском сельсовете, где был высо-

кий уровень радиационного загрязнения и уже в августе того же года появится зона отчуждения.

Но все же, внимательно читая газету «Путь Ленина», можно было заметить, что положение в районе непростое. Показательными в этом отношении были стихи В.Ф. Храмцова, обычно жизнерадостные, устремленные в будущее. Теперь же в них звучали иные мотивы:

*Вот и я приехал в гости,
Вот и я в родном краю...
На заброшенном погосте
Целый час уже стою.
И никто меня не встретил,
Не обрадовался мне.
Будто я один на свете
И не надобен родне.*

Поэт словно предвидел, что судьбу дорогого сердцу поселка Новая Павловка скоро повторят десятки поселков Красногорского района... И в дальнейшем чернобыльская тема часто привлекала внимание местных поэтов, видевших, какую роль сыграет сложная экологическая ситуация в жизни земляков [2].

Даже во вторую годовщину трагического события в номере районной газеты за 26 апреля 1988 года рассказывалось о деятельности народных контролеров, о ходе посевной, о работе животноводов. Лишь о Чернобыле опять не было сказано ни слова. А в июне того же года председатель исполкома Заборского сельского совета А. Коверко с гордостью докладывал о том, что в селе уже построены 25 современных квартир, Дом быта, хозяйственный корпус участковой больницы, Дом механизатора и Дом животновода, строится утепленный гараж на 66 автомашин, начато строительство стадиона и планируется строительство Дома культуры. Аналогичное происходило и в Буковце – центральной усадьбе колхоза имени Кирова.

Спустя немало времени, в марте 1992 года, красногорский журналист А.И. Хандожко будет резко критиковать подобную политику. Действительно, как можно «не по дням, а по ча-

сам» возводить в деревне детский сад и торговый центр, когда на улицах населенных пунктов гамма-фон составлял более 400 мкР/час!

21 января 1988 года «Путь Ленина» под рубрикой «Ученые заявляют» поместила статью «Радиационная обстановка в районе не вызывает опасений». Ее авторы – директор Ленинградского института радиационной гигиены П. Рамзаев, старший научный сотрудник этого же института Ю. Купряшин и заведующий Брянской лабораторией по радиационной гигиене В. Пархоменко утверждали, что радиационный фон в районе со времен аварии уменьшился в 10 раз, что главный вред людям наносит радиофобия, а не радиация. «Возьмите себя в руки и живите спокойно полноценной жизнью», – убеждали они читателей газеты.

Тем не менее в марте того же года красногорский врач-радиолог М.В. Кислов уже давал рекомендации селянам вывозить сухую растительность за пределы населенных пунктов в специально отведенные места, глубоко перепахивать и перекапывать огороды, постоянно проверять в лаборатории молоко и мясо на содержание радионуклидов. Животных выдерживать перед забоем на чистых кормах в течение одного – двух месяцев. Подобные рекомендации давались и в августе того же года.

Газета в отдельных публикациях предупреждала жителей о необходимости соблюдать меры предосторожности: не собирать в лесах грибы и ягоды, постоянно проверять молоко, мясо, зелень на содержание радионуклидов. Сообщались некоторые результаты лабораторных исследований. Так, в мае 1989 года из 574 проб продуктов в 56 было обнаружено содержание радионуклидов сверх допустимых норм, в том числе в 50 пробах молока из 130. В июне из 631 пробы не соответствовало нормам 131, в июле – из 639 проб не соответствовало 78.

Редакцией использовалась любая возможность рассказать читателям об экологической обстановке в населенных пунктах района. В августе 1989 года «Путь Ленина» перепечатала статью Ю.Е. Лодкина из «Советской России» о гамма-фоне и загрязне-

нии земли в Заборье. Как выяснилось, плотность загрязнения здесь достигала 226 кюри на квадратный километр. Заниматься сельским хозяйством в таких условиях было нельзя. Жителям вначале предлагали более чистые участки для огородов за пределами села. Это не могло решить проблему. Требовалось отселение, причем вскоре выяснилось, что из 368 семей 259 хотели бы переехать в Красную Гору или же в составе всего хозяйства поселиться в пределах Брянской области. Таким образом, одно из самых больших, красивых и благоустроенных сел Красногорщины было обречено...

Читатели задавали вполне естественные вопросы: если положение в Буковце и Заборье такое сложное, то какова ситуация в других населенных пунктах, где находятся так называемые «радиационные пятна»? Какова ситуация в соседнем с Заборьем крупном населенном пункте Макаричи? 24 августа 1989 года «Путь Ленина» за подписью М.В. Кислова впервые опубликовала сводку о гамма-фоне на 1 июля. Выяснилось, что серьезное положение сложилось не только по Буковцу, Заборью, Николаевке. В 54 населенных пунктах радиационный фон был выше 0,03 мр/час. Однако спустя неделю после этой публикации редактор газеты Александр Иванович Снытко ушел на пенсию...

Подводя итоги, можно сказать, что районная газета во второй половине 80-х годов, несмотря на все трудности, все же сыграла свою роль в решении сложных экологических проблем, в пропаганде здорового образа жизни, в организации переселения жителей наиболее пострадавших сел и деревень на чистые территории. Но уменьшение населения района вследствие вынужденной миграции приводило и к сокращению числа подписчиков газеты.

В настоящее время «Красногорская жизнь» – такое название имеет теперь районная газета – издание тиражом в 2715 экземпляров, выходящее два раза в неделю. Газете сегодня трудно конкурировать с областными изданиями, которых печатается немало, они выражают интересы различных политических партий, разных социальных групп, дают объективную и

всестороннюю информацию о жизни во всех районах области. Но роль районной газеты в освещении событий местного масштаба по-прежнему велика, с ней поддерживают тесные связи общественные корреспонденты, читатели.

-
1. Путь Ленина. – 1986. – 22 мая (№ 61). - С. 3.
 2. Снытко, В.А. Ностальгия. Рассказы, очерки / В.А. Снытко. – Брянск: «Десна», 2007. - С. 132 – 135.

Е.В. Званская,
*ведущий специалист,
ГБУК «Брянская областная
научная универсальная
библиотека им. Ф.И. Тютчева»*

Из истории библиотек Брянской губернии (1920-1929 гг.)

В 20-х годах XX века очередной этап формирования Брянского края как отдельной административно-территориальной единицы проходил на фоне значительных изменений в экономической жизни молодой Советской республики. Образование Брянской губернии совпало с отказом руководства страны от политики военного коммунизма и переходом к новой экономической политике.

Все эти перемены существенно повлияли на построение культурно-просветительской деятельности на территории Брянщины.

30 июля 1919 г. НКВД предоставил Брянскому уездному исполкому и его отделам права губернских учреждений РСФСР с расширением сферы его власти на Брянский, Карачевский,

Трубчевский и Севский уезды Орловской губернии и Жиздринский уезд Калужской губернии.

Окончательное оформление Брянской губернии было завершено постановлением Совета Народных Комиссаров от 1 апреля 1920 года и декретом Совета Народных Комиссаров от 6 апреля 1920 года «Об образовании Брянской губернии», подписанным В. И. Лениным.

В 1923 году в Брянскую губернию был включен Почепский уезд Гомельской губернии. Это привело к ликвидации в 1924 году Трубчевского уезда.

В 1927 году в связи с расформированием Гомельской губернии в состав Брянской вошли Новозыбковский, Стародубский и Клинцовский уезды [1].*

Главным направлением в области образования и просвещения руководство страны считало совершение «культурной революции», целью которой было формирование у населения социалистического мировоззрения и превращение культуры в достояние широких народных масс. Но главным препятствием на пути реализации этих задач стала неграмотность большей части населения страны.

Так, согласно переписи 1920 года, лишь 27% населения Брянской губернии были грамотными. Причем основная масса из них была городскими жителями. 64% мужчин и почти 90% женщин, проживающих в сельской местности, не умели ни читать, ни писать [2].

Процент грамотного сельского населения в Брянской губернии был самым низким по сравнению с другими юго-западными губерниями Центра России (Калужской, Орловской и Гомельской) [3]. Поэтому первоочередной задачей культурно-просветительской работы стала ликвидация неграмотности. Наряду со школами обязанность эта возлагалась и на библиотеки.

Библиотечное дело в Брянской губернии развивалось стихийно. Статистические сведения, имеющиеся в отчетах орга-

* Здесь и далее даны ссылки на источники (список – в конце статьи).

нов местной исполнительной власти, часто весьма противоречивы. Так, в Отчёте Брянского губернского Исполкома Совета Рабочих Крестьянских Красноармейских Депутатов за май-ноябрь 1921 г. приводятся следующие цифры по количеству культурно-просветительных учреждений губернии: общее число библиотек – 239, изб-читален – 799, библиотек при избах-читальнях – 640 [4].

В Отчёте Брянского губернского экономического совещания на 1 октября 1921 г. указываются другие сведения: общее число библиотек – 286, изб-читален – 804, библиотек при избах-читальнях – 334. Также в этом отчёте сообщается, что библиотеки в губернии функционируют довольно правильно, но цифровых данных об их посещаемости не имеется [5].

Переход к новой экономической политике, децентрализация всего хозяйственного управления и разграничение общегосударственного и местных бюджетов затронули народное образование и культурно-просветительскую работу так, как ни одну другую сферу государственной деятельности. На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 18-го апреля 1922 г. на финансирование из местного бюджета были переведены все учреждения народного образования, культуры, здравоохранения и социального обеспечения [6].

В качестве привлечения местных средств были проведены следующие мероприятия:

- 1) самообложение сельского населения;
- 2) прикрепление культурно-просветительных учреждений к хозяйственным и профессиональным организациям.

На протяжении нескольких месяцев 1922 года путём самообложения сельского населения на содержание учреждений и обеспечение работников поступило: деньгами – 33425000 руб. (денежными знаками 1921 года), хлеба – 7044 пуда, картофеля – 2000 пудов, круп – 69 пудов, жиров – 11, 5 пудов. За полугодичный период передано на хозяйственное обслуживание фабрично-заводским предприятиям, партийным организациям 155 культурно-просветительных учреждений (10,3%) [7].

Однако эти мероприятия оказались недостаточно эффективными, что привело к необходимости приступить к сокращению и переустройству сети учреждений культуры.

С 1 января по 1 апреля 1922 года количество библиотек было сокращено на 51,6% [8]. Персонал библиотек за тот же период сократился на 30% [9]. Многие библиотеки были расхищены, уцелело лишь то, что было спрятано в школах или на квартирах у библиотекарей. Государственные средства выделялись только на зарплаты работникам центральных библиотек, а оплата труда сотрудников волостных и уездных учреждений культуры не производилась с начала 1922 года [10].

Сеть изб-читален, насчитывающая на начало 1922 года более 500 учреждений, к апрелю этого же года практически перестала существовать [11]. Но так как избы-читальни были основными и зачастую единственными пунктами культурного просвещения в сельской местности, возникла необходимость возобновить их работу. На заседании агитационного отдела Брянского губернского исполнительного комитета к лету 1922 года была утверждена примерная сеть из 17 изб-читален (по 3 – в Карачевском, Севском, Бежицком и Трубчевском уездах и 5 – в Жиздринском) [12]. Для осуществления финансирования вновь открываемых изб-читален решено было прикрепить их к ближайшим учреждениям, кооперативам, земельным отделам, а также привлечь местное население.

Весь 1922-ой и начало 1923 года работа Губернского отдела политпросвещения заключалась в основном в поисках путей выхода из кризисной ситуации. Среди первоочередных задач работы Губполитпросвета значились:

- 1) повышение интереса к культпросветработе партийных и советских организаций;
- 2) установление связи с уездными и волостными органами исполнительной власти;
- 3) снабжение уездных и волостных учреждений культуры необходимыми средствами.

На очередном Губернском съезде Советов была принята резолюция об отпуске дополнительных средств на политпросветработу. В декабре 1922 года прошло губернское совещание уездных отделов культпросветработы.

В конце февраля – начале марта 1923 года были созваны уездные конференции работников политпросветов, от уездных отделов были получены отчёты о работе за 1922 год.

В центральной губернской библиотеке было создано методическое объединение городских библиотекарей. Проводилось обследование и комплектование библиотек губернии.

Большое внимание уделялось работе изб-читален, которые должны были стать настоящими центрами культуры и просвещения в деревне. С каждым годом количество изб-читален увеличивалось: в 1924-25 бюджетном году их было 76 [13], в 1925-26 – 118 [14], на 1 октября 1927 года изб-читален по губернии насчитывалось 237, из них бюджетных 185 и еще 52 содержались за счет профсоюзов и местного населения [15].

Избы-читальни совмещали в своей деятельности функции библиотеки и клуба и выполняли следующие виды работ:

- а) выдача книг;
- б) громкое чтение газет и журналов;
- в) организация бесед и докладов;
- г) организация различных кружков (сельскохозяйственных, самодеятельности, шахматных и т.д.);
- д) участие в проведении посевных и уборочных кампаний;
- е) проведение политических кампаний;
- ж) справочная работа.

Этот вид деятельности изб-читален должен был стать основным и самым важным. Но работа велась недостаточно развернуто из-за отсутствия подготовленных избачей. Нехватка сотрудников, маленький опыт работы и недостаточный уровень их образования, текучесть кадров из-за низких зарплат – все это делало невозможным постановку справочной и другой работы изб-читален на должный уровень.

Несмотря на постепенное увеличение финансирования культпросветучреждений, материальное положение их было всё ещё неудовлетворительным. Многие избы-читальни размещались в ветхих зданиях без света и тепла, с провалившимися полами и дырявыми крышами. В некоторых избах-читальнях не было даже скамеек, и крестьянам, пришедшим послушать какой-либо доклад, приходилось сидеть на полу. Из-за отсутствия зимой дров некоторые избы-читальни на протяжении 2-3 месяцев были закрыты и не вели никакой работы. Недостаток средств не позволял пополнять избу-читальню новой литературой, а также выписывать необходимые для работы газеты и журналы.

К 1928 году количество изб-читален по губернии увеличилось до 263. Из них 215 содержались за счет бюджета, 49 – на средства различных организаций [16].

Но и этого было недостаточно, чтобы охватить культпросветработой все населённые пункты Брянской губернии. Всесоюзной переписью населения 1926 года на всей территории губернии в границах на 1-е января 1927 года были зарегистрированы 2 006 623 человека, из которых 85,2% (1 709 024) проживали в сельской местности [17]. Количество сельских населённых пунктов по данным той же переписи составило 8410 (помимо сёл и деревень к таким населённым пунктам относились также посёлки, выселки, хутора, лесные сторожки и железнодорожные будки) [18]. То есть одна бюджетная изба-читальня приходилась в среднем на 39 сельских населённых пунктов и обслуживала около 8000 человек.

Для того чтобы максимально приблизить книгу к читателю, создавались библиотеки-передвижки. Они обслуживали населённые пункты, в которых не было изб-читален и стационарных библиотек. В 1926 году фонд библиотек-передвижек Брянской губернии насчитывал чуть более 40 тыс. книг [19]. В каждом населённом пункте такая передвижная библиотека оставалась на срок от двух до четырёх недель. Трудность в работе библиотек-передвижек заключалась в том, что их деятельность было сложно контролировать. Фонд каждой отдельной

библиотеки-передвижки и без того маленький не пополнялся и не обновлялся на протяжении многих месяцев.

Культпросветработа в создаваемых на территории губернии колхозах практически не велась. Лишь в нескольких коммунах имелись свои избы-читальни. Культурно-просветительные учреждения, находившиеся в непосредственной близости от коммун, их не обслуживали. Средств, отпускаемых правлениями колхозов на культурно-просветительскую работу, было недостаточно. От 30 до 100% членов коммун были неграмотными [20].

Библиотеки Брянской губернии как отдельные самостоятельные учреждения культуры, в своём развитии также столкнулись с большими трудностями. К 1923 году сеть их сократилась в десятки раз. В 1923-24 бюджетном году были приняты на финансирование всего 12 библиотек [21]. Лишь к 1928 году в каждой волости Брянской губернии была создана своя волостная библиотека [22]. К 1929 году общее число библиотек в губернии увеличилось до 65 [23].

Начиная с 1925-26 бюджетного года, в статистических отчётах больше не значится упоминаемая до сих пор центральная губернская библиотека. Можно предположить, что она была либо расформирована, либо утратила свой статус библиотеки общегубернского значения.

К концу 1926 года в губернии были окончательно сформированы самостоятельные волостные бюджеты [24]. Избы-читальни и волостные библиотеки финансировались как отдельные учреждения, но, несмотря на это, на местах зачастую сохранялась тенденция экономить на культпросветработе. Происходило слияние библиотек с избами-читальнями, ставка библиотекаря сокращалась, книжный фонд передавался избачу, экономленные средства расходовались по другому назначению [25].

Основными трудностями в работе волостных библиотек являлись те же проблемы, что были характерны и для избы-читален: недостаточное финансирование, низкие зарплаты библиотекарей, слабая подготовка кадров, нехватка необходимой литературы, газет и журналов.

Сеть городских библиотек развивалась несколько лучше волостных. В 1926 году в Брянске функционировали три библиотеки. При центральной городской библиотеке имелось детское отделение. Читателями являлись 1384 человека [26]. Зарплата библиотекаря составляла 37 рублей 50 копеек [27]. Фонд центральной городской библиотеки был пополнен на сумму 1300 рублей. Однако и этого было недостаточно, учитывая возрастающие запросы читателей. Библиотека также не в состоянии была должным образом развернуть все виды библиотечной работы из-за отсутствия подходящего помещения. Читальня была переполнена людьми, которым приходилось заниматься в стеснённой обстановке при отсутствии необходимого оборудования. Со стороны городского Совета, который неоднократно принимал постановление о переводе библиотеки в более подходящее помещение, никаких мер принято не было [28].

В Клинцах с 1925 года действовали две городские библиотеки. В 1927 году количество читателей в них было 2859 человек, число посещений составило 67993, книг было выдано 80671, проведены 16 литературных вечеров и организованы 208 книжных выставок [29].

Основными задачами в работе городских библиотек являлось качественное и количественное пополнение фондов, а также повышение квалификации сотрудников.

Достаточно быстро в Брянской губернии, как и по стране в целом, развивалась сеть профсоюзных библиотек. В 1925 году по губернии их насчитывалось 92 с общим фондом 106198 книг. В 1926 году сеть профсоюзных библиотек увеличилась до 200 с фондом 197082 книги [30]. На 1-е апреля 1928 года профсоюзы губернии насчитывали уже 386 библиотек [31].

В качестве меры по привлечению читателей профсоюзными библиотеками была опробована такая форма работы, как книгоношество. Одна из первых книгонош была организована еще в 1922 году в Брянске на Мехартзаводе. Фонд ее составил около 500 книг [32]. Книгоношеством занимался, как правило, библиотекарь заводской библиотеки. Иногда в помощь ему

назначался один уполномоченный от цеха. Работа книгоноши заключалась в том, чтобы в обеденный перерыв обходить цеха и предлагать рабочим для чтения ту или иную книгу. Такой вид библиотечной деятельности вскоре хорошо себя зарекомендовал. Это позволяло заинтересовать рабочих в чтении и привлечь их в библиотеки уже в качестве постоянных читателей.

Постепенно книгоношество распространилось на всех крупных заводах Брянска и губернии. Работа эта вышла за пределы предприятия, и профсоюзные библиотеки создавали свои библиотеки-передвижки, обслуживающие рабочих, проживающих в сельской местности. В 1927 году библиотек-передвижек в профсоюзах губернии насчитывалось 273. К 1928 году количество таких передвижных пунктов возросло до 487 [33]. Особенно широко этот вид работы использовался в профсоюзах текстильщиков и металлистов. Книгоноши и сотрудники библиотек-передвижек чаще всего работали на общественных началах.

Для повышения квалификации библиотекарей летом 1927 года Губернским Союзом профессиональных союзов были организованы курсы библиотечных работников. Курсы длились 12 дней (с 16 по 27 августа), обучались на них 27 человек. Программа курсов была рассчитана на 80 часов: 22 часа уделялось вопросам технической работы библиотек (классификации, каталогизации и т.д.), 46 часов – вопросам методической работы (изучение запросов и интересов читателя, пропаганда книги, вопросы самообразования), 12 часов было посвящено вопросам общего характера. По результатам учебы 16 человек были рекомендованы в качестве заведующих библиотеками, 3 человека – в качестве помощников заведующих, 8 – заведующими красными уголками [34].

Необходимость проведения библиотечных курсов диктовалась повышением уровня сложности библиотечной работы и возрастающими требованиями к профессиональным качествам библиотекарей. Летом 1928 года продолжительность курсов была увеличена до 31 дня [35].

Основным недостатком в работе библиотек профсоюзов называлась их изолированность от сети государственных массовых библиотек.

За почти десятилетие культурного строительства в Брянской губернии сеть библиотек и изб-читален развивалась все ещё недостаточно устойчиво. Рост количества культпросветучреждений не мог компенсировать неудовлетворительного качества их работы. Среди основных проблем, тормозящих работу библиотек, называлось отсутствие должного внимания к ним со стороны партийных, советских и общественных организаций, недостаток материальной и организационной помощи.

Но, несмотря на все проблемы экономического и административного характера, библиотеки продолжали жить и развиваться, стараясь выполнять возложенную на них функцию содействия просвещению и самообразованию человека.

-
1. Административно-территориальное деление Брянского края за 1916 – 1985 гг. – Тула, 1987. – С. 51.
 2. Краткий Статистический Справочник по Брянской губ. / С.С.С.Р., Брян. Губ. Стат. Бюро. – [Орёл], 1924. – С. 20 – 23.
 3. Мищенко, Т.А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: традиции и новации / Т.А. Мищенко. – Брянск, 2009. – С. 182.
 4. Отчёт Брянского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и красноармейских Депутатов IV Съезду Советов губернии за май-ноябрь 1921 года. – Брянск: Государственная типография, 1921. – С. 81.
 5. Отчёт Брянского Губернского Экономического Сопещения / Брян. Губерн. Экон. Сопещение (ГЭКОСО). – Брянск: 1-я Типография Брянского Губсовнархоза, 1921. – С. 139.
 6. Отчёт Брянского Губернского Исполнительного Комитета 4-го созыва 5-му Губернскому Съезду Советов. – Брянск, 1922. – С. 39.

7. Отчёт Брянского Губернского Экономического Совещания. – Брянск, 1922. – С. 166.
8. Там же. С. 172.
9. Там же. С. 436.
10. Отчёт Агитпропотдела Губкома // Коммунист. – 1923. - № 3. – С. 102 – 104.
11. См. п. 9.
12. Шум. Избы-читальни // Коммунист. – 1922. - № 15. – С. 11 – 12.
13. Местный бюджет Советов Брянской губернии на 1924-25 бюджетный год. – Орёл, 1925. – С. 100 – 101.
14. Местный бюджет Советов Брянской губернии на 1925-26 бюджетный год. – Брянск, 1926. – С. 204 – 205.
15. Отчёт Брянского Губкома ВКП (б) к XIV Губпартконференции, январь - октябрь 1927 года. – Брянск, 1927. – С. 94.
16. Клоков. Изба-читальня на культурном фронте // Коммунар. – 1928. - № 7. – С. 23 – 27.
17. Население Брянской губернии по данным переписи 1926 года // Брян. губерн. стат. отдел. – Брянск, 1927. – С. 5.
18. Там же. – С. 16.
19. Ильенков. Политпросветработа в губернии и ее перспективы // Коммунар. – 1926. - № 1-2. – С. 55 – 61.
20. Подсосонный, А. Культурная жизнь колхозов / А. Подсосонный // Коммунар. – 1928. - № 21. – С. 32 – 34.
21. Местный бюджет Советов Брянской губернии на 1924-25 бюджетный год. – Орёл, 1925. – С. 96 – 97.
22. Отчёт Брянского Губкома ВКП(б) к XV Губпартконференции. – Брянск, 1928. – С. 61.
23. Контрольные цифры хозяйства и культурного строительства Брянской губернии на 1928-1929 год / [Брян. Губерн. План. Комиссия]. – Брянск, 1928. – С. 105.
24. Исаков, А. Советская волость и село / А. Исаков // Коммунар. – 1926. - № 10-11. – С. 61.
25. См. п. 19.

26. Отчет о работе Брянского Городского совета Р.К. и Красноармейских Депутатов созыва 1925-26 годов. – Брянск, 1927. – С. 76.
27. Там же. – С. 73.
28. Резников, Н. Политпросветработа в связи с решениями 15-го партсъезда / Н. Резников // Коммунар. – 1928. - № 1. – С. 54 – 58.
29. Злотник, М.Л. Книгу в массы! / М.Л. Злотник // Коммунар. – 1928. - № 14. – С. 52 – 56.
30. Профсоюзы Брянской губернии в 1926 г.: Отчёт к VII съезду профессиональных союзов. – Брянск, 1927. – С. 136.
31. Профсоюзы Брянской губернии в 1927-1928 году.: Отчёт к VIII съезду профессиональных союзов губернии, октябрь 1928 г. – Брянск, [1928]. – С. 96.
32. Фалькунова, В. Книгу – к читателю / В. Фалькунова // Коммунист. – 1922. - № 18-19. – С. 32.
33. См. п. 31.
34. Лугов, Е. Курсы библиотечных работников / Е. Лугов // Коммунар. – 1927. - № 14. – С. 27 – 28.
35. Профсоюзы Брянской губернии в 1927-1928 годах. – Брянск, [1928]. – С. 105.

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	3
Дубровский А.М. Отечественная война 1812 года: в поисках точного знания.....	3
Ракитин А.С. Из истории формирования сообщества беломестных казаков юга Московского государства в первой половине XVII в.....	23
Кондратенко А.И. Боевая красноармейская (газета Брянского фронта «На разгром врага»).....	31
Гехтляр С.Я., Пугачева О.В. Краеведческая печать о благотворительности и благотворителях.....	47
Ронжин А.В. О некоторых документах фондов личного происхождения Государственного архива Брянской области.....	54
Поляков Г.П. Брасовские страницы воспоминаний Орловского губернатора А.Н. Трубникова.....	59
СЕКЦИЯ 1. ВЕХИ ИСТОРИИ БРЯНСКОГО КРАЯ	68
Деханов В.Г. Утраченная и исчезающая старина Брянска.....	68
Алексеев В.П. Начало истории села Селечни.....	71
Соловьев Ю.П. Брянское Братское военное гарнизонное Кладбище.....	75
Снытко Э.В. Воспоминания В.С. Талюко как исторический источник.....	88
Соловьев Ю.П. Военное духовенство в Брянске.....	97

Брянцев М.В. Протестное движение рабочих в 1921 г. (на материалах Государственного архива Брянской области).....	132
Кляченков Е.А. Оппозиционные социалистические партии и большевики на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917-1924 гг.).....	146
Голик Н.А. Унечский период в жизни Николая Щорса.....	164
Кукатов А.В. Александр Кобацкий – агент четырех разведок. Дневник Дмитрия Степановича Кобацкого. Неизвестные страницы из истории Брянщины.....	179
СЕКЦИЯ 2. УРОЖЕНЦЫ БРЯНСКОГО КРАЯ	192
В.П. Алексеев. Козловка и Козловская волость.....	192
В.Г. Деханов. Малоизвестный наш земляк.....	199
А.З. Дмитрировский. Учительница навсегда.....	203
Слуцкая Т.К. Мария Семеновна Хитрово – княгиня Долгорукова.....	213
Никулина С.А. Закладные таблички и плита XVIII-XX веков храмов Брянщины в фондах БГОКМ.....	224
Афонина Л.И. Сергей Иванович Мальцов: социокультурная деятельность в Мальцовском промышленном районе во второй половине XIX в.....	231
Глотов С.В. Родословие Героя Советского Союза Степана Петровича Лоскутова.....	237
Скороход Г.Н. Мельников Николай Никифорович – Герой Советского Союза.....	249

СЕКЦИЯ 3. КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ БРЯНСКОГО КРАЯ. ИСТОРИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ	253
Мажукина А. Локальные особенности женского костюма села Ружное Карачевского района Брянской области.....	253
Кочергина М.В. Духовная культура русского старообрядчества: региональный аспект.....	272
Чубур А.А. Из истории археологии Брянской области. Виктор Яковлевич Сергин: земля костяных домов (к 75-летию со дня рождения).....	321
Федькина Н.Г. Вклад меценатов в развитие низших учебных заведений в России (на примере деятельности М.К. Тенишевой, П.С. и С.С. Могилевцевых).....	337
Киселева Е.В. Образ героя в региональных текстах агитации и пропаганды 1917-1920 гг. (на материалах Орловской и Брянской губерний).....	346
Пугачева О.В. Жанровое разнообразие в публикациях краеведческой, исторической и биографической тематики.....	359
Снытко В.А. Районная пресса 30-80х гг. XX века (на примере Красногорского района Брянской области).....	365
Званская Е.В. Библиотеки Брянской Губернии (1920-1929 гг.).....	379

Рис. 1. Фрагмент плана Орловской губернии города Брянска 1802 года. Масштаб: в 1 английском дюйме – 400 сажен. Здесь хорошо видны 13-й и 14-й городские кварталы, вдающийся в овраг мыс, на котором позже расположились военное, католическое и еврейское кладбища. Также хорошо видна «большая дорога в город Трубчевск» – ныне часть Красноармейской улицы. Буквой К на плане обозначена Хлебная площадь, на территории которой сейчас расположен в том числе и Брянский автовокзал.

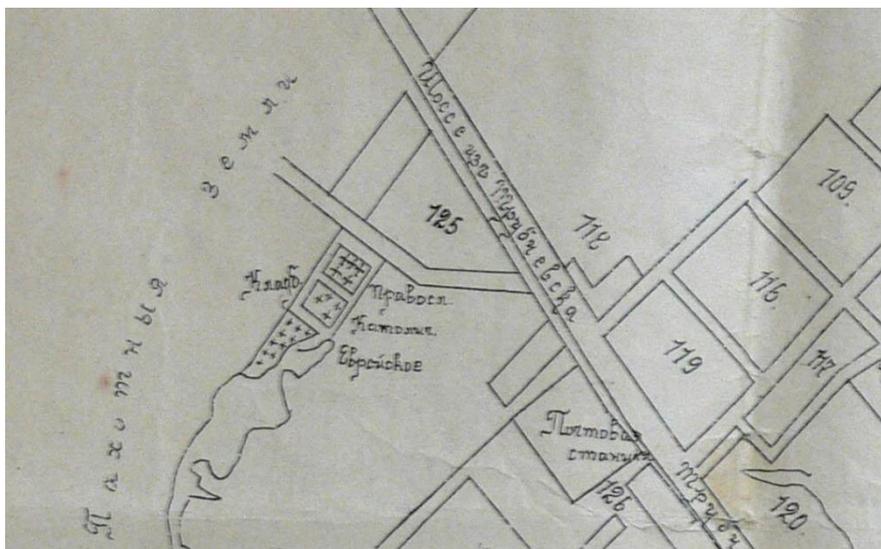

Рис. 2. Та же местность на плане Брянска, составленном в марте 1906 года. Под православным участком кладбища следует понимать Военное гарнизонное братское кладбище. Масштаб: в 1 английском дюйме – 400 сажень.

Рис. 4,5. Могила священника Брянского егерского генерал-адъютанта князя Горчакова полка протоиерея Василия Самуиловича Смирнова на Севастопольском братском кладбище.

Рис. 6. Храмы брянского Христо-Рождественского прихода в начале XX века. Тот, что побольше – Введенский храм, занятый в 1888 г. под церковь 143-го пехотного Дорогобужского полка. Поменьше – храм в честь Рождества Христова. Вид на Рождественскую гору (ныне бульвар Гагарина) из-за Десны. Фото предоставлено Л.В. Разумовой.

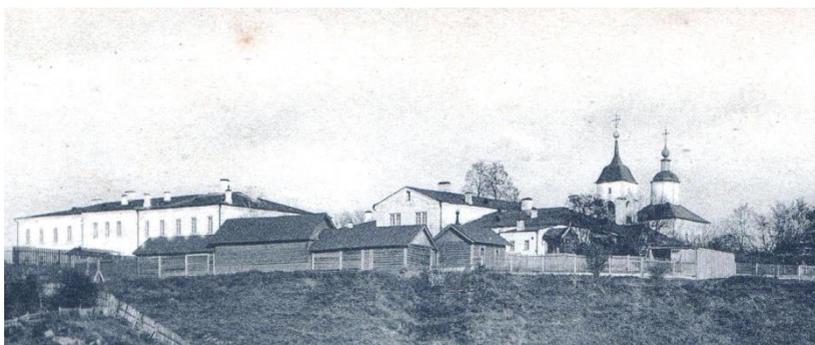

Рис. 7. Застройка Покровской горы в начале XX века. Вид от современной дамбы. Хорошо виден храм Покрова Пресвятой Богородицы, старый городской собор, с 1896 г. – церковь 144-го пехотного Каширского полка. Открытка из коллекции О.Евсука

Рис. 8. Священник Петр Владимирович Разумов среди офицеров 144-го пехотного Каширского полка. Фото сделано в Брянске весной 1911 года. Внизу – подпоручик Евгений Алексеевич Шевченко 2-й; во втором ряду слева направо – капитан Александр Титович Болтуц, полковой священник Петр Владимирович Разумов и неизвестный подполковник; в третьем ряду слева направо – капитаны Алексей Иванович Голохвастов и Александр Васильевич Зубковский. Фото предоставлено Л.В. Разумовой.

Рис. 9. Священник Каширского полка Петр Владимирович Разумов со своими детьми. Слева направо: Константин, Евгения, Юрий и Валентина Разумовы. Пожилая женщина рядом с отцом Петром – возможно, квартирная хозяйка. Фото сделано в Брянске 5 сентября 1913 г. Вероятно, во дворе дома, на месте которого в 1950-х был выстроен дом книги (ул. Фокина). Предоставлено Л.В. Разумовой.

Рис. 10. Священник Каширского полка отец Петр Разумов (в центре, разговаривает с сестрой милосердия) в лагере для военнопленных, 1914-1916 гг. Предоставлено Л.В.Разумовой.

Рис. 11. Православная церковь, обустроенная отцом Петром Разумовым и офицерами Каширского полка в лагере для военнопленных Целле, Ганновер. Пасха 1916 года. Предоставлено Л.В. Разумовой.

Рис. 12. Отец Петр Разумов (второй слева, с газетой на коленях) в лагере для военнопленных Целле. Предоставлено Л.В. Разумовой.

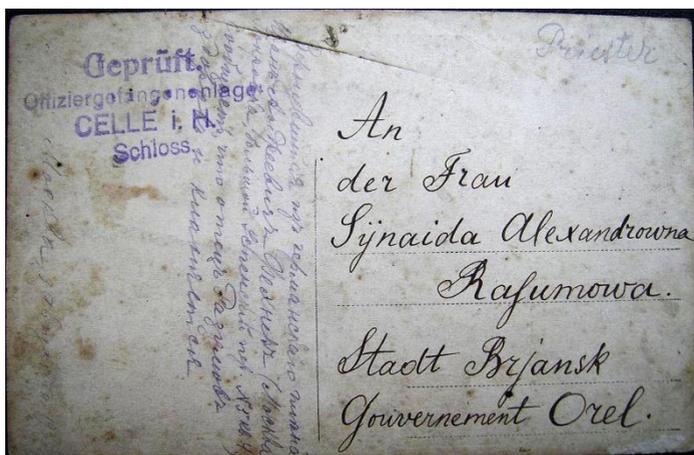

Рис. 13. Обратная сторона той же фотографии. Здесь слева стоит штамп «Проверено. Офицерский лагерь для военнопленных в замке Целле», справа вверху карандашом написано «Priester» - священник, а ниже поименован адресат, которому фото пересылалось: госпоже Зинаиде Александровне Разумовой, город Брянск Орловской губернии.

Рис. 14. Отец Петр Разумов на смертном одре. Лагерь Целле, 1916 г. Предоставлено Л.В. Разумовой.

Рис. 15. Иеромонах Площанской пустыни Евтихий (Тулупов), священник 289-го пехотного Коротоякского полка. Фото из иллюстрированного приложения к газете «Новое время». Оригинальная подпись гласит: «Монах-воин. Полковой священник иеромонах Евтихий (Тулупов) с своими певчими. О. Евтихий был убит в бою, идя в епитрахили, с крестом в руках, впереди атакующего полка» (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1915. №14240. 31 октября. С.8).

Рис. 16. Отец Григорий Иванович Шахов, полковой священник 143-го пехотного Дорогобужского полка. Брянск, 1913 г. Фото из коллекции О. Евсука.

Рис. 17. Педагоги и воспитанники Свенской детской колонии. Начало 1920-х. В центре, вероятно, Григорий Иванович Шахов, бывший священник 143-го пехотного Дорогобужского полка, и Зинаида Александровна Разумова, вдова священника 144-го пехотного Каширского полка. Предоставлено Л.В. Разумовой.

Рис. 18. Автор мемуаров Дмитрий Степанович Кобацкий

Рис. 19. Дмитрий Степанович Кобацкий с внуками Дмитрием и Александром

Рис. 20. Александр Кобацкий и Элеонора Штирнер

Рис. 21. Элеонора Орлова-Штирнер и сыновья Орлова – Джордж и Роберт (фотография, присланная Дмитрию Степановичу Копацкому).

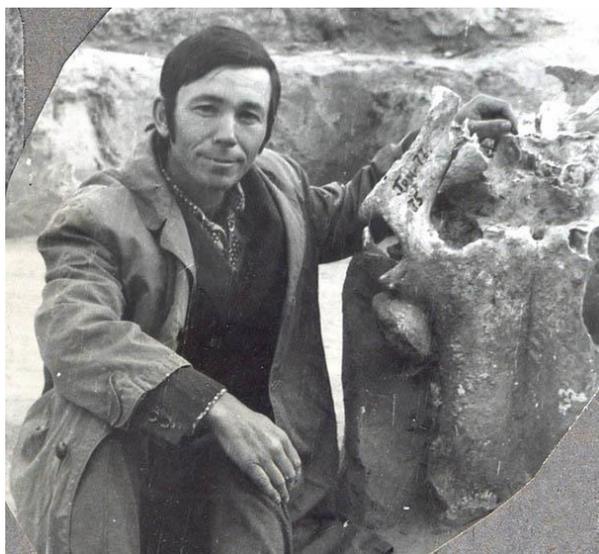

Рис. 22. В.Я. Сергин на раскопках стоянки Гонцы у черепа мамонта из основания палеолитического жилища. Лето 1977 г.

Рис. 23. В.Я. Сергин (в центре) со студентами, раскопки стоянки Гонцы, 1977 г.

Рис. 24. Доктор исторических наук В.Я. Сергин. Фото 2009 г.